

801-15
2147

В. С. ПЕРЕДОЛЬСКІЙ

сдл

РЫТОВЫЕ ОСТАТКИ

НАСЕЛЬНИКОВЪ ИЛЬМЕНСКО-ВОЛХОВСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ

И ЗЕМЕЛЬ

ВЕЛИКО-НОВГОРОДСКАГО ДЕРЖАВСТВА

КАЖЕННАГО ВѢКА

Объясненіе Археологической выставки въ Николаевскомъ дворцѣ
въ С.-Петербургѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13

1893

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 іюля 1893 г.

45849-0

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	ix

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Бытовые остатки каменнаго вѣка.—Мѣста находокъ.— Значеніе ихъ	1— 2
I. Великій Новгородъ. Положеніе его.—Славенскъ.— Городище и Нередица.—Славенская сторона.—Нерев- ская сторона.—Порядокъ изложенія объясненій.— Вѣка развитія и роста человѣчества.	2— 9
Первый столъ. Находки Новгородскія.—Толща жилого слоя подъ современнымъ городомъ.—Слои, ле- жащіе подъ нимъ.—Находки окрестностей и Вотьской пятины.—Славенскій конецъ древнѣе прочихъ че- тырехъ.	9— 14
II. Коломцы. Положеніе этого урочища.—Соименныя Ко- ломцамъ селенія и урочища.—Объясненіе названія ихъ Второй столъ. Чертежи Коломцовъ и окрестно- стей.—Разрѣзъ площади раскопокъ и сосѣдней.— Слои, обнаруженные раскопками на Коломцахъ и въ окрестностяхъ ихъ и Новгорода.—Жилой перегной Коломецкой площади.—Необходимыя для объясненія находокъ положенія геологіи, палеонтологіи и архео- логіи	14— 19 19— 44

	СТР.
III. Юрьевскій Жальникъ. Мѣстоположеніе.—Плоскій курганъ.—Костяки.—Обстановка погребенія.—Курганы Полевые и Горскій	44— 52
Третій столъ. Чертежъ Жальника съ означеніемъ на немъ кургановъ Полевыхъ и Горскаго.—Находки.—Намогильный памятникъ въ видѣ буквы Z.—Плитка съ крестикомъ.—Черепокъ съ такимъ же крестикомъ.—Грубья кремневая подѣлки.—Черепки глиняной посуды.—Огромные нуклеусы-ядрища	52— 55

Находки Коломецкія.

Пространство Коломецкой площади.—Огромное количество и разнообразіе находокъ.—Способы объясненій подѣлокъ человѣка каменнаго вѣка

55— 57

Кость и рогъ.

Преобладаніе грубыхъ подѣлокъ, похожихъ на естественные осколки.—Тщательно обработанныя орудія.—Подѣлки изъ рога.—Рукоятки и топорща.—Сравнительный обзоръ костяныхъ и роговыхъ подѣлокъ

57— 63

Твердыя и мягкія горныя породы.

Валуны поддонной морены.—Отсутствіе ихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Коломцовъ и Новгорода.—Гранитъ.—Сіенитъ.—Кварцъ.—Кремень.—Песчаникъ.—Плитнякъ.—Сланцы.—Абсестъ.—Роговики.—Округленныя гальки.—Обработка сланца.—Сравнительный обзоръ сланцевыхъ подѣлокъ

63— 71

Кремень, Роговикъ, Кварцъ.

Мѣстности кореннаго залеганія этихъ породъ.—Способъ обработки ихъ.—Подѣлки грубья.—Виды ихъ. Подѣлки изящныя.—Особенное значеніе скребковъ.—

Сравнительный обзоръ.—Мастерскія каменныхъ орудій	71— 88
---	--------

Черепки глиняной посуды.

Начало глиняныхъ издѣлій.—Размѣры и внѣшній видъ сосудовъ.—Глины.—Составъ и цвѣтъ.—Коренныя залеганія.—Пригаръ и копоть.—Узоры.—Способъ нанесенія ихъ.—Слѣды гончарнаго промысла.—Сравнительный обзоръ

88—104

Кости животныхъ.

Обломки сочленовыхъ головокъ.—Способъ отдѣленія ихъ отъ трубчатой части.—Преобладаніе костей жвачныхъ животныхъ.—Зубы.—Птичьи кости.—Отсутствіе знаковъ отъ зубовъ собаки на всѣхъ костяхъ.—Рыбьи позвонки и обломки челюстей.—Нѣкоторыя особенныя находки

104—115

Привѣски и украшенія.

Янтарь.—Просверленные зубы преимущественно хищниковъ.—Амулетъ изъ черепной кости человѣка.—Пальцевая фаланга небольшого звѣрка.—Привѣски изъ песчаника и сланца.—Слюдяной привѣсокъ.—Обломки колець.—Костяная буса.—Глиняная буса.—Головка птицы.—Головка, похожая на мамонтову.—Головка человѣка.—Костяная и сланцевая пластинки съ счетными зарубками.—Зубъ быка.—Подѣлка, похожая на лодочку

115—129

Кости человѣка.

Черепъ и Кости коломецкихъ жителей.—Черепъ Новгородцевъ временъ предлѣтописныхъ и лѣтописныхъ.—Костякъ Юрьевскаго жальника.—Обстановка захороненія костей человѣка.—А) На Коломцахъ.—Б) Въ Великомъ Новгородѣ.—В) На Волховскомъ берегу

130—164

Видъ череповъ и прочихъ костей человѣка.

А) Коломецкіе черепа и кости. — Описаніе каждаго изъ девяти череповъ и нѣкоторыхъ особенностей частей костяковъ. — В) Черепа и костями Юрьевского жальника. — Б) Черепа Новгородскіе и бережные . 164—189

Сравнительный очеркъ костей человѣка.

Сравненіе: съ найденными на Западѣ Европы черепами Канштатскими и съ частями костяковъ Кроманьонскихъ. — Съ открытыми въ Россіи — Волосовскимъ, Ладожскими и Курганными каменнаго и послѣдующихъ вѣковъ 189—204

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Значеніе бытовыхъ остатковъ каменнаго вѣка для научныхъ изысканій.

Условія, при которыхъ находки могутъ имѣть научное значеніе для изучаемой мѣстности. — Значеніе Коломецкихъ и Новгородскихъ находокъ каменнаго вѣка для научныхъ изысканій 207—213

А. О первоначальникахъ Европы.

Ильменская страна заселена ледниковыми Европейцами сряду по отступленіи Скандинаво-Русскаго ледника. — Ильменцы сѣли въ нашемъ побережьи огромною ордою. — Имъ присуща семейная и общественная жизнь. — Промыслы, зачатки искусства. — Сношенія съ обитателями Европы полночно-западной и полночно-восточной и съ полночною Азією. — Ильменская страна заселена со временъ мамонта. — Въ ней были времена межледниковья и второго охладженія. —

Ледниковые Европейцы-Ильменцы пережили тѣ и другія 213—230

Б. О родоначаліи Славяно-Руссовъ.

- I. **Черепя.** Указанія череповъ Коломецкихъ, Курганныхъ и Новгородскихъ лѣтописныхъ 231—239
- II. **Рѣчь.** Сравнительное языковѣдѣніе и его выводъ о языкѣ Славяно-Литовскомъ, какъ праязыкѣ для говоровъ современныхъ Европейцевъ. — Сходство нѣкоторыхъ нашихъ словъ съ западно-европейскими, сибирско-азиатскими и верхне-американскими однозначащими. — Сходство нѣкоторыхъ обычаевъ, особенно погребальныхъ 239—251

А. Славенская рѣлка.

Значеніе словъ рѣль, рля, рѣлка, происходящихъ отъ глагола рыть, нарывать, наносить теченіемъ воды. — Мѣстность съ именемъ «Славенская рѣлка» 251—253

Б. Гора, островъ, озеро, посидѣнье, слѣдъ.

Наименованіе населенныхъ мѣсть, указывающее на водоемы второго охладженія Европы. — Возможность прирученія человѣкомъ животныхъ во время водоемовъ. — Прирученіе началось съ млекопитающихъ жвачныхъ 254—257

В. Гора Нередница.

- Происхожденіе названія этой горы. — Невры Геродота и другихъ древнихъ писателей — родоначальники Литовцевъ. — Причины сходства Славяно-Русскаго языка съ Литовскимъ и родоначалія славяно-литовскаго для всей семьи языковъ Европейскихъ. — Гелонь. — Время появленія Невровъ. — Двѣ вѣтви ихъ. — Арьи и Арийцы. 257—275
- III. **Вѣра.** Будины Геродота. — Вѣроученіе буддѣе. — Изображеніе Вожіей Премудрости въ Новгородскомъ Софійскомъ храмѣ. — Основанія и сущность Буддиз-

ма.—Зороастръ и его начала свѣта и тьмы.—Изображеніе правой стороны Новгородскихъ размѣнныхъ единицъ цѣнности, такъ называемыхъ «новгородокъ».—Время появленія этого изображенія и самыхъ серебряныхъ единицъ 275—304

IV. Лѣтопись. Начало Новгородской лѣтописи древнихъ списковъ погбло.—Сборники поздняго, сравнительно, состава въ большинствѣ сомнительны.—Одинъ изъ этихъ даетъ нѣсколько поводовъ видѣть въ немъ отраженіе знакомства составителя его съ Скандинавскими сагами и Исландскими былинами.—Отраженіе преданія о Коломцахъ.—Скора и Воскъ.—Единицы цѣнности съ шкурными именами.—Гривна и Куна.—Колбягъ.—Смердъ.—Меря.—Померяне Варяги.—Сношенія Ильменцевъ-Новгородцевъ съ Западомъ Европы.—Скра Новгородская.—Родоначальники ледниковыхъ Европейцевъ пережили ледниковые вѣка въ черноземной полосѣ Россіи, не захваченной ледникомъ 304—337

Предлежащая книга содержитъ тѣ объясненія, которыя даваемы были посѣтителямъ выставки бытовыхъ остатковъ Ильменцевъ каменнаго вѣка. Она раздѣлена на двѣ части; въ первой описываются самые остатки, съ указаніемъ назначенія и употребленія древнимъ человѣкомъ костяныхъ и каменныхъ подѣлокъ его, а во второй излагаются данныя и соображенія о значеніи этихъ остатковъ для научныхъ изысканій.

Вызванная желаніемъ почитателей отечественной старины вѣковъ незапамятныхъ, высказаннымъ много разъ при обзорѣннн выставки, эта книга писана наскоро, урывками. Много въ ней недосказаннаго, неяснаго, необработаннаго, особенно во второй части, предметъ которой, въ высшей степени важный и дорогой для нашего народа, выдвигается впервые; онъ намѣчаетъ пути къ изысканіямъ о родоначаліи Славяно-Руссовъ.

При всей беззавѣтной любви къ предмету, при всемъ усердіи, одинъ человѣкъ не можетъ осилить его всестороннею разработкою, хотя бы надѣленъ былъ самыми счастливыми дарованіями. Попытка же доступна и заурядному работнику: она и излагается во второй части.

Представляя суду общества первый труд мой о каменномъ вѣкѣ отдаленныхъ нашихъ предковъ, праотцевъ великой Русской семьи, считаю священною обязанностью сказать задушевное спасибо моимъ единственнымъ, неизмѣннымъ и самоотверженнымъ помощникамъ-труженикамъ: воспитательницѣ дочерей моихъ Лидіи Антоновнѣ Подушкиной и моимъ дѣтямъ, Ольгѣ Васильевнѣ, Надеждѣ Васильевнѣ и Владиміру Васильевичу Передольскимъ. Безъ ихъ помощи я не могъ бы преодолѣть трудности и лишения, которыя дали огромное собраніе предметовъ каменнаго вѣка, выставленное въ залахъ Николаевского Дворца только въ половинѣ всего количества находокъ.

Не могу не выразить также искренней благодарности старымъ моимъ товарищамъ, присяжнымъ повѣреннымъ Петербургскаго Судебнаго Округа, пособившимъ устроить выставку и издать книгу о предметахъ ея.

В. Передольскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЫТОВЫЕ ОСТАТКИ КАМЕННАГО ВѢКА.

Выставленные предметы собраны въ трехъ мѣстностяхъ земель Велико-Новгородскаго державства: 1) въ самомъ Новгородѣ, ближайшихъ окрестностяхъ и пятинахъ, т. е. древнихъ областяхъ его; 2) въ урочищѣ «Коломцы», лежащемъ на правомъ берегу рѣки Волхова, у истока изъ озера Ильменя, верстахъ въ шести отъ Новгорода и 3) въ Бѣжецкой пятинѣ, на Юрьевскомъ Жальникѣ, т. е. языческомъ кладбищѣ, у села Юрьева, въ имѣніи И. П. Владимірскаго, въ 200 верстахъ отъ Новгорода.

На трехъ столахъ, у оконъ большой залы, разложены: на первомъ—находки новгородскія, ближайшихъ окрестностей и пятины Вотской, или Водьской или Воцкой (вся Новгородская область дѣлилась въ древности на пять частей, называвшихся пятинами, а самый городъ на пять концовъ, въ каждомъ изъ которыхъ сосредоточено было главное управленіе прилегающею къ нему пятиною); на второмъ и на двухъ этажеркахъ по сторонамъ его—тѣ изъ находокъ «коломецкихъ», которыми объясняются: залеганіе ихъ среди геологическихъ образованій,

толща слоя, содержащаго выкопанные предметы, и нѣкоторые особенно выдающіеся изъ нихъ; на третьемъ— находки Юрьевского жальника и трехъ ближайшихъ кургановъ, двухъ полевыхъ и одного горскаго, расположеннаго на надѣльной землѣ крестьянъ деревни Горки, Кончанской волости Боровичскаго уѣзда.

Предметы, на всѣхъ трехъ столахъ разложенные, при перекрестномъ допросѣ ихъ со стороны областей знаній, входящихъ въ кругъ изысканій о родоначаліи и первобытій первоначальниковъ Европы вообще и праотцевъ славяно-русскаго народа въ особенности, могутъ дать обстоятельные отвѣты и открыть пути, ведущіе въ вѣка, забытые человечествомъ, и къ колыбели нашихъ праотцевъ.

I. Великій Новгородъ.

Ильменско-Волховское побережье и Великій Новгородъ, лежащій на обоихъ, значительно возвышающихся, берегахъ рѣки Волхова, верстахъ въ 6-ти отъ истока его изъ озера Ильменя,—открываютъ первую страницу начальной русскаго лѣтописи. Здѣсь сидѣли Славяне, прозванные родовымъ своимъ именемъ въ IX в. по Р. Х., когда кровные родственники ихъ, уже разчленившіеся на многія вѣтви, смѣшались съ другими племенами, обособились и усвоили инья имена: Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Лутичей, Вятичей, Кривичей, Соробовъ, Болгаръ и проч., и проч. Здѣсь же положенъ и первый камень въ основу нашей государственной жизни, неизмѣнно продолжающейся второе тысячелѣтіе.

Когда и при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ возникло на мѣстѣ лѣтописнаго и современнаго намъ Новгорода первое поселеніе, нѣтъ свидѣтельствъ ни въ отечественныхъ, ни въ иноземныхъ письменныхъ памятникахъ, подлинность и древность которыхъ не возбуждаетъ сомнѣній; неизвѣстно также и время, давшее этому городу имя, смыслъ котораго показываетъ, что онъ возникъ или вмѣсто прежняго, стараго, или на мѣстѣ этого послѣдняго, носившаго другое какое-либо имя.

Современный городъ охваченъ съ сѣверо-востока дугообразно грядою холмовъ, между которыми проложила себѣ нынѣшнее ложе рѣка Волховъ; послѣдній къ правому берегу Волхова холмъ, обширный и высокій, зовется съ незапамятныхъ временъ «Городище», слѣдующій же за нимъ къ сѣверо-востоку извѣстенъ съ тѣхъ же временъ подъ именемъ Нередицы. Между этими холмами протекаетъ рѣка Волховецъ, выходящая изъ Волхова и въ него же впадающая.

Городище много въ Россіи; изслѣдователи нашей старины полагаютъ, что эти городища, а также и селища живой народной рѣчи говорятъ о существованіи на мѣстахъ ихъ городовъ и селъ.

Въ одномъ изъ лѣтописныхъ сборниковъ Новгородской семьи, названномъ лѣтописью Великаго Новгорода по списку Софійскому, повторена повѣсть, занесенная въ большинство древнихъ лѣтописей, начиная съ Лаврентьевской, о путешествіи св. апостола Андрея Первозваннаго по современной Россіи, причемъ сказано, что этотъ проповѣдникъ христіанскаго ученія—*«прииде въ Славенскъ, идоже нынѣ Великій Новгородъ»*. Хотя Софійскій сборникъ и недавняго, сравнительно, составленія, не старѣе

XVI в., и хотя въ подобныхъ ему лѣтописцахъ много домысловъ книжниковъ и олицетвореній ими племенъ и мѣстностей, но мы находимъ въ показаніяхъ лѣтописи несомнѣнной и древней нѣкоторыя основанія считать вѣроятнымъ, что старій городъ назывался Славенскомъ, такъ: правая половина Новгорода носила до XVI в. имя Славенской, а лѣвая—Неревской, причемъ, когда установилось раздѣленіе всего города на пять концовъ, тотъ изъ нихъ, который былъ Славенскій, назывался Господиномъ Великимъ Славенскимъ концомъ, — отличіе, присвоенное только одному ему изъ всѣхъ пяти.

Если въ словѣ Городище слѣдуетъ видѣть народную память о бывшемъ на городищенскомъ холмѣ городѣ, то можно считать, по имени сосѣдняго съ нимъ холма — Нередицы, — и по наименованію лѣвой половины лѣтописнаго Новгорода Неревскою, а правой Славенскою, что когда нибудь городъ былъ на холмахъ Городищенскомъ и Нередицкомъ, и назывался Славенскомъ.

Городомъ обозначалось въ древности огороженное внутри поселенія мѣсто, гдѣ хранились богатства обитателей, казна ихъ.

Древняя Новгородская лѣтопись содержитъ много замѣтокъ о кровавыхъ побоищахъ жителей Славенской и Неревской сторонъ и частыхъ спорахъ и ссорахъ ихъ. Въ виду подобной вражды можно видѣть одну изъ причинъ ея въ томъ, что первоначально огороженное хранилище богатства и казны было на Славенской сторонѣ, тутъ же было, вѣроятно, сосредоточено и управление странною, а затѣмъ, когда поселеніе расширилось, перенесли казну и мѣсто управленія на Неревскую сторону, гдѣ срубили новую городьбу. Такимъ образомъ

нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Новгородъ получилъ свое имя отъ городьбы, перенесенной съ праваго берега на лѣвый, а прежде назывался Славенскомъ, сохранившимъ до XVI в. это имя въ одномъ изъ концовъ.

Находки, выкопанныя въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, даютъ, повидимому, не открывая основаній для изысканій объ имени стараго города, указанія на время возникновенія перваго поселенія на его мѣстѣ.

Чтобы всякій, хотя бы и вовсе незнакомый съ ископаемыми бытовыми остатками человѣка вѣковъ незапамятныхъ, взглядываясь въ выставленные предметы, могъ легче понять значеніе ихъ, единично и во всей совокупности, будемъ предпосылать описанію предметовъ каждаго отдѣла бѣглый очеркъ наблюденій, положеній и выводовъ. сдѣланныхъ знатоками подобныхъ остатковъ, найденныхъ у насъ и въ другихъ земляхъ и относящихся какъ ко всему отдѣлу вообще, такъ и къ нѣкоторымъ частямъ въ особенности.

Человѣкъ достигъ современнаго состоянія, дающаго ему теперь первое мѣсто въ природѣ, извѣдавъ великое множество путей многотрудныхъ и испытавъ удивительныя лишенія. Безоружный, не имѣя ни рога, ни зуба для борьбы съ великанами дѣвственныхъ лѣсовъ и кроважадными хищниками, залегавшими въ скрытыхъ отъ глазъ его норахъ и пещерахъ, нашъ родоначальникъ долженъ былъ отвоевывать себѣ шагъ за шагомъ право на существованіе единственно силою своего духа, своего разума, вложенною Творцемъ вселенной въ его невооруженное тѣло.

Видя, какъ сильное животное убиваетъ болѣе слабое рогомъ или зубомъ, чтобы пожрать его, и встрѣтивъ подъ ногами оглоданныя и раздробленныя кости этихъ съѣденныхъ хищниками животныхъ, человѣкъ выбиралъ острые осколки, замѣняющіе рогъ и зубъ, и, вооруженный ими, велъ борьбу за свое существованіе. Примѣчая, какъ кость дробится на части подъ ногами тяжелаго звѣря, или какъ оторвавшійся отъ утеса камень разбиваетъ ее и болѣе мелкіе камни же, нашъ родоначальникъ научился и самъ разбивать такіе же предметы, а за неимѣніемъ ихъ подъ рукою, — и дерево, для нападенія и защиты.

Наблюдая за измѣненіемъ вида своего несложнаго оружія при употребленіи, онъ не могъ не замѣтить, что какъ костяныя, такъ и легко получаемыя посредствомъ разбиванія камня, острія сглаживаются при выкапываніи, напримѣръ, въ песокъ логовища, чтобы укрыться на ночь или въ непогоду; — это научило человѣка придавать кости и мягкому камню, при помощи тренія о песокъ или о камень же, видъ, наиболѣе соответствующій его нуждамъ и потребностямъ.

Исслѣдователи ископаемыхъ бытовыхъ остатковъ находятъ подобные острые осколки кости и камня на такой глубинѣ, ниже которой никогда уже предметы этого вида не встрѣчаются; поэтому время, когда человѣкъ умѣлъ облегчать свое существованіе на землѣ только при помощи кости и колотаго камня, — остатки дерева истлѣли въ землѣ, — назвали каменнымъ вѣкомъ развитія человѣчества.

На такой же глубинѣ и въ той же средѣ, гдѣ залегаютъ эти первыя подѣлки человѣка, встрѣчаются вмѣстѣ

съ ними и кости животныхъ, служившихъ ему пищею, но не употребленныя, по непригодности, на подѣлки. Иныя изъ этихъ животныхъ не живутъ на землѣ и называются вымершими или ископаемыми, въ народѣ же они считаются допотопными, соответственно библейскому сказанію о Ноевомъ потопѣ.

Продолжая существованіе и обогащаясь наблюденіями надъ явленіями природы и опытами, человѣкъ примѣтилъ, что кромѣ камня и кости встрѣчаются еще такія твердыя породы, которыя не раскалываются отъ ударовъ камнемъ, а только измѣняются въ толщинѣ и объемѣ; таковы вещества ковкія, какъ мѣдь, золото, серебро и др., — и онъ началъ выбивать себѣ орудія изъ этихъ веществъ холоднымъ способомъ. Узнавъ далѣе огонь и всю пользу его, человѣкъ случайно замѣтилъ, что сильный жаръ приводитъ мѣдь въ жидкое состояніе и что она, сплавившись случайно же съ оловомъ, получаетъ свойство вещества болѣе твердаго, чѣмъ одна мѣдь. Вещество это называется въ наше время бронзою. По сравнительной легкости придавать такому сплаву видъ орудія для борьбы и для домашнихъ нуждъ, бронза могла получить широкое и разнообразное употребленіе и распространеніе. Въ нѣдрахъ земли подѣлки изъ бронзы залегаютъ выше каменныхъ и костяныхъ, а въ костяхъ животныхъ, захоронившихся вмѣстѣ съ бронзою, не встрѣчаются уже тѣ, что съ каменными орудіями, но или теперь живущія тутъ же, или отчасти удалившіяся по измѣнившимся-ли климатическимъ условіямъ, или по вытѣсненію человѣкомъ. Времена пользованія издѣліями изъ бронзы называютъ бронзовымъ вѣкомъ человѣческаго развитія.

Въ ближайшихъ къ дневной поверхности слояхъ земли и въ могильныхъ сооруженіяхъ на самой поверхности попадаютъ вмѣстѣ съ бронзовыми издѣлія желѣзные, давшія имя временамъ пользованія ими желѣзнаго вѣка, обнимающаго ту даль, съ которой начинаются выдуманныя человѣкомъ письма. Концомъ желѣзнаго вѣка слѣдуетъ считать открытіе сношеній съ Новымъ Свѣтомъ.

Раздѣленіе вѣковъ развитія человѣка на названные три установилось случайно учеными Даніи въ половинѣ текущаго столѣтія. Тамъ издавна ведется правильная разработка ископаемаго топлива, торфа. На различныхъ глубинахъ для выкапыванія этого вещества встрѣчались съ захоронившимися подѣлками человѣка и остатки лѣсовъ: буковаго съ желѣзными, дубоваго съ бронзовыми и хвойнаго — съ костяными и каменными. Съ тѣхъ поръ во всей Европѣ, а также въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ открыто множество мѣстъ захороненія бытовыхъ остатковъ древности, указывающихъ на недостаточность и неточность приведенныхъ опредѣленій вѣковъ; для нѣкоторыхъ странъ, какъ на примѣръ для нашей Сибири, для лѣсныхъ частей Сѣверной Америки и для Венгріи возможно установленіе самостоятельнаго мѣднаго вѣка, начавшагося, вѣроятно, одновременно со второю половиною каменнаго, или съ серединою первой половины его; для Сибири можетъ быть самостоятельный вѣкъ золота и проч.

Наша выставка обнимаетъ одинъ только каменный вѣкъ, за исключеніемъ череповъ человѣка на столѣ и на полкахъ въ приѣмномъ залѣ Дворца.

Первый столъ.

На срединѣ этого стола лежитъ верхняя часть черепа вымершаго уже, плосколобаго быка, признаваемаго за родоначальника зубра, водящагося голько въ Бѣловѣжской Пущѣ, Гродненской губерніи. На лбу ясно видны приплюснутости и разсѣлина кости по направленію къ носовой части; площадки приплюснутостей рубчатые, какъ-бы получившія такой видъ отъ ударовъ тяжелымъ орудіемъ съ негладкою поверхностью. На передней и на тыльной сторонѣ подроговыхъ отростковъ столько же ясны срѣзы нѣкоторыхъ бороздъ. Эти знаки указываютъ, что огромный быкъ убитъ былъ человѣкомъ, снявшимъ и самые рога при помощи остраго орудія. Описываемая кость найдена на восточномъ склонѣ холма, называемаго въ лѣтописи Славенскимъ, или холмомъ въ Славнѣ; она захоронена была не глубже аршина въ синеватой супеси.

На щиткѣ слѣва отъ черепа нашиты два клинка изъ молодыхъ дубковъ; нижнія части заострены хорошо рѣжущимъ орудіемъ, въ родѣ бронзоваго или желѣзнаго остраго топора; снаружи на клинѣяхъ, особенно на томъ, который потоньше, видно, что дерево начало уже обугливаться; на одной изъ площадокъ заостренія другого сохранились частички присохшей синей глины; теперь они значительно выщѣбли, но нѣсколько лѣтъ назадъ имѣли видъ вивіанита. Эти клинки найдены также въ Славнѣ, почти на углу нынѣшнихъ улицъ Малой Михайловской и Знаменской, во дворѣ дома гг. Саблуковыхъ, при копаніи колодца, на глубинѣ около 7 сажень отъ поверхности; они были вбиты въ сизую супесь въ числѣ трехъ (третій затерянъ А. Н. Саблуко-

вымъ, подарившимъ намъ эти два) точно такъ же, какъ и теперь ильменскіе судовщики вбиваютъ въ берега причальные клинья. Земля, въ которой копался колодезь, была почти на всей глубинѣ отъ дневной поверхности до клиньевъ, сорная, т. е. представляла жилой перегной; на 6¹/₂ саженьхъ этотъ перегной однороденъ, черенъ, съ щепю, обломками кирпича, глиняныхъ сосудовъ и со всякими вообще отбросами; передъ самыми же клинками перегной имѣлъ видъ затоптанной и слабо засоренной сизой глины.

Года два назадъ сооружали во дворѣ дома Г. М. Смѣтанина, — по той же Малой Михайловской улицѣ, въ разстояніи около 50 сажень отъ двора г. Саблукова, по напвлению къ Волхову, артезианскій колодезь, подъ руководствомъ К. К. Зифрита. Здѣсь однородный жилой перегной имѣетъ толщину ровно 4 сажени и лежитъ непосредственно на синеватой или сизой супеси; когда вытянули буръ, въ чашкѣ его нашли кусокъ чернаго перегноя съ щепю и углями и съ жилами вивіанита; онъ плотно слѣпился съ названною супесью.

На этомъ же щиткѣ, внизу, кусокъ бивня мамонта, вымершаго уже на всемъ земномъ шарѣ, родоначальника африканскаго слона, съ слѣдами обработки рукою человѣка, вооруженнаго несовершенно рѣжущимъ орудіемъ и такою же пилою; найденъ въ береговомъ откосѣ Волхова, на лѣвой сторонѣ, противъ Славенскаго конца, въ грязно-сизой глинѣ, на которую налегъ пласть красноватой кирпичной глины не меньше 3 аршинъ мощности. Берегъ этотъ ежегодно заливается весеннею водою.

На Неревской сторонѣ города, т. е. на лѣвомъ берегу Волхова, въ пяти изслѣдованныхъ мѣстахъ, толща жи-

лого перегноя колеблется между 6-ю и 2-мя арпинами, а подстилкою ему служить либо красноватая глина, либо желтоватый ровный и мелкій песокъ; мощность пласта обоихъ послѣднихъ отложеній такая же, какъ и пласта красноватой глины въ упомянутомъ береговомъ откосѣ, а подстилкою ему служить сизая глина.

Въ древнемъ Плотенскомъ концѣ Славенской стороны изслѣдована толща жилого перегноя въ двухъ мѣстахъ; здѣсь она колеблется между двумя и четырьмя арпинами и налегаетъ, какъ и на Неревской сторонѣ, либо на песокъ, либо на красноватую глину, подстилаемые тоже сизою глиною.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ обѣихъ половинъ города повторяются тѣ же напластованія, что и подъ жилымъ перегноемъ; въ двухъ мѣстахъ встрѣчается, сверхъ того, вполне отчетливо выраженная слоистость красноватой глины; въ другихъ же двухъ мѣстахъ залегаютъ, подъ красноватою глиною и подъ тонкимъ, вершковъ въ пять, пластомъ сизой глины, гряды угловатыхъ обломковъ и плоскихъ плитокъ девонскаго песчаника, плитняка; выходы ихъ видны бываютъ при осеннемъ пониженіи уровня рѣки, въ береговыхъ откосахъ. Плоскія плитки, иногда съ дырочками, иногда въ видѣ колець, называются новгородскими и окрестными жителями, а также поморами и сибиряками, опоками и мыльниками. Подобные опоки и конкреціи девонскихъ образованій попадаютъ часто въ верхнихъ слояхъ сизой, а иногда и въ красноватой кирпичной глинѣ, — въ послѣдней въ нижнемъ слоѣ, а въ первой — въ верхнемъ.

Въ Новгородѣ на Славенской сторонѣ есть церковь,

основанная въ первой половинѣ XII в.; — въ лѣтописи она называется «Св. Иваномъ на Опокахъ».

На обоихъ щиткахъ нашиты большіе каменные топоры-молоты съ сверлинами и топоръ-долото, сдѣланные изъ діорита, гранита и кристаллическаго песчаника; обломки топориковъ-долотець изъ сланца, большею частію черного, — точилки сланцевыя съ сверлинами, два кремневыхъ наконечника стрѣлъ, старательно выдѣланные, куски кремня грубо обитые, — черепки глиняной посуды, изъ которыхъ одинъ съ узоромъ, костяное шило, костяныя же заостренія грубой отдѣлки, челюсти медвѣдя, сочленовая головка бедра кисти быка, отпиленная отъ трубчатой части ея, и обломокъ сланцеваго бруска, гладко оточеннаго въ правильный четырехугольникъ. Предметы эти найдены: топоры-молоты, наконечники стрѣлъ и кремни грубой обивки въ жиломъ перегноѣ при земляныхъ работахъ; шило и черепки глиняной посуды тоже въ перегноѣ при обработкѣ огородовъ: а челюсти медвѣдя и сочленовая головка при раскопкахъ съ научною цѣлью; обломки сланцевыхъ подѣлокъ и нѣкоторые изъ упомянутыхъ кремней грубой обивки собраны по берегу Волхова по спадѣ вѣшнихъ водъ. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ найдены на Неревской сторонѣ: большой топоръ-долото — безъ сверлины, костяное шило, челюсть медвѣдя и сочленовая головка, — остальные же на Славенской сторонѣ и притомъ въ предѣлахъ Славенскаго холма и того же имени конца.

На этомъ же столѣ лежатъ: а) зубы мамонтовъ, молодого теленка, почти цѣльный, и взрослога — обломокъ; они найдены верстахъ въ 12 отъ Новгорода и въ 5-ти отъ р. Мсты, въ мѣстности, называемой Холынской Мохъ;

б) нижняя сочленовая головка бедра кисти мамонта, съ слѣдами пропиловки ея человѣкомъ; выкопана въ древней Вотьской пятинѣ, въ Петербургѣ, во дворѣ Николаевского вокзала, на глубинѣ не болѣе 4 аршинъ; слой, въ которомъ она лежала, съ точностью, неизвѣстенъ; но поверхность была покрыта, при полученіи кости изъ рукъ нашедшихъ ее землекоповъ, черною, липкою грязью, похожею на жилой перегной, съ свѣтло-оранжевыми язвами, сдѣланными вѣроятно топоромъ, для испытанія — не дерево ли это; в) часть мамонтова ребра, найденная въ той же пятинѣ, въ области рѣки Луги верхняго теченія, верстахъ въ 35 на западъ отъ Новгорода, въ пескѣ; глубина захороненія ея неизвѣстна; — ссадины и зарубки, видныя на поверхности этой кости, сдѣланы вѣроятно уже послѣ находки ея; г) яйцевидныя гальки, похожія на пращныя камни, взяты въ жиломъ перегноѣ въ Новгородѣ, и д) продолговатый округленный первобытною обивкой кусокъ сіенита поднять верстахъ въ 3-хъ отъ Новгорода, на берегу рѣки Веряжи, по спадѣ разлива.

Совокупность предметовъ этого стола даетъ основанія полагать, что первое поселеніе на мѣстѣ лѣтописнаго и современнаго Новгорода возникло въ тѣ времена, когда поверхность площади, имъ занятой, покрыта была одною только сизою глиною или супесью, — и только на правомъ берегу Волхова, гдѣ былъ въ древности господинъ великій Славенскій конецъ. Основываясь на данныхъ, до сихъ поръ собранныхъ, позволительно думать, что человѣкъ, поселившійся здѣсь, никогда не покидалъ мѣстности Славенскаго конца; заселеніе же лѣваго берега и Плотенскаго конца правой половины города

началось впоследствии, уже послѣ того, когда на сизую глину напластовались новыя отложенія красноватой кирпичной глины и мелкихъ желтоватыхъ песковъ.

Само собою разумѣется, что дальнѣйшими изысканіями могутъ быть обнаружены и новыя данныя относительно однородности жилого перегноя Славенскаго конца, въ подтвержденіе или въ ослабленіе высказаннаго предположенія о непрерывности заселенія его; прослойка, на примѣръ, жилого перегноя пескомъ или красноватою глиною скажетъ, что на то время, когда отлагались эти горныя породы, насельники Славенскаго конца удалялись на ближайшіе болѣе высокіе холмы; не покрывавшіеся подъемомъ воды, безъ участія котораго невозможно отложеніе ни красноватой глины, ни песковъ.

II. Коломцы.

Съ праваго низменнаго берега Волхова впала въ него, при самомъ выходѣ изъ озера Ильменя, рѣчка Малая Гнилка. Въ сухое лѣто она совершенно исчезаетъ. Уголь, образуемый устьемъ Гнилки, зовется «Коломцы» или «Коломецъ». Отъ Новгорода это урочище отстоитъ версть на шесть, вверхъ по Волхову. На срединѣ разстоянія между нимъ и Новгородомъ лежатъ упомянутые холмы—Городище и Нередица.

Населенныхъ и необитаемыхъ мѣстъ съ созвучнымъ Коломцамъ именемъ много въ Россіи и въ Европѣ; особенно же много ихъ въ древнихъ областяхъ Новгорода. Здѣсь такія мѣста расположены: или близь городовъ и

селеній, частію до сихъ поръ существующихъ, а частію бывшихъ въ древности и оставившихъ на память о себѣ урочища съ именами—городокъ, городище, и селище,—или близь большихъ водяныхъ путей, такъ: близь Старой Русы, на берегу осохшей рѣчки Порусы—Коломецъ; на полуденно-западномъ, утесистомъ берегу Ильменя, въ древней Деревской пятинѣ, гдѣ село Коростыня, напоминающая своимъ именемъ Древлянскій Коростень, мѣсто гибели князя Игоря Рюриковича,—деревня Коломо;—на рѣкѣ Ловати, верстахъ въ двухъ отъ погоста Курска, бывшаго еще въ XVI в., при составленіи «книги, глаголямыя Большой Чертежъ», городомъ,—село Коломна;—на рѣкѣ Полѣ, вливающейся въ Ловать, впадающую въ Ильмень, недалеко отъ селенія «Новая Руса»,—большое село Колома;—на рѣкѣ Мстѣ, въ порогахъ, двѣ деревни Коломны, одна выше, а другая ниже пороговъ;—верстахъ въ двухъ отъ нынѣшняго Новгорода, внизъ по Волхову—Колмово;—еще ниже, верстахъ въ 60-ти отъ города, гдѣ урочище Селище,—Коломна;—въ древней долинѣ р. Невы, близь ея устья, Коломна на лѣвомъ берегу и Коломяжки (мяжки слово финское и значитъ заселенную мѣстность) передѣланное въ Коломяги, на правомъ;—городъ Холмогоры расположенъ на двухъ горахъ, одна называется Коло-Гора, а другая Курья-Гора;—на берегу Ледовитаго океана городъ Кола,—въ Царствѣ Польскомъ одинъ уѣздный городъ называется также Кола, на возвышенномъ берегу Балтійскаго моря, гдѣ начинается Финскій заливъ—городъ Колывань, передѣланный нѣмцами въ современный Ревель;—въ Сибири, въ отрогахъ Алтая, есть также городъ Колывань;—въ Костромской губерніи одинъ изъ уѣздныхъ городовъ на-

зывается Кологривъ;—въ Пруссіи, близъ полуденнаго берега Балтійскаго моря, городъ Кольбергъ; здѣсь живали славяне (карта профессора Кочубинскаго) и видимо нѣмцы назвали приведеннымъ именемъ городъ «Коло-брегъ» или «Коло-Гора» славянъ;—въ Австрійскихъ владѣніяхъ—городокъ Коломея;—на р. Рейнѣ, тоже въ древней Славянской землѣ, городъ Колонъ, передѣланный въ Кельнъ.

Есть въ Россіи рѣчки и рѣчки съ именемъ созвучнымъ коло, такъ: Колва, Колыма, Кольскій ручей близъ Верхотурья,—Кола-рѣчка въ Демянскомъ уѣздѣ.

Въ академической лѣтописи, открытой Татищевымъ и изданной Новиковымъ, во второй части продолженія Древн. Русск. Вивлюеики, названъ Колономъ погребальный холмъ за Рождественскою церковью, въ Плотенскомъ концѣ. Въ Кіевской губерніи есть село Колонщина, расположенное на шести курганахъ и окруженное курганами же.

Коло въ славянскихъ нарѣчіяхъ значитъ колесо, кругъ; у черногорцевъ выраженіе «созвать коло» значитъ созвать окрестныхъ жителей данной мѣстности;—у казаковъ этому выраженію соотвѣтствуетъ равносильное—«созвать кругъ»—означающее тоже что «созвать сходку, міръ, или по-новгородски—суёмъ»

Въ живой нашей рѣчи много словъ съ корнемъ «кол»—коло; всѣ они выражаютъ понятіе или круглоты, или чего либо цѣльнаго, такъ: колесо, кольцо, колоколь (т. е. кругъ вверху и кругъ внизу), колода—какъ обрубокъ ствола дерева—и колода (какъ полнота, цѣльность) игральныхъ картъ (о полномъ собраніи церковныхъ книгъ говорятъ—кругъ книгъ), околышъ, околодокъ, окольні-

чій, около, колобокъ, клубокъ, комокъ, комканіе, комачить и проч. Коляда (святочная пѣсня) и коливо (поминальное кушанье) отъ того же корня.

Въ старомъ церковномъ языкѣ словомъ съ корнемъ «кол»—означаютъ тѣсное жилище человѣка, его хижину: въ прологѣ подъ 3 октября, въ житіи св. Іоанна Хозевита, говорится, что бѣсъ, искушая праведника, разрушилъ устроенную имъ въ разсѣлинѣ скалы «колибицу малу». Поэтому и колыбель, какъ обиталище малютки, производится отъ того же корня. Въ колыбели селяне обыкновенно укачиваютъ ребенка;—стало-быть колебать и всѣ отъ этого слова происходяція идутъ отъ того же «кол».

У татаръ, и вообще у сибирскихъ инородцевъ, установлена плата за выходъ невѣсты-дѣвицы изъ дома семьи ея, или изъ селенія; эта плата называется колымъ.

У вогуловъ словомъ коль, колла—означаютъ жилище; у дикарей мексиканскихъ и вообще у обитателей лѣсовъ Сѣверной Америки, жилище—домъ называютъ калли, колли.

Въ земляхъ Новгородскаго державства совмѣстныя жилища мертвецовъ, т. е. языческія кладбища, называются словомъ «коломище»,—а жилище, одному покойнику устраиваемое, его домъ,—словомъ «домовина, домовище». Возможно поэтому думать, что если слова «домовина, домовище» увеличительныя отъ «домъ», то и коломище увеличительное отъ коломъ,—домъ; такъ что имя нашего урочища «Коломцы» будетъ означать—домики. Въ скандинавскихъ сагахъ Новгородъ называется «Колмгардъ».

По множеству въ нашей живой рѣчи словъ, происходящихъ изъ корня «кол», представляется вѣроятнымъ предположеніе, что этотъ корень сложился и обнималъ понятіе о кругломъ, полномъ — въ древнѣйшія, незапамятныя времена.

По той же причинѣ и въ зависимости отъ устанавливаемаго западными учеными языковѣдами (докторъ О. Шрадеръ и другіе) положенія, что праязыкомъ всей семьи языковъ Европейскихъ былъ языкъ Славяно-Литовскій, и другого положенія, высказаннаго однимъ изъ знатоковъ народовѣдѣнія—Пёше, что такъ называемые Арійцы, считаемыя первыми просвѣтителями Европейцевъ, не азіятскіе выходцы, а коренные европейцы же, развивавшіеся въ средней Россіи, нельзя не предположить, что греческія и латинскія слова: *Κολον*, *колониα*, *colō*, *incola*, *colonia* и отъ нихъ производимыя, означающія погребальный холмъ, поселеніе, населять, обрабатывать землю, поселянинъ, житель — заимствованы изъ корня «кол» живой рѣчи тѣхъ первоначальниковъ Европы, съ которыми смѣшались когда-то азіятскіе выходцы и дали начало знаменитымъ въ древности народамъ, Грекамъ и Римлянамъ. Допустить обратное едва-ли возможно; — ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ языкахъ нѣтъ такого множества производныхъ отъ «кол», какъ въ нашемъ.

Изъ Новгородскихъ письменныхъ памятниковъ жители Коломцовъ и созвучныхъ съ ними поселеній извѣстны въ Уставѣ Ярослава о мостахъ, на примѣръ, подъ именемъ Коломлянъ или Коломнянъ, и притомъ, повидимому, въ смыслѣ обитателей передовыхъ, сторожевыхъ или таможенныхъ поселковъ; — слѣдовательно

урочище Коломцы Ильменско-Волховскаго побережья могло быть занято въ незапамятныя вѣка сторожевымъ, военнымъ или таможеннымъ, или какимъ либо другимъ поселкомъ, состоявшимъ изъ маленькихъ, на подобіе описываемыхъ Леббокомъ ульеобразныхъ построекъ, палатъ, покрытыхъ, говоря языкомъ Новгородской лѣтописи, «спомъ», т. е. осыпанныхъ землею.

Когда возникъ или могъ возникнуть подобный поселокъ, увидимъ изъ обзора предметовъ, разложенныхъ на второмъ столѣ, на полкахъ по обѣ его стороны и на всѣхъ щиткахъ большой и приѣмной залъ Дворца.

Второй столъ.

На срединѣ этого стола положенъ, а къ окну по угламъ прислонены, чертежи глазомѣрной съѣмки урочища Коломцы, его разрѣзовъ и окрестностей, — на меньшемъ обозначена та котловина, на которой найдены совершенно случайно первыя предметы каменнаго вѣка, послужившіе поводомъ къ послѣдующимъ изысканіямъ. На другомъ, большемъ, что на правомъ углу стола, увеличенный чертежъ Коломцовъ и ихъ окрестностей, а на лѣвомъ углу — чертежъ разрѣзовъ нашего урочища по крестообразнымъ направленіямъ чрезъ русло обѣихъ рѣкъ, Волхова и Малой Гнилки. Низина меньшаго чертежа снята въ томъ видѣ, какой она представляла въ первый годъ находки и раскопокъ. Мѣсто ея на первомъ разрѣзѣ чертежа лѣваго угла стола приходится между русломъ Гнилки и началомъ подъема профиля. Эта низина образовалась, какъ и другія, къ ней ближайшія, по всей вѣроятности, отъ выемки красноватой глины для

выдѣлки кирпича на бывшемъ тутъ въ не столь отдаленные лѣтописные вѣка, не позднѣе первыхъ годовъ XIV, кирпичномъ заводѣ. Вѣкъ именно этотъ указывается потому, что здѣсь въ 1310 году сооружена была каменная церковь, а вслѣдъ за тѣмъ устроенъ и монастырь, существовавшій до XVII вѣка. Въ разстояніи около версты существовалъ другой монастырь, тоже съ XIV в., Шиловъ; верстахъ въ 2-хъ на востокъ—третій, Николо-Липенскій, церковь котораго, сохранившаяся и теперь, возникла въ первой половинѣ XII в.; верстахъ въ 3-хъ на полночь—четвертый Сквородскій монастырь, съ начала тоже XIV в., остающійся и до сихъ поръ въ цѣлости. Монастыри Липенскій и Сквородскій имѣли, а послѣдній и теперь имѣетъ, кромѣ церквей, много построекъ кирпичныхъ.

На столѣ у самаго окна разложено нѣсколько кусковъ, имѣющихъ видъ лавы, но принадлежащихъ пережженной глины, которою обыкновенно обмазываютъ наибольшия печи для обжиганія кирпича. Подобные куски разсыяны во множествѣ по всѣмъ низинамъ и рытвинамъ береговъ Волхова и Гнилки на Коломцахъ и около ихъ и говорятъ о многихъ бывшихъ тутъ кирпичныхъ заводахъ. Въ изломахъ нѣкоторыхъ кусковъ замѣтны кусочки раковины мѣстнаго береговаго моллюска—*Unio lateralis*.

Сосѣдніе жители берутъ по берегу Гнилки и теперь глину на смазку печей и на другія домашнія надобности.

Старые, нѣсколько приподнятые въ видѣ кряжа, берега Волхова и Гнилки въ описываемомъ мѣстѣ поросли мелкимъ кустарникомъ ползучаго ивняка. Ежегодно разливающаяся вешняя вода почти всегда покрываетъ Коломцы, а иногда стоитъ надъ всею площадью ихъ такъ

высоко, что невидно и верхушекъ кустовъ. Разливъ продолжается до конца іюня; бываютъ года, когда онъ остается и на зиму; вообще уровень воды Волхова и Ильменя не имѣетъ въ межень, т. е. среди лѣта, одинаковой высоты, какъ другія озера и рѣки, и потому опредѣлить разстояніе Коломцовъ отъ береговъ обѣихъ рѣкъ невозможно.

На чертежѣ лѣвой стороны стола показанъ вверху разрѣзъ чрезъ русло Гнилки. Поверхность низины отъ нынѣшняго до самаго высокаго подъема—старога берега этой рѣки, покрыта пластомъ, до 5 вершковъ толщины, грязной глины, перемѣшанной съ соромъ и пескомъ, нанесенными прибоемъ воды, по мѣрѣ пониженія вешняго разлива. Въ этой глины попадаются часто кости животныхъ, неповрежденные и въ обломкахъ, куски кирпича, черепки разбитыхъ горшковъ, судя по способу обработки и по составу глины, современной выдѣлки, стекла и вообще всякій хламъ; но изрѣдка встрѣчаются тутъ кремневые и сланцевые подѣлки каменнаго вѣка и узорчатые черепки глиняной посуды того же времени.

На самомъ высокомъ подъемѣ старога берега лежитъ поверхъ грязной глины слой, не толще двухъ вершковъ, бѣлаго хорошо промытаго мелкаго песку, иногда содержащій такой же, какъ и глина, соръ и мелкіе кремневые осколки. Въ этомъ слоѣ примѣчаются тонкія, не больше $\frac{1}{16}$ вершка прослойки растительныхъ остатковъ; бѣло-песчаный слой прикрытъ уже растительнымъ тонкимъ, съ вершокъ, пластомъ. Послѣ высокаго и продолжительнаго стоянія вешней воды, растительный слой засаривается, но трава пробивается сряду по спадѣ водъ и окрашиваетъ его въ темный цвѣтъ дерновой земли.

При началѣ самаго слабого подъема современнаго берега Гнилки оказался, подъ грязно-сорною глиною, клинообразный выходъ чернаго клейкаго и вязкаго слоя. Утолщаясь постепенно, онъ обнаружилъ, при раскопкахъ, захороненіе на всей толщѣ, въ разныхъ высотахъ, предметовъ каменнаго вѣка «in situ». По мѣрѣ подъема берега и толща чернаго слоя увеличивалась, оставаясь постоянно подъ прикрытіемъ грязно-глинистаго пласта; достигнувъ же мощности въ $2\frac{1}{2}$ аршина, черный слой оказался прикрытымъ однородною, красноватою, кирпичною глиною, такъ что пластъ глины грязной уже не касался болѣе чернаго слоя, а лежалъ на красноватой кирпичной. Раскопки ведутся въ теченіе пяти лѣтъ въ направленіи съ Ю.Ю.З. на С.С.В. и черный вязкій слой сохраняетъ, на всемъ протяженіи, свыше 75 сажень въ длину и отъ 5 до 20 въ ширину, ту же $2\frac{1}{2}$ аршинную мощность, изрѣдка то увеличиваясь, то уменьшаясь на 3—4 вершка. Пробныя ямы, сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ, около площади раскопокъ указываютъ обширность площади чернаго слоя, разстилающейся почти на квадратную версту. Пластъ красноватой кирпичной глины достигаетъ толщи иногда свыше 4 аршинъ. Онъ стелется черезъ всю площадь Коломцевъ и покрываетъ всю низину Ильменско-Волховскаго побережья.

Подстилающимъ черный вязкій слой бываетъ: ближе къ берегу Волхова—желтоватая супесь съ хрящемъ изъ небольшихъ, съ лѣсной орѣхъ, отертыхъ водою обломковъ девонскаго плитняка, бѣловатаго съ красными и зеленоватыми прожилками; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой супеси подстилку составляетъ супесь же желѣзно-охристаго, оранжеваго цвѣта; примѣтно, что пло-

щадь съ этою послѣднею супесью, начиная отъ границы желтоватой съ хрящемъ, приподнимается, хотя слабо, какъ на отмельяхъ берегахъ озера или морского залива, — въ указанномъ направленіи; мѣстами здѣсь встрѣчаются гнѣзда блѣдно-сизой супеси; чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ гнѣзда чаще, наконецъ, оранжевая супесь уступаетъ мѣсто сизой, являясь, въ свою очередь, гнѣздами, постепенно рѣдѣющими; а затѣмъ она и совсѣмъ пропадаетъ, замѣненная сизою супесью, превращающеюся сперва въ такой же суглинокъ, а потомъ въ сизую вязкую глину.

Въ оранжевой и сизой супеси, а также въ суглинкѣ и глинѣ послѣдняго цвѣта, встрѣчаются, исключительно въ нижнихъ слояхъ, кучками и единично, угловатые обломки такого же, какъ и упомянутый хрящъ, плитняка, иногда остросеберные, иногда окатанные водою въ большей или меньшей мѣрѣ.

Толща пласта супеси обоихъ цвѣтовъ, равно сизыхъ суглинка и глины, колеблется между 5, 12 и 20 вершками.

Подъ сизою супесью залегаетъ сажень въ 10—15 отъ береговъ Гнилки и Волхова, — что оказалось при очень низкомъ уровнѣ воды, какой былъ въ позднюю, въ октябрѣ, осень 1889 г., когда уровень оставался долго на одной высотѣ, — пропластокъ въ полтора вершка средне-зернистаго, въ горчичное сѣмячко, песку, темно-бураго цвѣта; онъ выраженъ замѣчательно отчетливо; подъ пескомъ лежитъ темно-сѣрая въ сыромъ и сѣрая въ сухомъ видѣ супесь, съ голубоватымъ оттѣнкомъ; толща этого пласта наблюдалась только въ аршинъ, — спуститься глубже не удалось, — сильно напирала вода.

Въ толщѣ чернаго вязкаго слоя, на всемъ изслѣдованномъ протяженіи его въ длину и въ ширину, залегаютъ почти сплошь кучи обломковъ, раковины упомянутаго прѣсноводнаго моллюска *Unio lateralis*; основаніе кучъ приходится всегда верхковъ 5—8 выше слоя, подстилающаго черный, а вершины никогда не доходятъ почти на такое же разстояніе до слоя красноватой кирпичной глины, покрывшей черный.

На полкахъ, помѣщенныхъ по обѣ стороны стола, разложены образцы: чернаго слоя изъ разныхъ мѣстъ и высь его, кучъ обломковъ раковинъ и слоевъ подстилающихъ и прикрывающихъ черный, — и также слоевъ глинъ окрестностей.

Коломцы лежатъ, какъ сказано, въ низинѣ близъ береговъ названныхъ рѣкъ и озера Ильменя; невдалекѣ отъ нея по обоимъ берегамъ разбросаны холмы различной высоты; на правомъ углу стола поставлена карта части озера Ильменя, Волхова, Великаго Новгорода и окрестностей; на ней нанесены всѣ холмы и пригорки. Изслѣдованіе построения наиболѣе высокихъ изъ этихъ холмовъ показало: а) на вершинѣ ихъ нѣтъ вовсе красноватой кирпичной глины, а сряду подъ дерномъ залегаетъ охристый песокъ, толщею до 2 аршинъ; въ нижнихъ частяхъ его встрѣчается галька и угловатый щебень; и б) подъ этимъ пескомъ стелется свѣтло-сѣрый слоистый песокъ съ незначительною примѣсью ила такого же цвѣта; мощность его измѣрена до 3 аршинъ.

Крупнаго валуна не попадалось ни на Коломцахъ, въ отложеніяхъ надъ чернымъ вязкимъ слоемъ — и подъ нимъ, ни въ ближайшихъ холмахъ. Вообще на Ильменско-Волховскомъ побережьи, близъ Новгорода и въ окрестно-

стяхъ его, верстѣ на 15 во всѣ стороны, валуновъ нѣтъ; мѣстные жители обыкновенно говорятъ, что здѣсь и за рубль не найдешь камня. Если когда нибудь валунъ и былъ въ нашей мѣстности, — его разобрали съ давнихъ временъ на обширныя и многочисленныя каменныя сооруженія въ городѣ и его окрестностяхъ.

Уже отмѣчено, что въ береговыхъ откосахъ Волхова повторяются пласты сизой и красноватой кирпичной глины; толща послѣдней не меньше трехъ аршинъ. Внизъ по Волхову до побережья Ладожскаго озера, въ побережьи рѣкъ Сяси и Свири близъ этого озера, равно во всѣхъ низменностяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Ильмень, на разстояніи отъ него верстѣ на 500, вездѣ наблюдается то же напластованіе и такая же, около трехъ аршинъ, толща слоя красноватой кирпичной глины, легкой, непосредственно или съ незначительнымъ прослойкомъ, на сизую глину. Но на высокихъ холмахъ, обрывающихся надъ самымъ Волховомъ, не видно, по отмелямъ, ни сизой, ни красноватой глины, они построены почти вездѣ одинаково, изъ охристаго песку съ валунами, галькою и угловатымъ щебнемъ, точно такъ же какъ и всѣ осмотрѣнные нами холмы Алаунской возвышенности.

Въ побережьи Ладожскаго озера, по устьямъ рѣкъ Волхова, Сяси и Свири, оказалось, что холмы до 4-хъ сажень и выше, поднимающіеся надъ современнымъ уровнемъ озера, не имѣютъ на вершинахъ отложеній красноватой кирпичной глины, а остаются покрытыми валунами и щебнемъ съ пересышкою ихъ пескомъ. То же примѣчается и вверхъ по Волхову, отъ устья его на первыхъ 3—4 верстахъ; красноватая кирпичная глина

здѣсь появляется на береговыхъ откосахъ какъ бы выходящую изъ-подъ воды, слабымъ выклиномъ; по мѣрѣ же пониженія береговой крутизны она утолщается постепенно и затѣмъ сразу прикрывается крутизною песковъ, слоистыхъ внизу и сыпучихъ сверху.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Новгорода къ С.З., на берегу рѣки Веряжи, при расчисткѣ стариннаго колодца, оказалось, что подъ темно-сѣрою съ сизымъ оттѣнкомъ супесью, какъ на берегу Волхова у Коломцовъ и при такомъ же, какъ и тамъ, верхнемъ напластованіи—кирпичной и сизой глины, залегаютъ крупные валуны, пересыпанные этою же супесью, а подъ ними стелется, на глубинѣ 3—4 сажень отъ поверхности, сперва вязкая зеленоватая, а затѣмъ совершенно красная, цвѣта печенки, девонская глина. Образцы этихъ глинъ лежатъ на нижней полкѣ съ лѣвой стороны стола.

Черный вязкій слой Коломцовъ содержитъ всѣ предметы, изъ него выкопанные и нашитые на 150 плиткахъ, съ надписью Коломцы, въ количествѣ свыше 20 тысячъ; но это число составляетъ только половину всего количества находокъ. Въ общемъ предметы эти сходны съ остатками каменнаго вѣка, собранными въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, особенно же выдающимися и, насколько намъ извѣстно, единственными, изъ встрѣченныхъ при раскопкахъ на всемъ земномъ шарѣ подобныхъ же остатковъ человѣка древнѣйшаго каменнаго вѣка, являются отысканные въ коломецкомъ слоѣ — красный янтарь и изваянная изъ кости головка человѣка, отломившаяся отъ цѣлага истукана; они помѣщены въ особомъ ящикѣ на второмъ столѣ, подъ стекломъ.

По залеганію во всей толщѣ, сверху до низу, и на всемъ протяженіи чернаго вязкаго слоя предметовъ, указывающихъ на продолжительное и непрерывное заселеніе Коломцовъ огромнымъ обществомъ людей, — этому слою мы даемъ названіе жилого перегноя, сходнаго съ такимъ, какой встрѣчается на мѣстѣ продолжительнаго существованія нашей русской деревни, перешедшей на другую осѣдность.

Жилой перегной и прикрывшая его красноватая глина, въ ближайшемъ къ перегною слоѣ, на столько сдавлены, что глину приходится ломать, особенно если весна не водообильна, а перегной рѣзать острыми лопатами отвѣсно, ломтями не много толще пальца. Кости и подѣлки изъ нихъ, а также черепки глиняной посуды, почти всегда раздроблены тяжестью выше лежащихъ слоевъ и воды верхняго разлива. Менѣе сжатымъ представляется всегда слой раковинъ; предметы, въ немъ находимые, вынимаются нерѣдко цѣльными. Бываютъ случаи, что лопата рабочаго разрѣзаетъ въ черномъ перегноѣ весьма крупную кость, превратившуюся въ жидкую кашицу; особенно часто, почти всегда, случаи эти повторяются съ костями рыбъ и тѣми изъ млекопитающихъ, которыя залегаютъ внѣ кучъ обломковъ раковинъ. Также часто бываетъ, что лопата рѣжетъ, издавая легкій скрипъ, перепрѣлые песчаники и некрупные валуны краснаго гранита—рапа-киви.

Наблюденіями геологовъ, т. е. изучающихъ построенія земной коры, палеонтологовъ, знатоковъ вымершихъ животныхъ, и археологовъ, изслѣдующихъ всякія древности, — надъ слоями, среди которыхъ встрѣчаются слѣды человѣка, установлены нѣкоторыя общія правила, мо-

гуція уяснить значеніе для насъ, русскихъ, выставленныхъ находокъ, такъ:

Первые осязательные слѣды человѣка въ Европѣ встрѣчаются въ отложеніяхъ и на отложеніяхъ, образовавшихся при участіи сплошной ледяной коры, нѣкогда покрывавшей нашу часть свѣта. Разомъ ли Европа покрывалась такою корою, или послѣдовательно, съ сѣвера, или съ юга началось движеніе ледника и затѣмъ его отступленіе, — одновременно ли съ Европою кора охватила Азію, Америку и Африку — долго ли земля оставалась подъ льдомъ, — всѣ эти и изъ нихъ возникающіе вопросы еще не рѣшены окончательно. Относительно нашей страны дознано однако-жъ, что ледяная кора надвигалась на русскія земли съ Скандинавскихъ горъ и, охвативъ сплошь сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ, раздѣлилась предъ началомъ черноземной полосы на два клина и пошла далѣе по обѣ стороны этой полосы, оставивъ ее открытою, въ юго-восточномъ и юго-западномъ направленіяхъ, постепенно суживаясь — къ Каспію и къ Карпатамъ.

Вопросъ о времени отступленія ледника имѣетъ для нашего предмета особенную важность. Нѣкоторые геологи отдаляютъ это отступленіе на большія тысячелѣтія, а одинъ нѣмецкій ученый, Фраасъ, полагаетъ, что Средняя Европа, примѣрно Швабія, могла освободиться отъ ледяного покрова къ вѣкамъ процвѣтанія Вавилона и Ассиріи.

Слѣдами ледника на земляхъ сѣверной Россіи считаются: крупныя обломки твердыхъ горныхъ породъ, занесенныя льдами далеко отъ кореннаго своего мѣсторожденія; это округленные камни, называемыя валунами;

угловатыя, сравнительно небольшіе, остросереберные обломки, это ледниковый щебень и хрящъ; — мелкіе окатанныя движеніемъ водъ и взаимнымъ треніемъ обломки камней — это гальки и гравій; — мельчайшія частицы тѣхъ же горныхъ породъ — это пески и тончайшіе изъ нихъ — глины. Валуны, щебень, хрящъ и гальки встрѣчаются, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, особенно когда они не крупны, скученными и занимаютъ нижній слой ледниковыхъ отложеній, — пески же и глины являются прикрывающими перечисленные обломки горныхъ породъ и образуютъ верхній слой тѣхъ же отложеній; иногда въ глинахъ и пескахъ попадаются и болѣе крупныя обломки. Всѣ вообще ледниковыя отложенія называются поддонною мореною.

На сѣверо-западѣ Россіи верхній слой ледниковыхъ отложеній составляетъ темно-сѣрая съ синеватымъ оттѣнкомъ глина, съ большимъ содержаніемъ песку, называемая суглинкомъ, когда глины больше чѣмъ песку, и супесью — въ противномъ случаѣ.

Всѣ перечисленныя отложенія образовались еще тогда, когда ледяная кора охватывала землю и когда подъ нею текли ледниковыя ручьи и рѣки, скатывая свои воды въ ледниковыя же озера, въ которыхъ, какъ въ котловинахъ, отлагались пески и глины, или отмучивались, при спокойномъ стояніи этихъ водъ.

При ослабленіи напряженія стужи, ледяная кора, разжигаемая лучами солнца, подверглась таянію; возвышенности обнажались раньше низменностей, что и теперь повторяется у насъ каждую весну; воды, пробѣгая по скатамъ возвышенностей стремительными потоками, размывали верхніе слои ледниковыхъ отложеній, унося ихъ

въ низины, еще не оттаявшія, гдѣ пески падали на дно, на ледяную кору, сряду же послѣ ослабленія быстроты теченія, а глинистыя частицы въ послѣдствіи, когда вода отсталавалась. Затѣмъ и ледяное дно низинъ таяло, отложенія, его покрывавшія, падали ниже и застилали первыя, собственно ледниковыя. Въ большей части сѣверной Россіи отложенія таявшей ледяной коры, или отступавшаго ледника, и застилающія верхній слой поддонной морены, выражаются въ синеватой или такъ называемой сизой глины съ слабымъ содержаніемъ мелкихъ песковъ.

Изысканіями о ледникахъ въ Швеціи, Даніи, Великобританіи и въ земляхъ Западной Европы выяснено, что климатъ этихъ странъ былъ въ послѣдниковыя времена значительно теплѣ нынѣшняго; въ Великобританіи, напримѣръ, жилъ тогда бегемотъ; теперь же онъ держится въ тропическихъ странахъ; затѣмъ климатъ снова сталъ постепенно холодѣть и достигъ опять значительнаго напряженія стужи, хотя не на столько суроваго, какъ при прежнемъ оледенѣніи; — время это названо вторымъ охлажденіемъ Западной Европы, а то, которое было между первымъ и вторымъ, — межледниковымъ періодомъ.

Въ изысканіяхъ по Россіи не нашли до нашего времени твердыхъ данныхъ, указывающихъ на наличность второго охлажденія и межледниковаго періода въ земляхъ ея; но кіевскій профессоръ Феофилактовъ, наблюдая ледниковыя отложенія по поводу находокъ г. Каминскаго у села Гонцовъ, въ побережьи рѣки Удая, въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, гдѣ оказались захороненными, совмѣстно съ грубыми кремневыми поделками человѣка, кости мамонта и другихъ современ-

ныхъ ему животныхъ, — примѣтилъ налеганіе на послѣдній для той мѣстности, то есть на верхній, осадокъ великаго скандинаво-русскаго ледника такой же поддонной морены (то есть занесенныхъ ледникомъ издали округленыхъ болѣе или менѣе обломковъ твердыхъ горныхъ породъ, валуновъ или булыжника), какая наблюдается въ нижнихъ слояхъ осадковъ перваго ледника. Наша Россія велика и сравнительно мало населена, — геологическое изученіе ея направляется большею частію пока только къ изысканіямъ о залеганіи минеральныхъ богатствъ и тяготѣетъ туда, гдѣ представляется наибольшая вѣроятность открыть золото, серебро и другія драгоценности, каковыхъ въ ледниковыхъ отложеніяхъ еще не оказалось. Копаются же въ этихъ послѣднихъ отложеніяхъ только захолустные работники, беззавѣтные любители отечественныхъ древностей, посвятившіе себя изысканіямъ о прародителяхъ русскаго народа; имъ, этимъ захолустникамъ, не всегда понятно значеніе тѣхъ отложеній, черезъ которыя они проходятъ, углубляясь далѣе и далѣе въ поискахъ за излюбленнымъ предметомъ. Поэтому вопросъ о межледниковомъ періодѣ въ русскаго земляхъ и о второмъ охлажденіи ихъ остается открытымъ и, можно сказать, еще нетронутымъ наукою.

По наблюденіямъ палеонтологовъ, въ ледниковыя времена бродили по землямъ Европы огромныя травоядныя, народившіяся задолго до охлажденія ея гдѣ нибудь, или въ сторонѣ отъ нашей части свѣта, всего вѣроятнѣе въ Азій, или въ ней же, или въ Африкѣ; самыми крупными считаются мамонтъ или первобытный слонъ и носорогъ; оба эти великана были покрыты густою и длинною рыжеватою шерстью, предохранявшею отъ стужи и

дѣлавшею ихъ способными переносить сильный холодъ. Въ сибирскихъ топяхъ, промерзшихъ глубоко въ тѣ времена, предъ наступленіемъ которыхъ названные великаны водились такъ большими стадами, и оттаивающихъ въ лѣтніе мѣсяцы не глубже какъ на аршинъ, — нашли цѣльными мамонта и носорога, съ кожею, покрытою шерстью, съ мясомъ, и даже съ содержимымъ желудка; въ зубахъ обоихъ оказались завязнувшими иглы хвойныхъ деревьевъ, похожихъ на теперешнюю сосну, пихту, кедръ, ель и имъ подобные; содержимое желудка указало на питанье великановъ вообще листвою. Судя по костямъ мамонта и носорога, встрѣчаемымъ въ Европѣ, палеонтологи полагаютъ, что тотъ и другой были много крупнѣе нынѣшнихъ слоновъ и носороговъ. Вмѣстѣ съ ископаемыми костями великановъ травоядныхъ находятъ и остатки другихъ животныхъ: быка первобытнаго и плосколобаго, оленя, лося, бобра, кабана; большого, — по наблюденіямъ западныхъ ученыхъ, — медвѣдя, считаемаго ими пещернымъ, и нѣкоторыхъ другихъ. Въ Россіи найдены кости всѣхъ перечисленныхъ животныхъ, то цѣльными, то въ обломкахъ, — въ послѣднемъ случаѣ совмѣстно съ грубыми подѣлками человѣка.

Мамонтъ и носорогъ, одѣтые теплымъ покровомъ, вымерли во времена, забытыя человѣкомъ; родственные же имъ, но не покрытые шерстью, слонъ и носорогъ водятся и теперь въ жаркихъ странахъ. Быки, первобытныи и плосколобыи, тоже вымерли, оставивъ потомство — первый въ домашнемъ крупномъ скотѣ, въ быкахъ и коровахъ, а второй въ зубрѣ, живущемъ только въ одномъ уголкѣ Европы, въ нашей русской Бѣловѣжской пущѣ, въ Гродненской губерніи. Оба быка пережили своихъ со-

временниковъ великановъ, мамонта и носорога, многими тысячеклѣтіями: Юлій Цезарь зналъ огромнаго быка, вѣроятно потомка первобытнаго или плосколобаго; начальная русская лѣтопись и наши народныя пѣсни и былины знаютъ тура, одолѣть котораго могли только силачи-богатыри. Олень, кабанъ и бобръ ушли — первый изъ срединной и южной Европы на глубокой сѣверъ, кабанъ и бобръ удалились изъ срединной Россіи въ страны болѣе теплыя, лось еще держится въ лѣсахъ недалеко отъ Ильменя, хотя уже въ незначительномъ количествѣ; но медвѣдь живетъ въ Европѣ, въ Азіи и Америкѣ до сихъ поръ; у насъ, въ Россіи, и въ Америкѣ онъ такъ великъ, особенно въ сѣверныхъ лѣсахъ, что размѣрами превосходитъ пещернаго, отличаясь отъ него нѣсколько строеніемъ лба и зубовъ. Изъ мелкихъ хищниковъ, остатки которыхъ иногда встрѣчаются вмѣстѣ съ костями мамонта и носорога, почти всѣ живутъ въ тѣхъ же земляхъ, гдѣ захоронены ископаемыя кости ихъ.

Говоря объ ископаемыхъ животныхъ, палеонтологи устанавливаютъ между прочимъ, слѣдующія два положенія: а) крупнѣйшія живутъ меньше мелкихъ и тѣхъ, устройство которыхъ, какъ раковидныхъ, пресмыкающихся и мягкотѣлыхъ, не сложно и б) рыбы крупнѣйшія держатся въ прѣсной водѣ теплыхъ странъ.

Археологи западные и отечественные, сравнивая находки издѣлій человѣка изъ кремня, камня, глины и кости, примѣчаютъ, что при совмѣстномъ залеганіи ихъ съ костями мамонта и носорога, эти издѣлія грубы, слегка оббиты и крупны; часто они имѣютъ видъ простыхъ осколковъ; глиняныя издѣлія очень рѣдки въ этихъ случаяхъ и крайне несовершенны. Когда же подѣлки чело-

вѣка встрѣчаются съ костями, между которыми нѣтъ ни мамонтовыхъ, ни носорожьихъ, — онѣ болѣе тщательно обработаны, при томъ не одною только оббивкою или отескою гальки, но и отачиваніемъ, сглаживающимъ шероховатость поверхности и доводящимъ нерѣдко подѣлку до блеска, будетъ ли она изъ кости, или изъ горной породы, поддающейся отачиванію; встрѣчаются оточенными даже подѣлки изъ кремня. На нѣкоторыхъ костяныхъ и изъ мягкаго, сравнительно, камня издѣліяхъ оказываются хорошо просверленные дырочки, то маленькія воронкообразныя съ обѣихъ сторонъ, то большія, трубковидныя. Подобныя дырочки и сверлины человѣкъ продѣлывалъ должно быть для нанизыванія мелкихъ на ремешки, чтобы всегда имѣть при себѣ, и для насаживанія крупныхъ на рукоятку.

По способу обработки подѣлокъ и по залеганію ихъ съ костями тѣхъ или другихъ животныхъ, дѣлятъ каменный вѣкъ на двѣ части: древнѣйшую или палеолитическую — если подѣлки грубы и встрѣчаются съ костями мамонта и носорога, и новую или неолитическую — если онѣ обработаны тщательно и найдены при отсутствіи костей названныхъ великановъ.

Нѣкоторые археологи видятъ въ отачиваніи и просверливаніи кости и небольшихъ подѣлокъ изъ мягкаго камня переходъ отъ палеолитической части къ неолитической, — а въ отачиваніи, просверливаніи и въ красотѣ подѣлокъ крупныхъ, въ видѣ топоровъ-молотовъ, притомъ изъ значительно твердыхъ горныхъ породъ, переходъ изъ каменнаго вѣка въ бронзовый.

Въ западной Европѣ находятъ, большею частію въ пещерахъ, вмѣстѣ съ издѣліями неолитической части ка-

меннаго вѣка, рисунки человѣка, изображающіе его самого и современныхъ ему животныхъ, сдѣланные при помощи иглы на пластинкахъ изъ кости и мягкаго камня, сланца; находятъ также и изваянія животныхъ.

У насъ рисунковъ не нашли еще, но изваянія животныхъ изъ кости и камня встрѣчаются, особенно на сѣверѣ въ Европейской и Азіятской Россіи. Но слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что сибирскіе инородцы употребляли для домашнихъ нуждъ и для охоты костяныя и каменныя подѣлки еще во вторую половину прошлаго столѣтія, а въ Поморьи и около Онежскаго озера каменные топоры и клинья выдѣлывались въ началѣ второй половины нашего столѣтія.

Издѣлія изъ глины человѣкъ каменнаго вѣка украшалъ узорами и обжигалъ, а въ глину для изготовленія ихъ подмѣшивалъ песокъ, толченый кварцъ и иногда обломки прѣсноводныхъ раковинъ; гончарнаго круга, дающаго ровность и гладкость стѣнкамъ сосуда, онъ еще не зналъ. Богатое украшеніе глиняныхъ издѣлій относятъ ко второй части каменнаго вѣка: на древнѣйшихъ узоръ наносился, говорятъ, либо ногтемъ, либо какимъ нибудь орудіемъ изъ дерева или кости и былъ скуденъ.

Первымъ животнымъ, котораго приручилъ человѣкъ каменнаго вѣка, считаютъ собаку.

О жилищѣ людей каменнаго вѣка заключаютъ по естественнымъ горнымъ пещерамъ, въ которыхъ встрѣчаются бытовые остатки, и по наблюденіямъ надъ современными намъ дикарями; гдѣ не было естественныхъ убѣжищъ, тамъ человѣкъ вырывалъ себѣ логовище въ землѣ, укрѣпляя входъ, въ огражденіе отъ нападенія хищныхъ звѣрей, а гдѣ и земля отказывала въ пріютѣ по низмен-

ности и болотистости, тамъ приходилось жить въ убогомъ шалашѣ, или на вѣтвяхъ деревьевъ въ лѣсахъ. На островѣ Исландѣ и по сосѣдству люди жили очень долго, въ историческія уже времена, въ тѣсныхъ хижинахъ, похожихъ по внѣшности на ульи пчелъ; путешественники встрѣчали обширныя поселенія съ такими ульеобразными постройками и въ Америкѣ. Въ мѣстностяхъ болотныхъ и приозерныхъ люди каменнаго вѣка, но уже неолитической поры, собираясь въ цѣлое общество, строили себѣ домики на сваяхъ, даже среди озеръ, что оберегало ихъ отъ кучныхъ нападений враждебныхъ племенъ и хищныхъ звѣрей. Подобныя постройки исчезли уже во времена историческія; онѣ были еще вѣковъ за пять до Р. Х. въ Румелии; Геродотъ рассказываетъ, что тамъ обитатели свайнаго поселенія среди озера «Прагасъ» избавились отъ покоренія ихъ извѣстнымъ завоевателемъ Даріемъ только потому, что до нихъ невозможно было добраться.

Для восстановленія образа жизни европейцевъ первой половины каменнаго вѣка мало данныхъ. Западные археологи и наши полагаютъ, что ледниковый человѣкъ велъ жизнь ничѣмъ не отличающуюся отъ животныхъ, не зная ни брака, ни семьи и не умѣя сохранять въ своемъ убѣжищѣ огонь. Такого первобытнаго состоянія не встрѣчено въ нынѣшнихъ дикаряхъ, которые, поэтому, достигли уже нѣкотораго развитія. Долго ли человѣкъ оставался въ такомъ положеніи и было ли оно такъ непохоже на жизнь существа, богато одареннаго разумомъ, мы не знаемъ, — всѣ мнѣнія археологовъ по этому вопросу гадательны.

О языкѣ, которымъ говорилъ древнѣйшій насельникъ Европы, упомянуто выше; подробнѣе скажемъ въ томъ

мѣстѣ, которое отводится положеніямъ изслѣдователей о человѣкѣ и племенахъ.

Происхожденіе кучъ раковинныхъ обломковъ объясняютъ накопленіемъ ихъ какъ отбросовъ питанія, что соотвѣтствуетъ образу жизни и обычаю питаться морскими мягкотѣлыми между дикарями береговъ Америки и Африки. Въ Даніи, на морскомъ берегу, не мало холмовидныхъ кучъ, заключающихъ въ себѣ обломки раковинъ, среди которыхъ попадаются грубыя подѣлки изъ кремня и хорошо обработанныя костяныя и сланцевыя; тамъ кучи эти называются кѣккенмеддингами, т. е. кухонными остатками.

Относительно горныхъ породъ, употреблявшихся въ каменный вѣкъ на издѣлія, говорятъ, что человѣкъ пользовался только тѣми, которыя, въ видѣ валуновъ, попадались ему на глаза, или коренное мѣсторожденіе которыхъ находилось по близости его жилища.

Археологи-путешественники, наблюдающіе образъ жизни дикарей, островитянъ и обитателей лѣсовъ и непривѣтливыхъ береговъ Австраліи, Америки и Африки — до сихъ поръ пользующихся еще каменными и костяными подѣлками, въ домашнемъ быту и на охотѣ за звѣремъ, птицею и рыбою, объясняютъ приемы и способы, употребляемые ими при обработкѣ подобныхъ подѣлокъ и заключаютъ, что ископаемыя издѣлія европейца каменнаго вѣка обрабатывались такъ же, какъ и у современныхъ дикарей.

Находки остатковъ человѣка каменнаго вѣка извѣстны за долго, за много столѣтій до Р. Х., но признавались сперва падавшими на землю съ неба, а затѣмъ въ XVI до конца XVIII вѣка — естественными произведеніями при-

роды; въ нашъ только вѣкъ, и не далѣе какъ лѣтъ 50 назадъ, доказано и всѣми знатоками признано, что они сдѣланы руками человѣка.

Попадаютъ эти остатки въ западной Европѣ въ естественныхъ горныхъ пещерахъ, въ водныхъ наносахъ, въ береговыхъ обнаженіяхъ рѣчныхъ долинъ, иногда на сыпуче-песчаныхъ холмахъ около озеръ и морей, — причемъ почти всегда въ образованіяхъ ледниковыхъ; въ весьма рѣдкихъ, всего въ двухъ-трехъ, случаяхъ попали на такіе же остатки въ доледниковыхъ слояхъ. Поэтому и высказано вышеупомянутое мнѣніе, что человѣкъ появился въ Европѣ не раньше ледниковыхъ вѣковъ.

Относительно сѣверо-запада нашего отечества, археологи иновѣрные, а за ними и русскіе, говорятъ, что человѣкъ поселился въ этой части Европы много позднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ ея, и что восточное побережье Балтійскаго моря находилось подъ ледяною корою въ продолженіе всей древнѣйшей части каменнаго вѣка. За основаніе къ такому заключенію принимаютъ, во-первыхъ, отсутствіе здѣсь костей мамонта и насорога, захороненныхъ совмѣстно съ издѣліями человѣка, или такихъ, на которыхъ человѣкъ оставилъ слѣды приложенія къ нимъ рукъ своихъ; во-вторыхъ, чрезвычайно рѣдкіе въ Балтійскомъ побережьи и на востокѣ отъ него вообще случаи находки даже отдѣльныхъ частей костяковъ — ледниковыхъ великановъ; наконецъ, въ-третьихъ, находимыя въ этой части Россіи, считая и Финляндію, равно въ Швеціи и Норвегіи, подѣлки соотвѣтствуютъ по внѣшнему виду неолитическимъ остальной Европы.

Какъ поступалъ ледниковый европеецъ съ умершими людьми—еще не установлено изслѣдователями; но на поверхности Старога и Новаго Свѣта, въ ея настоящемъ видѣ, т. е. въ современную намъ, какъ говорятъ геологи, эпоху, встрѣчаются сооруженія, то изъ большихъ камней, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, то изъ земли, въ видѣ кургановъ, при раскопкѣ которыхъ находятъ костяки людей и при нихъ подѣлки и глиняные сосуды, или сосуды съ пепломъ, остатками пережженныхъ костей и подѣлокъ съ знаками дѣйствія огня надъ ними. Внутри земляныхъ сооруженій бывають иногда особыя помѣщенія, выложенныя изъ камня или дерева, въ которыхъ покоятся одинъ или два или и нѣсколько человѣческихъ остововъ съ орудіями и оружіемъ и съ глиняными сосудами. Въ Западной Европѣ преобладають сооруженія изъ большихъ камней, поэтому они названы мегалитическими памятниками древнихъ насельниковъ—сохраняющей ихъ страны. Въ Сѣверной Россіи, какъ Европейской такъ и Азіатской, преобладають земляныя сооруженія, хотя въ Сибири, изрѣдка и въ средней Россіи, попадаютъ и подобныя Западно-Европейскимъ, каменные.

На Западѣ Европы мегалитическіе памятники называются дольменами, тумулугами, кромлечами и менгирами, а въ Россіи—курганами, сопками, мѣгилами, волотовками и волотовами. Западно-и южно-европейскіе близко сходны съ такими же средней и южной Азіи и сѣверо-восточной Африки.

Видъ русскихъ земляныхъ сооруженій не разнообразенъ, они или коническія съ округленною вершиною, или такія же съ уступомъ на срединѣ высоты, или

плосковыпуклы, и въ этомъ случаѣ то круглыя, то продолговатыя.

Основываясь на этихъ памятникахъ, археологи замѣчаютъ, что доисторическіе европейцы усвоили обычай погребать своихъ покойниковъ и сооружать надъ ними надгробные памятники, въ отдаленныя времена каменнаго вѣка, и оставили его въ наслѣдство нисходящему потомству до нашихъ дней.

Принимая во вниманіе близкое сходство мегалитическихъ въ тѣсномъ смыслѣ памятниковъ Запада Европы съ Азіатскими и Африканскими, можно догадываться, что обычай устраивать ихъ занесенъ въ Европу средне-и южно-азиатскими и сѣверо-африканскими выходцами; а сходство русскихъ земляныхъ погребальныхъ сооруженій съ сѣверо-азиатскими и сѣверо-американскими, даетъ право заключить, что у сѣверянъ земного шара, такой обычай сложился независимо отъ находниковъ изъ срединныхъ странъ его, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, созерцательная дѣятельность и все міровоззрѣніе древнихъ сѣверянъ, выразившіяся въ ихъ вѣрованіяхъ, самостоятельны и не имѣютъ ничего общаго съ проявленіями духа въ этомъ направленіи другими, не-сѣверными обитателями Европы.

Большинство современныхъ намъ племенъ, населяющихъ скудно одѣленные природою окраины Стараго и Новаго Свѣта и проводящихъ жизнь многотрудную, утѣшаютъ себя лучшею, блаженною жизнью послѣ того, когда утомленное тѣло перестаетъ жить на землѣ, то есть жизнью загробною, вѣруя, что человѣкъ умирающій оживаетъ въ нѣдрахъ земли и продолжаетъ свое существованіе, покровительствуя родичамъ, еще остаю-

щимся на поверхности ея. Сообразно съ этимъ вѣрованіемъ, умершаго снабжаютъ для подземной жизни, на первое время, всѣмъ для него необходимымъ и кладутъ, вмѣстѣ съ его тѣломъ, разныя орудія и оружія, не забывая и сосудовъ съ пищею, или для пищи, а могильному сооруженію даютъ видъ обиталища живыхъ людей.

Обитатели сѣверныхъ окраинъ Россіи, такъ называемые инородцы, почти всѣ кочевники, живутъ большею частію въ шалапахъ, то коническихъ, то съ вершиной плоско-округленной, то въ продолговатыхъ хижинахъ. Вѣрованія ихъ похожи въ общихъ чертахъ на приведенныя; значитъ всѣ, или почти всѣ, земляныя могильныя сооруженія на русской землѣ можно принимать за свидѣтельства о внѣшности человѣческихъ обиталищъ современной геологической эпохи, значительную часть которой захватилъ каменный вѣкъ.

Наблюдатели замѣчаютъ, что насельники Россіи курганныхъ вѣковъ любили жить и сооружать курганы умершимъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. Въ незначительныхъ холмикахъ, называемыхъ мѣгилами и волотовками, находятъ большею частію сожигальное погребеніе, о которомъ упоминаютъ арабскіе писатели, посѣщавшіе въ IX—X вѣкѣ наши окраины, и начальная русская лѣтопись; тѣ же холмики, въ которыхъ лежатъ костяки человѣка и которыхъ много въ древнихъ Новгородскихъ областяхъ, сооружены, судя по остаткамъ оружія и частей одежды и украшеній, по большей части, во время войнъ и принадлежатъ могиламъ чужеземцевъ.

Въ древнихъ Новгородскихъ областяхъ встрѣчается много кургановъ, выложенныхъ въ основаніи круп-

нымъ валуномъ, аршина на два, а вокругъ кургана идетъ ровъ, шириною въ сажень; глубину опредѣлить затруднительно, рвы сильно запыли и засорились; но по всей вѣроятности они были значительной глубины, такъ какъ и теперь не мельче аршина. Почти всегда ровъ имѣетъ перемычку, въ родѣ мостика, ведущаго на курганъ, съ полуденной стороны чаще, чѣмъ съ другихъ. Извѣстно, что древнія поселенія живыхъ людей окапывались рвами, чтобы затруднить стремительность непріятельскихъ набѣговъ; погребальныя сооруженія удержали, значитъ, и эту принадлежность при устройствѣ жилищъ для своихъ покойниковъ. Въ Ильменской странѣ установился давно, задолго до начальной русской лѣтописи, обычай отводить покойникамъ общія мѣста для погребенія ихъ и для захороненія сосудовъ съ пепломъ сожженныхъ труповъ. Большею частію такія мѣста назывались жальниками и коломищами, а иногда волотовами и волотовками,—но послѣднихъ немного въ сѣверо-восточной и сѣверо-западной частяхъ страны,—ими, или собственно волотовками, зовутся общія мѣста покоя, кладбища, въ верховьяхъ рѣкъ Ловати, Западной Двины, Днѣпра и Волги, тамъ гдѣ Оковскій лѣсъ начальной лѣтописи, или Волоковскій позднѣйшаго сравнительно лѣтописнаго сборника «Степенной Книги».

Имя «Коломище» объяснено выше; жальникъ произошелъ отъ—сожалѣнія объ умершемъ; происхожденіе же имени Волотово и Волотовки ставятъ многіе именитые наши писатели, духовные и свѣтскіе, въ зависимость отъ «Волоса» или «Велеса, скотія бога», и отъ волотовъ, сказочныхъ великановъ. Но возможно болѣе

простое объясненіе. Среди населенія древнихъ пятинъ Шелонской и Вотьской слышится еще и теперь поговорка: «на погостъ волокутъ — всѣ горя пропадутъ»; извѣстно также и въ другихъ мѣстахъ Новгородскихъ земель слово «волочуга», означающее большую кучу сѣна, вывозимаго изъ низинъ на пригорки на древесныхъ вѣтвяхъ лошадыю или людьми; извѣстно также, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Новгородскихъ и въ западномъ побережьи Ладожскаго озера, гдѣ живетъ «Ижора»,—православные Финны,—покойниковъ возятъ на кладбище зимою и лѣтомъ на саняхъ, т. е. «волокутъ». Взаимный переходъ въ живой напей рѣчи звука *ч* въ *т* и теперь нерѣдкость, напримѣръ — ворочать и вѣротъ, молотить и молоченье. Такимъ образомъ названіе кладбищъ волотовами и волотовками можно производить отъ обычая «волочить на погостъ».

Близъ Новгорода есть холмъ, съ именемъ Волотово; мѣстность, его окружающая, представляетъ значительную равнину, называемую Богатырскимъ полемъ. Существуетъ преданіе, занесенное въ лѣтописные сборники позднѣйшаго состава, что на Волотовѣ похороненъ старѣйшина Гостомыслъ, давшій Новгородцамъ совѣтъ призвать Варяжскихъ державцевъ, для водворенія порядка и охраненія обширныхъ областей Ильменской страны отъ внѣшнихъ нападений. Насколько вѣрно это преданіе и не вымыселъ ли вообще досужихъ книжниковъ стараго времени, любившихъ щеголять, по примѣру сочинителей польскихъ временниковъ или хроникъ, новизною свѣдѣній, заносимыхъ ими въ свои лѣтописные сборники, извѣстіе о Гостомыслѣ—скажетъ будущее, во всякомъ же случаѣ его нельзя не признавать

сомнительнымъ и не причислять къ домысламъ и олицетвореніямъ событій, дѣйствительныхъ или преданій; самое имя старѣйшины—Гостомысль, побуждаетъ относиться осторожно къ существованію этого лица; если держалось преданіе, занесенное и въ начальную русскую лѣтопись, о призваніи варяговъ, то естественно первая мысль о немъ принадлежитъ кому нибудь; иноплемennыхъ находниковъ звали въ Новгородъ вообще гостями; грамотѣю не трудно было, поэтому, олицетворить преданіе и выдумать старѣйшину Госто—мысль. Окрестности Волотова называютъ Богатырскимъ полемъ, а Волотово производятъ отъ Волотовъ—великановъ еще и потому, что тутъ находили, будто бы, огромныя кости людей-богатырей. Но ни разспросы, ни раскопки наши не дали ничего въ подтвержденіе сказанія о великанахъ.

III. Юрьевскій жальникъ.

Особенно много древнихъ кладбищъ называемыхъ жальниками въ Бѣжецкой пятинѣ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ Валдайскомъ и Боровичскомъ. Всѣ они расположены на возвышенностяхъ, въ живописныхъ мѣстностяхъ. На жальникахъ вообще сохранялись долго послѣ просвѣщенія Руси святымъ крещеніемъ языческіе обычаи справлять около Троицы поминки по умершимъ, что было «праздникомъ мертвыхъ». Въ XVI в. царь Иванъ IV, созвавъ соборъ духовныхъ владыкъ для устройства «пораспатавшагося» православія, предложилъ ему вопросъ, въ числѣ многихъ другихъ, о бѣснованіяхъ

передъ Троицей на жальникахъ. Соборъ установилъ запрещеніе собираться и устраивать игры въ честь умершихъ. Отвѣты на царскіе вопросы изложены въ особомъ сборникѣ постановленій собора, имѣющемъ сто главъ, поэтому и самый соборъ называется Стоглавомъ и Стоглавымъ.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ, близъ знаменитаго села Кончанскаго, въ которомъ проживалъ нашъ великій полководецъ Суворовъ, лежатъ два селенія, Юрьево и Горка. Оба, равно какъ и Кончанское, раскинуты на холмахъ Алаунскихъ горъ и окружены озерами и болотами, остатками озеръ пересыхающихъ. Весною во время разлива, названные и другія сосѣднія селенія представляются разбросанными по холмамъ обширнаго острова, верстъ 30 въ поперечникѣ, охваченнаго разливомъ озеръ, рѣкъ и ручьевъ. Судя по усыханію многихъ озеръ на памяти окрестныхъ старожиловъ, можно предположить, что еще въ не особенно давнее время описываемая мѣстность была круглый годъ островомъ.

Изъ озеръ болѣе значительны Лютое и Шергозеро, соединяемыя рѣкою «Узмень». Отсюда берутъ начало притоки рѣкъ Мсты и Волги, соединяющихся посредствомъ ихъ весной. Въ имѣніи Ив. Плат. Владимірскаго, примыкающемъ къ надѣлу селеній Юрьево и Горки, весьма живописномъ и отстоящемъ отъ Кончанскаго верстъ на пять къ западу, есть самый высокій въ этой мѣстности холмъ, обращенный крутизнами на озеро Лютое и на рѣку Узмень. Небольшая часть его, ближайшая къ обѣимъ крутизнамъ, называется жальникомъ.

Окрестные жители считаютъ жальникъ, называемый нами по имени ближайшаго селенія—Юрьевскимъ, глав-

нѣйшимъ изъ всѣхъ околныхъ и питаютъ къ нему и уваженіе и страхъ. Весь холмъ и самый жальникъ поросли крупнымъ столѣтнимъ лѣсомъ, сосною и елью, боковыя же покатоности распаханы.

Уваженіе и страхъ охраняютъ лѣсъ; по объясненію сосѣдей, на жальникѣ никто не срѣжетъ и прута, никто не возьметъ и хворостины. Поэтому вся, впрочемъ незначительная, площадь этого кладбища представляетъ сплошную чащу, засоренную буреломомъ и поросшую мохомъ. По расчисткѣ оказалось, что тутъ скучено множество валуновъ, круглыхъ и колотыхъ, различныхъ горныхъ породъ, мѣснаго, розоватаго и бѣловатаго песчаника и заносныхъ, преимущественно слюдистыхъ сланцевъ и кварцевъ ровнаго молочнаго цвѣта; между послѣдними попадаютъ валуны пудовъ по десять.

Верхній слой всѣхъ холмовъ здѣсь занимаетъ мелкій желтоватый песокъ, толщею не меньше четырехъ аршинъ, съ залегающими въ немъ, то по одиночкѣ, то большими гнѣздами, валунами названныхъ породъ. Ниже желтоватаго идетъ красновато-охристый песокъ, съ валунами же и щебнемъ. При наблюденіи строенія Алаунскихъ холмовъ въ береговыхъ отлетахъ на всемъ пространствѣ между Ильменемъ и Шексною, приходилось видѣть залеганіе подъ охристымъ пескомъ твердаго песчаника, то красноватаго, то бѣловатаго, а въ охристомъ пескѣ ясно выраженную слоеватость. На Кончанско-Юрьевскихъ холмахъ добратся до твердаго песчаника не приходилось, но, по преобладанію его въ породахъ жальника, позволительно предположить, что онъ залегаетъ и тутъ подъ охристымъ пескомъ.

Въ порожистомъ руслѣ рѣки Узмени много гальки,

кремня, кремнистаго, повидимому, известняка и такого же роговика; нужно при этомъ оговориться, что, назвавъ этими именами кремнистыя породы, мы основываемся только на наглядности, не исключаящей ошибокъ.

На поверхности холма съ жальникомъ, на вспахиваемыхъ поляхъ близъ него и по дорогамъ отъ барскаго дома во всѣ стороны разсыпано множество осколковъ кремнистыхъ породъ, большою частью острыхъ и какъ-бы зазубренныхъ при употребленіи ихъ какъ орудій. Между осколками такихъ же породъ, какія въ руслѣ Узмени, попадаетъ и чистый черный кремень.

На жальникѣ вмѣстѣ съ валунами встрѣчаются грубо обработанные изъ мѣснаго песчаника крупные четырехконечные кресты, указывающіе на продолженіе заселенія его покойниками и послѣ крещенія Руси. Сосѣди говорятъ, что тутъ былъ въ древности монастырь; въ писцовой книгѣ Бѣжецкой пятины имѣется подтвержденіе этого говора, хотя и не ясное.

По расчисткѣ жальника оказалось, что почти на срединѣ площади его нѣсколько приподнимается надъ поверхностью какое-то, совершенно плоское, круглое сооруженіе, обложеное съ боковъ и сверху валуномъ; поперечникъ его пять сажень, а вышина отъ [поверхности около аршина. Тщательная расчистка обнаружила личность рва, охватывающаго это [сооруженіе, съ перемычкой съ сѣверо-востока; — ширина рва около двухъ аршинъ, а глубина до аршина. Такимъ образомъ расчищенное сооруженіе дало въ рвѣ существенный признакъ погребальнаго, хотя подобнаго вида кургановъ еще не было найдено нигдѣ.

На поверхности кургана высились столѣтнія и моло-

дыя сосны и ели. Разбирая камни, рабочіе замѣтили, что по всей поверхности они расположены одинаково и въ такомъ же порядкѣ, какъ въ деревняхъ укладываютъ въ баняхъ сводъ печи, называемой каменкою. Камень поверху кургана былъ больше колотый, въ видѣ плитъ.

Когда разобрали первый сводъ, почти на срединѣ кургана, подъ нимъ непосредственно нашли чистый сухой сыпучій песокъ, мѣстный, иногда содержащій древесные угли и обломки пережженныхъ костей животныхъ; углубляясь вершка на четыре, стали вырывать постоянно острые, кое-гдѣ зазубренные, осколки кремневидныхъ мѣстныхъ же породъ, съ знаками копти, разныхъ размѣровъ; спустившись въ глубину еще вершка на четыре, попали на костякъ человѣка. Песокъ, прилегавшій къ нему, былъ окрашенъ вершка на полтора въ темно-грязный цвѣтъ; у самой головы, около правой руки и въ грудной клѣткѣ взяли нѣсколько острыхъ кремневыхъ осколковъ, имѣющихъ видъ грубо оббитыхъ наконечниковъ стрѣлъ. Нѣсколько дальше и выше головы и ногъ собраны обломки глиняныхъ сосудовъ, повидимому двухъ: тутъ проходили толстые корни сосенъ, которые, вѣроятно, раздробили сосуды и разъединили осколки ихъ; по обработкѣ эти сосуды весьма грубы, но не особенно толсты; сосудъ, стоявшій надъ головою — былъ невысокій, плоскодонный, широкій сверху, такой, какъ нынѣшнія деревенскія латки; а другой, что въ ногахъ, болѣе крупный, какъ деревенскій же горшокъ-кашникъ среднихъ размѣровъ, то-есть: съ плоскимъ дномъ, постепенно расширяющійся отъ основанія и закругляющійся къ срединѣ высоты, а затѣмъ суживающійся къ верхнему краю, нѣсколько вогнутому въ видѣ желобка, охватывающаго

его. Подъ головою костяка лежалъ камень. Ногами покойникъ обращенъ къ сѣверо-востоку, руки на лобкѣ, лѣвая на правой; лицо смотритъ на сѣверъ.

Ни на костяхъ, ни на пескѣ нигдѣ не видно ни малѣйшаго слѣда металлической окиси.

По выемкѣ всего песку, осыпавшаго покойника, оказалось: а) для погребенія его не было вырыто ямы, трупъ положили на самую поверхность площади жальника; б) для него выложено, въ видѣ правильного четвероугольника, гробовище изъ крупныхъ валуновъ, проложенныхъ для устойчивости колотымъ щебнемъ; по засыпкѣ покойника, оно покрыто объясненнымъ уже сводомъ; в) дно гробовища, или подстилка трупу, приготовлено изъ бѣлаго песку—средняго между гравіемъ и хрящемъ, — а поверхъ ея лежитъ слой углей и золы; г) въ правой стѣнкѣ гробовища продѣлано окнообразное отверстіе, чрезъ которое человѣкъ можетъ пролѣзть, и д) по обѣ стороны костяка, въ разстояніи отъ тазовыхъ костей его на полгаршина, поставлены четыре головки молодыхъ людей, отъ 10 до 14 лѣтъ, темянемъ вверхъ, лицами къ костяку; при трехъ изъ нихъ было по 3--4 шейныхъ позвонка и два-три обломка первыхъ реберъ; — голова четвертаго раздроблена и обломки разъединены корнемъ сосны; ни другихъ частей костяковъ, принадлежащихъ этимъ черепамъ, ни окрашенія песку по близости череповъ въ мутно-грязный цвѣтъ — не примѣчено.

Ростъ покойника въ могилѣ, отъ затылка до конца большой берцовой кости, 2 арш. 8 вершковъ. Всѣ части костяка сохранены, недостаетъ лишь нѣкоторыхъ пальцевыхъ, пястныхъ и ступневыхъ, или истлѣвшихъ, или унесенныхъ гробовымъ жучкомъ, либо мышью.

Полное раскрытіе всей поверхности кургана обнаружило еще четыре такихъ же, какъ описанное, гробовища, но много меньшихъ и въ длину и въ ширину, и въ трехъ изъ нихъ по костяку, четвертое же было пусто, хотя подстилка такая же, какъ подъ первымъ и всѣми прочими костяками. Въ пескѣ этого пустого гробовища не найдено ни одного кремневаго осколка и ни одного черепка сосуда; — въ углу же, ближайшемъ къ южной части перваго гробовища, нашли много углей и недогорѣвшихъ сосновыхъ головень, самый же уголь каменной кладки сильно закопченъ; въ засыпкѣ cadaго покойника трехъ гробовищъ повторилось то же, что и въ первомъ.

Кромѣ острыхъ кремневыхъ осколковъ были захоронены въ каждомъ гробовищѣ съ костякомъ большіе куски кремня, съ слѣдами откалыванія пластинъ; на нихъ не видно никакихъ слѣдовъ пригари и копоти.

Въ гробовищѣ надъ головою частію перваго, слѣва отъ костяка, сряду за стѣнкою, нашли кучу обломковъ пережженныхъ костей, между которыми нѣсколько черепныхъ человѣка. Куча имѣла видъ воронки; вѣроятно кости эти были принесены сюда уже послѣ погребенія покойника, захороненнаго въ этомъ гробовищѣ, чтобы закопать ихъ здѣсь, причемъ необходимо было часть свода разобрать и вырыть воронкообразную яму.

Если идти отъ барскаго дома къ жальнику, то, не доходя его сажень пятьдесятъ, влѣво отъ дороги, близъ пашни, будутъ два небольшихъ плоско выпуклыхъ и нѣсколько удлиненныхъ холмика, почти рядомъ; ни камней въ основаніи, ни рвовъ вокругъ ихъ нѣтъ. Разрѣзъ обоихъ далъ въ нихъ, начиная съ основанія, нѣсколько слоевъ

угля и золы, изъ которыхъ каждый прикрывается слоемъ мѣстнаго песку; слои повторяются много разъ и почти всѣ одинаковой толщины. Въ угольно-пепельныхъ слояхъ всегда попадаются, такъ же какъ и въ курганѣ жальника, острые кремневидные осколки съ пригаромъ и копотью, равно какъ и тамъ, черепки глиняной посуды и обломки пережженныхъ костей, но въ числѣ ихъ не найдено принадлежащихъ костямъ человѣка. Тутъ, какъ и въ курганѣ жальника, нѣтъ никакихъ слѣдовъ металлической окиси. — По положенію этихъ кургановъ близъ пашни они названы полевыми.

На разстояніи около полу-версты отъ жальника къ востоку, въ низинѣ, покрываемой разливомъ рѣки Узмени и пороспей молоднякомъ березы, ольхи и ели, высится сажени на четыре курганъ-сопка, круглый, кверху съуживающійся и оканчивающійся площадкою аршинъ пять въ поперечникѣ. Онъ поросъ такимъ же молоднякомъ, лежитъ въ надѣлѣ крестьянъ деревни Горки и названъ Горскимъ.

Раскопка указала, что этотъ курганъ обведенъ рвомъ аршина въ два ширины и съ аршинъ глубины; съ полдня, отъ рѣки, во рвѣ перемычка; но въ основаніи, на поверхности, нѣтъ камня. На глубинѣ отъ верхней площадки не болѣе аршина попадались обломки черепковъ грубой глиняной посуды, угли и обожженные, въ незначительныхъ кусочкахъ, кости, — между которыми встрѣчались изрѣдка черепныя человѣка и грубые острые осколки кремневидныхъ породъ. На глубинѣ ниже аршина и до 3-хъ ясно выражена точно такая же, какъ и въ разрѣзахъ полевыхъ кургановъ, слоистость; на дальнѣйшей глубинѣ до самаго основанія (раскопка велась кресто-

образно и колодцем) не было ничего кромѣ чистаго мелкаго песку, составляющаго насыпь кургана и залегающаго по всей низинѣ сряду подѣ дерномъ однородною толщею, испытанною здѣсь до трехъ аршинъ. Раскопки скатовъ кургана, не затронутыя крестообразными рвами, обнаружили въ пяти—шести мѣстахъ также захороненіе обломковъ горшковъ, углей, кусочковъ жженныхъ костей и острыхъ осколковъ кремневидныхъ породъ; въ одномъ мѣстѣ, почти въ основаніи кургана и на глубинѣ отъ поверхности ската до двухъ аршинъ, нашли остатки недогорѣвшаго костра, какъ и въ углу пятаго гробовища кургана жальника, съ головнями, на половину только обуглившимися;—и здѣсь, какъ на жальникѣ, лѣсь употребленъ для костра сосновый и еловый, крупныхъ размѣровъ; положеніе угля и головень указываетъ, что костеръ засыпанъ былъ пескомъ въ полномъ разгарѣ. Въ волѣ, подѣ слоемъ угля, собраны весьма крупныя кремневидныя камни.

На низинѣ, среди которой расположенъ описанный курганъ, и на всѣхъ другихъ, въ окрестностяхъ жальника, подобныхъ же низинахъ не найдено кремневыхъ обломковъ; ихъ тутъ вообще нѣтъ, какъ говорятъ окольные жители.

Пастушки и деревенскіе мальчики любятъ рыться въ Горскомъ курганѣ и часто жгутъ костры на вершинѣ и по бокамъ его.

Третій столъ.

На срединѣ листокъ глазомѣрной съемки мѣстности жальника и кургановъ полевыхъ и Горскаго. На краю стола у окна четыре щитика съ предметами, взятыми на

жальникѣ и въ курганахъ; между щитками и листкомъ— своеобразный предметъ, грубо вытесанный изъ мѣстнаго песчаника. Онъ найденъ при расчисткѣ площади жальника между валунами, крупными и такими же грубыми крестами, и между обломками крестовъ и другихъ, сходныхъ съ нимъ, предметовъ. Ближайшее назначеніе, по видимому, этого издѣлія изъ камня—служить намогильнымъ памятникомъ;—видъ же его какъ удлиненное Z, и точно такіе же куски, не то обломки, не то отдѣльныя части подобныхъ же издѣлій, говорятъ за наличность установившагося, ко времени сооруженія плоскихъ кургановъ съ гробовищами, обычая ставить такіе памятники вообще надъ могилами усопшихъ. Если принять, что отдѣльные куски составляютъ части точно такого же предмета, а не обломки поврежденнаго цѣлаго, въ такомъ случаѣ, приложивъ къ срединѣ предмета съ обоихъ сторонъ по куску, получимъ въ двухъ положенныхъ крестообразно, весьма близкое подобіе священнаго знака буддійцевъ—ихъ большой *сварги*.

На наиболѣе гладкой сторонѣ этого предмета, положеннаго плашмя, въ площади загиба его слѣва, высѣченъ первобытнымъ способомъ, т. е. ячейками, прямой равноконечный крестъ, къ правому крылу котораго прикасается полулунная дуга, рогами вправо,—высѣченная такимъ же первобытнымъ способомъ; общій видъ этого изображенія тамга.

Въ одномъ изъ полевыхъ кургановъ найдена кремневидная плитка; камень должно быть слоеватый. Судя по поверхности и по ребрамъ, плитка была долго въ употребленіи. Она нашита на первомъ щиткѣ лѣвой стороны стола, сряду подѣ надписью «Полевые курганы».

Въ лѣвомъ верхнемъ углу плитки имѣется такой же крестъ, къ одному изъ крыльевъ его примыкаетъ также луновидная дуга, но рогами влѣво. Сдѣланъ ли этотъ знакъ рукою человѣка, или, судя по ровности и полировке частей его, онъ образовался въ зависимости отъ слоеватости камня,—что вѣроятнѣе,—но во всякомъ случаѣ плитка служила человѣку не орудіемъ.

На одномъ изъ черепковъ глинянаго сосуда, бывшаго въ ногахъ покойника самаго большого гробовища плоскаго кургана жальника, сдѣланъ тоже прямой крестъ, нацарапанный по сырой глинѣ какимъ либо остриемъ; здѣсь черта горизонтальная вдвое длиннѣе вертикальной.

Прямой четвероконечный крестъ, безъ загиба всѣхъ концовъ въ одну сторону, именно влѣво, соответствуетъ малой сваргѣ буддійцевъ.

Въ Датскихъ тумулусахъ находятъ иногда полные четвероконечные крестики серебряные, при обстановкѣ погребальной, не дающей никакихъ указаній на возможность сооруженія подобныхъ тумулусовъ послѣ Р. X.

По обѣ стороны рисунка мѣстности и надъ нимъ разложены: огромные нуклеусы-молоты и крупные копьевидные куски кремнистыхъ породъ, а также обломки глиняной посуды и болѣе мелкіе осколки тѣхъ же породъ, собранные на площади жальника, неглубже 5—6 вершковъ отъ поверхности.—На бѣльшей глубинѣ никакихъ подобныхъ обломковъ и осколковъ не попадалось.

Находки Коломецкія.

Пространство поселенія, оставившаго на Коломцахъ, въ жиломъ перегноѣ, прикрытомъ красноватою глиною, достовѣрнѣйшаго свидѣтеля быта Ильменцевъ въ каменный вѣкъ,—занимало, какъ объяснено выше, площадь не меньше версты во всѣ стороны. Но изслѣдована пока незначительная часть ея, всего около 1,500 квадратныхъ сажень;—зато эта часть не подвергалась ни размыванію сосѣднихъ водоемовъ, ни поврежденію со стороны глинокопателей и представилась при раскопкахъ дѣвственно цѣльною.

Въ теченіе пяти лѣтъ усиленныхъ работъ собрано на Коломцахъ около 45 тысячъ предметовъ, захоронившихся въ жиломъ перегноѣ, считая каждый обломокъ глиняной посуды, каждую кость, каждый камень и каждый кремнь съ знаками на послѣднихъ двухъ употребленія ихъ на нужды и потребности человѣка.

Изъ общаго числа Коломецкихъ находокъ выставлено въ двухъ залахъ дворца до 20 тысячъ.

До нашего собранія не было еще ни въ Западной Европѣ, ни въ Россіи такого огромнаго количества остатковъ каменнаго вѣка, добытыхъ на незначительномъ сравнительно пространствѣ раскопанной площади. Поэтому мы не будемъ останавливаться, какъ дѣлаютъ многіе изслѣдователи подобныхъ находокъ, не только на каждомъ предметѣ, но и на цѣлой совокупности однородныхъ, а ограничимся лишь бѣглымъ очеркомъ этихъ послѣднихъ, предпославъ всѣмъ находкамъ нѣсколько общихъ замѣчаній и объясненій.

Коломецкія находки представляют свою совокупностью повтореніе почти всѣхъ видовъ, собранныхъ въ разныхъ частяхъ Старога и Новаго Свѣта, подѣлокъ человѣка каменнаго вѣка и современнаго намъ дикаря; различіе наблюдается только въ размѣрахъ, обусловливаемыхъ величиною тѣхъ валуновъ и кремневыхъ желваковъ, изъ которыхъ человѣкъ обрабатывалъ свои орудія, и количественнымъ преобладаніемъ горныхъ породъ.

Исслѣдователи первобытія европейцевъ, объясняя ихъ подѣлки, руководствуются употребленіемъ подобныхъ же предметовъ современными дикарями; но этотъ пріемъ едва ли вѣренъ настолько, чтобы имъ довольствоваться; климатическія и другія условія окружающей человѣка природы настолько разнообразны, что поневолѣ приходится считаться съ ними всякій разъ, когда мы прибѣгаемъ къ сравненіямъ подѣлокъ эскимоса, австралійца и жителя Огненной Земли; къ тому же успѣхи человѣкодѣнія и народовѣднія не достигли еще той законченности изысканій, при которой слѣдуетъ смотрѣть на положенія и выводы этихъ областей знаній, какъ на научныя истины; новыя наблюденія и изысканія даютъ и новое освѣщеніе изучаемому предмету. Независимо отъ высказаннаго позволительно сомнѣваться, чтобы человѣкъ, по силамъ духовной природы своей, достигалъ развитія и совершенства всегда и вездѣ въ одинаковой послѣдовательности.

Въ силу высказанныхъ соображеній мы будемъ только въ крупныхъ чертахъ обобщать назначеніе Коломецкихъ находокъ и то предположительно, примѣняясь къ нынѣшнимъ простѣйшимъ подѣлкамъ незатѣливаго быта трудящагося люда.

Первыми предметами, служившими древнему человѣку, могли быть, что уже высказано, кость и рогъ, дерево и камень, валявшіеся у него подъ ногами.

Кость и рогъ.

Налѣво и направо отъ входа въ первый залъ дворца размѣщены на 27 щитахъ костяныя и роговыя подѣлки. По способу обработки онѣ двухъ видовъ.

Преобладающее большинство принадлежитъ, на первый взглядъ, естественнымъ осколкамъ трубчатой кости, раздробленной человѣкомъ при добываніи содержащагося внутри ея костнаго жира. Къ подѣлкамъ же мы относимъ ихъ потому, что на ребрахъ излома нигдѣ не видно остистости и шероховатости, всегда встрѣчающихся на площадяхъ откола, а ясны слѣды отиранія ихъ пескомъ или землею, предшествовавшего ли пользованію костью какъ орудіемъ,—или выразившагося при копаніи ею земли для добыванія съѣдобнаго корня, растенія или червяка; кромѣ того, почти на каждомъ остромъ концѣ видны на ребрахъ излома знаки пригара, получившіеся уже послѣ откола кости.

Весьма много острыхъ осколковъ, подправленныхъ,—или отдѣленіемъ, посредствомъ откола же, отъ острія частей, чтобы получить тонкую и значительно длинную подѣлку съ острымъ концомъ,—или постепеннымъ отачиваніемъ излишка кости о камень для приданія того же вида тонкой и длинной подѣлкѣ.

Не мало также осколковъ, имѣющихъ очертаніе остро-

вершиннаго треугольника, съ прямымъ или нѣскольکو скошеннымъ основаніемъ, или такихъ, которые очень тонки и имѣють оба конца одинаково острые.

Наименьшее количество составляютъ подѣлки, тщательнo оточенныя, — чаще съ одного конца, — въ остріе; большею частію онѣ остро-округленныя, — иногда же бываютъ и плоско-заостренныя. Между подѣлками этого вида попадаются обработанныя на столько хорошо, что отъ нихъ не отказался бы и современный токаръ средней руки. На нѣкоторыхъ проверчены дырочки, то воронкообразныя съ обѣихъ сторонъ, то ровно трубчатыя, приче́мъ иногда проведены тутъ же, близъ дырочки, глубокія бороздки, то рядомъ одна съ другою, то расходящіяся въ сторону отъ дырочки.

Большинство гладкооточенныхъ подѣлокъ походятъ вообще на проколки, пила, наконечники для стрѣлъ и копій и т. п.

Но бываютъ и особенныя, къ каковымъ относятся: а) старательно обработанныя изъ трубчатой кости съ толстою стѣнкою; человекъ отачивалъ отколъ по длинѣ, пока ребра обѣихъ сторонъ не сравняются, — затѣмъ онъ спускалъ ребра къ одному концу, начиная съ середины всей длины задуманной подѣлки, такъ что ребра входили своимъ скатомъ въ средину выпуклости тыльной стороны кости, которая при этомъ затачивалась съ внутренней и наружной стороны равномерно до взаимнаго пресѣченія обѣихъ. Такимъ образомъ получалось желобчатое долото съ прямымъ остріемъ. Иногда отачивалась, послѣ значительнаго спуска реберъ, только наружная сторона полой кости, по ея выпуклости, тоже до пресѣченія съ желобиною внутренней стороны, отчего

получалось желобчатое же долото съ такимъ же и остріемъ; и б) полая толстая кость оточена съ обѣихъ сторонъ такъ, что получила видъ прямой плитки; одинъ конецъ ея, болѣе широкій, спущенъ подъ острымъ угломъ до пресѣченія съ противоположною стороною, какъ теперешнее зубило, — другой же конецъ нѣскольکو сточенъ по ребрамъ, такъ что остріе вышло значительно шире тыля; — или: оточенная въ видѣ плитки кость спущена равномерно съ обѣихъ широкихъ сторонъ до пресѣченія ихъ подъ самымъ острымъ угломъ, на подобіе лезвія современнаго намъ топора; — или, наконецъ, круглый кусокъ оленьяго или лосинаго рога спущенъ на одномъ концѣ, тоже равномерно, въ остріе какъ у топора. — Подѣлки, подобныя описаннымъ, рѣдки.

Къ особеннымъ же подѣлкамъ слѣдуетъ отнести, тоже немногочисленныя, изъ рога и медвѣжьей или кабаньей челюсти.

Изъ рога человекъ выдѣлывалъ рукояти или топорича. Онъ бралъ для этого кусокъ рога оленя или лося; — въ одномъ случаѣ кусокъ взять большой, повидимому та часть рога, которая составляетъ основаніе и первый загибъ его, на нижнемъ концѣ; въ этомъ единственномъ случаѣ вырѣзана на нижнемъ концѣ шишка, а на отломѣ загиба выдолбленъ желобокъ; шишка служила, должно быть, для привязыванія подѣлки къ поясу, а желобокъ для вставки наостренія, подобнаго описаннымъ топорикамъ; въ другихъ случаяхъ человекъ или отбивалъ отъ рога лося отростокъ и продѣлывалъ въ широкомъ концѣ желобокъ, или откалывалъ отъ черепа быка подроговой отростокъ, равнялъ отколъ отачиваніемъ на камнѣ, вѣроятно съ пескомъ и водою; нѣскольکو вы-

далбливалъ средину оточеннаго края и затѣмъ стачивалъ ребра откола книзу, т. е. къ выдолбленному мѣсту.

Челюстями медвѣдя или кабана, человѣкъ пользовался двояко: или спускалъ узкую часть съ обѣихъ сторонъ равномѣрно въ копьевидное остріе для навязыванія подѣлки на древко, на что указываютъ сохранившіеся въ одномъ случаѣ зарубки на противоположащихъ ребрахъ широкой стороны челюсти,—или, спустивъ нѣсколько ту же узкую часть съ обѣихъ сторонъ, срѣзаль полученное такимъ образомъ остріе такъ, что въ поперечинѣ выступало наружу трехгранное гнѣздо кабаньяго клыка, имѣя всѣ стѣнки одинаковой толщины; въ это гнѣздо вставлялся острый осколокъ твердой кости или камня, соотвѣтствующій размѣрамъ гнѣзда.

Встрѣчаются довольно часто отрѣзки или отколы челюстей и лопатокъ, обработанные въ видѣ колючекъ-растопырокъ. Подобная подѣлка съ длиннымъ прикрѣпленнымъ къ ней ремешкомъ можетъ быть объясняема какъ снарядъ для уженья крупной рыбы: насаженная на колючку лягушка или рыбка легко введетъ въ обманъ большого налима или щуку.

Изрѣдка попадаются подѣлки, похожія на крючки для ловли мелкой рыбы и на гарпуны для крупной.

При чрезвычайной сжатости жилого перегоня, сдавленнаго тяжестью лежащаго на немъ толстаго, свыше 4 аршинъ, и въ высшей степени плотнаго пласта красноватой кирпичной глины и ежегодно сдавливаемаго, по крайней мѣрѣ съ XIV в. по Р. Х., весеннимъ стояніемъ надъ всею Коломецею площадью слоя воды отъ двухъ до трехъ аршинъ толщиною,—почти всѣ кости и подѣлки изъ нихъ извлекаются изъ перегоня лопнув-

шими въ продольномъ и поперечномъ направленіи въ трехъ—четырехъ и болѣе мѣстахъ; но неповрежденными оказываются единственно кости черныя или темнобурая; эти послѣднія, будучи высушены, очень вѣски сравнительно съ прочими и звенять какъ фарфоръ; поверхность ихъ всегда блестяща. Возможно допустить, что подобныя кости и подѣлка изъ нихъ относятся не къ тѣмъ, которыя ильменецъ получалъ отъ убитаго и съѣденнаго имъ животнаго, а къ собраннымъ на поверхности, въ сторонѣ отъ Коломцовъ, или выкопаннымъ при добываніи съѣдобныхъ корней или червей.

Выставлено весьма много подѣлокъ изъ кости, являющихся повтореніемъ однихъ и тѣхъ же видовъ. Побужденіемъ къ этому служить, во-1-хъ, огромное количество залеганія ихъ въ жиломъ перегноѣ, доказывающее густоту заселенія Коломцовъ въ каменный вѣкъ, а во-2-хъ то, что одна или нѣсколько подѣлокъ подобнаго вида дадутъ невѣрное представленіе о значеніи ихъ, не исключаяющее сомнѣній объ этихъ косточкахъ какъ о подѣлкахъ. Но когда ихъ множество и притомъ разнообразныхъ и всегда съ однимъ острымъ концомъ—сомнѣніе падаетъ.

Сравнивая наши костяныя подѣлки съ такими же, найденными въ западной Европѣ и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, нельзя не видѣть сходства коломецкихъ наиболѣе близкаго съ шведскими, датскими, и британскими по раамѣрамъ, по способамъ обработки и вообще по виду; изъ русскихъ, весьма впрочемъ незначительныхъ, за исключеніемъ сдѣланныхъ профессоромъ А. А. Иностранцевымъ, находки коломецкія повторяются въ собраніи остатковъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера

и притомъ близость сходства между ними можно назвать братскою. Уступая Коломецкимъ въ численности, Приладожскія подѣлки всѣ безъ исключенія повторяются въ нашихъ, оставляя въ то же время множество послѣднихъ безъ подражаній, такъ что Коломецкія, напримѣръ, долотовидныя, прямыя и желобчатыя, скопелныя въ острія, какъ зубило, и сходныя съ лезвіемъ желѣзнаго топора и многія другія являются до сихъ поръ своеобразными. Близкое сходство имѣютъ наши подѣлки съ Прионежскими, Финляндскими, Архангельскими, Пермскими, Сибирскими, особенно Алтайскими, Волжскими и Окскими. Нѣкоторыя подѣлки, какъ наконечники стрѣлъ съ особенно удлиненнымъ концомъ для насадки на дерево, въ находкахъ Коломецкихъ, Приладожскихъ и Пермскихъ, а также гарпуны, такъ близки, что представляются обработанными всѣ одними и тѣми же руками. Но по мѣрѣ отдаленія мѣстностей находокъ къ востоку и къ полдню, сходство между Коломецкими и этихъ мѣстностей костяными подѣлками умалется и исчезаетъ, за исключеніемъ шиловидныхъ и иглоподобныхъ. Въ полуденно-восточныхъ и полуденно-западныхъ частяхъ Россіи замѣтно уже значительное отличіе отъ подѣлокъ Коломецкихъ, какъ въ выборѣ костей и въ способахъ обработки, такъ и во внѣшнемъ ихъ видѣ: тамъ преобладаетъ рогъ лося, оленя, козы и другихъ животныхъ; подѣлки всѣ гладко оточены; полыя кости обрабатываются въ значительно рѣдкихъ случаяхъ.

Сходство Коломецкихъ съ подѣлками находокъ Франціи, Италіи, Германіи, Австріи и Швейцарскихъ свайныхъ построекъ, за исключеніемъ шиль, проколовъ и

имъ подобныхъ—отдаленное; въ этихъ странахъ преобладаютъ, такъ же какъ и въ полуденной Россіи, роковыя, гладко оточенныя.

Твердыя и мягкія горныя породы.

Первобытный человекъ пользовался для своихъ подѣлокъ костью и камнемъ одновременно. Въ жилищѣ Коломцовъ захоронено множество валуновъ съ язвинами и ссадинами, свидѣтельствующими объ употребленіи ихъ въ качествѣ нынѣшняго молота, для размельченія кости и подобныхъ же, но болѣе крупныхъ, валуновъ; размѣръ или объемъ ихъ съ кулакъ. Уже сказано, что теперь на Коломцахъ, а также на всемъ пространствѣ между ними, Мстою, Волховомъ и Новгородомъ—валуновъ совсѣмъ нѣтъ; ихъ не было и во времена генеральнаго межеванія къ половинѣ XVIII вѣка; въ межевыхъ ямахъ котораго и послѣдующихъ временъ, вскрываемыхъ на этомъ пространствѣ землемѣрами при восстановленіи и повѣркѣ границъ земельныхъ участковъ, камни, укладываемые вмѣстѣ съ углями на днѣ такихъ ямъ по закону, отсутствуютъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ. Но въ слояхъ, подстилающихъ Коломецкій жилой перегной и особенно на глубинѣ отъ него до двухъ аршинъ, валунъ попадаетъ, хотя и не особенно часто.

Въ разстояніи отъ Новгорода верстъ на 15—20 и далѣе на береговыхъ кряжахъ и по холмамъ валуна много. Коренное мѣсторожденіе породъ, отщепенцы которыхъ занесены въ нашу мѣстность и залегаютъ на дневной

поверхности, лежатъ въ горахъ Финляндскихъ и Прионежскихъ. Большинство поверхностныхъ валуновъ принадлежитъ гранитамъ, сіенитамъ, діоритамъ, кристаллическимъ песчаникамъ и, изрѣдка, сланцамъ, богатымъ содержаніемъ слюды, кварцитамъ и кварцу, — послѣднему въ маленькихъ галькахъ.

Въ валунахъ Коломецкаго жилого перегноя повторяются всѣ перечисленныя породы и кромѣ того встрѣчаются: плитнякъ, песчаникъ Алаунскихъ горъ, собственно извѣстной намъ области р. Мсты и ея притоковъ, глинистый сланецъ, залегающій по утесистому берегу Ильменя съ полуденно-западной стороны, и кремнь въ галькахъ, застилающій цѣлыя поля въ Валдайскихъ горахъ, въ области рѣки Граничной, близъ Остапковскаго уѣзда, верстахъ въ 200-хъ отъ Коломцовъ.

Кромѣ названныхъ, попадаютъ, хотя нечасто, куски плотнаго сланца, цвѣтовъ, соответствующихъ окраскѣ верхняго слоя поддонной морены въ сыромъ видѣ, т. е. сѣровато-синеватыхъ; нѣкоторые изъ такихъ кусковъ носятъ слѣды начатой обработки ихъ, а другіе сохранили знаки отдѣльности и свѣжаго откола; видимо, куски эти попали въ Коломцы не какъ валуны, и занесены, какъ вещество для подѣлокъ, человекомъ, отколовшимъ ихъ отъ коренной горной породы. Попадаютъ куски камня, похожаго на сланецъ, но чернаго и плотнаго, дающаго изломъ раковинный; этотъ камень походитъ на Тиманско-Печорскій доманикъ. Одинъ разъ выкопана небольшая плитка асбеста, принадлежащаго Сибирско-Алтайской породѣ; — впрочемъ, знатоки говорятъ, что асбестъ залегаеть иногда небольшими пластками и въ нѣкоторыхъ твердыхъ европейскихъ горныхъ породахъ.

На девяти щиткахъ у той части правой, что безъ оконъ, стѣны зала, сряду за углубленіемъ съ колоннами, нашиты образцы валуновъ упомянутыхъ горныхъ породъ, въ осколкахъ, имѣющихъ одинъ конецъ или одинъ край острый, кремня разныхъ цвѣтовъ, песчаниковъ съ одною или двумя сглаженными отачиваніемъ на нихъ подѣлокъ сторонами, сланцевъ въ первой степени обработки, осколковъ діорита и проч. Тутъ же и плитка асбеста.

Между песчаниками немало такихъ, по краямъ которыхъ сдѣланы, на противоположныхъ сторонахъ, зарубки для привязыванія ихъ къ поясу во время отлучекъ изъ жилища, чтобы имѣть точильный камень при себѣ.

Тутъ же нашиты: а) неполный значительныхъ размѣровъ, плоскій треугольникъ изъ діорита, съ сильно обитыми ребрами и съ остаткомъ дыры, приходившейся на срединѣ этого предмета, выдолбленной воронкообразно; — это единственный найденный на Коломцахъ крупный каменный предметъ съ дырою, хотя и не сверленною, и б) нѣсколько землисто-желѣзистыхъ трубочекъ-домиковъ болотнаго червяка, имѣющихъ видъ коралловъ. Подобные трубочки-домики попадаютъ въ жиломъ перегноѣ; эти же собраны по лужицамъ около Коломцовъ. Въ курганахъ часто находятъ точно такіе же предметы около шеи костяка и считаютъ за части ожерелья.

На одномъ изъ щитковъ правильно округленныя естественнымъ путемъ гальки; они служили, должно быть, пращными камнями или, завязанныя въ ремень, кистенями.

Повернувъ отъ описанныхъ щитковъ вправо, вступивъ въ передольскій.

пимъ въ углубленіе зала противъ оконъ, за колонны. Здѣсь, на первомъ щитѣ помѣщены въ нижнемъ ряду, одинъ за другимъ, три щитка съ подѣлками изъ горныхъ породъ, поддающихся отачиванію на песчаникѣ.

Если пользованіе костью указало первобытному человеку на свойство песковъ и земли сглаживать неровности копающаго ихъ предмета и если онъ началъ стирание неровностей, то есть отачиваніе, съ кости, то затѣмъ первою горною породою, пригодною для такого же отачиванья, послужила наиболѣе мягкая, каковою могъ быть глинистый сланецъ тамъ, гдѣ куски его разсѣяны по поверхности земли, на подобіе напихъ валуновъ.

На Ильменско-Волховскомъ побережьи, гдѣ Коломцы, едва ли часто попадался сряду по отступленію ледника, въ валунникѣ, сланецъ Финляндскихъ и Онежскихъ горъ, за исключеніемъ богатаго слюдою, который еще и теперь находятъ, какъ уже сказано, версть за 15—20 отъ Новгорода; по сильной пластоватости онъ не пригоденъ на подѣлки. Но на нашемъ побережьи валялся, по всей вѣроятности, какъ валяется теперь, сланецъ Ильменскій; съ этого сланца обитатели Коломцовъ и могли начать отачиваніе мягкаго камня.

На трехъ щиткахъ нашего нѣсколько подѣлокъ изъ бѣловато-грязнаго мѣстнаго сланца, въ видѣ топориковъ, долотецъ; изъ нихъ одинъ только около вершка въ длину, при ширинѣ острія въ $\frac{3}{4}$ вершка, остальные же маленькіе; преобладающее же большинство обработано изъ сланцевъ Финляндско-Онежскихъ; есть также подѣлки изъ чернаго камня, повидимому Печерско-Тиманскаго доманика, изъ діорита и изъ сіенита; попался одинъ топорики изъ непрозрачнаго роговика, породы, встрѣчающейся

въ острыхъ осколкахъ Юрьевского жалъника и вышеописанныхъ кургановъ.

Обработка сланцевыхъ подѣлокъ не была сложна: кусокъ камня первоначально окалывался или отесывался посредствомъ послѣдовательныхъ ударовъ острымъ осколкомъ, подобнымъ напихымъ на описанныхъ уже предъ симъ щиткахъ;—сперва отбивались крупныя неровности, а затѣмъ и меньшія, пока приготавливаемый камень не получалъ вида задуманной подѣлки. Послѣ оббивки сланецъ отачивался на песчаниковыхъ плитахъ, сначала крупнозернистой, а потомъ мелкозернистой. Быть можетъ, при отачиваніи употреблялись, кромѣ названныхъ плитокъ, песокъ и вода для облегченія и ускоренія работы.

Видъ сланцевыхъ подѣлокъ Коломчанина не многообразенъ, большинство составляютъ долотца-топорики; онѣ обработаны или какъ прямоугольная плитка большей и меньшей толщины, или подобно бруску точильному, нѣсколько расширяющемуся въ одну сторону, или треугольникомъ, или совочкомъ, т. е. широкая сторона, или вся подѣлка, выдолблена желобкомъ съ лицевой поверхности и оточена дуговидно съ противоположащей, или на концѣ широкаго края выбранъ поперечный желобокъ. Широкий край спускается въ остріе стачиваніемъ либо одной поверхности, до встрѣчи съ другою, либо обѣихъ, до взаимнаго пресѣченія. На желобчатыхъ топорикахъ-долотцахъ остріе получается стачиваніемъ дуговидной поверхности. На подѣлкахъ треугольникомъ широкий край заточенъ какъ и у другихъ, а узкій имѣетъ спущенныя до взаимнаго пересѣченія ребра, такъ что этого вида подѣлки даютъ два вида острія—одно продольное, а другое поперечное. Нашелся одинъ топорики совсѣмъ особен-

наго вида: къ концу широкаго края рѣбра округлены до самой середины ширины, которая спущена съ обѣихъ сторонъ въ остріе; эта подѣлка предназначена, должно быть, для выбора въ срединѣ деревянной или костяной пластины углубленія съ плоскимъ дномъ и отвѣсными боками.

Остріе топориковъ-долотець то прямое, какъ на современномъ намъ долотѣ плотника, то дугообразное, то скошенное; первыя два повторяются очень часто, послѣднее же рѣже и является такимъ, вѣроятно, въ случаяхъ затачиванія обломившагося угла.

Изъ всѣхъ видовъ топориковъ-долотець особенно замѣчательнъ продольно-желобчатый. На обработку такой подѣлки нужно много труда и времени; однако-жъ этихъ долотець найдено съ десятокъ и всѣ они почти одинаковыхъ размѣровъ. На что пригодно желобчатое долотцо и что могло вызвать трудную работу надъ изготовленіемъ его? Отвѣтомъ на оба эти вопроса, сколько нибудь удовлетворительнымъ, можетъ служить быть первоначальника нашего побережья.

Если Коломчанинъ добывалъ себѣ пропитаніе въ лѣсу и въ водахъ, убивалъ звѣря, птицу и рыбу, ему необходимы были соотвѣтственныя орудія—стрѣла, копье и острога. На первыхъ же порахъ поисковъ за съѣстнымъ человѣкъ не могъ не замѣтить, что брошенные въ звѣря, птицу и рыбу стрѣла, копье и острога вѣрнѣе достигаютъ цѣли, если древко, къ которому прикрѣпленъ острый наконечникъ изъ кости или изъ другого вещества, правильно и равномерно округлено. Довольствуясь еще для своихъ подѣлокъ только костью, нашъ Коломчанинъ усмотрѣлъ въ трубчатой части ея подходящее орудіе для

округленія и притомъ равномернаго, древка. Желобчатая долота мы видѣли при обзорѣ костяныхъ подѣлокъ. Научившись, такимъ образомъ, обрабатывать равномерно округленное древко при помощи оточеной половины полой трубчатой кости и уже привыкнувъ къ желобчатому костяному орудію, Коломчанинъ не могъ отрѣшиться отъ него и тогда, когда освоился съ пригодностью мягкой горной породы на выдѣлку своихъ орудій.

Позволительно, основываясь на высказанныхъ соображеніяхъ, предположить, что половина трубчатой кости, обработанной вышеобъясненнымъ способомъ въ желобчатое долото, была первообразомъ для сланцевыхъ желобчатыхъ же топориковъ-долотець, служившихъ, какъ и костяныя, для изготовленія древка къ стрѣламъ, копьямъ и гарпунамъ. Въ числѣ костяныхъ подѣлокъ мы видѣли и другіе топорики-долотца, одинаковыя съ сланцевыми, но кость мягче сланцевъ, остріе у нея скоро тупится и крошится, такъ что человѣку, научившемуся обрабатывать сланецъ, не было расчета изготовлять изъ кости подѣлки для того же назначенія, какое имѣли сланцевыя. Отсюда само собою вытекаетъ другое предположеніе, что сланцевыя орудія выдѣлывались по образцу костяныхъ, т. е. что человѣкъ перешелъ отъ обработки кости непосредственно къ мягкимъ горнымъ породамъ, легко поддающимся отачиванію, а затѣмъ уже къ породамъ болѣе твердымъ, какъ кремень въ нашей мѣстности и вообще въ Европѣ.

Въ числѣ сланцевыхъ подѣлокъ имѣются, кромѣ топориковъ-долотець, и другія: а) наконечникъ стрѣлы своеобразнаго вида; онъ оточенъ въ три грани одинаковой величины, съ постепеннымъ спускомъ всѣхъ ихъ до

встрѣчи въ одной точкѣ, что даетъ остріе; въ широкомъ концѣ одна грань срѣзана по длинѣ, такъ что тутъ образовалась пластинка одинаковая шириною съ площадкою граней; эта пластинка удобно ущемляется расщепомъ древка, перевязаннымъ ремешкомъ или жилкою, укрѣпляющими наконечникъ въ древкѣ; б) продолговатый равносторонній четвероугольникъ, съ выдолбленною на одномъ концѣ дырочкою; это точильный брусокъ, и в) тонкія пластинки-точильники.

Размѣръ всѣхъ вообще сланцевыхъ подѣлокъ не великъ; самый крупный топорикъ имѣетъ только полтора вершка длины; число этихъ подѣлокъ, мало поврежденныхъ, тоже незначительно, не болѣе пятидесяти; — должно быть въ тѣ времена, когда люди жили на Коломцахъ, сланецъ не вошелъ еще во всеобщее употребленіе, или его было мало, что побуждаетъ считать эту горную породу за приносимую человѣкомъ издали, тѣмъ болѣе, что какъ уже объяснено, найдены куски свѣже-отколотые отъ коренной породы и нисколько не отертые, подобно валунамъ морены, дѣйствіемъ воды.

Коломчанинъ, видимо, дорожилъ сланцемъ: затупившійся или попортившійся топорикъ онъ снова затачивалъ; отдѣлывалъ и незначительные обломки. Нѣкоторые изъ поврежденныхъ подѣлокъ онъ поправлялъ два-три раза тѣмъ же способомъ, какой былъ усвоенъ вообще для обработки сланца, то есть отбивалъ попорченную часть, откалывая ее небольшими кусочками, а затѣмъ отачивалъ вновь.

Сравненіе Коломецкихъ сланцевыхъ подѣлокъ даетъ такое же, какъ и въ костяныхъ, сходство съ подобными находками въ Россіи и въ западной Европѣ; но братски

родственная близость ихъ съ Приладожскими сказывается только въ мелкихъ; крупныя же у Ладожанъ своеобразны, что зависитъ отъ обилія сланца въ поддонной ледниковой моренѣ побережья Ладожскаго озера. Желобчато-продольныя и поперечныя подѣлки Приладожья почти всѣ того же вида и размѣровъ, что и въ Коломцахъ; одинаковы съ ними также подѣлки Прионежья, Архангельскія, Пермскія, Сибирскія, Окскія и Западно-европейскія.

На выставкѣ при послѣднемъ международномъ конгрессѣ доисторической археологіи и антропологіи, въ Москвѣ, были образцы сланцевыхъ подѣлокъ Восточной Сибири и Приамурскаго края; между ними и Коломецкими замѣчательно близкое, болѣе Приладожскаго, сходство не только въ способахъ обработки, но и въ размѣрахъ подѣлокъ. Во второмъ залѣ мы увидимъ, въ числѣ другихъ подѣлокъ Коломчанъ, сланцевые наконечники стрѣлъ такого же вида, какъ кремневые, одинаковыя съ находками всѣхъ частей Европы. Ни въ Ладожскомъ побережьи, ни около Онежскаго озера такихъ сланцевыхъ наконечниковъ не сыскано; въ Поморьи и вообще въ Заволочьи ихъ найдено нѣсколько, а въ Приамурскомъ краѣ — весьма много и при томъ такихъ, что если ихъ положить рядомъ съ Коломецкими и взаимно перемѣшать, уже невозможно будетъ снова отдѣлить однѣ отъ другихъ.

Кремень, роговикъ, кварцъ.

Въ томъ же углубленіи за колоннами, на щиткахъ, прикрѣпленныхъ надъ тремя со сланцевыми подѣлками и на всѣхъ прочихъ этого отдѣла выставки (всѣхъ щит-

ковъ здѣсь сорокъ два), нащиты издѣлія изъ кремня, роговика и сланца.

Въ кремневыхъ издѣліяхъ повторяются всѣ основные и переходные цвѣта радуги, съ прибавкою еще чернаго и кровяно-краснаго; много кремней полосатыхъ, разныхъ цвѣтовъ, напоминающихъ агаты, яшмы, и сердолики; встрѣчается сочетаніе въ одномъ кускѣ, полосами значительно широкими, цвѣтовъ свѣтло-желтаго, синевато-сѣраго и кровянаго, то-есть цвѣтовъ девонскихъ наслоеній ближайшихъ къ Ильмену отроговъ Алаунскихъ.

Роговики здѣсь двухъ видовъ: непрозрачные, или едва просвѣчивающіе въ тончайшихъ пластинкахъ и только на самыхъ ребрахъ; они не такъ тверды, какъ кремень, и уступаютъ въ плотности кристаллическому песчанику, на гладкихъ плиткахъ котораго отачиваются, къ тому же тонкія острія легко ломаются; желваковъ этой породы много на всемъ пространствѣ между Боровичами, Устюжною, Весьегонскомъ, Бѣжецкомъ и Череповцемъ. Другого вида роговикъ плотенъ, твердъ и сильно просвѣчиваетъ, — по острымъ краямъ и въ тонкихъ пластинкахъ стекловиденъ. Преобладающихъ въ этомъ роговикѣ цвѣтовъ четыре: чистый молочный, желто-восковой съ грязными пятнами, темно-бурый ровный и съ тѣми же грязными пятнами и темно-лиловый. Гдѣ залегаютъ желваки роговика этого второго вида — намъ неизвѣстно, но среди полей, усѣянныхъ кремневою галькою (см. выше), не встрѣчалось ихъ; судя по цвѣтамъ, соответствующимъ песчаникамъ Финляндскихъ и Онежскихъ горъ и по значительному количеству находимыхъ въ Коломецкомъ перегноѣ песчаниковъ лиловыхъ Онежскихъ, можно считать кореннымъ залеганіемъ роговиковъ этого цвѣта

Прионежье. Повторимъ здѣсь оговорку, сдѣланную по поводу плотныхъ сланцевъ: быть можетъ, близъ Коломцовъ, въ поддонной моренѣ, подъ прикрытіемъ мощнаго пласта красноватой кирпичной глины, отложившагося уже послѣ проживанія людей на нашемъ побережьи, покоится много и теперь гальки роговика, но только вдали отъ береговъ Ильмена и рѣкъ, въ него впадающихъ, — такъ какъ въ обнаженіяхъ откосовъ и отлетовъ подобной гальки не встрѣчается.

Роговикъ мягкій, непрозрачный — Коломчанинъ употреблялъ большею частію на подѣлки крупныя и обрабатывалъ грубо; изъ твердаго же онъ выдѣлывалъ иногда самые изящные наконечники для стрѣлъ и копій.

Кварцъ встрѣчается въ подѣлкахъ очень рѣдко, но его много въ галькѣ, преимущественно мелкой. Крупные валуны кварца мы видѣли на Юрьевскомъ жальникѣ; на болѣе близкомъ отъ Ильмена разстояніи ихъ вовсе нѣтъ; галька же, въ размѣрѣ отъ лѣснаго орѣха до вороньяго яйца — обыкновенна среди ледниковаго щебня въ окрестностяхъ Новгорода.

Способъ обработки кремня, роговика и кварца одинаковъ — оббивка. Пользовался ли Коломчанинъ въ подобной работѣ ударами по свѣже-выкопанной и еще сырой галькѣ какимъ либо твердымъ предметомъ, въ извѣстномъ ему направленіи, или надавливалъ гальку, уставивъ ее между ступнями ногъ, тяжелою дубиною или костью, какъ дѣлаютъ теперешніе дикари Америки съ кусками обсидіана (это, такъ называемое, вулканическое стекло), встрѣчающагося у насъ въ Россіи только въ горахъ Кавказа, и такимъ образомъ получалъ отколы нужной ему величины, или онъ, Коломчанинъ, упо-

треблялъ для этой цѣли, какъ современные же намъ дикари, лучекъ (такой же, примѣрно, какимъ часовщики вертятъ стержень съ прикрѣпленнымъ къ нему часовымъ стекломъ, когда отачиваютъ ребро его, пригоняя къ рамкѣ часовъ), прижимая туго натянутую сухую жилу, струну, къ срединѣ дуги лучка и ударяя, при опусканіи, ею по тому мѣсту кремня, на которомъ требующая устраненія неровность, — едва ли возможно рѣшить въ настоящее время. На нѣкоторыхъ подѣлкахъ оббивка замѣчательно мелка и ровна. Подѣлки Коломчанъ изъ кремня и роговика разнообразнѣе и многочисленнѣе костяныхъ и сланцевыхъ, взятыхъ вмѣстѣ; кварцъ же употреблялся только на скребки, видъ и назначеніе которыхъ объяснимъ ниже.

Изъ кремня и роговика выдѣлывались крупною, несложною оббивкою: а) *клинья* — это большею частію значительно тяжелые, оббитые въ три—четыре ската, на подобіе острія нынѣшняго проволочнаго гвоздя, куски, пригодные для раскалыванія толстаго ствола дерева или кости; прикрѣпленные же ремнемъ къ древку — они могутъ отвѣчать за копыя и вообще помогать человѣку какъ орудіе защиты и нападенія. На многихъ клиньяхъ ясны слѣды затупленія остраго края и изъязвленій тупого, получившіяся отъ продолжительнаго употребленія и вообще забиванья ударами камня-молота по широкому краю. Клинья болѣе мелкіе затуплены часто только въ остриі; много клиньевъ съ отломившимся острымъ краемъ; на нѣкоторыхъ притуплены всѣ острые углы; б) *молоты* — это тѣ же клинья, острые концы которыхъ затупились; встрѣчаются образцы съ кулакъ; — почти всѣ молоты сильно околочены по ребрамъ и продолговаты, причемъ

къ одному краю тоньше, что и указываетъ на образованіе ихъ изъ клиньевъ; в) *ядрища*; такъ называютъ сердцевину гальки, отъ которой отколоты длинныя пластины; они — то кругловаты, то удлинненно-прямоугольны, то плоско-выпуклы или плоско-вогнуты съ двухъ сторонъ; размѣры такихъ ядрищъ, называемыхъ археологами *нуклеусами*, большею частію одинаковы, около трехъ четвертей вершка въ длину и не болѣе полувершка въ поперечникѣ; это послѣднее обстоятельство подсказываетъ преобладаніе между Коломчанами одного изъ намѣченныхъ выше приемовъ обработки кремня, то-есть они прежде всего отбивали отъ гальки куски, держа ее въ одной рукѣ и нанося удары другою, поступая такъ до тѣхъ поръ, пока можно было держать гальку, сжатую пальцами; ядрища годились человѣку какъ мелкіе пращные камни и вообще какъ метательное орудіе; г) *рубилы*, — этимъ именемъ мы называемъ крупныя куски кремня и роговика, съ однимъ или двумя противолежащими острыми концами, значительно широкими и ровными; между ними много такихъ, которые, имѣя одинъ острый конецъ, удобно держать въ рукѣ и рубить дерево или кость; эти всегда крупны, но значительно больше не крупныхъ, не длиннѣе вершка; подобные годны для рубки только при вставкѣ въ рукоять — топорище; подобно клиньямы, рубилы часто имѣютъ въ остриі зазубрины; д) *струги*; — нами собрано множество острыхъ кремней, представляющихся на первый взглядъ простыми осколками, при внимательномъ же обзорѣни огромнаго количества ихъ оказалось, во-первыхъ, что каждый представляется нѣсколько вогнутымъ и острымъ съ поперечной вогнутости и притомъ всегда самой ши-

рокой стороны и, во-вторыхъ, — если эта поперечная вогнутости сторона вышла достаточно острою и ровною при самомъ отколѣ, она оставлялась безъ подправки, въ противномъ же случаѣ сторона противолежащая вогнутой спущена къ широкому концу поперечины въ одинъ или въ два и болѣе пологихъ ската ловкими ударами отбивника. Въ крестьянствѣ Приильменя достаточно распространено въ домашнемъ быту желѣзное орудіе, состоящее изъ слабо вогнутой пластины, длиною вершка въ четыре и шириною около вершка; концы пластины загнуты подъ прямымъ угломъ и закованы на подобіе толстаго гвоздя, съ зазубринами по ребрамъ; этими концами подѣлка вводится въ рукоятки; пластина наточена съ той стороны, которая обращена къ рукояткѣ; такая подѣлка употребляется для обработки корытъ и подобной деревянной посуды; ее держать обѣими руками и вытираютъ въ деревѣ желобину, выстрагиваютъ, — почему подѣлкѣ и присвоено названіе струга; — кремневый стругъ Коломчанъ могъ служить для такой же надобности; первообразъ его мы видимъ сперва въ костяныхъ и потомъ въ сланцевыхъ желобчатыхъ долотцахъ-топорикахъ, вогнутость зависитъ отъ свойства излома кремня, умѣло разбиваемаго; е) *ртзакн*, — также представляются на первый взглядъ осколками, но по сей часъ высказаннымъ причинамъ мы останавливаемся на такихъ не сложной оббивки кремневыхъ и роговыхъ подѣлкахъ, которыя, при одинаковой съ стругами многочисленности, имѣютъ видъ приспособленій для рѣзанья мяса, кости и дерева; это продолговатыя, прямыя, длиною до двухъ вершковъ и шириною не болѣе четверти вершка пластины, имѣющія всегда одно продольное ребро острое, а другое — ту-

пое, а изъ концовъ одинъ тоньше и уже другого; онѣ удобно держатся между большимъ и среднимъ пальцами руки, остриемъ внизъ, и надавливаются при рѣзаніи указательнымъ пальцемъ, также удобно упирающимся въ тупую сторону; ж) *проколки, шила, шлы*; эти имена даются тонкимъ и острымъ съ одного или обоихъ концовъ подѣлкамъ, приготовленнымъ въ нѣсколько ударовъ отбивникомъ; онѣ съ успѣхомъ могутъ замѣнить, будучи прикрѣплены къ дереву, наконечники стрѣлъ и метательныя приспособленія для пораженія рыбы въ водѣ; размѣры не велики, но одна игла длиннѣе двухъ вершковъ; большинство всѣхъ этихъ подѣлокъ обработано въ три грани. Количество ихъ также велико, какъ и вышеописанныхъ рѣзаковъ и струговъ; з) *наконечники стрѣлъ и копій* — различаются только по размѣрамъ, — тѣ, которые не длиннѣе вершка, предполагаются стрѣлами, а болѣе крупныя — копьями; обиты тѣ и другіе либо въ три сходящіяся въ одной точкѣ ската, — этихъ большинство, — либо въ четыре и болѣе скатовъ; противоположный острому конецъ бываетъ либо тоже заостренъ, либо широкъ и нѣсколько вогнутъ, либо, — въ значительно рѣдкихъ случаяхъ, — имѣетъ стержень, то по серединѣ, то сбоку; у наконечниковъ съ широкимъ основаніемъ это послѣднее обито, если основаніе довольно толсто, съ двухъ сторонъ, такъ что оно остро какъ рѣзакъ; — основаніе всѣхъ перечисленныхъ видовъ приспособлено или для ущемленія подѣлки въ расщепъ деревка, или для прикрученія къ нему ремешкомъ, либо жилою; подѣлки съ широкимъ, рѣжущимъ основаніемъ, могутъ служить и наконечникомъ стрѣлы, и рѣзакомъ. Наконечниковъ этихъ собрано великое мно-

жество; и) *топорики*; встрѣчаются, хотя и не часто, подѣлки небольшихъ размѣровъ, около вершка, похожія по очертанію краевъ на желѣзные боевые топоры-бердыши, насаживаемые на рукоятъ посредствомъ оттянутаго, въ видѣ стержня, обуха; рубящій край очень остеръ, хотя и не широкъ; безъ рукояти такими топориками неудобно работать; и) *развертки или буравы*,—такъ называются орудія, похожія на скрипичный колокъ; при помощи тонкаго и остраго конца легко просверлить дерево, кость и сланць; ихъ вообще немного, не больше десятка; нѣкоторыя обработаны старательно, но такихъ всего двѣ развертки, остальные же грубы, и к) *ножи*—узенькія и тонкія полоски кремня и роговика, ловко отколотыя отъ гальки и имѣющія одну сторону совершенно плоскую, а другую чаще въ два ската, иногда со сколотымъ ребромъ, этими скатами образуемымъ; отлично рѣжутъ; ребра ихъ и теперь такъ остры, что ими легко очинить карандашъ и выстрогать хорошую палку; иногда, и нерѣдко, одно или оба ребра имѣютъ рядъ зубцовъ, такъ что подѣлка отвѣчаетъ въ этихъ случаяхъ за пилу и можетъ, какъ и наша стальная пила, такъ же скоро и ровно распилить не толстый кусокъ дерева или кости; ребра ножей не всегда одинаково ровны, но это нисколько не мѣшаетъ рѣзать дерево и кость, не говоря уже о мясѣ; цѣльными, т. е. такими, какими получались подѣлки при изготовленіи, встрѣчались не многія, — какъ тонкія, онѣ естественно скоро ломались и негодныя болѣе въ дѣло бросались; конецъ ножа иногда тонокъ и остеръ, какъ нынѣшняя игла, а иногда округленъ и нѣсколько приподнятъ въ видѣ поперечнаго бугорка; размѣры чрезвычайно различны: длина доходитъ почти до

двухъ вершковъ, а ширина колеблется между $\frac{1}{16}$ и $\frac{1}{4}$ вершка; попадаются изрѣдка ножи совсѣмъ такіе, какъ деревенскіе хлѣборѣзные, изготовляемые мѣстными кузнецами, даже съ черенками для насадки;—много ножей короткихъ и широкихъ, похожихъ на листья березы, эти чрезвычайно плоски и тонки, ребра ихъ остры какъ бритва, но почти всегда зазубрены; общее число Коломенскихъ ножей велико, но уступаетъ почти на половину такому же числу наконечниковъ, шиль и проколокъ.

Число подѣлокъ, обработанныхъ сложною обивкою кремня и роговика, вдвое меньше, чѣмъ изготовленныхъ болѣе грубо; не многочисленны также и виды ихъ. Къ сложно обитымъ относятся:

а) *Наконечники копій и стрѣлъ*. Степень обработки ихъ неодинакова, —неодинаковы также размѣры и очертанія. Тщательность обработки не зависитъ ни отъ размѣровъ, ни отъ того или другого очертанія краевъ или вида наконечниковъ; крупныя и мелкіе, узкіе и широкіе являются одинаково болѣе и менѣе изящными. Длина наконечниковъ отъ $\frac{1}{4}$ до двухъ съ половиною вершковъ, ширина отъ одной десятой до полувершка, толщина отъ одной двадцатой до четверти вершка.

Видомъ наконечники похожи: то на ивовый листъ, то на лавровый; они то одинаково заострены на обоихъ концахъ, то имѣютъ нижній прямой, то нѣсколько волнущій; не мало наконечниковъ съ стержнемъ или съ черенкомъ, выходящимъ изъ середины широкаго конца; изрѣдка же попадаются и такіе, у которыхъ стерженекъ приходится къ самому ребру, какъ у деревенскаго хлѣборѣзнаго ножа.

Большеею частию наконечники плоски, но не мало и веретенообразныхъ; у этихъ оба конца остры, но къ нижнему веретенообразное утолщеніе приходится ближе, чѣмъ къ верхнему.

б) *Скребки*. Такъ называютъ подѣлку въ видѣ плитки, расширяющейся къ одному краю; та изъ широкихъ сторонъ, которая приходится книзу, совершенно плоска, а противоположная постепенно поднимается къ широкому краю и здѣсь круто обрывается, такъ что получается при встрѣчѣ ребра обрыва съ нижнею плоскостью почти прямой уголъ. На многихъ изъ такихъ подѣлокъ круто же обрываются книзу оба ребра или одно, что даетъ три или два скребущихъ края. Иногда эти края прямые, иногда нѣсколько выгнутые, а иногда скребущіе края взаимно встрѣчаются подъ угломъ. Бываютъ скребки прямые, четырехугольные, оббитые крутыми обрывами со всѣхъ сторонъ; такіе всегда крупны; бываютъ имѣющіе противоположный обрыву конецъ острый, причемъ обрывъ почти полукруглый. Въ двухъ—трехъ случаяхъ попались скребки, одинъ конецъ которыхъ острый, а другой, скребущій, имѣетъ, при округленіи краевъ, крутую вогнутость самой середины, что даетъ подѣлкѣ сердцевидное очертаніе. Въ одномъ случаѣ нашли скребокъ плоскій, съ тремя скребущими сторонами, одна изъ которыхъ, широкая, имѣетъ выходящій изъ ея середины острый уголъ. Встрѣчаются скребки точно такого же вида, какъ курганы, обыкновенные въ нашей сторонѣ.

Способы обработки скребковъ еще болѣе разнообразны, чѣмъ въ наконечникахъ стрѣлъ и копій; Коломчанинъ съ удивительнымъ искусствомъ наносилъ ребрамъ своей подѣлки удары, откалывая такіе крохотные лепестки,

что сразу, не взглянувъ внимательно, эти ребра представляются хорошо оточенными. Тщательность обработки и здѣсь, какъ въ описанныхъ наконечникахъ, не зависитъ отъ размѣровъ и породы, — а кремни и роговики обоихъ видовъ оббиты одинаково разнообразно, то крупно, то поразительно мелко.

Размѣры скребковъ многочисленны, одни даже не шире трехъ миллиметровъ въ скребущемъ краѣ, другіе—около двухъ вершковъ.

Число скребковъ, оббитыхъ болѣе или менѣе старательно, вчетверо болѣе чѣмъ наконечниковъ стрѣлъ и копій такой же оббивки.

Археологи-первобытники говорятъ, что скребки нужны были древнему человѣку для отдѣленія шкуры животного отъ мяса его и мяса отъ костей. Быть можетъ они и правы; — но для достиженія этихъ именно цѣлей вовсе не требуется такой тщательной отдѣлки скребущихъ краевъ, какая сказалась въ огромномъ количествѣ Коломечкихъ подѣлокъ этого вида; да независимо отъ тщательности обработки и самые размѣры не соответствуютъ общему мнѣнію археологовъ-первобытниковъ. Стоило ли нашему Коломчанину затрачивать дорогое время на обработку крохотныхъ скребковъ, чтобы пользоваться ими только для свѣжеванья убитаго звѣря, т. е. для сдиранья съ него шкуры? Не въ тысячу ли разъ проще и цѣлесообразнѣе пользоваться для этого дѣла или большимъ, ни на что уже негоднымъ обломкомъ кремня, или скребкомъ грубой отѣски? Подобные предметы и въ рукѣ держать удобно и они спорчѣе въ работѣ, маленькіе же необходимо вставлять въ рукоятку, безъ чего они неспособны ни на какую потребность, кромѣ, развѣ, чистки

ногтей, если первобытный человек занимался подобным делом. Стало быт надобно поискать въ бытовых условіяхъ нашихъ Коломчанъ болѣе важныхъ причинъ, вызвавшихъ трудную по тщательности работы выдѣлку многочисленныхъ и разнообразнѣйшихъ скребковъ.

Каковы были климатическія условія во время заселенія Коломцовъ человекомъ каменнаго вѣка Приильменской страны, — наука не дала еще точныхъ указаній; она не нашла также данныхъ, чтобы даже предположить, что человекъ того времени покрытъ былъ шерстью и не нуждался въ одеждѣ. Поэтому мы въ правѣ утверждать, что Коломчанину каменнаго вѣка нужна была одежда. Изъ множества костяныхъ подѣлокъ, которыя мы уже видѣли, и изъ такого же множества костныхъ отбросовъ, состоящихъ изъ сочленовыхъ головокъ, не признанныхъ пригодными или неудобныхъ для подѣлокъ (третья часть всего собраннаго нами на Коломцахъ числа ихъ выставлена во второмъ залѣ дворца), — мы необходимо заключаемъ, что Коломчанинъ не нуждался въ мясѣ и билъ звѣрей во множествѣ; онъ сидѣлъ въ бережки озера и рѣки, богатыхъ рыбою, питавшею его также сытно, какъ и мясо. Мы видѣли, при обзорѣни состава жилого перегноя Коломцовъ, огромныя кучи слѣжавшихся раковинъ береговыхъ моллюсковъ. Взаимно сопоставляя эти данныя и устраняя мнѣніе археологовъ-первобытниковъ, будто человекъ каменнаго вѣка питался моллюсками, — такъ какъ Коломчане имѣли питанье много вкуснѣе вонючихъ моллюсковъ, — зададимся вопросомъ: не для выдѣлки ли на одежду звѣриной шкуры Коломчанину нужны были скребки?

Если на этотъ вопросъ отвѣтить, предположительно,

въ утвердительномъ смыслѣ, тогда будутъ понятны какъ многочисленность и разнообразіе скребковъ, ножей, широкихъ и тонкихъ, способныхъ брить пластинокъ и другихъ подобныхъ подѣлокъ, такъ и залеганіе во всемъ почти жиломъ перегноѣ большихъ кучъ раковинныхъ обломковъ: Коломчанинъ выдѣлывалъ для одежды звѣриной шкуры и съ сохраненіемъ на нихъ шерсти — для холоднаго времени, и съ устраненіемъ ея для лѣтняго платья; обломки раковинъ служили, — какъ и теперь служатъ скорнякамъ известка, — для квашенья шкуръ, а скребки, ножи и брѣющія пластинки — для очистки ихъ отъ жировыхъ и другихъ пленокъ и отъ шерсти. При такомъ рѣшеніи поставленнаго вопроса понятно будетъ огромное разнообразіе размѣровъ скребковъ, соответствующее такому же разнообразію величины и толщины цѣльныхъ шкуръ пушныхъ звѣрей и частей ихъ.

Въ числѣ нашитыхъ наконечниковъ и скребковъ имѣются недодѣланные на половину и меньше; по этимъ образцамъ можно судить о трудности и кропотливости обработки кремня сложною, мелкою обивкою.

Сравнительный обзоръ Коломецкихъ кремневыхъ подѣлокъ съ западно-европейскими и русскими другихъ мѣстностей даетъ сходство и отличіе.

Приемы въ обработкѣ вездѣ одинаковы, — однѣ подѣлки обиты крупно, грубо, другія тонко, изящно, и притомъ независимо отъ размѣровъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладаютъ мѣловыя образованія, содержащія огромныя, вѣсомъ въ сотни пудовъ, кремневые желваки, подѣлки крупны; тамъ встрѣчаются, на примѣръ, наконечники копій длиною въ пол-

аршина, соответствующіе бронзовымъ мечамъ; а гдѣ преобладаютъ образованія каменноугольныя, какъ въ построеніи Алаунской возвышенности, кремневые желваки и подѣлки изъ нихъ мелки.

Французскіе ученые археологи установили для ископаемыхъ кремневыхъ предметовъ своей страны отличительныя признаки, повторяющіеся только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ находокъ, и дали имъ названія по имени мѣстностей: Сентъ-Ашель, Мустье, Соллютрэ и др. Хотя въ остальныхъ странахъ Европы Французское дѣленіе и наименованіе отличительныхъ признаковъ подѣлокъ и не привилось, но у насъ его еще придерживаются. Подводя Коломецкія подѣлки подъ перечисленные наиболѣе рѣзкіе Французскіе признаки, мы найдемъ въ нихъ всѣ, за исключеніемъ размѣровъ, въ наконечникахъ копій и стрѣлъ, въ ножахъ и скребкахъ.

Въ находкахъ Западной Европы обыкновенны большіе, вершка на три, кремневые топоры-долота, не только прекрасно обитые, но даже и гладко оточенные. Въ Коломцахъ и Новгородѣ не оказалось до сихъ поръ ни одной подобной подѣлки.

Изъ русскихъ находокъ Коломецкія сходны съ Архангельскими, Финляндскими, Прионежскими, Пермскими, Иркутскими, Ожскими, Бологовскими и вообще съ сѣверными, а также съ Тверскими, Московскими, Тульскими и проч. срединной Россіи. Въ находкахъ побережья Ладожскаго озера, изслѣдованныхъ и описанныхъ профессоромъ А. А. Иностранцевымъ, кремневыхъ подѣлокъ весьма мало и всѣ онѣ грубы; а гг. Венюковъ и Соколовъ собрали въ котловинѣ одного изъ береговыхъ песчаныхъ холмовъ Волхова, версты на двѣ выше его устья,

хорошо обработанные наконечники стрѣлъ. Въ общемъ тѣ и другія подѣлки ничѣмъ не отличаются отъ Коломецкихъ. Профессоръ Иностранцевъ объясняетъ незначительность числа кремневыхъ подѣлокъ Приладожья отсутствіемъ тутъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ кремневыхъ галекъ и обиліемъ сланцевъ, изъ которыхъ Ладожанинъ приготовлялъ нужное ему орудіе для домашняго хозяйства и для охоты.

Въ заключеніе обзора кремневаго отдѣла выставки сдѣлаемъ два общихъ замѣчанія.

Въ Западной Европѣ установился и принятъ у насъ, если не всѣми, такъ большинствомъ археологовъ-первобытниковъ, особый взглядъ на скученное залеганіе кремневыхъ подѣлокъ, грубыхъ и хорошо обработанныхъ; они говорятъ, что гдѣ значительное скопленіе осколковъ, тамъ была мастерская кремневыхъ издѣлій.

Раскопка Коломцовъ даетъ право считать такой взглядъ невѣрнымъ. Ни у насъ въ Россіи, ни на Западѣ Европы не открыто до настоящаго времени нигдѣ такого обширнаго, какъ на Коломцахъ, пространства съ несомнѣнными признаками продолжительнаго проживанія на немъ большого общества людей. Заключеніе о мастерскихъ сдѣлано по скученнымъ на незначительныхъ площадяхъ песчаныхъ холмовъ и выдуваемымъ вѣтрами, или вымываемымъ дождевыми потоками, подѣлкамъ, и такимъ преимущественно, которыя, на первый взглядъ, представляются простыми осколками. Но выдуваніе и вымываніе уничтожаютъ и первобытную окраску песковъ жильемъ челоуѣка, и остатки костей, и вообще всякіе отбросы питанія; — но они не разрушаютъ ни кремня, ни обожженной глины, потому эти только бытовые остатки че-

ловѣка, проживавшаго долго или незначительное время на песчаных холмахъ, и находятъ, — по нимъ и заключаютъ о мастерскихъ. — Коломцы показали, что обитатели ихъ дѣлали на мѣстѣ все, что нужно было для хозяйства и для охоты въ лѣсу или на водахъ. Жилой перегной, прикрытый мощнымъ пластомъ глины, оставался много тысячелѣтій недоступнымъ для разрушительнаго дѣйствія воздуха, дождей и снѣговъ на захороненные въ немъ отбросы и мы находимъ множество ничтожныхъ осколковъ кремня, сланца и другихъ горныхъ породъ рядомъ съ неистлѣвшими отбросами питания, во всей толщѣ перегной. Если въ настоящее время перенести цѣлую деревню на новое мѣсто и раскопать жилой перегной стараго, въ немъ найдутся, какъ и на Коломцахъ: щепы, обломки посуды деревянной, стеклянной и глиняной, обручи, старые лапти, гвозди и пр., и пр., что брошено было за негодностью въ дѣло, или что затерялось. Впослѣдствіи многое истлѣетъ, — а останутся черепки горшковъ, осколки стеколъ и вообще негниющія вещества. Правъ ли будетъ археологъ, наткнувшись, лѣтъ черезъ триста послѣ переселенія деревни, на подобные негниющіе бытовые остатки, если станетъ утверждать, что тутъ стояли нѣкогда заводы стекольный и гончарный?.. Настолько же правы и первобытники, заключающіе по скученности кремневыхъ осколковъ о мастерскихъ каменнаго вѣка.

Между первобытниками упорно держится и другое мнѣніе, не вѣрнѣе приведеннаго: сравнивая кремневые издѣлія, грубые и изящныя, они не думаютъ надъ ними долго и рѣшаютъ, что первыя многими тысячелѣтіями древнѣе послѣднихъ. Коломцы распатываютъ и это мнѣ-

ніе. Во всемъ пластѣ жилого перегной, вверху, внизу и въ срединѣ, залегаютъ грубыя и изящныя подѣлки совершенно независимо отъ такой или другой глубины захороненія, — грубѣйшія такъ же часты вверху, какъ изящнѣйшія внизу, и обратно. Намъ могутъ возразить, что вода, прикрывавшая долгое время Коломцы, могла разжидить жилой перегной и перемѣшать заключающіяся въ немъ подѣлки; но противъ подобнаго возраженія громко говорятъ увѣсистые камни, встрѣчаемые также на всѣхъ высотахъ перегной; еслибы вода перемѣстила болѣе легкіе предметы, тогда всѣ наиболѣе крупныя и тяжелыя камни опустились бы неминуемо въ глубину.

Въ обширномъ населеніи Коломцовъ не могло не быть семей или близкихъ между собою кучекъ сосѣдей по хижинамъ; въ одной семьѣ или въ одной кучкѣ сосѣдей могло быть болѣе рабочихъ рукъ, чѣмъ въ другой; были, конечно, и одинокіе обитатели, бобыли. Гдѣ много рабочихъ рукъ, тамъ болѣе и свободнаго времени, которое, по всей вѣроятности, затрачивалось на изготовленія изящныхъ подѣлокъ; одиночка же или семьянинъ маломочный по-неволѣ довольствовался подѣлками грубыми. Подобныя явленія повторяются тысячи разъ и теперь. Слѣдовательно въ изяществѣ и грубости подѣлокъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ указаній на болшую или меньшую древность изготовленія ихъ.

Отъ кремневаго отдѣла перейдемъ къ гончарному, помѣщенному въ боковомъ углубленіи за колоннами, справа отъ оконъ.

Черепки глиняной посуды.

Выставлено 36 щитковъ съ черепками глиняной посуды, но тутъ не больше половины всего собраннаго количества.

Изготовленіе сосудовъ изъ глины относится къ первымъ шагамъ человѣка на пути къ облегченію своего положенія изобрѣтательностью ума; жажда была здѣсь по всей вѣроятности главнѣйшимъ двигателемъ. Человѣкъ, бродя по глинистой почвѣ, не могъ не примѣтить, что дождевая вода остается въ рытвинахъ и ячейкахъ, а также въ отпечаткахъ слѣдовъ звѣря и его самого на долго, тогда какъ на пескахъ и на рыхлой землѣ она сразу послѣ дождя исчезаетъ; нельзя было также не примѣтить, что верхній слой глинистой почвы скоро твердѣетъ отъ дѣйствія солнца и вѣтра. Испытывая частыя приступы жажды и облюбовавъ какую нибудь нору или пещеру для своего жилища, удаленнаго отъ рѣки или озера, человѣкъ могъ вылѣпить изъ сырой глины подобіе плоскаго сосуда, высушить его на воздухѣ и хранить въ немъ воду для питья, пока это убогое издѣліе не размокало. Ознакомленіе съ благами, получаемыми отъ огня, слѣдуетъ относить также къ самому началу появленія на землѣ разумнаго существа, одареннаго наблюдательною способностью. Вода и огонь—первые естественные и неразлучные союзники человѣчества; въ случаяхъ соприкосновенія глиняной чашки и огня въ хижинѣ или около нея недостатковъ видимо не было, такъ что закаливаніе глиняныхъ издѣлій скоро сдѣлалось достояніемъ первобытнаго человѣка.

Хотя археологи-первобытники, разбираясь въ находимыхъ часто незначительныхъ скученіяхъ грубыхъ подѣлокъ человѣка каменнаго вѣка и костей мамонта, носорога и другихъ современниковъ этихъ великановъ, не встрѣчаютъ иногда между ними ни черепковъ глиняной посуды, ни угля, и хотя эти, скорые на заключенія, археологи говорятъ, что въ мамонтовы древнія времена человѣкъ незнакомъ былъ ни съ огнемъ, ни съ глинодѣліемъ,—но съ ними можно и не соглашаться. Чтобы дѣлать подобныя заключенія, необходимо прежде всего собрать доказательства, что въ мѣстности захороненія грубыхъ кремневыхъ и другихъ подѣлокъ и костей мамонта первобытный человѣкъ жилъ долго, не оставивъ слѣдовъ знакомства своего съ огнемъ и глинодѣліемъ, а не пришелъ сюда, будучи привлеченъ гнилостнымъ запахомъ дохлаго животнаго, захвативъ попутно кремневая гальки, одинъ—два камня для откалыванія рѣжущихъ кусковъ, кость какого нибудь звѣря, попавшую ему на глаза, и проч. Вырѣзавъ куски мяса падали, раздробивъ мозговья кости для извлеченія жира и унося все это въ свою нору, или хижину, человѣкъ оставлялъ на мѣстѣ падали, чтобы не обременять себя излишнею тяжестью, и тѣ нехитрыя орудія, которыми онъ рѣзалъ мясо и раскапывалъ кости. Быть можетъ, туда же приходило нѣсколько человѣкъ разомъ, или послѣдовательно, съ тою же цѣлью; не опасно допустить, что люди оставались у трупа великана днями и недѣлями, питаясь, не разводя огня, сырьемъ и оставляя много разнообразныхъ грубыхъ, а иной разъ и хорошихъ, но поломавшихся подѣлокъ.

Итакъ, мы не видимъ основаній считать глинодѣліе

изобрѣтеніемъ не самыхъ раннихъ, начальныхъ временъ появленіе на землѣ того существа, которое мы называемъ человѣкомъ, т. е. существа разумнаго.

Въ Коломецкомъ жиломъ перегноѣ такъ много черепковъ глиняной посуды, что рабочіе, разрѣзая его, при чрезвычайной плотности, отвѣсно, тонкими ломтями, очень рѣдко не натываются на нихъ два—три раза, что особенно сильно затрудняетъ работу, такъ какъ каждый черепокъ извлекается бережно.

Глинодѣлы каменнаго вѣка обрабатывали сосуды отъ руки; они не знали еще изобрѣтеннаго впослѣдствіи гончарнаго Круда и лѣпили свои горшки, вѣроятно, на болванкахъ изъ крупной травы, или на валунахъ, хорошо округленныхъ. Они любили украшать сосуды и узоромъ, надавливаемымъ на сырое еще издѣліе или своимъ ногтемъ, или мякотью пальца, или даже какимъ-либо, именно для этой цѣли приготовленнымъ, болѣе сложнымъ приспособленіемъ. На внутреннихъ стѣнкахъ сосудовъ часто можно видѣть отпечатокъ травяной болванки и выпуклости противъ вдавленій снаружи.

Коломецкіе черепки носятъ всѣ перечисленные знаки изготовленія сосудовъ гончарами каменнаго вѣка, — знаки неизмѣнно повторяющіеся на открываемыхъ въ разныхъ частяхъ Европы и вездѣ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ находкахъ съ остатками глиняныхъ сосудовъ.

Но наши сосуды отличаются большимъ разнообразіемъ ихъ внѣшняго вида вообще, въ особенности же размѣрами, свойствомъ и составомъ гончарной глины и узорами, покрывающими не только наружную сторону и дно, но и значительную часть внутренней.

За основаніе къ представленію о внѣшности сосу-

довъ, — оставившихъ только разрозненные обломки, изъ которыхъ до сихъ поръ не удалось собрать ни одного не только полнаго, но даже и крупной какой-либо части, — принимаются значительныхъ размѣровъ куски верхняго края, дна и боковъ.

Сосуды у Коломчанъ были: а) чаще другихъ невысокіе, широкіе, развалистые, плоскодонные, сходные съ нынѣшними деревенскими глиняными блюдами, чашками и латками, — т. е. боковыя стѣнки, начиная съ самаго дна, сразу и сильно отклоняются наружу, образуя съ плоскостью дна очень тупой уголъ; б) менѣе часты горшки кубковидные, съ плоскимъ дномъ, отъ котораго стѣнки, поднимаясь до двухъ третей всей высоты, отклоняются постепенно и, сравнительно съ первыми, слабо наружу; достигнувъ названной высоты онѣ загибаются крутою, почти въ полкруга, дугою внутрь, а затѣмъ, сдѣлавъ желобообразный изгибъ внутри же, отклоняются слабовогнутою дугою наружу, гдѣ и оканчиваются ободкомъ, то плоскимъ къ основанію, то скопленнымъ къ внутренней сторонѣ, къ устью. Въ разрѣзѣ эти горшки сходны нѣсколько съ этрусскими; в) еще рѣже плоскодонные же, съ отвѣсными къ основанію боковыми стѣнками, — при встрѣчѣ съ дномъ, стѣнки закруглены; г) много сосудовъ сходныхъ съ теперешними молочными деревенскими горшками-кринками и горшками-горлачами, обыкновенными для уѣздовъ: Боровичскаго, Устюжскаго, Вышневолоцкаго, Осташковскаго и Ржевскаго; д) еще больше горшковъ съ плоскимъ дномъ и съ прямыми, вовсе безъ выпуклости стѣнками, неимѣющими въ устьѣ никакихъ изгибовъ; они подобны нынѣшнимъ квашнямъ для пшеничнаго тѣста, и е) не

мало сосудов яйцевидныхъ съ выпуклоокругленнымъ дномъ; разрѣзь вполнѣ сходенъ съ очертаніемъ яйца со снятою верхушкою широкаго конца и напоминаетъ печлиные ульи, какъ ихъ изображаютъ на древнихъ рисункахъ. Описанные виды принадлежатъ большинству горшковъ, но есть много и промежуточныхъ.

Размѣры сосудовъ колеблются между 1-мъ и 12-ю вершками вышины, 3-мя и 15-ю вершками же въ поперечникѣ устья. Самыми большими можно считать тѣ, которые подобны упомянутымъ квашнямъ. Толща стѣнокъ наибольшая въ нижней части горшковъ; иногда она превышаетъ полвершка; она значительна также въ выпуклостяхъ, выгнутостяхъ и загибахъ; наименьшая оказывается въ ровныхъ стѣнкахъ.

Глины, употребленныя на Коломецкіе сосуды, различны; судя по цвѣту, онѣ пяти видовъ: черная, желтая, бѣлая, розоватая и красно-кирпичная. А такъ какъ всѣ горшки обожжены въ большей или меньшей мѣрѣ, то перечисленные цвѣта глины дали по обжогѣ.

По сосѣдству съ Коломцами и вообще на всѣмъ Ильменско-Волховскомъ побережьи и въ стороны отъ него верстъ на 200, не открыто до сего времени залеганія глинъ, дающихъ въ обжигѣ перечисленные цвѣта. Но намъ неизвѣстно, каково свойство глинъ, скрытыхъ пластомъ красноватой кирпичной. Сизая глина, лежащая подъ Коломецкимъ перегноемъ, равно подъ красноватокирпичною въ берегахъ Ильменя, Волхова и другихъ, вливающихъ въ наше озеро рѣкъ, будучи испытана на обжигѣ, дала бѣловатый цвѣтъ, но ее сильно рветъ даже при слабомъ нагрѣваніи; пробывъ же въ пламени до полудаса, она рассыпается въ бѣловатый порошокъ, точно

такой, какъ песокъ, залегающій подъ Коломецкимъ растительнымъ слоемъ. Не такъ давно открыты залежи глины на правомъ берегу Волхова, верстахъ въ 80 отъ Коломцовъ, близъ Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги; она годна на гончарное дѣло лишь въ смѣси съ другими, привозимыми издали, и то должна вылежаться въ кучахъ, по извлеченіи, на поверхности земли въ теченіе продолжительнаго времени.

Ближайшими къ Коломцамъ коренными залеганіями глинъ, дающихъ въ обжигѣ вышеозначенные цвѣта, являются уѣзды: Боровичскій, Демянскій и Холмскій, — въ побережьяхъ рѣкъ Мсты, Ловати и Полы, притока послѣдней, впадающихъ въ Ильмень.

Въ составъ глины Коломецкихъ сосудовъ входятъ: мелкій бѣлый песокъ, залегающій около Боровичъ — въ бѣлыхъ и желтыхъ сосудахъ, толченый кварць въ бѣлыхъ же, розоватыхъ и черныхъ, въ послѣднихъ не всегда, и раковина береговой Unio, мелко истолченная, въ красновато-кирпичныхъ; здѣсь она примѣшана къ глинѣ почти на половину. Сосуды, изъ такой смѣси сдѣланные, самые большіе и обожжены такъ слабо, что стѣнки, особенно наружныя, дупятся и оставляютъ, если провести ребромъ по бумагѣ, красную черту.

На внутреннихъ стѣнкахъ черепковъ всѣхъ цвѣтовъ, кромѣ кирпично-краснаго, сохранились ясные слѣды копоти и пригорѣвшей накипи; эта послѣдняя осталась присохшею къ стѣнкамъ бугорками, довольно крупными; они плотно сидятъ на своихъ мѣстахъ, не смотря на переноску и перевозку черепковъ и на тряску по дорогамъ. При извлеченіи черепковъ съ пригаромъ изъ жилого перегноя, равно какъ и всѣхъ вообще, примѣчается

особая окраска этого перегноя, прилегающего къ черепкамъ: синеватая—съ внутренней стороны сильно закоптѣлыхъ и пригарныхъ, и пепельная съ наружной; — такая же пепельная съ обѣихъ сторонъ менѣе закоптѣлыхъ и неимѣющихъ пригари, — и красно-кирпичная съ обѣихъ же сторонъ черепковъ, неимѣющихъ внутри никакого налета, то есть черепковъ сосудовъ, сдѣланныхъ изъ глины пополамъ съ толченою раковиною. Перегною, прилегающій къ стѣнкамъ черепковъ, не прилипаетъ къ нимъ, оставляя, въ большинствѣ случаевъ, на себѣ ясный отпечатокъ узора. На внутреннихъ, сильно закоптѣлыхъ стѣнкахъ, примѣчаются иногда тоненькія угольные щетинки, стоящія отвѣсно и густо покрывающія всю закоптѣлую площадку. Къ сожалѣнію, щетинки эти при высыханіи черепка исчезаютъ безслѣдно, не оставляя даже и пыли такого же, какъ сами они, цвѣта. Происхожденіе объясненной окраски перегноя вызывается, вѣроятно, — въ однихъ случаяхъ, — жиромъ, проникшимъ вглубь стѣнокъ черепковъ закоптѣлыхъ и пригарныхъ, а въ другихъ размягченіемъ поверхности стѣнокъ худо обожженныхъ сосудовъ; причинъ образованія угольных щетинокъ, — должно быть, — нужно искать тоже въ копоти и пригарѣ, — но безъ тщательнаго изслѣдованія нельзя получить обстоятельнаго объясненія этого явленія.

Часть черепковъ съ копотью и пригаромъ напита на отдѣльномъ плитѣ.

Единственнымъ и наиболѣе подходящимъ объясненіемъ копоти и пригари представляется обычай Коломчанъ употреблять для ѣды жареное мясо и рыбу. При такомъ объясненіи выступить и другой обычай нашихъ побережанъ, оправдывающій множество вышеописанныхъ,

весьма несложныхъ, остроконечныхъ костяныхъ подѣлокъ: Коломчанинъ употреблялъ такія подѣлки для выниманія изъ горшка жаренаго мяса и для поворачиванія его во время жаренья, что дало пригарныя пятна, сохранившіяся на многихъ изъ простѣйшихъ костяныхъ подѣлокъ. Отмѣтимъ при этомъ, что современные намъ обитатели срединной Азіи и китайцы до сихъ поръ употребляютъ костяныя палочки не только вмѣсто нашихъ вилокъ, но даже и вмѣсто ложекъ. Каждый китаецъ, мало-мальски зажиточный, всегда имѣетъ при себѣ двѣ такія палочки и ножикъ, отлично приготовленные и часто украшенные серебромъ; для этихъ предметовъ дѣлается особое помѣщеніе, въ которое они вкладываются и навѣшиваются на поясъ.

Всѣ вообще черепки Коломецкіе указываютъ на замѣчательную старательность обработки сосудовъ, которымъ они принадлежатъ; наружныя стѣнки настолько гладки и настолько равномерны въ выпуклостяхъ и вогнутостяхъ, что, будучи положены рядомъ съ обломками нынѣшнихъ горшковъ, не уступаютъ имъ, хотя первые сдѣланы отъ руки.

На нѣкоторыхъ черепкахъ верхнихъ, значительно утолщенныхъ, краевъ встрѣчаются или глубокія ячейки, съ поперечникомъ до $\frac{1}{2}$ вершка, или такія же сквозныя дырочки. Происхожденіе послѣднихъ и ихъ назначеніе объясняется просто: дырочки сдѣланы для ремня, прикрѣпляемаго къ сосуду, чтобы вѣшать надъ кострами, или для ношенія воды. Но назначеніе крупныхъ и глубокихъ ячеекъ объясняется труднѣе. Въ коломецкомъ перегноѣ нашли два обломка своеобразной подѣлки изъ глины, сильно обожженной; оба они весьма близко по-

ходятъ, по внѣшнему виду и по размѣрамъ, на концы деревянной дужки отъ такого же ведра, самаго обыкновеннаго въ деревенскомъ хозяйствѣ. Отъ концовъ нѣсколько завороченныхъ внутрь, оттянуть на каждомъ разсматриваемомъ обломкѣ, отростокъ, поперечникъ и длина котораго соотвѣтствуютъ размѣрамъ упомянутыхъ ячеекъ, причемъ та часть отростка, которая обращена въ верхъ, т. е. къ подъему выпуклости дужки, нѣсколько оттянута на самомъ концѣ къ верху въ видѣ поперечнаго бугорка. По приведеннымъ особенностямъ, эти обломки могутъ принадлежать двумъ глинянымъ дужкамъ такихъ же сосудовъ. Если такъ, то подобныя дужки служили для привѣшиванія сосудовъ надъ очагомъ; для водоносныхъ онѣ неудобны; нарушеніе при ходьбѣ равновѣсія тяжелаго сосуда съ водою выдвинетъ отростокъ изъ ячейки и сосудъ упадетъ; но для очага болѣе полезны чѣмъ ремень, ссыхающійся отъ жара и лопающійся. Обломки глиняныхъ дужекъ нашиты внизу того щитка, на которомъ набраны грубые острые осколки валуновъ и коралловидныя желѣзисто-землистыя трубочки, домики болотнаго червяка, описанные выше.

Узоръ, украшающій стѣнки нашихъ сосудовъ, многообразенъ; въ немъ нѣтъ того преобладанія ногтевыхъ и ячейчатыхъ вдавленій, какое замѣтно во всѣхъ, сколько намъ извѣстно, находкахъ Россіи и другихъ странъ срединной Европы.

На Коломцахъ ногтевой узоръ попадаетъ очень рѣдко, — но и онъ нанесенъ далеко не такъ беспорядочно, какъ въ большинствѣ другихъ мѣстностей, — то же отличаетъ и нашъ ячейчатый узоръ; при ногтевомъ узорѣ вдавленія сдѣланы съ равномерностью промежутковъ, поясками, рас-

положенными по двѣ и по три рядомъ, съ вѣрно рассчитанными площадками между ними; устье сосудовъ съ этимъ узоромъ всегда имѣетъ другой рисунокъ. При ячейчатомъ бросается въ глаза подражаніе въ расположеніи ячеекъ сотамъ—или крупныхъ пчелъ, земляныхъ, такъ называемыхъ въ Приильменьи по обычаю ихъ строить свои временные ульи въ землѣ, или вообще пчелинымъ сотамъ и ульямъ, что вызываетъ догадку: не служили-ли яйцевидные съ ячейчатымъ узоромъ сосуды, будучи опрокинуты вверхъ дномъ, именно пчелиными переносными ульями; догадку эту усиливаетъ вышеобъясненный разрѣзъ сосудовъ, загнутыхъ нѣсколько внутрь устья и, почти всегда, отсутствіе по краямъ устья другого узора.

Вовсе безъ украшенія нашлось, въ одномъ мѣстѣ, нѣсколько черепковъ изъ глины пополамъ съ раковиною; иные изъ нихъ довольно крупны, хотя всѣ вообще тонки, но кривизны почти непримѣтно, —значитъ сосудъ былъ огромный.

При обзорѣни скребковъ высказано предположеніе, что Коломчане каменнаго вѣка могли обрабатывать шкуры звѣрей на зимнюю и лѣтнюю одежду. Не были ли сосуды изъ глины пополамъ съ раковиною квасильными для дубленія кожи; большіе размѣры и тонкія стѣнки ихъ не служатъ ли указаніемъ на самый способъ квашенія кожъ, состоящій, между прочимъ, въ закапываніи предназначеннаго для этого дѣла сосуда въ кучи раковинныхъ обломковъ, каковыми пересыпалась и самая кожа?

Къ подобнымъ ногтевому и ячейчатому, этимъ несложнымъ узорамъ, отнесемъ еще одинъ, хотя встрѣчающійся сравнительно рѣдко, —это узоръ, похожій на отгиснутый

плетенкою или первобытною тканью. Въ Швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ и въ Верхне-американскихъ находкахъ каменнаго вѣка подобный узоръ попадаетъ довольно часто.

Уже замѣчено, что на Коломпахъ собрано великое множество черепковъ глиняной узорчатой посуды; чтобы разобратъся въ нихъ, привести ихъ въ строго-научный порядокъ и дать обстоятельный обзоръ, нужно, не считая труда, много времени; намъ не удалось еще этого сдѣлать, — потому здѣсь ограничимся одними лишь общими чертами, которыя наскоро подмѣнены.

Узоръ, кромѣ ногтеваго, ячейчатаго и плетеночнаго, мы называемъ сложнымъ. Онъ представляетъ различныя сочетанія: бороздъ, точекъ, ямокъ круглыхъ, треугольныхъ, вытянуто-четыреугольныхъ, продолговатыхъ и другихъ, — треугольниковъ и кружковъ. Но всѣ сочетанія не выходятъ изъ предѣловъ только прямой и ломаной линіи; волнообразныхъ же линій, свойственныхъ, по наблюденіямъ строгихъ изслѣдователей, концу каменнаго вѣка и первой половинѣ бронзоваго, не встрѣчалось ни разу, хотя каждый черепокъ, вынимаемый изъ перегноя, внимательно осматривается.

Сложный узоръ выражается на каждомъ сосудѣ не менѣе какъ въ двухъ сочетаніяхъ: одно вокругъ устья, а другое на стѣнкахъ; но эти случаи рѣдки, — преобладающими же являются три, четыре и болѣе сочетанія. Соотвѣтствія (симметрія и параллель) въ расположеніи узорчатыхъ поясовъ, разстоянія между сочетаніями и отдѣльными частями рисунка, глубина вдавленій — все это строго соразмѣрно; видно, что узоръ наносила привычная рука, и что въ сочиненіи его участвовалъ гон-

чарь наблюдательный и разившій въ духовной своей природѣ вкусъ и стремленіе къ изяществу, — этихъ предвѣстниковъ приближающихся къ нему началъ художественнаго творчества.

Устье сосудовъ или ихъ вѣнчикъ имѣетъ узоръ болѣе сжатый и выражается всегда рѣзко сравнительно съ другими мѣстами. Здѣсь никогда не бываетъ меньше двухъ сочетаній; если вѣнчикъ лежитъ въ одной площади съ стѣнками, по верху одно, а сряду у края другое. Если вѣнчикъ выгибается наружу, на немъ три сочетанія или, правильнѣе, три узора, два какъ сказано, а третій съ внутренней стороны, на отгибѣ; этотъ послѣдній узоръ всегда проще и не похожъ на остальные того же сосуда, но онъ или одинаковъ, или весьма близокъ къ узору на плоскомъ днѣ того же сосуда, если оно украшено.

Въ нанесеніи узора на наружныя стѣнки сосуда принятъ такой порядокъ: если подъ вѣнчикомъ углубленіе — оно не украшается, — если же углубленія нѣтъ или оно незначительно, тогда по срединѣ идетъ рядъ точекъ или неглубокихъ ячеекъ; выпуклость украшается или въ одинъ рядъ вокругъ всего сосуда, или въ три, — въ два же очень рѣдко. Если украшеніе въ одинъ рядъ или въ одинъ поясъ, то оно имѣетъ три полосы; изъ нихъ верхняя и нижняя одинаковы, а средняя всегда иная и особенно рѣзко выдѣляется. При трехрядовомъ узорѣ — средній въ одну полосу, также рѣзкую, а крайніе по большей части въ двѣ полосы въ каждомъ поясѣ, причемъ верхнюю и нижнюю — обоихъ составляютъ одни сочетанія, а вторую сверху и вторую снизу — другія. Если сосудъ высокъ, то предъ дномъ его еще поясъ,

иногда одинаковый съ срединными, иногда отличный отъ нихъ.

Сосуды низенькіе, но плоско широкіе, съ прямыми стѣнками, похожіе, какъ сказано уже, на поддоны нашихъ цвѣтниковъ и на обыкновенныя деревянныя чашки, украшаются—сплошь однимъ узоромъ, чаще въ клѣтку изъ тонкихъ бороздъ,—по бокамъ и по дну, а иногда и внутри, вѣнчикъ же другого, болѣе рѣзкаго рисунка.

Вопросъ о томъ, чѣмъ наносился узоръ, рѣшается различно; одни наблюдатели считаютъ орудіемъ гончара, кромѣ ногтя и пальца его, костяныя подѣлки; гладко оточенныя и имѣющія тупоокругленный конецъ, или сучекъ дерева и проч. По отношенію къ ячейчатому узору подобное заключеніе подходитъ,—но къ разнообразію Коломецкихъ оно непримѣнимо.

Мы видѣли множество костяныхъ подѣлокъ, собранныхъ на Коломцахъ, но между ними нѣтъ, кромѣ гладкихъ съ тупоокругленнымъ концомъ, ни одной сколько нибудь соответствующей хотя бы которой либо изъ частей рисунка.

Мы видѣли также, что глины, дающія при обжогѣ цвѣта, какъ на Коломецкихъ сосудахъ, залегаютъ вдали отъ Ильмена, но въ побережьяхъ рѣкъ въ него впадающихъ; мы знаемъ, что на Коломцахъ было обширное поселеніе очень долго тутъ проживавшихъ Ильменцевъ, мы видимъ, наконецъ, великое множество черепковъ битой посуды. Сопоставленіе этихъ данныхъ наталкиваетъ на вопросъ: не было ли въ мѣстахъ коренного залеганія горшечныхъ глинъ, на рѣкахъ: Мстѣ, Полѣ и Ловати, усиленнаго гончарнаго производства въ видѣ промысла, вызваннаго большимъ спросомъ на глиняную

посуду Коломчанъ и насельниковъ другихъ мѣстъ Ильменско-Волховскаго побережья, гдѣ, на примѣръ, теперь Новгородъ и гдѣ наши предварительныя изысканія дали основанія найти такія же, какъ и на Коломцахъ доказательства многихъ другихъ поселковъ каменнаго вѣка? При утвердительномъ рѣшеніи этого вопроса понятно и отсутствіе въ Коломецкихъ находкахъ орудій гончаровъ и изящество сосудовъ, какъ плодъ соревнованія гончаровъ различныхъ мѣстностей. Рѣки Мста, Пола, Ловатъ и другія, эти естественныя пути людскихъ сношеній, давали полную возможность гончарамъ-промышленникамъ гонять на Коломцы и далѣе по Волхову, на примѣръ, плоты, нагруженные издѣліями ихъ производства; вѣдь гоняютъ же до сихъ поръ мстинскіе бережане-Боровичане свои неуклюжія ладьи, вѣско нагруженныя глиняною посудой, по Мстѣ, Волхову и Невѣ.

На одномъ изъ нашихъ черепковъ, нашитомъ на 30-мъ щиткѣ, въ срединѣ гончарнаго отдѣла выставки, въ нижнемъ ряду щитковъ, сряду подъ надписью «Коломцы», нанесенъ крестикъ, сдѣланный какимъ нибудь остриемъ, въ общемъ такой же, какіе мы видѣли на трехъ предметахъ третьяго стола, отысканныхъ въ Юрьевскомъ жалъникѣ и въ одномъ изъ полевыхъ кургановъ. Жалъникъ лежитъ въ водной области Мсты; насельники Юрьева, Горки и другихъ деревень занимаютъ въ настоящее время, какъ кустари, выдѣлкою горшковъ изъ мѣстныхъ глинъ. Нѣтъ ли чего общаго въ этихъ крестикахъ? Не подписалъ ли тамошній гончаръ глубокой древности ими на сосудѣ Коломцовъ свое прозвище,—не было ли его гончарство родовымъ или племеннымъ ремесломъ съ древняго каменнаго вѣка до курганнаго

и не его ли отдаленнымъ потомкамъ принадлежатъ и плитки полевого кургана и намогильной въ видѣ буквы Z памятникъ и сосудъ самага большого гробовища въ курганѣ жалника, съ прямымъ крестомъ?

Конечно, собранныя нами данныя еще далеко недостаточны для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ въ утвердительномъ смыслѣ, но постановка ихъ не принесетъ никому, — а наукѣ меньше чѣмъ комунибудь — вреда, — а можетъ вызвать знатоковъ старины и любознательныхъ соотечественниковъ на размышленія и на обмѣнъ мыслей въ подсказываемомъ вопросахъ направленіи.

Обращаясь къ сравнительному обзору глиняныхъ сосудовъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и къ украшенію ихъ узорами, сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе. Видъ Коломецкихъ сосудовъ не представляетъ чего либо особенно выдающагося; вездѣ они и плоскодонны и круглодонны, кубовасты и развалисты, — высоки и низки, велики и малы. Цвѣтъ и составъ глины тоже часто одинаковы, если и бываетъ разница, это зависитъ отъ породъ каждой мѣстности. Потому сравненіе по внѣшности, кромѣ узора и качества обработки, не можетъ, кажется, дать полезныхъ указаній.

Коломецкіе узоры частію повторяются въ Окскихъ, Архангельскихъ, Онежскихъ, Уткинскихъ, Финляндскихъ и Шведскихъ, — но лишь ногтевые, ячейчатые и нѣкоторые изъ простѣйшихъ сложнаго состава. Тамъ ими и собственно сложными украшаются большею частію только верхнія части, — за исключеніемъ нѣкоторыхъ Окскихъ, — и больше всего вѣнчики сосудовъ. Въ нанесеніи узоровъ нѣтъ той правильности расположенія сочетаній, какъ въ Коломецкихъ, они выглядятъ какъ-то аляповато, без-

толково, обработка стѣнокъ груба; толщина ихъ неравномѣрна; поверхность бугорчата. Вообще сосуды перечисленныхъ мѣстностей ближе по обработкѣ къ курганнымъ конца каменнаго и начала бронзоваго вѣка.

Ближе всѣхъ къ нашимъ стоятъ черепки сосудовъ Бологовскихъ и Ладожскихъ узорчатыхъ, послѣднихъ особенно, хотя ихъ тамъ собрано весьма немного, сравнительно съ гладкими, вовсе безъ узора.

Изъ Ладожскихъ замѣчательнѣе одинъ, напечатанный на XII листѣ рис. 9 — приложенія къ книгѣ А. А. Иностранцева «Доисторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера». Этотъ своеобразный узоръ состоитъ изъ ромбовъ, расположенныхъ поясами, съ промежутками, покрывающими всю поверхность стѣнокъ снаружи и притомъ такъ, что незанятое узоромъ пространство имѣетъ также видъ ромбовъ; а эти ромбы состоятъ каждый изъ трехъ — четырехъ вдавленныхъ полосокъ, съ поперечными бороздками, положенныхъ рядомъ, наклонъ къ основанію сосуда. Вѣнчикъ состоитъ весь изъ такихъ же, но меньшихъ полосокъ, поставленныхъ тѣсно одна къ другой и наклоненныхъ нѣсколько въ обратную по отношенію къ положенію ромбовъ сторону. Обработка этого сосуда и прочихъ узорчатыхъ такая же тщательная, какъ Коломецкая.

Въ Коломцахъ найдено въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ глубинахъ нѣсколько черепковъ съ узоромъ точно такимъ же, какъ описанный, нѣсколько съ дополнительными рисунками и нѣсколько видоизмѣненныхъ въ подробностяхъ, хотя и одного съ прочими вымысла. Обработка самыхъ сосудовъ такая же тщательная, какъ и Ладожская. Всмотриваясь въ такіе черепки, нельзя не

признать, что сосуды Ладожскіе и Коломецкіе сдѣланы однимъ и тѣмъ же гончаромъ.

Такимъ образомъ, получается еще одно основаніе къ вѣроятности предположенія, что Ильменско-Волховское побережье было густо заселено въ каменный вѣкъ и вызвало гончарный промыселъ въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ горшечныхъ глинъ.

Закончивъ объясненія отдѣловъ выставки перваго зала, перейдемъ во второй.

Кости животныхъ.

Налѣво отъ входа, на двухъ большихъ, щитахъ размѣщены въ 18-ти щиткахъ кости животныхъ, собранные въ жиломъ слѣ Коломцовъ. Здѣсь меньше половины всего количества; напшты только такіе обломки, по которымъ можно узнать и животное, и часть костяка, которой обломокъ принадлежитъ.

Почти всѣ эти обломки представляютъ сочленовыя головки трубчатыхъ костей, содержащихъ наибольшій запасъ костнаго жира или мозга. Извѣстно, что древній человѣкъ любилъ лакомиться мозгомъ; длинные и ровные куски онъ употреблялъ, что уже сказано, на подѣлки, а сочленовую головку, выскобливъ или высосавъ изъ нея мозгъ, бросалъ, если не всякій разъ, то по большей части, какъ ни на что болѣе непригодную.

Такъ поступали, вѣроятно, не всѣ Коломчане, а только болѣе зажиточные, питавшіеся сытно; бѣдняки же и одиночки употребляли въ дѣло и сочленовыя головки. Случалось не разъ нападать на крупныя головки безъ

признаковъ пользованія ими, какъ орудіемъ, въ тѣхъ мѣстахъ площади перегна, гдѣ по близости къ такимъ головкамъ находили хорошо обитые наконечники стрѣлъ, скребки, ножи и вообще тщательно обработанныя подѣлки; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ попадались только грубыя подѣлки, выкапывали сочленовыя головки, чаще мелкія, съ отертыми острыми краями. Рабочіе привыкли уже къ этой особенности захороненія подѣлокъ настолько, что по первому десятку находокъ опредѣляютъ, что именно тутъ окажется при дальнѣйшихъ раскопкахъ, и весьма рѣдко ошибаются.

Найдена одна головка, наглядно объясняющая, какъ именно поступалъ Коломчанинъ съ трубчатыми костями крупныхъ животныхъ. Головка эта принадлежитъ берцовой кости не особенно рослаго быка. Человѣкъ сдѣлалъ у самой головки круговую, въ поперечномъ направленіи, достаточно глубокую борозду — треніемъ по кости обернутою около нея въ одинъ рядъ сухою жилою, а затѣмъ отбилъ трубчатую часть и выскребъ изъ головки жиръ, наскоро тутъ же сдѣланною лопаточкою, широкій край которой скопелъ; покончивъ съ костью и оставивъ въ ней лопаточку, Коломчанинъ бросилъ пустую головку. Пустота всѣхъ вообще трубчатыхъ костей заполнена жидкимъ перегномъ; то же было и съ этою головкою; когда перегной высохъ, онъ вывалился изъ пустоты головки вмѣстѣ съ лопаточкою. Описанная головка напшита вмѣстѣ съ лопаточкою на одномъ изъ щитковъ съ костяными подѣлками, хорошо обработанными, какъ единственный во всей находкѣ предметъ, показывающій придуманный древнимъ человѣкомъ способъ отдѣлять сочленовую головку отъ трубчатой части.

Сочленовыя головки принадлежатъ: первобытному быку, кабану, лосю, оленю, медвѣдю, бобру, тюленю, волку, рыси, лисицѣ, выдрѣ и другимъ мелкимъ грызунамъ и хищникамъ.

Кромѣ головокъ попадаютъ также позвонки, кости ступневья, обломки тазовыхъ, подкопытники, части реберъ и проч.

Точнаго опредѣленія обломковъ костей еще не сдѣлано; между ними могутъ оказаться принадлежащія и другимъ, сверхъ перечисленныхъ, животнымъ, какъ вымершимъ такъ равно удалившимся и вытѣсненнымъ изъ Ильменской страны вполнѣ или частію.

Судя по нѣкоторымъ головкамъ, животныя, водящіяся и теперь въ Приильменскихъ лѣсахъ, были, на примѣръ лось, крупнѣе въ каменный вѣкъ, чѣмъ теперь, за исключеніемъ бурога медвѣдя, нисколько, кажется, не измѣнившись.

Большинство обломковъ принадлежатъ жвачнымъ, — стало быть, Коломчане пренебрегали до нѣкоторой степени мясомъ млекопитающихъ хищныхъ, которыхъ убивали только для шкуръ, а мясо ихъ оставляли на мѣстѣ охоты.

Медвѣжатину они, видимо, ѣли, и если и тогда были медвѣди бурые и черные, подобно нынѣшнимъ овсяникамъ и стервятникамъ, ѣли тѣхъ и другихъ, потому что костей этихъ вѣковѣчныхъ обитателей нашихъ лѣсовъ взято на Коломцахъ много, какъ очень крупныхъ, такъ и посредственныхъ.

На щитѣ у стѣны противъ оконъ нашиты, на девяти щиткахъ, зубы разныхъ млекопитающихъ, обломки челюстей ихъ, кости птицъ, части челюстей рыбъ и позвонки этихъ водныхъ насельниковъ.

Преобладаніе зубовъ принадлежитъ лосю, затѣмъ много зубовъ быка первобытнаго или плоскобога, кабана разныхъ возрастовъ, бобра съ половинками челюстей и прочихъ. Въ обломкѣ одной лосиной челюсти оказался подъ молочнымъ зубомъ постоянный, еще не вполнѣ развившійся, — значить били и телятъ-лосенковъ. Отдѣльныхъ зубовъ, собственно рѣзцовъ грызуновъ, тоже немало, какъ длинныхъ, должно быть бобровыхъ, такъ и короткихъ, загнутыхъ въ крутую дугу, похожихъ на заячьи. Найдены челюсти водяной крысы. Зубы оленя — большая рѣдкость.

Въ числѣ зубовъ хищниковъ одинъ похожъ на рысій, принадлежащій очень крупному недѣлимому; онъ не меньше зуба тигра или барса среднихъ размѣровъ. Отдѣльныхъ зубовъ медвѣдя сравнительно мало, — немного и волчьихъ, лисьихъ, куньихъ и другихъ мелкихъ хищниковъ.

Обломковъ челюсти тюленя всего два, но оба сомнительны; сравнить ихъ наглядно съ хорошими образцами еще не довелось.

Птичьихъ костей попадается въ перегноѣ много, но ихъ трудно взять не поврежденными, онѣ сильно крошатся; тверже другихъ тѣ, которыя значительно пригорѣли. Нашито ихъ сравнительно немного.

Въ заключеніе описанія костей млекопитающихъ сдѣлаемъ нѣсколько поверхностныхъ замѣчаній о значеніи ихъ для изысканій о насельникахъ Ильменско-Волховского побережья.

Ни мамонтъ, ни носорогъ не оставили костей своихъ въ Коломцахъ; есть двѣ половинки лобной части черепа, похожія на носорожьи холмообразною выпуклостью самой

средины лба и, какъ этою особенностію такъ и толщиною стѣнокъ, отличающіяся отъ соотвѣтственной части лба современнаго намъ лося; но эти кости не настолькоъ выразительны, чтобы считать ихъ принадлежащими носорогу, тѣмъ болѣе, что въ множествѣ сочленовыхъ головокъ и ступневыхъ костей очень крупныхъ животныхъ нельзя остановиться съ увѣренностью, что они носорожки; впрочемъ, изслѣдователи быта пещернаго человѣка говорятъ, что онъ, насыщаясь мясомъ убитаго, а можетъ быть и палаго звѣря на мѣстѣ, уносилъ мозгообразныя кости его въ свою пещеру. Коломчане жили, по всей вѣроятности, въ землянкахъ-хижинахъ, отъ которыхъ не осталось никакого слѣда; они могли также приносить домой мозговья кости, изъ которыхъ черепная есть самая богатая лакомствомъ первобытнаго европейца; могло, слѣдовательно, случиться, что съ мѣста насыщенія мясомъ большого травояднаго Коломчанинъ принесъ лобную кость его домой, въ хижину, не взявъ ни одной изъ прочихъ частей. (Но, съ другой стороны, намъ не приходилось видѣть лобной кости лося каменнаго вѣка; если онъ былъ, — что доказано многими находками, — крупнѣе нынѣшняго вообще, ничто не мѣшало ему имѣть и значительную холмообразную выпуклость и толщину стѣнокъ лба.

Извѣстно, что чѣмъ крупнѣе травоядное животное, тѣмъ оно трусливѣе; при тяжести тѣла ему нельзя надѣяться на быстроту своего бѣга, и оно, слышавъ подозрительный шорохъ въ кустахъ на пути къ водопою, забываетъ жажду и поспѣшно удаляется. Такъ поступаютъ, по наблюденіямъ путешественниковъ, нынѣшніе слоны и носороги, такъ поступали должно быть и от-

даленные ихъ предки каменнаго вѣка. Коломцы заселены были густо, поэтому мамонту и носорогу неудобно было держаться по сосѣдству съ людьми, хотя верстахъ въ десяти отсюда лежитъ соленое озерко, очень соблазнительное для травоядныхъ, такихъ же лакомокъ до соли, какъ человѣкъ до костнаго ихъ жира. А что въ Ильменской странѣ жилъ мамонтъ одновременно съ человѣкомъ, это мы видѣли въ находкахъ Вотьской пятины и Волховскаго берега противъ Славенскаго конца Новгорода.

Многочисленность сочленовыхъ головокъ и другихъ негодныхъ на подѣлки костей животныхъ способна убѣдить въ обиліи питанія у Коломчанъ и послужить подтвержденіемъ нашего предположенія о причинахъ, вызвавшихъ огромныя кучи раковинъ береговыхъ мягкотѣлыхъ.

Археологи-наблюдатели жизни первобытнаго европейца думаютъ, что первымъ животнымъ, которое человѣкъ приручилъ, будучи самъ еще въ полудикомъ состояніи, послужила собака. Между тѣмъ на нашихъ многочисленныхъ обломкахъ костей животныхъ не видно нигдѣ слѣдовъ зубовъ собаки, не смотря на то, что большая часть обломковъ принадлежитъ сочленовымъ головкамъ, одѣтымъ въ свѣжемъ видѣ хрящикомъ, до котораго собаки большіе охотники;—еще соблазнительнѣе для нихъ тѣло позвонковъ млекопитающихъ, особенно мягкое для зубовъ и сочное, если позвонокъ изъ хребта животнаго жвачнаго,—такіе найдены, но и на нихъ нѣтъ отпечатка зубовъ собаки.

Костей рыбъ не много нашито; произошло это не потому, что ихъ мало въ Коломецкомъ перегноѣ, а потому,

что огромнаго большинства нельзя было взять: кости размякли и превратились въ жидкую кашу. Удалось набрать однако же нѣсколько обломковъ челюсти сома или крупнаго налима или щуки и проч. Позвонковъ же рыбьихъ собрано много, хотя по цвѣту этой кости, такому же какъ перегной, и по незначительности, въ огромномъ большинствѣ, ея размѣровъ, осталось незамѣченныхъ и не взятыхъ вѣроятно гораздо больше, чѣмъ собранныхъ; какъ ни тонки ломти разбираемаго перегноя, но не всякій приходится перетирать между пальцами, тогда какъ только такимъ путемъ можно ощупать все содержимое ломтя и извлечь маленькіе позвонки. Размѣръ Коломецкихъ позвонковъ не одинаковъ; самый большой, должно быть сомовій, въ полтора вершка въ поперечникѣ, а самый маленькій въ $\frac{1}{8}$ вершка. Очень крупныхъ до $\frac{3}{4}$ вершка немного; среднихъ, не свыше $\frac{1}{2}$ вершка, вдвое больше чѣмъ остальныхъ; самыхъ маленькихъ всего съ десятокъ.

Какой рыбѣ принадлежатъ позвонки одинаковыхъ размѣровъ — не опредѣлено; наглядное же ознакомленіе съ ними и сравненіе съ нынѣшними носельниками водъ Ильменя и рѣкъ, въ него впадающихъ, указываетъ, что позвонки Коломецкіе, размѣровъ ниже средняго, одинаковы съ теперешними: щуки, достигающей длины свыше $1\frac{1}{2}$ аршина, сома (онъ ловится уже очень рѣдко, въ омутахъ рѣкъ, по которымъ нѣтъ пароходства) — не длиннѣе двухъ аршинъ, судака — до аршина длиною, леща, налима, сига, окуня, сырты, шерешпера, язя и другихъ мелкихъ.

Ихтиологи, то есть изучающіе рыбъ, рыбовѣды, гово-

рятъ, что обитатели прѣсныхъ водъ достигаютъ большаго роста только въ рѣкахъ и озерахъ теплыхъ странъ.

Сравнивая Коломецкія ископаемыя кости млекопитающихъ, птицъ и рыбъ, найдемъ, что они принадлежатъ или въ нихъ повторяются вообще всѣ тѣ виды, кромѣ мамонта и носорога, которые найдены въ разныхъ мѣстахъ Россіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи, — за исключеніемъ свойственныхъ только странамъ приморскимъ. Но видовое сходство не даетъ указаній на большую или меньшую древность захороненія ископаемыхъ остатковъ животныхъ совмѣстно съ издѣліями человѣка.

Нѣкоторые изслѣдователи пытаются устанавливать древность ископаемыхъ находокъ по количеству животныхъ, кости которыхъ залегаютъ въ данной мѣстности, но которыя или сами переселились къ настоящему времени изъ теплыхъ странъ въ холодныя и обратно, или вытѣснены человѣкомъ вполне либо частію. Но едва ли подобный приѣмъ цѣлесообразенъ. Перекочевка животныхъ, вызванная какимъ либо временнымъ измѣненіемъ климатическихъ условій въ мѣстности первоначальнаго ихъ размноженія, поневолѣ заставляетъ ихъ приживать къ новому мѣсту и вырабатывать, мало-по-малу, привычку, обращающуюся затѣмъ въ потребность, сообразоваться съ климатическими же и другими условіями этого новаго мѣста, — такъ что, когда временное измѣненіе условій, послужившее побужденіемъ къ перекочевкѣ, уступить снова прежнимъ, удалившееся животное, успѣвшее уже освоиться на новомъ мѣстѣ, не будетъ имѣть побужденій искать прежняго. Поэтому если мы находимъ въ Ильменскомъ побережьи ископаемыя кости бобра, грызуна, кабана, оленя и другихъ, живущихъ теперь

далеко отъ нашего побережья, изъ одного этого обстоятельства нельзя еще заключать, былъ ли во времена этихъ животныхъ въ Приильмени такой же климатъ, въ какомъ они теперь живутъ. Различіе въ ростѣ современныхъ и ископаемыхъ животныхъ тоже не можетъ дать надежныхъ указаній на время захороненія костей ихъ: и теперь бываютъ животныя одного и того же вида, одного и того же возраста, но неодинаковаго роста. Все это, вмѣстѣ взятое, побуждаетъ воздерживаться отъ увлеченія задаваться древностью ископаемыхъ находокъ по костямъ животныхъ, захоронившихся вмѣстѣ съ подѣлками каменнаго вѣка. Потому неопредѣленіе палеонтологами всѣхъ костей, собранныхъ въ Коломецкомъ жилищѣ перегноѣ, едва ли можетъ служить препятствіемъ къ тѣмъ или другимъ выводамъ изъ всей совокупности обнаруженнаго раскопками на Коломцахъ и находками въ земляхъ Велико-Новгородскаго державства.

На трехъ нижнихъ щиткахъ набраны, кромѣ зубовъ и рыбныхъ костей, другіе предметы, частію выкопанные въ самомъ жилищѣ перегноѣ, частію же собранные въ томъ мѣстѣ, гдѣ клиновидный выходъ перегноя открытъ непосредственно сорнымъ весеннимъ наплывомъ. Эти предметы двухъ родовъ: одни представляютъ или образцы горныхъ породъ, подѣлокъ и остатковъ животныхъ, встрѣчающихся весьма рѣдко, другіе же, обнесенные рамками изъ трубчатыхъ домиковъ болотныхъ червяковъ, относятся къ привѣскамъ и украшеніямъ. Отводя особую статью послѣднимъ, остановимся здѣсь на первыхъ.

Кромѣ нашитыхъ на щиткахъ перваго зала съ грубыми валунными острыми осколками образцовъ рогови-

ковъ и кремней, служившихъ Коломчанамъ веществомъ для ихъ издѣлій, здѣсь набраны образцы преимущественно роговиковъ съ преобладаніемъ въ нихъ чернаго цвѣта; между ними, подъ надписью «Коломцы» помѣщены своеобразные наконечники стрѣлъ изъ лиловаго и чернаго роговика. Они обработаны какъ простые ножи, то-есть представляютъ ровную тонкую полоску, плоскую съ одной и съ двумя низкими къ ребрамъ ея скатами съ другой стороны; острый, колющій край получился при тѣхъ же отколахъ, которые дали скаты; на плоской сторонѣ острый край, самый колющій кончикъ его, подправленъ на обоихъ ребрахъ мельчайшею оббивкою; на противоположащемъ краѣ обработанъ такую же оббивкою и съ плоской же стороны стерженекъ для насадки наконечника на древко. Подобный наконечникъ найденъ въ Бологомъ, при раскопкахъ князя П. А. Путьятина. Тутъ же помѣщены и вышеупомянутые сланцевые наконечники, братски сходные съ Приамурскими. Эти наконечники взяты въ жилищѣ перегноѣ.

На двухъ изъ щитковъ нашиты, между прочимъ: маленькіе обломочки кости, слегка пропитанные вивіанитомъ и очень похожіе по цвѣту на самую нѣжную бирюзу;—щитки или чешуйки девонской рыбы, названной *Goloptichius nobilissimus*;—кусочки бѣлаго молочнаго кварца;—грубо оббитый наконечникъ изъ кроваво-краснаго сердолика;—образцы красивыхъ мелкополосатыхъ кремней;—круглыя, тонкія, совсѣмъ какъ мѣдный пяточокъ, пластинки девонскаго оточеннаго водою плитняка, или, по ильменскому говору, «опоки-мыльники»;—такіе же опоки съ круглыми посрединѣ дырочками;—единственные изъ найденныхъ до сихъ поръ гдѣ-либо

кремневые хорошо оббитые рыболовные крючки, два об одномъ зацѣпѣ каждый, а третій—обработанный грубѣе первыхъ, о двухъ, глядящихъ въ разныя стороны;—стрѣловидная подѣлка изъ глины, вылѣплена грубо и обожжена плохо;—куски другой подобной же подѣлки и такой же обработки;—наконецъ кусокъ чернагоп, лотнаго, блестящаго снаружи, но матоваго въ изломахъ, камня; это такъ называемый «Лидійскій пробирный камень». Отъ него отбито было Коломчаниномъ нѣсколько остроугольныхъ плоскихъ кусковъ; по чертѣ, проведенной ребромъ этого камня на стеклѣ, оно ломается. Всѣ эти предметы извлечены изъ перегноя, за исключеніемъ одной пластинки голоптихія, найденной въ пескѣ, въ водѣ Гнилки, у самаго берега ея, на разстояніи отъ мѣста раскопокъ—въ сухую осень—около полуверсты.

На одномъ изъ этихъ же щитковъ нашиты, въ лежачемъ положеніи, у самой рамки изъ трубчатыхъ домиковъ болотнаго червяка, по обоимъ краямъ щитка, два зуба третичнаго родоначальника нынѣшняго коня, названнаго палеонтологами «*equus caballus fossilis*»; они принадлежатъ двумъ недѣлимымъ неодинаковаго роста,—одинъ зубъ длиннѣе другого; жевательная поверхность точно такая же, какъ у нашего коня, но коронка вдвое длиннѣе и наполовину толще,—она значительно выгибается дугою наружу; корни отломлены; самые края нижней части коронки загибаются внутрь; по остаткамъ корней видно, что ихъ было четыре, притомъ тонкихъ. Длина коронки одного зуба почти полтора вершка, а другого—около вершка съ четвертью; жевательная поверхность и вся коронка квадратная, книзу слабо съуживаю-

щаяся; поперечникъ безъ малаго полвершка.—Найдены въ наплывѣ надъ выходомъ перегноя.

Такихъ зубовъ находятъ довольно много въ песчаной насыпи вала, охватывающаго Новгородъ, а также въ береговыхъ отмеляхъ рѣкъ Алаунской возвышенности.

Привѣски и украшенія.

Подѣлки древняго человѣка, представляющіяся бесполезными для нуждъ домашней жизни и для охоты, обыкновенно считаютъ то привѣсками, употребляемыми современными намъ дикарями и почитаемыми ими за таинственно врачующіе и охраняющіе отъ всякихъ бѣдъ того, кто ихъ носитъ на себѣ,—такими же, какъ амулеты и ладанки нашихъ суевѣрныхъ современниковъ,—то украшеніями. Онѣ нашиты на трехъ щиткахъ съ зубами и сейчасъ описанными предметами, внизу каждаго щитка въ рамкахъ. Такого же значенія подѣлки изъ янтаря мы видѣли мимоходомъ на второмъ столѣ; онѣ помѣщены подъ стекломъ—какъ мелкія и хрупкія, въ предупрежденіе поврежденій.

Начнемъ съ янтарныхъ. Вскользь замѣчено уже, что нашъ янтарь имѣетъ красный цвѣтъ, и что въ Коломцахъ онъ найденъ впервые, не будучи встрѣчаемъ до сихъ поръ нигдѣ въ находкахъ каменнаго вѣка.

Въ Коломецкомъ перегноѣ янтарь попадаетъ часто; но замѣтить его и получить цѣльнымъ чрезвычайно трудно; перегной почти вездѣ нѣсколько влаженъ;—цвѣтъ наружной оболочки янтаря, пока онъ не высохнетъ на

воздухъ, такой же, какъ и перегной; кусочки же невелики. По поводу мелкихъ рыбьихъ позвонковъ объяснена легкость пропустить всякій вообще маленькій предметъ, какъ ни желательно, чтобъ этого не случилось. Когда же лопата рабочего разрѣжетъ янтарь, онъ блеснетъ въ изломѣ своимъ краснымъ цвѣтомъ очень рѣзко и извлекается, уже раздробленнымъ, вмѣстѣ съ облегающимъ его перегноемъ; въ такомъ видѣ нашъ янтарь и разложенъ въ помѣщеніи подѣ стекломъ. На кусочкахъ только поврежденныхъ, а не вполне раздробленныхъ, сохранились сверлины, то воронкообразныя съ обѣихъ сторонъ, то трубковидныя; онѣ продѣланы чаще въ поперечномъ направленіи, но въ двухъ случаяхъ, на круглыхъ плиткахъ, съ серебряный пятакъ одной и съ гривенникъ—другой, нѣсколько выпуклыхъ съ одной стороны, сверлины продольныя, сквозь выпуклость, съ входящею и выходящею дырочками на одной площади. Подобныя сверлины употребляются съ недавняго времени при выдѣлкѣ костяныхъ пуговицъ, у которыхъ наружная сторона узорчатая, а другая, выпуклая, продольно просверлена.

Въ находкахъ бронзоваго вѣка, первой его половины, янтарь, и притомъ красный, встрѣченъ всего одинъ разъ, при раскопкахъ Д. Я. Самоквасова, въ Польшѣ, подѣ Новогеоргіевскомъ, у деревни Коссево, въ каменной гробницѣ. На выставкѣ при послѣднемъ международномъ конгрессѣ въ Москвѣ янтарь этой находки помѣщенъ былъ на 61-й таблицѣ собранія г. Самоквасова подѣ №№ отъ 313 до 319 включительно, въ небольшихъ кусочкахъ, обработанныхъ такъ же какъ и Коломецкіе, — но значительно поврежденныхъ; три изъ всѣхъ семи такіе

же круглые, какъ наши, лишь нѣсколько больше и съ продольными же сверлинами.

Долго считали единственнымъ въ Европѣ мѣстомъ коренного залеганія желваковъ янтара полуденно-восточное и вообще все подбережье Балтійскаго моря, куда за нимъ плавали еще Финикіяне. Теперь это растительно-смолистое образованіе обнаружено въ разныхъ мѣстахъ: по Днѣпру, въ Полѣсьи, въ Сициліи, въ области р. Сѣверной Двины, нижняго теченія—въ Европѣ, на Азіатскомъ склонѣ Уральскаго хребта въ землѣ Пермской, по р. Енисею, верстѣ на 600 ниже г. Туруханска, и на островѣ Сахалинѣ.

Различные цвѣта янтара объясняютъ разнообразіемъ хвойно-смолистыхъ древесныхъ породъ, его образовавшихъ. Нѣкоторые знатоки говорятъ, что красный янтарь залегаетъ въ Балтійскомъ побережьи и считается самымъ малоцѣннымъ (А. А. Иностранцевъ), другіе же утверждаютъ, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ, что ни въ этой мѣстности, ни въ Поднѣпровьи, ни въ Полѣсьи никогда краснаго янтара не находили и его тамъ совсѣмъ нѣтъ. Въ Европѣ извѣстенъ янтарь молочный, капустный и прозрачно-медовый. На чьей сторонѣ изъ приведенныхъ мнѣній знатоковъ правда—укажетъ будущее, теперь же мы знаемъ изъ служебнаго донесенія мѣстнаго исправника, что красный янтарь залегаетъ только въ одномъ мѣстѣ, въ нижнемъ теченіи Енисея. Говорятъ нѣкоторые путешественники, что такой же янтарь находятъ въ Сициліи и на островѣ Сахалинѣ, но образцовъ мы не видали и къ этому сообщенію не можемъ ничего прибавить.

Въ погребальныхъ сооруженіяхъ мегалитическихъ и

въ курганахъ Россіи янтарныя бусы около шеи осто-
вовъ, при которыхъ—бронзовыя и желѣзныя орудія, со-
ставляютъ явленіе обыкновенное. Слѣдуетъ отмѣтить,
что графъ А. С. Уваровъ нашелъ въ одной изъ недав-
нихъ, сравнительно, не старѣе желѣзнаго вѣка, могилъ
земли древней Мери янтарный привѣсокъ со сверлиною,
обработанной въ видѣ равнобедреннаго треугольника со
срѣзанною вершиною, и что точно такого же вида и
размѣра привѣсокъ имѣется и въ числѣ Коломещкихъ
янтарей.

До сихъ поръ держится повѣрье, что янтарь преду-
преждаетъ желтуху и врачуетъ отъ этой нечистоты крови,
и что женщина, кормящая грудью ребенка, должна но-
сить янтарныя бусы, если желаетъ, чтобы молоко ея
было питательно и способствовало здоровью и хорошему
росту малютки.

Вернемся къ щиткамъ второго зала. Напитые на нихъ
привѣски и украшенія можно подраздѣлить такъ:

а) Просверленные зубы. Въ числѣ ихъ преобладаютъ
клыки хищниковъ: медвѣдя, рыси, лисицы, куницы и,
кажется, соболя. Одинъ—медвѣжій—принадлежитъ очень
роslому звѣрю.

Клыки хищниковъ съ сверлинами были въ большомъ
почетѣ не только въ каменный, но и въ курганные
вѣка; случалось находить въ разныхъ мѣстахъ Россіи
цѣлыя ожерелья и даже пояса изъ набора клыковъ од-
ного вида хищниковъ и кабана. Нѣкоторые изслѣдова-
тели полагаютъ, что просверленные клыки древній че-
ловѣкъ употреблялъ какъ иглы для шиванія кожъ.

Въ трехъ случаяхъ нашлись на Коломцахъ и корен-

ные зубы медвѣдя большого роста и въ одномъ зубъ
небольшого волка.

Одинъ разъ попался рѣзецъ крупнаго бобра; сверлина
повреждена, но часть ея сохранилась. Этотъ рѣзецъ, хотя
и дуговиденъ, но могъ отвѣчать за иглу. Раза три на-
шли передніе рѣзцы—травояднаго, съ расширенною, ло-
патовидною коронкою; они также удобны для шитья,
если предварительно дѣлалась на мѣстѣ намѣченнаго
шва насѣчка маленькимъ костянымъ долотцемъ; образцы
подобнаго долотца имѣются въ числѣ гладко оточен-
ныхъ костяныхъ подѣлокъ Коломчанъ. Да и тѣ же рѣз-
цы травоядныхъ могли быть насѣчками. На щиткахъ
съ зубами животныхъ набрано такихъ рѣзцовъ больше
десятка.

На нѣкоторыхъ зубахъ вырѣзанъ на концѣ корня
круговой желобокъ, для навязыванія на тонкій реме-
шокъ. Желобокъ не настолько глубокъ, чтобы въ немъ
помѣстилась вся привязка и чтобы съ нею, какъ съ
ниткою, зубъ могъ служить иглою. Одинъ разъ нашли
коренной зубъ бобра съ начатою, но додѣланною не
больше какъ на половину, сверлиною. У этого грызуна
коренные зубы коротки, толсты и тупы съ обоихъ кон-
цовъ, такъ что иглы изъ него никакъ не выйдеть. Этого
вида привѣски имѣли всего вѣроятно значеніе или вос-
поминанія о какихъ либо особенно важныхъ случаяхъ,
или предмета съ таинственною силою.

б) Небольшая дуговидная костяная пластинка, въ
полвершка длиною, меньше четверти вершка шириною
и не толще одной сороковой вершка, съ сверлиною сильно
отерпешою внутри и обломавшеюся въ верхней части.
Она гладка съ выгнутой стороны, а съ выпуклой зна-

чительно облупилась. Въ изломѣ нижняго конца, нѣсколько поврежденнаго лопатою, ясна губчатая середина черепной кости. По этому признаку, а также по изогнутости привѣска, его нельзя признать за обработанный для украшенія; видъ изогнутости соотвѣтствуетъ темянному бугру человѣческаго черепа, а относительная тонкость кости, ея плотность и узкость губчатого слоя даютъ возможность признать въ ней часть черепа очень молодого человѣка.

Въ находкахъ Западной Европы повторялись нѣсколько разъ случаи встрѣчи съ подобными предметами изъ кости человѣческаго черепа, — относимыми тамошними учеными къ предметамъ священнымъ, соотвѣтствующимъ вѣрованію древняго человѣка въ загробную жизнь и въ покровительство умершихъ оставшимся на землѣ родичамъ.

в) Пальцевая косточка, фаланга, какого-то не особенно крупнаго звѣря, вооруженнаго когтями; она близко сходна съ подобною же изъ пальцевъ руки человѣка, — а отличается только суженіемъ верхней части передней головки, за которою слѣдуетъ у звѣря треугольная съ вогнутымъ основаніемъ косточка, служащая для прикрѣпленія когтя. На срединѣ этого предмета проверчена игловидною проколкою поперечная скважина съ неровными стѣнками. Принадлежитъ ли эта косточка молодому медвѣжонку или другому звѣрю и встрѣчались ли подобные предметы гдѣ либо — намъ неизвѣстно, но можно смѣло сказать, что это не украшеніе. Замѣтимъ при этомъ, что наши Сибирскіе полудикіе инородцы дальнихъ окраинъ и обитатели лѣсовъ верхней Америки питаютъ особое уваженіе къ медвѣдю, близкое къ боготворенію.

г) Нѣсколько плоскихъ, похожихъ на листокъ вишни

средней величины, костяныхъ подѣлокъ съ воронкообразною сверлиною и съ нарѣзками или зарубками по ребрамъ; у нѣкоторыхъ сверлины повреждены. Подобныхъ подѣлокъ встрѣчается не мало въ находкахъ нашего Сѣвера; на первый взглядъ онѣ представляются украшеніемъ; — но американскіе и африканскіе побережане-дикари и обитатели Новой Гвинеи, берега Миклухи-Маклая, выдѣлываютъ изъ кости точно такіе же предметы, составляющіе существенную часть рыболовнаго снаряда; къ пластинѣ прикрѣпляется, посредствомъ привязыванья черезъ зарубки реберъ, острый конецъ рыбьяго ребра, выпуклостью наружу, или подобный же осколокъ то кремня, то обсидіана, такъ что получается крючекъ для уженья рыбы.

д) Тонкія, каплеподобныя подѣлки изъ песчаниковъ и сланцевъ, длиною отъ половины до вершка слишкомъ, а шириною втрое и вчетверѣ меньше длины, съ воронкообразными сверлинками въ узкой части; одна совершенно плоская, яйцеобразнаго вида, изъ синеватаго сланца, другая, болѣе каплеподобная, чѣмъ яйцевидная, отлично обработана изъ плотной Алтайской яшмы; она блеститъ; къ одному краю проходитъ въ камнѣ полоса съ перламутровымъ отливомъ; длина вершокъ съ осьмушкой, — ширина почти три четверти вершка. Такого же вида и изъ такого же вещества, кромѣ яшмы, подѣлки весьма обыкновенны; по непригодности въ хозяйствѣ ихъ считаютъ за украшенія. Изъ Сибирской яшмы, сколько намъ извѣстно, въ Европейской Россіи еще не находили подѣлокъ.

е) Тонкая слюдяная, листка въ четыре, пластинка съ сверлиною; длина $\frac{3}{8}$, ширина $\frac{2}{8}$ вершка, — несомнѣнно

употреблялась какъ украшеніе. Коренное мѣстороженіе слюды Сибирь; но она встрѣчается, въ видѣ прослойковъ, и въ Финляндскомъ гранитѣ. Ни въ Россіи, ни въ прочихъ мѣстахъ Европы слюды не попадалось въ находкахъ каменнаго вѣка; но въ верхней Америкѣ, особенно въ Мексикѣ, при раскопкахъ древнѣйшихъ земляныхъ сооружений, погребальныхъ и жертвенныхъ, украшенія изъ нея, просверленные, часты и притомъ такого же размѣра, какъ напѣ.

ж) Два обломка плоскихъ колецъ изъ сланца съ зарубками, нанесенными по наружной сторонѣ реберъ, на разстояніи одна отъ другой около четверти вершка. Точно такіе же обломки подобраны въ Приладожьи. Украшенія ли подобныя кольца, или хозяйственныя подѣлки—сказать нельзя.

з) Обломокъ небольшого кольца, съ тонкимъ — круглымъ ободкомъ; поперечникъ нѣсколько меньше полвершка; повидимому изъ твердаго сланца. Взятъ въ напльвѣ надъ перегномъ. Похожія на этотъ обломокъ, но съ болѣе толстымъ ободкомъ и болѣе длиннымъ поперечникомъ, попадаются въ Сибири и, сколько помнится, въ Швеціи.

и) Кольца изъ опоковъ, съ подправленными отачиваніемъ ободами внутри и снаружи; зарубокъ по ребрамъ нѣтъ. И такіе предметы, служившіе, вѣроятно для украшенія, извѣстны въ Сибирскихъ—Уральскихъ находкахъ, и въ Поморскихъ.

і) Поперечный отрѣзокъ плотной кости, какъ бы самаго конца мамонтова бивня; очертаніе яйцевидное; длина полвершка, ширина около четверти вершка; широкія поверхности плоски и нѣсколько шероховаты; бока или

ободокъ гладки; по ободку, ближе къ одной изъ широкихъ поверхностей, двѣ рядомъ проведенныя круговыя бороздки, въ срединѣ грубо выдолблена дыра; цвѣтъ кости темнобурый. Должно быть это буса. Въ Сибири подобныя встрѣчаются; въ Европейской Россіи ихъ не бываетъ.

к) Буса изъ обожженной глины, величиною въ крупный каленый орѣхъ; нѣсколько удлиннена; на поверхности въ одномъ мѣстѣ три точки, расположенныя совершенно такъ же, какъ на болѣе узкомъ концѣ кокосоваго орѣха впадины, заполненныя мягкимъ веществомъ скорлупы;—похожа въ общемъ на грузило небольшихъ рыболовныхъ сѣтей—бродцовъ, но слишкомъ мала для грузила. Во внутренней Россіи глиняныя бусы попадаютъ въ курганахъ; въ Поморьи же и въ Заволочьи, а также въ Сибири, если вѣрить рассказамъ туземцевъ, эти бусы весьма обыкновенны и въ курганахъ, и въ могилахъ позднихъ временъ. Взята надъ слоемъ перегноя въ напльвѣ.

л) Головка птицы, похожей на глухаря; вырѣзана изъ пластины плотной кости и гладко оточена: на мѣстѣ глаза сверлина. Головка имѣетъ изломъ въ шеѣ; должно быть она принадлежитъ или цѣлой птицѣ, или составляетъ украшеніе конца какого нибудь орудія. Последнее вѣроятнѣе, потому что сѣверяне Европы любили украшать звѣринными головами и вообще животными концы своихъ каменныхъ топоровъ-молотовъ со сверлинами. Одинъ разъ найдена была, на сѣверѣ же, ножевидная костяная подѣлка, обработанная, какъ и напѣ, изъ пластины и съ птичьєю же головкою на концѣ; сверлина у этой головки тоже на мѣстѣ глаза и служила для привязки орудія къ поясу.

м) Головка, похожая нѣсколько на мамонтову, съ поднятымъ хоботомъ: она сдѣлана такъ же, какъ и описанная птичья, изъ тонкой костяной пластинки, но много грубѣе: на мѣстѣ глаза дырочка, проверченна какоюнибудь проколкою. Какъ и у нашей птичьей—у этой головки изломъ въ шейной части,—то, что похоже на хоботъ, также обломано. Размѣры обѣихъ головокъ не велики, наибольшая длина около полувершка; пластинка, изображающая птичью голову, толще другой.

и н) Мы видѣли въ помѣщеніи подь стекломъ на второмъ столѣ перваго зала, между янтарями, головку человѣка, о которой вскользь только сказали, что это единственный изъ находокъ древне-каменнаго вѣка на всемъ земномъ шарѣ предметъ. Здѣсь, говоря объ украшеніяхъ домашнихъ орудій изображеніями животныхъ головокъ, остановимся и на головкѣ человѣка. Она обработана изъ толстаго куска плотной кости, а не изъ тонкой пластины, какъ первыя двѣ; тамъ представлено только очертаніе головъ въ поперечномъ разрѣзѣ ихъ (силуэтъ), — здѣсь же головка изваяна, хотя далеко не такъ художественно, какъ это дѣлается теперь, но искусно: соблюдены выпуклости носа и ушей, округлены щеки, — въ глазахъ не нарушено естественное углубленіе и направленіе; лбу и верхней части головы данъ видъ, по которому всякій пойметъ, что голова не открытая, а въ шапкѣ, напоминающей турецкую феску и ту шапочку, которая найдена въ одномъ изъ погребальныхъ сооруженій бронзоваго вѣка въ Даніи. Во Франціи и у насъ, преимущественно на сѣверѣ и особенно въ Сибири, находятъ изваянныя изъ кости не только головки, но и полныя изображенія животныхъ; для находокъ Франціи

доказано изготовленіе подобныхъ подѣлокъ частію въ самомъ концѣ второй половины, неолитической, каменнаго вѣка, и частію уже въ вѣкѣ бронзовый; есть указаніе и на отысканіе въ Западной Европѣ изваянныхъ изъ кости изображеній человѣка, но залеганіе ихъ въ наслоеніи, не дающемъ повода относить эти изображенія не только къ каменному, но даже и къ бронзовому вѣку, требуетъ осторожности въ сравненіи ихъ вообще съ подобными подѣлками древнихъ временъ. Съ такою же осторожностью слѣдуетъ относиться къ находкамъ далекихъ сѣверныхъ окраинъ Россіи и Сибири. Мы уже замѣтили, что не болѣе ста лѣтъ назадъ тамъ пользованіе каменными и костяными орудіями имѣло широкое примѣненіе, остающееся кое-гдѣ еще и теперь, — хотя бронза и своеобразныя украшенія подѣлокъ изъ нея, находимыхъ во множествѣ въ Алтайскихъ горахъ, въ пещерахъ и долинахъ, свидѣтельствуютъ, что насельники этой части Азіи давнымъ-давно узнали бронзу и научились отливать изъ нея разнообразнѣйшія изображенія животныхъ, не только дѣйствительныхъ, но и выдуманныхъ сказочниками. Еще Геродотъ слышалъ о грифахъ, стерегущихъ въ землѣ скивовъ золото. Поэтому для признанія за всякими вообще находками подѣлокъ человѣка глубокой древности и для взаимнаго сравненія ихъ недостаточно ни вещества, употребленнаго для подѣлокъ, ни совмѣстности захороненія ихъ съ животными, не существующими въ странѣ подобныхъ находокъ; единственнымъ мѣриломъ должны служить, при настоящемъ уровнѣ знаній естествовѣдѣнія, только тѣ слои земной коры, въ которыхъ захоронены подѣлки и при томъ, если наука не грѣшитъ въ установленіи законовъ природы, на не-

зыблемомъ основаніи которыхъ она разумно объясняетъ явленія, давшія такіе слои. Поэтому и по приведеннымъ выше соображеніямъ Коломецкая головка человѣка имѣетъ неотъемлемое право на особенное къ ней вниманіе.

Изъ тѣхъ немногихъ находокъ бытовыхъ остатковъ человѣка, которые залегаютъ въ несомнѣнно древнихъ пластахъ, или между ними, ближе прочихъ къ Коломецкой будетъ Ладожская А. А. Иностранцева. Тамъ найдены два изображенія тюленя, вырѣзанные тоже изъ костяныхъ пластинъ; здѣсь поверхность пластинъ покрыта несложнымъ узоромъ, не то точками, не то зарубками, ничего же похожаго на изваяніе животныхъ или человѣка не отыскано.

Коломецкая головка человѣка имѣетъ, какъ и другія описанныя, изломъ въ шейной части и выдѣланный нѣсколько ниже затылка плоскій отростокъ, наружная сторона котораго округлена; по сохранившемуся остатку отростка можно догадываться, что онъ сдѣланъ какъ ушко. Судя по излому—головка принадлежала полному изваянію человѣка, а по ушку—эта подѣлка предназначена была для ношенія на шеѣ. Подъ Коломецкою головкою, въ томъ же помѣщеніи подъ стекломъ, положено отличное изъ стекловиднаго вещества изображеніе полного человѣкоподобнаго существа, съ высокоторчащими ушами и съ сильно вытянутою впередъ и острою частью лица, соответствующею носу и челюстямъ,—такъ что эта часть изображаетъ какъ бы звѣриное рыло. Если обратить эту подѣлку головой вверхъ и поставить, то получится человѣкоподобное изображеніе сидящимъ на корточкахъ, колѣни ногъ пригнуты къ туловищу и приходяются нѣсколько выше рыльца; кисти рукъ положены

на колѣни; ни хвоста, ни роговъ нѣтъ; на спинѣ выдѣланъ отростокъ съ поперечною дырочкою; это тоже ушко, что у Коломецкой головки. Описанный болванчикъ подаренъ нашему собранію г. Ю. И. Эйхвальдомъ, нашедшимъ его въ Китайскихъ отрогахъ Алтая, недалеко отъ озера Зайсанга, и изображаетъ злого бога буддйцевъ-бурятъ, котораго Сибирскіе инородцы носятъ на шеѣ, какъ и изображеніе добрыхъ духовъ, чтобы не случилось съ ними бѣдъ и несчастій во время охоты.

Въ тѣхъ же рамкахъ, гдѣ привѣски и украшенія, найдены: обломокъ задняго отростка нижней челюсти кабана, или медвѣдя и небольшой плоскій сланецъ, повидимому отломокъ плитки, округленной по ребрамъ при движеніи въ водѣ. Въ цѣльномъ видѣ плитка была, вѣроятно, вытянуто-округленная. Какъ на кости, такъ и на плиткѣ сдѣланы, по ребру, поперечныя насѣчки; на первой ихъ 12-ть, на второй 14-ть, но обѣ не полны, такъ что числа эти не выражаютъ всего количества насѣчекъ на каждой. Подобные предметы находятъ въ Западной Европѣ, у насъ въ Россіи и въ Америкѣ; въ Приладожьѣ тоже оказалась костяная пластинка съ поперечною насѣчкою. Это такъ называемыя счетныя, памяtnыя замѣтки; онѣ соответствуютъ теперешнимъ биркамъ нашихъ неграмотныхъ сельчанъ,—отмѣчающихъ на палочкѣ прямыми зарубками единицы, а крестиками—десятки.

Подобные описаннымъ предметамъ могли бы служить гончару орудіемъ для нанесенія узора изъ прямыхъ желобчатыхъ вдавленій, на днѣ которыхъ примѣчаются почти всегда поперечныя рубчики. Но выгнутость реберъ съ насѣчкою указываетъ на неудобство употребленія подобнаго орудія для гончара: необходимо соразмѣ-

рять силу каждого натиска, чтобы отпечатки были равны и в длину, и в глубину; время и трудъ, которые пришлось бы расходовать неизбежно на такую кропотливую и утомительную работу при нанесеніи узора на одинъ только богатоукрашенный сосудъ, вполне достаточны на изготовленіе десятковъ подѣлокъ изъ кости въ видѣ, напримеръ, лопаточки съ поперечными нарѣзками на широкомъ и совершенно прямомъ концѣ.

Народовѣды говорятъ, что усвоеніе счета дается человеку не легко, и что дикари, будучи отличными стрѣлками, рыболовами и пловцами, и прекрасно изготавливающие всякія орудія, рѣдко знаютъ считать до пяти, т. е. до числа своихъ пальцевъ. Если это такъ, то Коломчане ушли въ этомъ отношеніи далеко; они знали счетъ навѣрное за десять, а если мы нашли только часть ихъ бирокъ, то и много больше; въ этомъ послѣднемъ предположеніи едва ли будетъ ошибка или преувеличеніе: на биркахъ нѣтъ перерывовъ послѣ каждыхъ двухъ, трехъ или пяти нарѣзокъ, которые были бы непременно, еслибы Коломчанинъ зналъ счетъ, примѣрно, только до этихъ чиселъ.

Наконецъ въ тѣхъ же рамкахъ помѣщены: а) часть зуба быка, своеобразно обработанная; — жевательная поверхность круто срѣзана на-косъ на одной сторонѣ къ срединѣ, съ самого верха, такъ что получилось подобіе долота—зубила; съ другой же стороны зуба, противоположной, срѣзъ начатъ отступя отъ верха на четверть вершка и склоняясь къ нижнему концу перваго до встрѣчи съ нимъ. Суевѣрный ли это привѣсокъ, или украшеніе, или какое-либо орудіе—сказать нельзя; нѣсколько похожій на этотъ предметъ, по вырѣзкѣ коронки,

найденъ въ области рѣки Оки, но тамъ нижняя часть зуба больше соответственной Коломецкой и имѣетъ сверлину, что и побудило нашить зубъ вмѣстѣ съ привѣсками и украшениями и б) ладьевидная подѣлка съ особо выдающимися изъ середины краевъ, соответствующихъ бортамъ Ильменской однодеревки-челнока, полукруглыми плоскими придатками, похожими на мѣста прикрѣпленія уключинъ для весель; носовая часть украшена продольными, прекрасно нанесенными, бороздками. Длина около $\frac{3}{4}$, а ширина полторы восьмыхъ вершка. Сверлины или зарубки для навязки нѣтъ. Вещество подѣлки—или очень твердая кость, или мягкій камень. Подѣлка-ли это вообще и какое она можетъ имѣть назначеніе, или окаменѣлость? Во всякомъ случаѣ своеобразіе вида заставляетъ приурочить этотъ предметъ къ особеннымъ, для рѣшенія вопроса о немъ въ будущемъ, если гдѣ нибудь откроется подобный или нѣсколько похожій на этотъ Коломецкій.

Кости человѣка.

Къ третьей стѣнѣ второго зала прислоненъ щитъ съ семью щитками и съ полками посрединѣ; на щиткахъ набраны разрозненные части костяка, а на полкахъ девять череповъ. Всѣ эти кости найдены въ жилищѣ перенной Коломцовъ.

На большомъ столѣ, среди зала, лежитъ одинъ изъ четырехъ костяковъ, взятыхъ въ гробовищахъ кургана Юрьевского жалника, по обѣ стороны его разложены остатки четырехъ череповъ, по два съ каждой, въ томъ самомъ положеніи, какое они имѣли въ гробовищѣ.

На другомъ, меньшемъ столѣ, противъ щита, и на полкахъ по обѣ стороны его, размѣщены черепа, выкопанные въ самомъ Новгородѣ, на обѣихъ половинахъ его, т. е. на Славенской и на Неревской, въ десяти мѣстахъ, на значительномъ между ними разстояніи, и случайно найденные по берегу Волхова, внизъ по теченію, въ 12-ти и 60-ти верстахъ отъ города.

Костякъ и новгородскіе черепа выставлены для нагляднаго сравненія ихъ съ Коломецкими каменнаго вѣка.

Чтобы сравненіе имѣло пригодную и устойчивую почву,

предпошлемъ описанію каждаго отдѣла череповъ и костей нѣкоторыя подробности, сопровождавшія захороненіе ихъ (о костякѣ жалника все нужное въ этомъ отношеніи уже сказано), сопоставивъ подробности о Коломецкихъ и Юрьевскихъ съ обнаруженными при другихъ находкахъ въ Россіи и въ Западной Европѣ.

Обстановка захороненія костей человѣка.

А) На Коломцахъ.

Въ жилищѣ перенной человѣческія кости встрѣчались или въ одиночку, или кучно; въ послѣднемъ случаѣ то въ одномъ, то въ другомъ порядкѣ, нѣсколько разъ повторявшемся.

Въ одиночку кости попадались на всемъ пространствѣ площади раскопокъ, при чемъ ни разу не нашли изъ длинныхъ частей костяка цѣльной, а всегда части, хотя крупныя, черепныя же—маленькими кусочками.

Въ части площади раскопокъ, ближайшей къ Волхову и Гниликѣ, наблюдался въ пяти случаяхъ одинъ и тотъ же порядокъ въ расположеніи костей: длинныя части костяка, т. е. ручныя и ножныя, лежали хотя въ обломкахъ, но кучками, бережно сложенными, по три и по пяти обломковъ въ каждой; разстояніе между кучками шага два, и всѣ онѣ составляютъ кругъ; въ самой срединѣ круга—въ одномъ случаѣ, полный черепъ, а подъ нимъ пястные ручныя косточки; въ четырехъ другихъ—части черепа, положенныя кучкой, кусокъ въ

кускѣ, выпуклостью внизъ; подъ ними тоже ручныя пястные косточки и пальцевыя.

Въ болѣе отдаленной отъ рѣкъ части площади раскопокъ, имѣющей направленіе отъ ЮЮЗ. къ ССВ. въ сторонѣ къ западу, расположеніе костей было иное, и въ шести случаяхъ одинаковое: обломки длинныхъ костей бережно сложены прямоугольнымъ четырехугольникомъ; въ срединѣ его почти полный черепъ; а въ другихъ двухъ случаяхъ длинныя кости положены внизу рядомъ, поверхъ ихъ нашли только части черепныхъ костей и при нихъ незначительное число обломковъ короткихъ частей костьяка.

Въ одномъ изъ этихъ случаевъ нашли плотно прижавшимся къ черепу большихъ размѣровъ младенческой, а съ обломками длинныхъ костей перваго перемѣшаны и кусочки втораго; нѣсколько въ сторонѣ отъ этихъ костей попалась какъ будто большая берцовая младенца новорожденнаго или даже утробнаго.

Въ двухъ случаяхъ усмотрѣны въ кучахъ съ обломками отъ одного черепа нѣкоторыя части длинныхъ костей двухъ человѣкъ, — а въ другихъ двухъ примѣчено обратное смѣшеніе: при обломкахъ длинныхъ костей одного недѣлимаго нашлись части двухъ череповъ.

При всѣхъ порядкахъ захороненія случалось встрѣчать въ кучкахъ обломковъ длинныхъ костей человѣка обломки же костей животныхъ, между которыми нерѣдко были медвѣжьи, а одинъ разъ пять фалангъ лапы очень крупнаго медвѣдя.

Какъ длинныя части костьяка, такъ и кости черепныя — всѣ раздроблены, — первыя въ поперечномъ направленіи, а изрѣдка, сверхъ того, и вдоль, черепныя

же измельчены и сплющены; это послѣднее явленіе показываетъ, что причина раздробленія — тяжесть пласта, прикрывающаго кости, и весеннихъ разливовъ, давящихъ на площадь Коломцовъ милліонами пудовъ, особенно при сильномъ волненіи, разводимомъ полуденно-западнымъ вѣтромъ, обыкновеннымъ на Ильмени весною и лѣтомъ.

Мы видѣли, что на площади раскопокъ растетъ ползучій ивнякъ; корни его проникаютъ въ глубину иногда свыше шести аршинъ и часто развѣтвляются внутри полыхъ костей человѣка; — мы знаемъ также, что глубоко въ землѣ живетъ такъ называемый гробовой жукъ или могилякъ, перемѣщающій небольшія косточки. Въ черепахъ человѣка, представляющихся при откапываніи хотя совсѣмъ сплюсненными, но полными, — такихъ впрочемъ весьма немного, — всегда недостаетъ нѣкоторыхъ косточекъ, — что можно объяснить вѣковой дѣятельностью корней ивняка и могиляковъ. Но въ большинствѣ случаевъ недостаетъ крупныхъ частей въ одномъ мѣстѣ, иногда нѣтъ ни одного обломка челюстей, ни зубовъ; объяснить подобные недостатки корнями и жуками едва ли основательно.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни надъ мѣстомъ захороненія черепа, ни подъ нимъ, ни на разстояніи отъ этого мѣста до двухъ аршинъ и болѣе не встрѣчалось никогда одиночно косточекъ, недостающихъ въ черепѣ.

Человѣческія кости, одиночно или кучно, всегда, за исключеніемъ одного только случая, захоронены въ пластахъ раковинъ, не одинаково плотныхъ.

Разстояніе мѣстъ кучныхъ захороненій одного отъ дру-

гого, въ первыхъ пяти случаяхъ — до пяти, а въ остальныхъ — отъ трехъ до пяти аршинъ.

Глубина захороненій отъ поверхности жилиго перегноя колеблется между 12-ю и 20-ю вершками; въ одномъ же случаѣ, гдѣ черепъ не въ раковинномъ пластѣ, онъ лежалъ на глубинѣ двухъ аршинъ шести вершковъ.

Одинъ разъ, при круговомъ захороненіи, около черепа было множество тончайшихъ кремневыхъ пластинокъ, выше названныхъ брѣющими; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ кругового и прямоугольно-кучнаго захороненій подобнаго не встрѣчалось и вообще не попадалось подѣлокъ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Изъ круговыхъ захороненій оказался относительно полнымъ одинъ только черепъ, а изъ четырехъугольно-прямоугольныхъ — шесть, — остальные же два черепа взяты съ ничтожнымъ количествомъ маленькихъ кусочковъ другихъ частей костяка.

Разстояніе между круговыми и четырехъугольно-прямоугольными кучными захороненіями — до десяти сажень, такъ что оба вида захороненій какъ бы приурочиваются каждый къ своему мѣсту; на разстояніи между ними, и по сторонамъ встрѣчаются одиночно лежащими части длинныхъ костей.

Всѣмъ кучамъ черепныхъ костей и одиночно разбросаннымъ кусочкамъ ведется общій счетъ; собранные остатки принадлежатъ по этому счету сорока двумъ человѣкамъ.

Къ обстановкѣ захороненія слѣдуетъ относить: а) вторяющіяся на многихъ больше-берцовыхъ, бедряныхъ и плечевыхъ костяхъ глубокія насѣчки, сдѣланныя несовершеннымъ рубящимъ орудіемъ, подъ каждою изъ которыхъ всегда переломъ кости, и б) пригарныя пятна

на черепахъ и на прочихъ частяхъ костяка, такія же, какъ на костяхъ животныхъ и на костяныхъ подѣлкахъ.

Данныхъ для сопоставленія перечисленныхъ подробностей захороненія Коломецкихъ костей съ обнаруженными при другихъ находкахъ каменнаго вѣка вообще весьма мало. Въ Западной Европѣ кости человѣка находятъ: или принадлежація утопленникамъ, на примѣръ въ пескахъ Рейна и ручья Тенъера, или въ пещерахъ, куда они могли попасть какъ занесенныя хищными звѣрями, либо какъ принадлежація загнаннымъ непріателемъ и естественными, подобно внезапному наводненію, бѣдствіямъ и умершимъ одновременно насельникамъ. Въ нѣкоторыхъ только пещерахъ Франціи и Италіи встрѣчались кости человѣка беспорядочно разбросанными и прикрытыми позднѣйшими отложеніями. Разбросанно находятъ кости человѣка на мѣстахъ временныхъ стоянокъ въ Германіи, въ Италіи, въ Даніи и въ другихъ земляхъ.

Изъ всѣхъ вообще находокъ человѣческихъ костей западные ученые наблюдатели сдѣлали выводъ, что гдѣ эти кости встрѣчаются одиночно разбросанными и гдѣ нѣтъ основаній объяснить такое положеніе ихъ растерзаніемъ человѣка хищнымъ звѣремъ, такъ слѣдуетъ допустить наличность, среди насельниковъ каменнаго или другихъ вѣковъ, обычая людоедства — такъ называемаго каннибализма.

Нѣкоторые народовѣды признаютъ два вида людоедства: — звѣрскій, это каннибализмъ въ собственномъ смыслѣ, чтобы насытиться, или еще хуже, полакомиться человѣческимъ мясомъ, почитаемымъ за самое вкусное; —

и другой, установившейся въ силу духовнаго міровоззрѣнія на загробную жизнь, — чтобы дать умершему погребеніе въ тѣлѣ пережившихъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣть всѣми тѣми качествами, которыя были присущи съѣдаемому покойному — это антропофагія.

Въ Россіи до сихъ поръ весьма рѣдки случаи находокъ остатковъ человѣка каменнаго вѣка временъ докурганныхъ; къ нимъ относятъ: Волосовскую — графа А. С. Уварова и Приладожскую А. А. Иностранцева; въ Волосовѣ открыты черепа и нѣкоторыя части костяка; сохранившимся оказался только одинъ черепъ; въ Приладожьи собрано всего двадцать череповъ, — десять изъ нихъ, какъ и Волосовскій, изслѣдованы, — и много отдѣльныхъ, цѣльныхъ и въ обломкахъ, частей костяка. Нѣкоторые относятъ къ каменному вѣку черепа и кости, вырытые разными лицами при деревнѣ Фатьяновѣ, — Уткино-тожь, — въ области р. Волги средняго теченія и описанные графомъ А. С. Уваровымъ, и близъ Бологое, по Николаевской желѣзной дорогѣ, собранные княземъ П. А. Путятинымъ.

Волосовскія кости оказались захороненными при обстановкѣ древне-курганной, — фатьяновскія даже съ бронзовыми предметами; — а Приладожскія и Бологовскія не даютъ ничего къ сужденію объ обстановкѣ, сопровождающей захороненіе умершаго человѣка каменнаго вѣка.

Условія захороненія покойниковъ кургана Юрьевского жальника въ одной части сходны съ курганною обстановкою погребенія въ Приднѣпровьи и въ Приуральи. Въ обѣихъ мѣстностяхъ каменный вѣкъ продолжался и во времена сооруженія кургановъ; умершаго клали не

въ яму, а, какъ и въ курганѣ Юрьевскомъ, на поверхность земли, приготовленную для этого такъ же, т. е. дѣлали подстилку изъ бѣлаго песку и слоя золы и угля, ставили сосуды въ ногахъ и въ головахъ, снабжали усопшаго каменными орудіями и проч. Кіевскій профессоръ Антоновичъ относитъ такую обстановку къ каменному вѣку второй, то-есть болѣе поздней половины его.

Профессоръ Самоквасовъ относитъ къ каменному же вѣку курганы при деревнѣ Гамарни; здѣсь, между прочимъ, входятъ въ погребальную обстановку кучи раковинъ береговаго прѣсноводнаго мягкотѣлаго; иногда и въ другихъ мѣстахъ находятъ эти же раковины.

Б) Въ Великомъ Новгородѣ.

Новгородскіе черепа, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ упомянутыхъ, взяты въ такихъ мѣстахъ, на которыхъ либо были усыпальницы языческихъ временъ, либо не могло быть погребенія позднѣе столѣтія, съ точностью опредѣляемаго лѣтописью и позднѣйшими узаконеніями.

Черепъ Новгородцевъ отдаленныхъ лѣтописныхъ вѣковъ имѣютъ слишкомъ важное для отечественной науки значеніе, чтобы пройти молчаніемъ основанія, по которымъ сейчасъ указано время ихъ захороненія. Они взяты на Славенскомъ холмѣ — въ Скудельнѣ Божій Домъ и въ усыпальницахъ: Петропавловской, Ильинской, Михалицкой и Молотковской правой, Славенской стороны; — на мѣстѣ Дьячьей Избы и въ усыпальницахъ Покровской и Андреевской — въ Дѣтинцѣ, на Лазаревскомъ холмѣ и на Веселой Горкѣ — лѣвой Неревской стороны города.

Изъ перечисленныхъ мѣстностей древнѣйшія Славенской холмъ и Скудельня Божій Домъ правой стороны и Лазаревскій холмъ—лѣвой

На Славенскомъ холмѣ, или въ Славнѣ, образовалось, какъ объяснено выше, древнѣйшее поселеніе. Здѣсь же сооружены были въ наши долѣтописныя времена православныя храмы: Преображенія Господня, Пророка Іліи и Архангела Михаила и католическая Варяжская, или правильнѣе Фряжская Божница. Первый, называемый въ лѣтописи «Древній Спасъ» разобранъ только въ 1828 г., а послѣдніе два еще существуютъ на древнихъ своихъ мѣстахъ, хотя и передѣлывались много разъ. Вскорѣ по принятіи Новгородцами св. крещенія, по когда именно, неизвѣстно съ точностью, возникла на этомъ холмѣ Петропавловская церковь, также уцѣлѣвшая до нашихъ дней.

Писатели духовные говорятъ, что новокрещенные Новгородцы, какъ и всѣ вообще Русскіе, съ необыкновеннымъ усердіемъ возводили православныя храмы и учреждали монастыри на мѣстахъ погребенія и въ древнихъ поселкахъ своихъ предковъ-язычниковъ, чтобы этимъ, какъ крещеніемъ, освятить или просвѣтить кости ихъ, такъ какъ Славяне Ильменскіе, будучи язычниками, погребали своихъ покойниковъ не только въ общихъ усыпальницахъ, но нерѣдко и подъ поломъ домовъ и вообще близъ жилищъ, чтобы душамъ ихъ удобнѣе было навѣщать живыхъ своихъ родичей и оказывать имъ своевременно покровительство и заступничество.

Нѣсколько къ сторонѣ отъ Петропавловской церкви, прямо на полдень, мы наткнулись, производя тутъ раскопки, сряду подъ дерномъ, на цѣлую кучу череповъ,

зарытыхъ рядами, одинъ рядъ надъ другимъ, въ жирный жилой перегной. Выставлено на трехъ нижнихъ полкахъ, справа отъ большого щита съ Коломецкими костями, двадцать четыре черепа изъ общаго числа взятыхъ въ этой кучѣ. Они всѣ окрасились въ цвѣтъ землисто-темный, ни на одномъ изъ прочихъ Новгородскихъ череповъ не повторяющійся. Большая часть этихъ череповъ отличается отъ всѣхъ прочихъ и значительною тяжестью, при одинаковыхъ съ тѣми размѣрахъ; нѣкоторыя очень тяжелы, какъ будто приходящія въ состояніе окаменѣлости.

До сихъ поръ существуетъ въ Новгородѣ слѣдующій обычай: если при копаньи рва для какой либо вновь возводимой постройки находятъ черепа, ихъ извлекаютъ изъ земли и снова погребаютъ невдалекѣ отъ ближайшей церкви.

По всей вѣроятности, наша куча такого же происхожденія: когда сооружали, скорѣ по крещеніи Новгородцевъ, первую, на мѣстѣ нынѣшней Петропавловской, церковь, нашли черепа и снова захоронили ихъ въ той ямѣ, на которую наткнулись наши раскопки.

Скудельнями называются въ Новгородской лѣтописи общія могилы покойниковъ, погребенныхъ во время какаго либо народнаго бѣдствія, моровой язвы, войны и т. п. Древнѣйшею изъ скуделенъ слѣдуетъ считать известную въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ подъ именемъ «Божьяго дома» и «Убогаго дома». Такою была только одна на весь городъ. Въ ней погребались безъ отпѣванія неизвѣстные люди, найденные мертвыми на улицахъ, или всплывшіе утопленники, но прежде погребенія они оставлялись на нѣкоторое время для обознанія, какъ

въ современномъ Парижскомъ учрежденіи, называемомъ «моргъ». Случалось, что тутъ же хоронили и казненныхъ смертію. Для погребенія такихъ покойниковъ отводилось особое мѣсто на каждый годъ; оно называлось «Божедомокъ». Одинъ разъ въ годъ архіерей совершалъ на соответственномъ Божедомкѣ общее отпѣваніе всѣхъ тутъ погребенныхъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ какъ духомъ православія, принимающаго въ лоно Церкви Христовой иновѣрцевъ и язычниковъ, такъ равно милосердіемъ Божиимъ къ преступникамъ и тѣмъ, что если, по прошествіи года, не оказалось знающихъ происхождение и вѣру умершаго, которые могли бы совершить погребальный или поминальный обрядъ по своему иновѣрческому закону, то для души подобныхъ безродныхъ несчастливцевъ да послужитъ утѣшеніемъ обрядъ православный.

Скудельня Божій Домъ возникла, или по крайней мѣрѣ, могла возникнуть, до крещенія Новгородцевъ, и вотъ, почему: у язычниковъ всѣхъ племень Европы существовалъ «праздникъ мертвыхъ», состоявшій въ томъ, что разъ въ годъ, весною, около Троицына дня христіанъ, родственники умершихъ сходились на общихъ кладбищахъ и совершали по нимъ поминки. Этотъ праздникъ справлялся и по принятіи крещенія при всей обстановкѣ язычества. Христіанскіе вѣроучители не могли искоренить этой обстановки и вотъ одинъ изъ Вселенскихъ соборовъ, бывшихъ во второмъ вѣкѣ по Р. Х., уступая широко распространенному празднику мертвыхъ, придумалъ средство для уничтоженія языческой обстановки его, противорѣчащей духу евангельскаго ученія: соборъ установилъ крестные ходы и поминовеніе всѣхъ умер-

шихъ, погребенныхъ на языческихъ кладбищахъ, въ седьмой четвергъ послѣ Пасхи, т. е. въ первый день праздника мертвыхъ, называемый въ нашемъ народѣ «семикъ», и поминовеніе умершихъ христіанъ въ церквахъ и на могилахъ въ Троицкую субботу, совпадающую съ послѣднимъ днемъ праздника мертвыхъ и называемую въ народѣ «родительскою».

Въ Новгородѣ крестный ходъ въ семикъ существуетъ съ глубокой древности и продолжается до настоящаго времени, только на одну скудельню Божій Домъ. Прежде, даже еще въ XVII в., этотъ крестный ходъ былъ торжественъ, въ немъ участвовали городскіе соборы и приходскія церкви, съ архіереемъ во главѣ, теперь же онъ ограниченъ одною ближайшею кладбищенскою Христо-Рождественскою церковью.

Если бы скудельня Божій Домъ возникла впервые уже по введеніи въ Новгородѣ христіанства, тогда не было бы поводовъ учреждать и торжественно совершать на нее крестный ходъ въ день праздника мертвыхъ.

Недалеко отъ этой скудельни и упомянутый выше «колонъ», имѣвшій, по всей вѣроятности, нѣсколько отдѣльныхъ Божедомковъ.

Взятые изъ скудельни черепа найдены отдѣленными отъ костяковъ, лежавшихъ въ полномъ безпорядкѣ.

Лазаревскій холмъ — сооруженіе искусственное; онъ сдѣланъ изъ песку, застилающаго обширную площадь между нимъ и лѣвымъ берегомъ Волхова, и представляющую какъ бы продолженіе такой же площади, начинающейся отъ противоположнаго берега и покрывающей не менѣе трехъ четвертей пространства всего Плотенскаго конца. Искусственность очевидна, если глядѣть

на этот холмъ съ береговой стороны; очертаніе краевъ его совершенно одинаково съ огромнымъ большинствомъ Новгородскихъ сопковидныхъ кургановъ. Лежитъ онъ саженьхъ въ восьмидесяти отъ внѣшняго вала, между нимъ и древнимъ Звѣринцемъ, на мѣстѣ котораго Звѣринскій женскій монастырь.

Между валомъ и Звѣринскимъ монастыремъ, или, точнѣе, между Лазаревскимъ холмомъ, валомъ и этимъ монастыремъ древняя церковь Петра и Павла съ одной стороны, еще сохраняющаяся, а съ другой былъ Николо-Бѣльскій монастырь. На Лазаревскомъ холмѣ существовалъ женскій монастырь, упоминаемый въ памятникахъ XI вѣка; своеобразная церковь этого монастыря разобрана, къ крайнему сожалѣнію, во второй половинѣ нашего вѣка и замѣнена новою, не имѣющею ничего похожаго на уничтоженную.

Существованіе одновременно, съ первыхъ годовъ по крещенію, на протяженіи полутора саженъ, трехъ монастырей и отдѣльно отъ нихъ Петропавловской церкви, указываетъ, — если приведенное мнѣніе духовныхъ писателей вѣрно, — что на Лазаревскомъ холмѣ и около него, какъ въ мѣстности за чертою города, находилось обширное языческое кладбище, и что Лазаревскій холмъ есть курганъ, сооруженный съ погребальными цѣлями.

Возобновленная здѣсь церковь и сыпуче песчаная насыпь холма не дали возможности произвести на немъ обширныя раскопки, изъ опасенія повредить церкви; поверхностныя же открытія, такъ же какъ и на Славенскомъ холмѣ, въ одномъ мѣстѣ восемь череповъ, поставленныхъ каждый на нижнюю челюсть, всѣ въ рядъ. Можно ду-

мать, что и эти черепа извлечены были изъ земли и опять захоронены при первоначальномъ сооруженіи церкви, и что они принадлежатъ языческимъ насельникамъ кургана. Глубина захороненія и разстояніе мѣста его отъ современной церкви не даютъ повода считать эти черепа вырытыми и опять зарытыми при сооруженіи новой церкви, такъ какъ она возведена на древней основѣ.

Ильинская церковь считается нами за сооруженную до крещенія Новгородцевъ потому, между прочимъ, что имѣется нѣсколько вѣскихъ данныхъ заключать, что присяга дружинниковъ-христіанъ князя Игоря Рюриковича, которою скрѣпленъ былъ договоръ его съ греками, происходила не въ Кіевѣ, какъ отмѣчено въ спискахъ начальной русской лѣтописи, а въ Новгородѣ. Приведемъ нѣкоторыя изъ такихъ данныхъ: а) начальная лѣтопись составлена, по большей части, изъ памятухъ Новгородскихъ и переписывалась, по словамъ мниха Лаврентія, съ «ветшаныхъ книгъ» — съ поправками и дополненіями, что высказано этимъ почтеннымъ и добросовѣстнымъ переписчикомъ въ его послѣсловіи: «господа отцы и братія, оже будетъ гдѣ ся описалъ, или недописалъ, или переписалъ, — чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените»; б) Ильинская Кіевская церковь временъ Игоря была соборная и стояла «надъ ручаемъ». Соборнымъ называется главный храмъ изъ многихъ, имѣющихся въ какомъ либо городѣ. На существованіе въ Кіевѣ во времена Св. Ольги православной церкви имѣются, хотя и отдаленные намеки, но уже послѣ ея крещенія. Между тѣмъ умолчаніе Новгородской лѣтописи о сооруженіи Ильинской церкви, до сихъ поръ существующей, убѣдительно свидѣтельствуетъ, что она существовала до

начала лѣтописей Кириловскаго письма. На ближайшую современность съ Ильинскою возникновенію сосѣдней съ нею церкви Спасской — указываетъ сомнительная Якимова лѣтопись; но названіе ея, въ отличіе отъ соименной, тоже до-лѣтописной, — «Древнимъ Спасомъ» лѣтописью несомнѣнною даетъ возможность считать сооруженіе этой церкви въ языческія времена Новгорода; къ тѣмъ же временамъ мы относимъ возникновеніе церквей Михайловской, Петропавловской (можетъ быть, первоначально католической) и Божницы Варяжской или Фряжской. Стало быть Новгородская Ильинская могла быть, между другими поименованными, соборною. Игоревая церковь стояла «надъ ручаемъ» и не существовала уже при составленіи начальной русской лѣтописи Кіевскаго извода, — а Новгородская Ильинская и теперь стоитъ надъ ручьемъ Ѳеодоровскимъ или надъ древнею «компанью».

Кромѣ приведенныхъ, мы имѣемъ нѣсколько другихъ, говорящихъ, хотя и не вполне внятно, что князь Игорь Рюриковичъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ Ильменско-Шелонской мѣстности, что онъ свободное отъ боевыхъ занятій время проводилъ въ своемъ имѣніи, на рѣкѣ Шелони, что родина св. Ольги, «весь Выбутская» Степенной книги, была тамъ же, на другомъ берегу Шелони, гдѣ теперь село *Выбитъ* или *Выбетъ* — родовое имѣніе князей Васильчиковыхъ, что городъ Коростень, близъ котораго погибъ Игорь, лежитъ невдалекѣ, верстахъ въ десяти съ небольшимъ отъ устья Шелони, на крутомъ Ильменскомъ берегу, называемомъ и теперь городкомъ, гдѣ въ настоящее время село Коростыня, приходившееся встарину въ Деревской пятинѣ, и что Иско-

рость, въ которой видятъ Древлянскій городъ Коростень, есть не болѣе какъ поселокъ, основанный выходцами Пермскаго *Иско́ра* и проч.

Разстояніе между церквами Ильинскою и Петропавловскою не болѣе ста саженъ. Наши раскопки велись преимущественно за алтарными стѣнами, т. е. на востокъ отъ церквей, и притомъ въ незначительныхъ размѣрахъ.

Какъ близъ этихъ, такъ равно и другихъ перечисленныхъ, кромѣ Дѣтинца, церквей повторялись явленія совершенно одинаковыя: сряду подъ дерномъ залегали человѣческія кости, цѣльныя и въ обломкахъ; нѣсколько глубже, примѣрно около аршина, попадались черепа, цѣльные же, или поврежденные, и всегда безъ нижнихъ челюстей; эти послѣднія встрѣчались либо выше, либо ниже череповъ. На глубинѣ отъ 2 до 2¹/₂ аршинъ случалось находить полные костяки, иногда съ незначительными остатками колоды, обращенные ногами на востокъ; изрѣдка въ грудной клѣткѣ ихъ бывали серебряныя и мѣдныя тѣльники.

Судя по цвѣту полныхъ костяковъ можно, при нѣкоторомъ навыкѣ, судить о большей или меньшей давности захороненія ихъ.

Отдѣльно встрѣчавшіеся черепа всегда были много темнѣе тѣхъ, которые лежали при полныхъ костякахъ. Появленіе темныхъ и одинокихъ череповъ повторяется на всѣхъ старыхъ, до сихъ поръ населяемыхъ, кладбищахъ и объясняется очень просто: рабочіе, копая новую могилу на отведенномъ мѣстѣ, до установленной глубины, разрушаютъ попадающіе подъ лопату гробы и костяки прежде погребенныхъ покойниковъ и выкидываютъ на поверхность; зарывая затѣмъ новаго покой-

ника, они опускаютъ въ могилу выкинутыя на поверхность кости безъ порядка, какъ попало.

Изъ взятыхъ въ Ильинской усыпальницѣ череповъ три, и въ Петропавловской два—отдѣлены отъ полныхъ костяковъ, всѣ же остальные одиночныя.

Въ Плотенскомъ концѣ, въ восточномъ углу его, мѣстность называется «Молотково» и «на Молоткахъ». Тутъ жилали когда-то ковали, т. е. кузнецы; тутъ же былъ дворецъ «Тысяцкихъ» Новгородскихъ, вѣдавшихъ, между прочимъ, дѣла казны и, судя по Уставу Ярослава о мостахъ, — «клемяныя сѣни» т. е. палата, въ которой клеймили слитки серебра, гривенные и полугривенные, а равно и мелкія серебряныя знаки цѣнностей, собственно довѣски и размѣнные, въ удостовѣреніе законности качества серебра, вѣса брусковъ и размѣнныхъ единицъ. Мелкія деньги встарину ковались изъ серебряной проволоки опредѣленной толщины, разрѣзанной на равныя части; каждую частичку клали на наковальню съ клеймомъ и покрывали сверху другимъ клеймомъ; ударомъ молотка по этому послѣднему кусочку плющился и на обѣихъ сторонахъ его выходили клейма. Стало быть имя Молотково и на Молоткахъ могло произойти и отъ работы въ Палатѣ при дворцѣ Тысяцкого.

На Молотковѣ вскрыты двѣ усыпальницы, одна близъ церкви во имя св. Михаила Малеина, а другая недалеко отъ церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Первая сооружена въ долѣтописныя времена, а вторая въ самые послѣдніе года XII вѣка. При Богородице-Рождественской церкви существовалъ съ XII вѣка женскій монастырь, упраздненный только въ 1764 году. Въ лѣтописной отмѣткѣ о первоначальномъ сооруженіи

этой церкви значится, что она заложена «на Михалицѣ», — то-есть близъ церкви св. Михаила Малеина.

Изъ усыпальницы Михалицкой взято два, а изъ Богородице-Рождественской—три черепа, изъ которыхъ одинъ отдѣленъ отъ полного костяка, около шеи котораго нашли двѣ пуговицы въ видѣ бубенчиковъ,—одну свинцовую, а другую цвѣтнаго стекла съ мѣднымъ ушкомъ; подобныя и теперь еще употребляются въ деревняхъ; стало быть черепъ отъ полного костяка, по указанію пуговицъ—женскій, и принадлежитъ къ недавнему, не старѣе половины прошедшаго столѣтія, захороненію.

Покончивъ съ древнѣйшими усыпальницами Славенской стороны и Лазаревскою Неревской, перейдемъ опять на Неревскую.

Веселою Горкою называется небольшая площадь внутри города близъ вала и лѣваго берега Волхова; ее пересѣкаетъ прямая улица, называвшаяся въ древности *Борковою*, вытянувшаяся вдоль названнаго берега и ведущая мимо [сряду за валомъ стоящихъ вышеупомянутыхъ церквей Петропавловской и Лазаревской и мимо мѣста, на которомъ стоялъ монастырь «Николы Бѣлаго» — въ Звѣринскій монастырь; на этой площади стояла съ XIII вѣка церковь св. Димитрія Солунскаго, разобранная во второй половинѣ нашего вѣка. Вся Веселая Горка усыяна костями, то лежащими въ разброску и едва прикрытыми землею, то большими кучами. Пробныя, иногда глубокія, свыше двухъ аршинъ, ямы дали въ пяти мѣстахъ площади всего только три черепа, пригодныхъ для изученія; обломковъ же вездѣ, на всякой глубинѣ, множество.

Когда и почему эта площадь получила въ народѣ имя

«Веселой Горки» — доискаться не удалось, такъ что приходится ограничиться догадками, подсказываемыми нѣкоторыми окрестными признаками. Если имя сложилось въ недавнее время, оно могло возникнуть изъ разгула военной молодежи, поселенной близъ Веселой Горки, имѣющей здѣсь много соблазнительныхъ для нея пріютовъ и убѣжищъ; но въ этомъ случаѣ ничѣмъ нельзя оправдать второй половины имени, — Горка, — такъ какъ тутъ вездѣ мѣстность ровная. А если имя сохраняется преимущественно отъ глубокой древности, его можно поставить въ зависимость отъ множества человѣческихъ костей и ближайшаго сосѣдства съ Лазаревскимъ курганомъ и съ монастырями, возникшими на мѣстахъ жилищъ и усыпальницъ Новгородцевъ-язычниковъ, допустивъ только, что въ древности нынѣшняя площадь возвышалась надъ окрестностями, подобно Лазаревскому кургану, и была дѣйствительно горкою — мѣстомъ общаго погребенія людей небогатыхъ. Прозваніе Веселой она могла получить, пожалуй, съ языческихъ временъ, когда на общихъ кладбищахъ, называвшихся, какъ сказано уже, коломищами и жальниками, совершались, при густотѣ заселенія ихъ, ежедневныя или очень частыя тризны-поминки съ попойками и «бѣснованіями».

Каково бы ни было происхожденіе Веселой Горки, во всякомъ случаѣ площадь ея, наполненная до глубины не меньше двухъ аршинъ человѣческими костями, представляетъ мѣстность выдающуюся, а черепа, здѣсь выкопанные, не заурядными и не поздняго захороненія.

Новгородскій Дѣтинецъ — это особо укрѣпленная часть города для храненія сокровищъ, помѣщенія правительственныхъ учрежденій и убѣжища дѣтямъ, женщинамъ

и старикамъ во время непріятельской осады; въ другихъ городахъ такимъ укрѣпленіямъ присвоено названіе Кремля; а жители отдаленныхъ новгородскихъ земель называютъ Дѣтинецъ словомъ «Крѣпъ» — что близко къ крѣпости. Сооруженіе это возникло въ далекія долѣтописныя времена.

Внутри Дѣтинца вскрыто три мѣстности: близъ Покровской церкви, у стѣны, у Дьячего двора, какъ сказано въ росписи церкви начала XVII вѣка; — поодаль отъ нея, ближе къ Застѣночной или Чортовой башнѣ, и въ окрестностяхъ маленькой, выстроенной, по преданію, и освященной въ одинъ день въ XIV или XV вѣкѣ, во время повальной моровой язвы, церкви во имя св. Андрея Стратилата.

Каждая изъ этихъ мѣстностей имѣетъ немаловажное, для опредѣленія череповъ, прошлое, каковому и отведемъ нѣсколько строкъ.

Основаніе Покровской церкви слѣдуетъ отнести къ 1020 году, слѣдуя отмѣткѣ подъ нимъ Супрасльской лѣтописи: заложилъ князь Владиміръ (сынъ Ярослава Мудраго) въ годъ княженія своего св. Софію въ Новгородѣ. Въ этой же и въ другихъ древнихъ новгородскихъ лѣтописяхъ говорится подъ 1045 г. о заложеніи тѣмъ же княземъ св. Софіи, а затѣмъ подъ 1052 г. объ освященіи. Отмѣтки 1045 и 1052 гг. относятся къ существующему до сихъ поръ Софійскому храму; о другомъ же того же имени не упомянуто послѣ 1020 г. нигдѣ. Въ древнѣйшія времена, по принятіи св. крещенія, сооружено въ Россіи два Софійскихъ храма, одинъ въ Новгородѣ, о которомъ говорятъ отмѣтки 1045 и 1052 гг., а другой въ Кіевѣ; между тѣмъ празднованіе св. Софіи

неодинаково, — въ Новгородѣ оно отправляется въ день Успенія, а въ Кіевѣ въ день Рождества Богоматери. Позволительно изъ этого заключить, что въ древности Богородичные дни были и празднествомъ Премудрости Божіей, т. е. Софіи.

Въ Покровской, что у Дьячаго двора, церкви, въ главномъ алтарѣ сохранялись, навадь тому лѣтъ 30—40, по стѣнамъ украшенія изъ Византійской муссии, т. е. мозаики, точно такія же, какъ рамы мозаичныхъ узоровъ главного Софійскаго алтаря. Теперь Покровская мозаика закрашена, но открыть ее легко.

Башня, къ которой почти примкнула Покровская церковь, называется въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ — Княжею.

Сопоставляя взаимно эти данныя, слѣдуетъ заключить, что нынѣшняя Покровская церковь именно та св. Софія, которая заложена св. княземъ Владиміромъ Ярославичемъ въ 1020 г., тѣмъ болѣе что ни о времени первоначальнаго сооруженія въ Дѣтинцѣ каменной Покровской церкви, ни о дальнѣйшихъ судьбахъ ея до XVII в. не упоминается въ лѣтописи ни полусловомъ. Будь это церковь не княжеская, а приходская, находилась она въ вѣдѣніи Новгородскаго архіерея, составители памятухъ, церковники, непременно сказывали бы о ней, такъ какъ вести записи, наполненныя отмѣтками о судьбахъ церквей, было вмѣнено имъ въ обязанность.

На сохранившемся въ Михайловской церкви Славенской стороны древнемъ изображеніи Новгородскаго Дѣтинца, нигдѣ неизданномъ, рядомъ съ башнею, что на полдень отъ Покровской церкви, поставлено небольшое, въ два жила, зданіе. Если башня называется княжею,

это зданіе можно принять за княжій дворецъ. Такимъ образомъ болѣе чѣмъ вѣроятно первоначальное сооруженіе Покровской церкви св. княземъ Владиміромъ Ярославичемъ.

На томъ же изображеніи Дѣтинца показано, немного отступя отъ Покровской церкви, значительное, вдоль стѣны Дѣтинца, пространство до самыхъ Воскресенскихъ воротъ, обнесенное заборомъ, и раздѣленное внутри на нѣсколько участковъ, огороженныхъ же, съ домомъ въ каждомъ. Въ этомъ пространствѣ и та часть стѣны, изъ-за которой выглядываетъ нынѣшняя застѣлочная башня, входъ въ которую тоже обнесенъ заборомъ.

Всѣ эти огороженные участки и домики составляютъ Дьячій дворъ, а домъ между застѣлочною башнею и Покровскою церковью — это Дьячья изба.

Во II Новгородской лѣтописи, въ первой половинѣ XVI вѣка, къ которой относится блестящее время царствованія Ивана IV, подъ руководствомъ Новгородскаго священника Сильверста и боярина Адашева, записано, что по разрушеніи Дьячьей избы подъ нею нашли много человѣческихъ труповъ, и въ ихъ числѣ двѣнадцать нетронутыхъ тлѣнѣемъ. Тогдашній Новгородскій архіерей донесъ объ этомъ въ Москву, испрашивая указанія, какъ поступить съ нетлѣнными мощами, и получилъ приказаніе похоронить ихъ съ честію, что и исполнено при самой торжественной обстановкѣ.

Впослѣдствіи помѣщалась въ застѣлочной башнѣ и новыхъ пристройкахъ къ ней городская тюрьма, оставшаяся тутъ до 1832 года.

Между Покровскою церковью и Застѣлочною башнею, ближе къ церкви, найдено захороненіе людей, на глубинѣ

всего 12 вершковъ отъ поверхности, густо засыпанныхъ известкою. Въ ближайшей къ церкви мѣстности положены были въ особомъ порядкѣ восемь человѣкъ: четверо головами къ церкви, не плотно одинъ къ другому, и четверо въ обратномъ положеніи, между первыми, такъ что ноги однихъ приходились къ головамъ другихъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ съ переломленною и неправильно срощеною рукою, не сгибавшеюся въ локтѣ, а другой со сломанною и неправильно же срощеною ногою, не сгибавшеюся въ колѣнѣ; около здоровой ноги этого послѣдняго костяка взятъ желѣзный наконечникъ, повидимому деревяшки. Ближайшимъ по направленію къ стѣнѣ Дѣтинца, какъ бы на первомъ мѣстѣ, былъ положенъ костякъ, голова котораго, по мягкости очертаній лицевыхъ костей, болѣе подходитъ къ женской; на правой сторонѣ нижней челюсти, гдѣ могла лежать серьга, зеленоватое пятно. Послѣдніе коренные зубы еще не вполне вышли изъ челюсти. Всѣ эти восемь костяковъ были, кажется, залиты густымъ известковымъ растворомъ.

Нѣсколько поодаль, на такой же 12-ти вершковой глубинѣ, въ направленіи къ застѣночной башнѣ, найдено еще 18 костяковъ, плотно прилегающихъ другъ къ другу, но положенныхъ беспорядочно: то на спину, то бокомъ, то спиною вверхъ; эти тоже засыпаны известью или залиты, но не такъ густо, какъ первые восемь.

Если великій князь Московскій приказалъ похоронить не предавшіеся тлѣнію трупы съ честію, — не были ли они изъ числа казненныхъ въ 1478 году, при окончательномъ присоединеніи Новгорода къ Московскому державству, и не потому ли похоронены съ честію, что

Новгородецъ Сильвестръ, какъ современникъ или сынъ современника казней, представилъ государю о казненныхъ, какъ о мученикахъ, которыхъ не коснулось тлѣніе? Если такъ, то и всѣ найденные на томъ же приблизительно мѣстѣ, гдѣ стояла Дьячья изба и принадлежачіе ей домики Михайловскаго изображенія, 18 костяковъ возможно считать остовами казненныхъ въ то же время; къ первой половинѣ XVI в. и ихъ тѣло могло не истлѣть, оставаясь въ известкѣ, какъ и тѣхъ 12-ти, похороненныхъ съ честію.

Ни подъ 8-ю, ни подъ 18-ю костяками, на глубинѣ свыше 2^{1/2} аршинъ, ни въ двухъ мѣстахъ не болѣе аршина въ разстояніи отъ нихъ, на глубинѣ свыше трехъ аршинъ, не найдено ни костяковъ, ни одиночныхъ череповъ и костей человѣка, изъ чего слѣдуетъ, что тутъ не было кладбища.

Отступя къ застѣночной башнѣ на четыре сажени, а къ стѣнѣ Дѣтинца на три, наткнулись на глубинѣ трехъ аршинъ, въ черной сорной землѣ, на остатки двухъ ящичковъ изъ досокъ, сколоченныхъ желѣзными длинными гвоздями; длина каждаго безъ четверти три аршина, а ширина два аршина. Въ каждомъ ящичкѣ было по два костяка очень рослыхъ покойниковъ, положенныхъ скорченно; одинъ ящичекъ должно быть разсѣлся и его сколотили опять уже съ покойниками; гвоздь пробилъ тазовую кость самаго рослаго и остался въ ней, когда ящичекъ сгнилъ. Длинные кости и тазъ съ гвоздемъ сохранены. Тутъ же, почти рядомъ съ ящичками, нашли костякъ съ частію колоды, соотвѣтствующей положенію головы, нѣсколько отклонившейся вправо; здѣсь подъ самымъ вискомъ оказалась денга 1735 года; вѣроятно

глаза покойника оставались по смерти открытыми; въ подобныхъ случаяхъ и теперь кладутъ на глаза мѣдныя деньги; одна изъ двухъ закатилась при отклоненіи головы подъ високъ и уцѣлѣла, а другой не нашли.

И здѣсь ни выше, ни ниже ящичковъ и колоды одиначныхъ череповъ и отдѣльныхъ частей костяка не было. Погребенные въ ящикахъ были, надо полагать, казнены не въ Новгородѣ, въ бироновщину, а привезены сюда для погребенія.

Когда именно устроена была въ застѣночной башнѣ упомянутая тюрьма, свѣдѣній не сохранилось.—Въ Новгородской лѣтописи помѣщены, въ XVI вѣкѣ, замѣтки, одна о пожарѣ, истребившемъ тюрьму, причемъ сгорѣло много заключенныхъ, а другая о множествѣ татаръ, задохнувшихся въ тюрьмахъ. Сгорѣвшихъ и умершихъ отъ обжоговъ заключенныхъ похоронили при церкви Архангела Гавріила, давно уже не существующей; она стояла, примѣрно, сряду за нынѣшнимъ рвомъ Дѣтинца, гдѣ теперь начало Лѣтняго сада;—гдѣ же были похоронены татары и были ли они заключены въ тюрьмѣ Дѣтинца, лѣтопись не сказываетъ. Хоронили ли вообще заключенныхъ, умершихъ естественною смертию, на тюремныхъ дворахъ—тоже неизвѣстно.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ заключить, что взятые нами на пространствѣ между Покровскою церковью и застѣночною башнею черепа принадлежатъ, за исключеніемъ захороненныхъ въ ящикахъ и колодѣ, всего вѣроятнѣе, тайно казненнымъ въ 1478 году Новгородцамъ, возбуждавшимъ народъ противъ присоединенія самобытнаго города и областей его къ Московскому державству. Задохнувшимся татарамъ они принадлежатъ не могутъ:

Дѣтинецъ—это священное мѣсто, осквернять которое захороненіемъ въ землѣ его поганныхъ, по тогдашнимъ возрѣніямъ, многовѣковыхъ притѣснителей Русскаго народа, было бы великимъ грѣхомъ и тяжкимъ оскорбленіемъ исконной святыни Новгородцевъ.

Замѣтимъ попутно, что застѣночная башня зовется чортовою по воспоминанію объ адскихъ мукахъ несчастливцевъ, подвергавшихся въ ней пыткамъ.

Мѣстность, гдѣ стоитъ маленькая Андрее-Стратилатовская однопдневная церковь или, по народному говору, обыденокъ, имѣетъ прошлое, занесенное въ Новгородскую лѣтопись, начиная съ X вѣка. Здѣсь, на высокомъ берегу Волхова стояла еще «до каменнаго Дѣтинца града строенія» первая Софійская церковь, дубовая, о 13-ти верхахъ, т. е. съ 13-ю главами, по числу апостоловъ и Христа-Спасителя; она сооружена первымъ Новгородскимъ архіереемъ Іоакимомъ, или Акимомъ по лѣтописи, Корсуняниномъ, крестившимъ Новгородцевъ, около 992 года. Церковь эта впоследствии сгорѣла,—а на ея мѣстѣ былъ поставленъ «Садко-Богатый гость» поставилъ, въ первой половинѣ XII в., каменную Борисо-Глѣбскую церковь, существовавшую еще въ началѣ XVII в. и вскорѣ потомъ разобранную.

Святые братья-мученики Борисъ и Глѣбъ пользовались въ Новгородѣ [особымъ уваженіемъ и считались поборниками независимости «людей вольныхъ» отъ Княжеской Руси и покровителями дружинъ ихъ; храмовъ, посвященныхъ имени этихъ братьевъ, было здѣсь болѣе, чѣмъ кому либо другому изъ святыхъ, не исключая и великаго чудотворца Николая.

Причину такого почитанія братьевъ-мучениковъ слѣ-

дуетъ искать въ значеніи Святополкова грѣха для Новгорода. Княжившій тогда здѣсь Ярославъ Мудрый вынужденъ былъ силою обстоятельствъ, грозившихъ ему не только лишеніемъ навсегда господства надъ Кіевскою Русью, но и смертью, прибѣгнуть къ заступничеству Новгородцевъ; они помогли Ярославу одолѣть Святополка и его союзниковъ, выговоривъ себѣ неприкосновенность свободы и независимость отъ княжеской власти ни во внутреннихъ распорядкахъ, ни во внѣшнихъ сношеніяхъ.

Въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка возникла рядомъ съ Борисоглѣбскою маленькая церковь во имя св. Андрея Стратилата, покровителя воиновъ. Писатели духовные полагаютъ, что преданіе о моровой язвѣ, вызвавшей сооруженіе этой церкви—вымыселъ, и что она обязана своимъ существованіемъ или князьямъ, сидѣвшимъ въ Новгородѣ въ эти вѣка и носившимъ имя Андрея, или посадникамъ съ тѣмъ же именемъ.

На упомянутомъ изображеніи Дѣтинца показанъ, въ мѣстности около Борисоглѣбской и Андреевской церквей, рядъ небольшихъ, совершенно одинаковыхъ деревянныхъ домиковъ. Въ Дѣтинцѣ хранилась казна, тамъ былъ дворъ князя и архіерея, тамъ же находилась правительственная Палата, или Постоянное Вѣче, и судебная; все это требовало охраны. Маленькіе домики были, по всей вѣроятности, помѣщеніемъ для дружинъ, охранявшихъ Дѣтинецъ. Поэтому церкви Борисо-Глѣбскую и Андрее-Стратилатовскую небезосновательно признавать за военныя.

Въ XVII вѣкѣ въ Дѣтинцѣ жили пушкари, затинчики, стрѣльцы, воротники и другіе служилые военные чины. Раскопками обнаружено здѣсь три вида за-

хороненія: на болѣе близкомъ отъ церкви разстояніи костяки лежали цѣльными, съ остатками колоды и, въ двухъ случаяхъ, съ мѣдными тѣльниками въ грудной клѣткѣ; зарыты они не глубже 1 арш. съ четвертью отъ поверхности; въ засыпкѣ могилъ ихъ попадались обломки человѣческихъ костей, перемѣшанныхъ съ соромъ отъ разрушенныхъ кирпичныхъ и каменныхъ построекъ. По тѣльникамъ захороненіе не древнѣе XVII вѣка.—На разстояніи болѣе далекомъ захороненіе кучное, беспорядочное, какъ на скудельнѣ Божій Домъ; костяки навалены одинъ на другой, между ними многіе безъ рукъ и безъ ногъ; на грудь одного брошенъ малый ребенокъ спиною вверхъ; на черепахъ и на другихъ костяхъ замѣтны слѣды ожоговъ. Въ полуденно-западномъ отъ церкви направленіи, саженьяхъ въ 10-ти отъ нея, нашли четыре костяка всего верхка въ 5-ти отъ поверхности; они, какъ и при захороненіи перваго вида, полные; остатковъ колоды, тѣльниковъ и окраски грудныхъ костей металлическою окисью нѣтъ; ногами обращены на полночь, руки вытянуты вдоль. Никакихъ, кромѣ костей, предметовъ не нашлось около костяковъ. Это третій видъ захороненія. Дальнѣйшая раскопка прекращена во избѣжаніе поврежденія имѣющагося тутъ огорода, при первоначальной обработкѣ котораго нашли большую, сильно заржавѣвшую желѣзную пряжку съ широкаго ременнаго пояса.

Лѣтописи извѣстны не рѣдкіе, начиная съ первыхъ годовъ XI вѣка, случаи пожаровъ внутри Дѣтинца; горѣла и Борисоглѣбская церковь; беспорядочность и неполноту костяковъ втораго вида захороненія, а также знаки ожоговъ на костяхъ, при отсутствіи свидѣтельствъ

объ устройствѣ когда либо въ этой мѣстности скудельни,—можно объяснить поспѣшнымъ погребеніемъ здѣсь въ общей ямѣ воиновъ-стражниковъ и членовъ семей ихъ, погибшихъ во время одного изъ пожаровъ.

Неглубокое залеганіе захороненій третьяго вида не было такимъ,—а оказалось послѣ того, когда о немъ забыли и сняли землю для какой либо надобности.

В) На Волховскомъ берегу.

Въ 12-ти верстахъ отъ Новгорода, внизъ по р. Волхову, за Хутынскимъ монастыремъ, впалъ въ эту рѣку съ правой стороны протокъ ся, вышедшій изъ Волхова же, почти на срединѣ разстоянія между городскимъ валомъ и Городищенскимъ холмомъ; въ древности этотъ протокъ назывался «Жилотугъ», — а теперь извѣстенъ подъ именемъ Малаго Волховца.

Въ полуверстѣ ниже устья Жилотуга вытянулся по береговой низменности, вдоль теченія Волхова, съ полдня на полночь, продолговатый, сажени въ три съ половиною вышины, холмъ, имѣющій въ длину до ста сажень; имя ему «Холопій городокъ». Весною здѣшняя низменность заливаема въ сторону отъ праваго берега Волхова верстѣ на шесть, а по направленію берега—версты на двѣ, на три вверхъ и внизъ. Противолежащій берегъ Волхова нѣсколько приподнятъ, такъ что разливъ занимаетъ не больше полуверсты.

Въ самомъ устьи Жилотуги на днѣ его лежитъ, ровно на срединѣ ширины, огромный камень. Глубина этого протока Волхова здѣсь больше двухъ сажень въ межень; въ сухую осень поверхность камня, гладкая какъ столъ,

съ поперечникомъ около сажени, обножается или только ополаскивается.

Есть преданіе, занесенное въ лѣтописные сборники, что Холопій городокъ—это остатокъ укрѣпленія, охватывавшаго значительное поселеніе, возникшее здѣсь еще въ языческія времена по слѣдующему обстоятельству: Новгородскій князь Владиміръ Святославичъ ходилъ съ отборною дружиною на болгаръ Волжскихъ и на Сурожъ, въ Крымъ, не возвращаясь въ Новгородъ нѣсколько лѣтъ. Жены именитыхъ дружинниковъ сжились, за время отсутствія своихъ мужей, съ холопами ихъ. Когда же дружины возвращались, жены и холопы встрѣтили ихъ враждебно, выступивъ противъ мужей и господъ своихъ въ боевомъ порядкѣ. Понявъ въ чемъ дѣло, дружинники хотѣли было ударить въ мечи, но одумались и порѣшили, что недостойно ихъ биться съ женами и холопами какъ съ воинами и что для рабовъ довольно и бичей; такъ и сдѣлали. Холопы, вспомнивъ прежнее бичеваніе ихъ, устрашились, оставили женъ своихъ господъ и обратились въ бѣгство. Добравшись до описанной мѣстности и ожидая мщенія своихъ господъ, окопались валомъ; но господа, уступая просьбамъ покаявшихся женъ, оставили ихъ въ покоѣ жить въ возникшемъ такимъ образомъ городкѣ, получившемъ имя Холопьяго.

У Геродота записано почти дословно такое же сказаніе о Скиескихъ женахъ и холопахъ, но время и мѣсто дѣйствія—иныя: онъ передаетъ рассказъ, слышанный имъ отъ скиеовъ, что подобное происшествіе случилось во время войны ихъ съ Даріемъ, въ полуденной странѣ Европы. Хотя и Геродотъ не безъ грѣха, но болѣе осно-

ваній вѣрить ему, чѣмъ нашимъ лѣтописнымъ сборникамъ поздняго состава.

Въ Новгородѣ на лѣвой сторонѣ была Холопья улица, а на Мологѣ—Холопій городокъ, извѣстный встарь своею торговлею; впоследствии на мѣстѣ городка остался монастырь. Извѣстный составитель сборника — «Древности Россійскаго Государства», осмѣянный Карамзинымъ — дьяконъ Тимошей Каменевичъ-Рвовскій, жилъ въ этомъ монастырѣ въ XVII вѣкѣ.

Въ Новгородской лѣтописи упоминается о сооруженіи церкви во имя Николая Чудотворца на Холопьемъ городкѣ, но на Волховскомъ ли, или на Мологскомъ—неизвѣстно.

На береговой полосѣ между Хутынскимъ холмомъ и Холопьемъ городкомъ, а также у холма и городка, равно выше перваго и ниже втораго, находятъ, по спадѣ воды и послѣ волненій, острые кремни съ знаками грубой обработки.

Поверхность Холопьяго городка изрыта кладочискателями. Сосѣдніе обыватели говорятъ, что тамъ находятъ кое-какія бронзовыя вещицы, иной разъ попадаютъ куфическія монеты; лѣтъ пять назадъ тамъ выкопали, на глубинѣ свыше сажени, какіе-то глиняные сосуды, похожіе, будто бы, на скифскія чаши. Эти сосуды представлены, говорятъ, великому князю Владиміру Александровичу.

Одинъ изъ почитателей мѣстной старины, С. Н. Богословскій, нашель, года четыре назадъ, на Холопьемъ городкѣ и подарилъ нашему собранію тотъ черепъ, который положенъ съ надписью «Холопій городокъ», на заднемъ концѣ стола, что противъ Коломецкихъ костей, слѣва.

Снаружи онъ черенъ;—взять въ сыпучемъ пескѣ, изъ котораго сдѣланъ весь холмъ, на откосѣ съ нарѣчной стороны, на такой высотѣ, до которой доходитъ большая вешняя вода. Сосѣди не знаютъ, чтобы тутъ попадались черепа и кости людей, такъ что мы не считаемъ себя въ правѣ настаивать, что этотъ черепъ не примыть сюда водою и не вымыть откуда нибудь изъ другой мѣстности, лежащей выше Холопьяго городка, или что онъ не принадлежитъ костяку утопленника.

Чтобы покончить съ Холопьемъ городкомъ, припомнимъ, что Новгородъ велъ большую торговлю съ незапамятныхъ временъ; единственными удобными путями сообщенія были въ древности рѣки. Возможно, что холмъ этого городка насыпанъ для сторожеваго поселка, наблюдавшаго за плаваніемъ по Жилотугу, широко разливающему свои воды весною. Камень на самой срединѣ устья этой глубокой рѣки требуетъ, чтобы заѣзжіе пловцы были предостерегаемы и не терпѣли тутъ крушенія; пока нынѣшніе холмы Городищенской и Нередицкій были мѣстомъ главнаго Ильменско-Волховскаго поселка, ближайшій путь къ нему тянулся по Жилотугу, этому быстрому протоку, получившему имя отъ тугого, то есть самаго сильнаго напряженія, жилъ пловца, поднимавшагося противъ теченія на шестахъ или на веслахъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго поэтому, что на береговомъ холмѣ близъ устья Жилотуга жили холопы богатыхъ Новгородскихъ или Славенскихъ торговцевъ, на обязанности которыхъ лежало тянуть ладьи вверхъ по рѣкѣ до Городища или Славенска, если такъ назывался когда нибудь Городищенско-Нередицкій поселокъ. Стало быть имя свое получилъ нашъ холмъ независимо отъ Геродотовой по-

вѣсти, занесенной въ лѣтописные сборники хвастливыми книжниками XVI—XVII вѣка. Если упомянутая церковь была на Волховскомъ Холопьемъ городкѣ,—догатка наша найдетъ себѣ въ ней подкрѣпленіе: Николай Чудотворецъ почитается покровителемъ водоплаванія и укротителемъ бурь по молитвамъ, обращаемымъ къ нему пловцами. По землямъ Новгородскаго державства, на берегахъ судоходныхъ рѣкъ, озеръ и Бѣлаго моря, почти всѣ церкви и монастыри посвящены этому чудотворцу.

Верстахъ въ 60 отъ Новгорода внизъ по Волхову въ него впадаетъ съ правой стороны ручей, пересыхающій лѣтомъ. По сухому руслу ручья видно, что когда-то онъ соединялся и составлялъ круглый годъ одно цѣлое съ тѣмъ заливомъ рѣки Вишеры, который теперь сливается съ этимъ ручьемъ только въ половодье. Вишера вышла изъ ближайшихъ къ древней, нынѣ болотистой долинкѣ Волхова, Алаунскихъ отроговъ, двумя рукавами, скоро слившимся вмѣстѣ и, пробѣжавъ извиристо болѣе двухсотъ верстъ, впала въ Жилотугъ верстахъ въ семи ниже Новгорода, недалеко отъ Хутынскаго холма. Старожилы помнятъ, когда описываемый ручей былъ рѣчкою, называвшеюся «Муравьею». Берегъ Волхова здѣсь высокъ, а близъ старорѣчья Муравьей обрывистъ; имя рѣчки сохранилось въ названіи этого берега и выстроенаго на немъ въ Аракчеевскія времена помѣщенія для войска, то и другое зовутъ «Муравьи». Строеніе обрывистаго берега Волхова такое же какъ и всѣхъ вышеназванныхъ холмовъ въ окрестностяхъ Коломцевъ и холмовъ Алаунскихъ. Между обрывистою частью берега Волхова и помѣщеніемъ для войскъ, по обѣ стороны устья старорѣчья Муравьей, тянется низина, выстилаемая до трехъ ар-

шинъ глубины кирпичною красноватою глиною. По ту сторону Муравьи С. Н. Богословскій примѣтилъ выходъ изъ-подъ этой глины чернаго землистаго слоя и нашелъ въ немъ нѣсколько обломковъ темныхъ костей животныхъ, между которыми попадаются и слабо обработанныя, похожія въ этомъ отношеніи на Коломецкія, и острыхъ кремней съ слѣдами такой же слабой обработки. Изъ высокоаго берегового обрыва и изъ ближайшихъ къ нему песчаныхъ бугровъ берутъ песокъ; въ одномъ изъ нихъ, недавно копанныхъ съ этою цѣлью, на невысокомъ бугрѣ, г. Богословскій нашелъ раздавшійся по швамъ сводъ черепа. Видимо, копавшій песокъ наткнулся на эту кость и выкинулъ ее. Песокъ тутъ въ ямѣ, не охристый, а мелкій бѣловатый, такой же, какъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Новгорода подъ жилымъ переулкомъ.

Этотъ черепный сводъ, съ надписью «Муравьи», лежитъ на томъ же столѣ, гдѣ и предъидущій, — сзади, на правомъ углу.

Замѣтимъ кстати, по поводу именъ рѣкъ Вишеры и Муравьи, что одинъ изъ большихъ притоковъ Камы — называется также Вишерою, а притокъ этой послѣдней — Муравьимъ. Сѣверная Двина имѣетъ въ числѣ своихъ притоковъ тоже Вишеру. Новгородцы ли назвали Вишерами рѣки Заволочья и Приуралья, или обратно? Стоитъ также остановиться на притокѣ рѣки Индиги, впадающей въ Ледовитое море между хребтами Тиманскимъ и Уральскимъ, называемомъ «рѣкою Мутною». Ильменскій Волховъ носилъ также имя Мутной рѣки, по сказанію лѣтописныхъ сборниковъ поздняго состава; онъ вполне отвѣчаетъ этому имени цвѣтомъ и качествомъ своихъ водъ, но притокъ Индиги течетъ по разсѣлинамъ твердыхъ горныхъ породъ и потому воды его чисты.

Видъ череповъ и прочихъ костей человѣка.

Подъ словомъ видъ—мы разумѣемъ очертанія череповъ и костей, первыхъ—сверху, сбоку, съ затылка и съ лицевой стороны, а послѣднихъ—въ тѣхъ частяхъ, которыя представляютъ какія либо особенности сравнительно съ нынѣшними.

А) Коломецкіе черепа и кости.

Коломецкіе черепа извлекались изъ перегноя сплюснутыми и измельченными. Чтобы возстановить въ возможной приблизительности видъ ихъ до захороненія, приходилось склеивать раздробленные части, придерживаясь:—направленія просвѣтовъ внутреннихъ кровеносныхъ сосудовъ, плотнаго прилеганія изломовъ одного кусочка къ изломамъ другихъ, естественныхъ выпуклостей снаружи и вогнутостей внутри, соответствій въ толщинѣ кости и т. п. При отсутствіи нѣкоторыхъ частицъ пробѣлы замѣнялись пробкою, чтобы склейкѣ дать устойчивость и прочность.

Не сомнѣваясь въ правильности склейки тамъ, гдѣ ясны просвѣты кровеносныхъ сосудовъ, нельзя было имѣть той же увѣренности въ безошибочности, когда приходилось заполнять пустоту, или возстановлять недостатки въ лицевыхъ костяхъ.

Профессоръ Петръ Францевичъ Лесгафтъ удѣлилъ значительную часть дорогого для ученыхъ его занятій времени и внимательно осмотрѣлъ Коломецкіе черепа въ настоящемъ ихъ видѣ. Онъ не нашелъ въ возстановленіи неправильностей и ошибокъ, которыя дѣлали бы эти

черепа негодными въ научномъ отношеніи. Тоже признали и другіе гг. анатомы, посѣтившіе выставку и также внимательно осмотрѣвшіе Коломецкіе черепа со стороны склейки ихъ.

Конечно, какъ ни точно собраны наши черепа, но при измѣреніяхъ необходимо считаться съ слоями клея, хотя они и очень тонки, такъ что данныя каждаго измѣренія будутъ нѣсколько больше настоящихъ и тѣмъ больше, чѣмъ мельче склеенные кусочки.

Сдѣлавъ приведенную оговорку, приступимъ къ краткому описанію вида череповъ, въ порядкѣ извлеченія ихъ изъ перегноя по времени и по направленію раскопокъ Коломецкой площади, съ ЮЮЗ. на ССВ., а затѣмъ укажемъ и на нѣкоторыя особенности частей костяка.

Первый и единственный, относительно полный, изъ всѣхъ пяти случаевъ кругового порядка захороненія человѣческихъ костей, черепъ имѣетъ много вставокъ пробки въ самомъ сводѣ; онъ, какъ перво-найденный, былъ собираемъ и опять расклеиваемъ во всѣхъ частяхъ, кромѣ лицевыхъ, нѣсколько разъ, различными, привычными, повидимому, къ подобной работѣ, знатоками; при этомъ изломы сосѣднихъ кусочковъ страдали всякій разъ при расклейкѣ и новой склейкѣ; въ концѣ же концовъ пришлось окончательно собрать этотъ черепъ намъ лично. Онъ имѣетъ много лицевыхъ костей и челюсти съ большимъ числомъ зубовъ въ каждой.

По отношенію длины, отъ надбровнаго возвышенія до наиболѣе выдающейся части затылка, къ ширинѣ въ отвѣсѣ между темянными буграми, или по верхнему очертанію, представляется короткоголовымъ; швы заросли.

Если глядѣть съ боку—онъ будетъ средне-высотный съ немного отклоняющимся къ темени лбомъ и нѣсколько возвышающимися лобными буграми; надбровныя дуги, или возвышенія, развиты слабо, затылокъ у него широко-округленный и немного выдающійся; челюсти не выступаютъ впередъ; это очертаніе боковое. Со стороны затылка,—этотъ послѣдній значительно широкъ и къ основанію раздѣляется на два плоскохолмія; темянные бугры развиты, такъ что верхняя половина черепа немного шире его основанія; темя какъ бы приплюснутое,—это затылочное очертаніе. Наконецъ, со стороны лица или въ лицевомъ очертаніи, черепъ широколобый;—лицо суживается къ подбородку, среднему между тупымъ и острымъ, и неособенно короткое; орбиты глазъ большія; носовое отверстіе соразмѣрно въ длину и въ ширину.

Говоря о носовомъ отверстіи, слѣдуетъ замѣтить, что собственно носовой кости, такъ называемаго переносья, не оказалось ни у этого, и ни у одного изъ прочихъ череповъ съ лицевыми частями, такъ что оно вездѣ пробочное; основаніе же отверстія съ боковыми, щечно-носowymi костями, вездѣ имѣется или полное, или на половину сохранившееся.

Второй черепъ взятъ при кучѣ костей второго порядка захороненія. Онъ наиболѣе полный изъ всѣхъ. Въ верхнемъ очертаніи—узкій и длинный, нѣсколько расширяющійся въ темянныхъ буграхъ, съ хорошо округленнымъ затылкомъ; всѣ швы, кромѣ лобнаго, на мѣстѣ котораго бугоръ, открыты; въ боковомъ очертаніи—маловысотный, съ сильно выдающимся, но не отвислымъ, равномѣрно округленнымъ затылкомъ; лобные бугры въ зачаточномъ развитіи; лобъ отклоняется назадъ много болѣе,

чѣмъ у перваго; надбровныя дуги почти вовсе неразвиты; обѣ челюсти сильно выдаются впередъ; зубы мало истерты, верхніе рѣзцы широкіе; подбородокъ немного выдается, сравнительно съ зубами, впередъ;—въ очертаніи затылочномъ: сводъ черепа приподнять гребнемъ, крышеобразно; основаніе черепа нѣсколько уже верхней, темянно-бугорной части; въ лицевомъ очертаніи лобъ узкій; орбиты большія, скулы суживаются книзу,—концы ихъ опускаются нѣсколько туда же; носовое отверстіе равномѣрно узко-длинное; нижняя часть лица сильно сужена и оно длинно; подбородокъ узкій, но не острый; основаніе верхней челюсти подковообразное. Этотъ черепъ длинноголовый, длиннолицый съ сильно выдающимися впередъ челюстями.

Третій черепъ—изъ кучи костей того же второго порядка захороненія; онъ весь болѣзненно искривленъ, скошенъ въ лѣвую сторону. Въ сводѣ вставокъ весьма мало; въ затылкѣ и въ височной чешуѣ правой половины ихъ больше, но не много; правая половина лицевыхъ костей почти вся цѣла, сохранилось и все основаніе носового отверстія; лѣвая же половина лица и соотвѣтственная ей височная часть почти вся изъ пробки. Правая половина нижней челюсти вся сохранилась, давъ и половину подбородка лѣвой; въ этой же значительныя вставки.

Верхнее очертаніе, удлиненное равномѣрно, какъ въ лобной части, такъ и въ темянно-затылочной; затылокъ не особенно широко округленный, швы повреждены, заросли не вездѣ; въ очертаніи боковомъ, съ наиболѣе сохранившейся правой стороны,—черепъ средне-высотный, затылокъ выдается отвисло; лобъ немного скошенъ, челюсти выдаются, верхняя особенно; надбровныя

возвышенія средняго развитія; сзади основаніе черепа нѣсколько шире верхней его части, темя полукругло-широко-низкое; съ лицевой стороны: лобъ широкъ, правая орбита большая, отъ лѣвой, сильно наклоненной книзу, уцѣлѣла только верхняя слабо выгнутая дуга; носовое отверстіе широко-длинное; подбородокъ широко округленъ и значительно выступаетъ впередъ; все лицо суживается книзу и значительной длины;—скулы умѣренныя; соотвѣтственно склоненію верхней дуги лѣвой орбиты, вся лѣвая же сторона лица возстановлена искривленною. Черепъ относится, какъ и предыдущій, къ длинно-головымъ, длинно-лицымъ, съ выдающимися впередъ челюстями.

Четвертый черепъ — изъ того же, какъ и описанные два порядка, захороненія. Въ сводѣ, затылкѣ и боковыхъ частяхъ возстановленъ почти безъ помощи пробки; въ лицевой же части цѣльными оказались только: скуловыя кости, по три четверти каждой орбиты, наибольшая часть нижней челюсти, половина верхней съ половиною же основанія носоваго отверстія и нѣсколько зубовъ другой половины верхней челюсти.

По верхнему очертанію сходенъ со вторымъ, но въ темянныхъ буграхъ нѣсколько шире, а въ лбѣ уже; затылокъ равномерно округленъ; сбоку — больше средне-высотнаго; затылокъ округленно-выдающійся, лобъ сильно скошенъ, также сильно развиты и надбровныя возвышенія, челюсти далеко выдаются впередъ;—съ затылка: основаніе нѣсколько уже верхней части; темя приподнято крышеобразно; со стороны лица: лобъ болѣе узокъ, чѣмъ у второго, лобныхъ бугровъ не примѣтно; орбиты меньше сравнительно съ первымъ и вторымъ, лицо длин-

ное и узкое; основанія нижней челюсти сзади выворочены наружу, что даетъ прямоугольно-удлиненное очертаніе лицу; подбородокъ круто спускается съ середины длины нижней челюсти къ концу ея клиномъ, а самый конецъ узко-тупой,—и выбѣгаетъ значительно впередъ; обѣ челюсти вообще широки, такъ что лицо представляется съ этой стороны большеротымъ; носовое отверстіе такое же какъ у описанныхъ трехъ череповъ. Уцѣлѣвшіе зубы крупны и немного стертые.

Изучающіе человѣческіе черепа, краніологи, условились называть короткіе, какъ первый изъ описанныхъ, съ такимъ же лицомъ и не сильно выдающимися впередъ челюстями, «брахицефалъ», «хамепрозонъ», «ортогнатъ»; а длинные, каковы всѣ прочіе, «долихоцефалъ», «лептопрозопъ», «прогнатъ».

Слѣдующіе пять череповъ захоронены безъ лицевыхъ костей.

Пятый имѣетъ немного уцѣлѣвшаго, всего только средину свода отъ затылка и до надбровныхъ возвышеній, да и здѣсь много прибавокъ изъ пробки. Онъ сверху длинный; темянныхъ бугровъ не видно; темя скошено къ сильно выдающемуся отвислому затылку; сбоку — лобъ низокъ и скошенъ; сзади сводъ плоско округленъ. На поверхности свода видны вдавленія, образовавшіяся отъ прижизненныхъ ударовъ по головѣ тупымъ орудіемъ. Объ этомъ черепѣ можно сказать только, что онъ долихоцефалъ.

Шестой черепъ съ очень тонкими костями; онъ пострадалъ отъ давленія сверху и раздробился болѣе всѣхъ, хотя кусочки удалось подобрать, не смотря на ихъ ничтожную величину, и склеить. Недостаетъ многого, осо-

бенно въ родничковой части. Верхнее очертаніе длинное, лобъ узкій; затылокъ, какъ бы пятиугольный, сильно выдался, но не отвисъ. Примѣтна кривизна, похожая на посмертную; лѣвая височная сторона вдавлена, а правая выгнута соответственно вдавленію. Посмертность искривленія обнаруживается при соединеніи лобной кости съ лѣвою темянною, —эта послѣдняя уклонилась внутрь черепа, такъ что лобная, соединившаяся точка въ точку въ швъ съ правою темянною у виска, здѣсь, въ лѣвой сторонѣ, не дошла до него миллиметра на три. Сзади темя и весь сводъ представляется плоско и слабоокругленнымъ или, точнѣе, приплюснутымъ; основаніе черепа много уже верхней его части, гдѣ сильно выдаются темянные бугры. Въ очертаніи боковомъ черепъ выглядит средневисотнымъ; лобъ прямой, но не высокъ; надбровныхъ возвышеній и лобныхъ бугровъ не видно; лобный шовъ закрытъ, на мѣстѣ его плоское возвышеніе. Съ лицевой стороны сохранились только верхнія части орбитъ, незначительно приподнятыя къ срединѣ, и то не вполне. При этомъ черепъ, въ кучѣ костей, имѣвшей внизу болѣе длинные обломки, уложенные плотно въ рядъ, —нашлись небольшіе кусочки нижней челюсти; въ нихъ молочные зубы еще сидятъ въ своихъ ячейкахъ, а постоянные внутри тѣла челюсти; нашлись и отдѣльно коронки зубовъ, рѣзцовъ и клыковъ, вовсе безъ корней съ пустотою внутри близъ основанія, —и небольшіе коренные съ очень тонкими корешками, почти нисколько не стертые.

Черепныя кости младенца, лежавшія рядомъ съ этимъ, очень тонки и плоски настолько, что нѣтъ никакихъ признаковъ выпуклости. Наболѣе крупныя кусочки при-

надлежатъ затылочной кости; спайные зубцы выражены очень ясно и крупны. Кусочки другихъ, кромѣ затылочной, черепныхъ костей на столько тонки, что ихъ нельзя было вовсе отдѣлить отъ того перегноя, который наполняетъ обыкновенно внутренность череповъ.

Седьмой черепъ тотъ, который найденъ въ перегноѣ безъ раковинныхъ обломковъ, на глубинѣ 2 арш. 6 вершковъ отъ поверхности жилого слоя; кости его толсты, но дряблы; наружные пласты внѣшней стороны отслоились неравномѣрно, поэтому вся она въ рывинахъ и крошится; —но тѣ же наружные пласты внутри черепа тверже, не отслоились и не крошатся. Верхнее очертаніе близко въ общемъ съ предыдущимъ черепомъ, лобъ не такъ сжатъ, затылокъ отвислъ. Сзади — сводъ приплюснуть, — основаніе черепа немного уже верха; бока значительно выгнуты, швы заросли. Сбоку — черепъ маловисотный, лобъ невысокъ; скошеніе незначительное; выдающійся затылокъ остроокругленъ. Недостающихъ косточекъ много; много же и не подобранныхъ, сохраняемыхъ особо; изломы этихъ косточекъ, по дряблости ихъ, осыпаются и не имѣютъ внѣшней, неравномѣрно отслоившейся, оболочки, что дѣлаетъ невозможнымъ безошибочно соединять ихъ между собою. Хотя пробки въ этомъ черепѣ много, но лобная, боковыя части обѣихъ темянныхъ и затылочная соединены по просвѣтамъ кровеносныхъ сосудовъ безъ нарушенія направленія ихъ, такъ что общее очертаніе черепа безъ пробочныхъ вставокъ.

Шестой и седьмой черепа — долихоцефалы.

Восьмой черепъ меньше всѣхъ; въ немъ недостаетъ почти трети середины лобной кости, выломленной клиномъ, широкій конецъ котораго обращенъ къ сторонѣ

переносья; отъ орбитъ остался только небольшой правый наружный край, соединяющійся съ соотвѣтственною стороною лобной кости. Сверху—развить сильно въ ширину, особенно въ темянныхъ буграхъ; затылокъ слабо выдается и дѣлится, какъ и первый, на два плоскохолмія, спускающіяся къ основанію; по направленію сохранившихся лобныхъ частей можно самый лобъ назвать широкимъ. Сзади—суженіе къ основанію незначительное; темя и сводъ не высокоокругленные. Сбоку—средневысотный; выдающійся затылокъ широкоокругленъ книзу; лобъ низкій и скопелъ; бугровъ незамѣтно. Брахицефаль.

Девятый и послѣдній черепъ имѣетъ видъ современаго намъ: онъ великъ, сравнительно съ прочими; кость толста и тяжела. Недостаетъ болѣе половины правой темянной, и менѣе половины соотвѣтственной затылочной, замѣненныхъ пробкою; въ прочихъ частяхъ нехватокъ совсѣмъ нѣтъ. Въ верхнемъ очертаніи яйцевиденъ, лобъ широкій,—темянные бугры умѣренно развиты; затылокъ плоско-округленный; надбровныя дуги развиты сильно, но менѣе чѣмъ у четвертаго. Въ очертаніи боковомъ—большевысотной; темя равномерно и одинаково поднимается какъ отъ высокаго, почти прямого лба, такъ и опускается къ затылку, едва замѣтно выдающемуся. Сзади—широкій, особенно при опусканіи боковъ къ соспецифическимъ отросткамъ, такъ что верхняя часть черепъ нѣсколько уже нижней, сводъ крышевидный. Съ лицевой стороны: переносье шире чѣмъ у всѣхъ прочихъ череповъ; верхнія дуги орбитъ слабо выгнуты. Средній между долихоцефаломъ и брахицефаломъ.

У всѣхъ девяти череповъ внутри ясна неодинаковая окраска стѣнокъ, одна половина имѣетъ оранжеватый

жидкій цвѣтъ, а другая густой лиловатый; густота обоихъ цвѣтовъ неодинакова,—наименьшая внутри перваго. Снаружи окраска тоже неодинакова, здѣсь на всѣхъ черепахъ преобладаетъ бѣловатый цвѣтъ съ черными пригарными пятнами, не похожими на тѣ древовидные, называемые дендритами, которые появляются, когда кость приходитъ въ состояніе обугленія,—эти всегда имѣютъ сходство съ деревомъ, обнаженнымъ отъ листьевъ, и проникаютъ во всю толщину кости,—наши же только поверхностны и при отскабливаніи даютъ темнубурый порошокъ, точно такой же, какой получается отъ кости обгорѣлой, но еще сохранившей нѣсколько жирового вещества. Точно такой же порошокъ даютъ пригарныя пятна на Коломецкихъ обломкахъ костей животныхъ и на подѣлкахъ изъ нихъ.

Всѣхъ каждаго изъ девяти череповъ не приведенъ въ извѣстность по непригодности его для дальнѣйшаго изученія, такъ какъ заполненіе недостатковъ косточекъ пробкою неравномерно.

По той же причинѣ и по отсутствію основной кости въ каждомъ черепѣ—не сдѣлано измѣреній на ёмкость.

Профессоръ П. Ф. Лестафтъ обратилъ особенное вниманіе на слабое развитіе во всѣхъ черепахъ жевательныхъ приспособленій.

При всѣхъ черепахъ, за исключеніемъ описаннаго седьмымъ, много, какъ сказано уже, обломковъ болѣе или менѣе крупныхъ, разныхъ частей костяка; меньше всего реберъ и позвонковъ; не особенно много также пальцевыхъ, пястныхъ и ступневыхъ.

Къ сожалѣнію, обломки, взятые изъ круговыхъ кучекъ около перваго черепа, смѣшались съ другими того же по-

рядка захороненія, такъ что выдѣлить ихъ теперь затруднительно; легко впасть въ ошибку; они напхиты, вмѣстѣ съ прочими того же порядка захороненія, на четырехъ щиткахъ, отмѣченныхъ меньшими, сравнительно съ остальными тремя, числами.

Примѣчаніе: До окончательнаго приведенія въ строгій порядокъ Коломецкихъ находокъ, къ каковому предположено приступить только по изслѣдованіи въ подробностяхъ всей площади изучаемаго поселенія, — выкапываемые ежегодно предметы сохраняются отдѣльно, вмѣстѣ съ точными свѣдѣніями о глубинѣ и средѣ захороненія и о разстояніи отъ мѣста обнаруженія перваго залеганія жилого пережня; въ погодномъ порядкѣ они и нашиваются на щитки, съ наклейкою на каждый нумеровъ по порядку.

До настоящаго времени костякъ древняго человѣка не изученъ еще, по незначительности числа данныхъ, въ подробностяхъ, и не установлено даже самыхъ крупныхъ признаковъ давности и послѣдовательности въ движеніи развитія человѣка. Однакожъ многіе почтенные изслѣдователи, богатые запасомъ наблюденій, пришли уже къ одинаковому взгляду на нѣкоторые признаки, повторяющіеся только при одной и той же обстановкѣ захороненія костей въ различныхъ мѣстностяхъ, раздѣляемыхъ значительнымъ пространствомъ.

Поэтому, при описаніи частей костяка Коломчанъ, мы остановимся только на тѣхъ, въ значеніи признаковъ которыхъ, вообще отличныхъ отъ современныхъ намъ, взгляды изслѣдователей сходятся.

Таковыми признаками считаются: саблевидность поперечнаго разрѣза верхней трети большеберцовой кости, —

столповидность и незначительная выпуклость въ наружную сторону бедра, — отклоненіе ямки шаровидной головки бедра, служащей мѣстомъ прикрѣпленія связки бедра съ тазомъ, къ задней сторонѣ, и слабую скрученность кости плечевой.

Эти признаки повторяются на всѣхъ безъ исключенія соответственныхъ костяхъ Коломчанъ, брахицефаловъ и долихоцефаловъ, но при этомъ:

а) всѣ кости, взятыя съ вторымъ черепомъ, тоньше остальныхъ, за исключеніемъ костей шестого; саблевидность большеберцовой меньше, выгнутость бедра и скрученность плечевой нѣсколько больше прочихъ; связочная ямка смотритъ сильно назадъ и лежитъ посреди круглаго, въ видѣ площадки, углубленія.

б) На костяхъ шестого черепа тѣ же признаки выражены, повидимому, еще слабѣе и всѣ эти кости, сравнительно съ соответствующими прочимъ череповъ, представляются принадлежащими человѣку очень молодому, даже дѣтскаго возраста, обломки ихъ незначительны и не имѣютъ многихъ головокъ.

в) Кости третьяго черепа толще, чѣмъ второго, и нѣсколько длиннѣе; скрученность плечевой — слабѣе; остальные признаки тѣ же, только связочная ямка отодвинута назадъ нѣсколько дальше; она тоже въ площадкѣ, болѣе широкой, чѣмъ на той же кости второго.

г) На костяхъ четвертаго черепа, превосходящихъ размѣрами остальныхъ, всѣ отличительные признаки особенно рѣзки; въ плечевой скрученности, а въ бедряной выгнутости почти нѣтъ.

д) Кости пятаго одинаковы съ взятыми съ третьимъ

черепомъ, хотя обломки нѣсколько короче. На нихъ меньше пригарныхъ пятенъ чѣмъ на всѣхъ остальныхъ.

е) Кости восьмого, брахицефала, не отличаются отъ принадлежащихъ второму, но площадка вокругъ связочной ямки едва замѣтна.

ж) При девятомъ черепѣ взято костей больше, чѣмъ при каждомъ изъ всѣхъ прочихъ; они близки къ костямъ четвертаго, но саблевидность слабѣе.

Всѣ длинныя части тяжеловѣсны и при легкомъ ударѣ по нимъ звенять какъ фарфоръ.

Б) Черепа и костяки Юрьевского жальника.

Изъ четырехъ череповъ жальника три долихоцефала и одинъ средній между долихоцефаломъ и брахицефаломъ. Лицевыя кости сохранились у трехъ первыхъ. У всѣхъ четырехъ затылокъ выдается, но не отвисль и равномерно округленъ; лобъ средне-узкій, темянные и лобные бугры умѣренно развиты; у перваго, выставленнаго вмѣстѣ съ костякомъ во второмъ залѣ, всѣ швы заросли, у прочихъ они открыты, кромѣ лобнаго. Высота всѣхъ череповъ средняя; лобъ прямой; надбровницы едва замѣтны. Ширина и длина носового отверстія болѣе средней, особенно длина. Челюсти не выдаются, но зубы, значительно стертые, сидятъ въ обѣихъ, косо выставляясь наружу. Скулы малы, орбиты больше среднихъ. У перваго нижняя челюсть, поставленная въ ямки, значительно задается назадъ; у прочихъ двухъ эта особенность менѣе рѣзка. Подбородокъ узокъ, но не остеръ. Длина лица больше ширины его въ скуловой части, такъ что всѣ три черепа представляются близкими къ длиннолицымъ. Объемъ череповъ подходитъ къ малому.

Изъ череповъ, стоящихъ по обѣ стороны костяка второго зала, хотя и сильно поврежденныхъ, два коротко-головыхъ, но затылокъ выдающийся и нѣсколько отвислый. Лбы прямые, темянные и лобные бугры замѣтны; сводъ круто расширяется по направленію къ темени. У этихъ двухъ череповъ сохранились значительныя обломки нижней челюсти; постоянные зубы выпираютъ молочники.

Третій замѣчательно удлинень, такъ что сохранившееся затылочное отверстіе приходится ближе къ лицевымъ костямъ, чѣмъ къ затылку; лобъ очень узокъ и сильно скопелъ; углубленія въ переносии вовсе нѣтъ. Въ тѣлѣ остатка нижней челюсти сидятъ еще, какъ и у первыхъ двухъ, постоянные зубы. Кости всѣхъ трехъ череповъ очень тонки. Обломки четвертаго не даютъ ничего, но кость толще этихъ трехъ.

Выставленный костякъ, при длинѣ въ могилѣ до 2 арш. 8 вершковъ, и всѣ три остальные (длина каждаго въ могилѣ не превышаетъ 2 арш. 5 вершковъ) имѣютъ кости сравнительно тонкія; большеберцовая представляется, въ поперечномъ разрѣзѣ верхней трети, среднею между саблевидною и трехгранною, ближе къ послѣдней; бедро значительно выгнуто наружу; плечевая слабо скручена; тазъ узокъ; ступни ногъ и кисти рукъ не представляютъ никакихъ особенностей.

Цвѣтъ всѣхъ костяковъ одинаково землисто-темный; въ большей части сочленовыхъ головокъ обнажено губчатое вещество ихъ; вообще кости легковѣсны.

В) Черепа новгородскіе и побережные.

Общее число новгородскихъ и побережныхъ (Холопяго Городка и Муравьинскаго) череповъ нашего собранія—160, число удовлетворительное для подробнаго изученія и для одного только нагляднаго. Выставлено всего сто; при этомъ никакого подбора не сдѣлано, взято и оставлено въ Новгородѣ столько, сколько пришлось, для уменьшенія пространства выставки, соразмѣрно количеству череповъ, полученныхъ изъ каждой усыпальницы.

Не усвоивъ еще достаточнаго навыка для подробнаго изученія нашихъ череповъ посредствомъ принятыхъ краниологами измѣреній, мы старались опредѣлить хотя одни черепные указатели, но и въ этомъ мало успѣли; на многихъ черепахъ выставлены числа указателей до двухъ десятичныхъ, т. е. до сотыхъ долей;—при провѣркѣ измѣреній (они дѣлались съ помощью толстотнаго и обыкновеннаго циркуля), повторенной нѣсколько разъ, получались новыя и новыя числа не только въ десятичныхъ, но и въ цѣлыхъ. Такая, повидимому, бесполезная работа оказалась однако нелишнею: приходилось вглядываться въ каждый черепъ много разъ и этимъ путемъ пріобрѣсти нѣкоторую долю опытности наглядной; руководствоваться въ изученіи череповъ ею одною—пріемъ далеко не научный, но, за неусвоеніемъ таковаго, имѣетъ значеніе при обзорѣ большого количества череповъ;—онъ обобщаетъ крупныя признаки и даетъ основаніе къ распредѣленію по нимъ всего количества, каково бы оно ни было, что болѣе удобно при обзорѣ выставки, чѣмъ такъ называемыя краниометрическія таблицы, испещренныя чи-

слами измѣреній, въ подробностяхъ незначительныхъ, ускользающихъ даже отъ опытнаго наблюдателя при наглядномъ осмотрѣ черепа безъ измѣренія.

Поэтому въ описаніи нашихъ череповъ мы будемъ руководствоваться только наглядностію, оставляя до будущаго изученіе ихъ во всеоружіи современныхъ научныхъ пріемовъ, если только они окажутся долговѣчными и не потерпятъ крушенія въ мелочахъ, вызываемыхъ не общими законами строенія человѣческаго черепа, а единичными силами внѣшней и внутренней, т. е. духовной, природы лица, которому принадлежитъ подробно изучаемый черепъ.

Всѣмъ новгородскимъ черепамъ нашего собранія присущи слѣдующіе общіе признаки, по числовому преобладанію въ очертаніяхъ съ четырехъ сторонъ:

а) *По верхнему очертанію*: Семъ восьмыхъ общаго числа развиты въ длину значительно болѣе, чѣмъ въ ширину; изъ нихъ независимая отъ выдающагося затылка длина принадлежитъ половинѣ; она обусловлена узкостію лба при слабомъ развитіи темянныхъ бугровъ и при маломъ объемѣ верхней части черепа.

б) *По боковому очертанію*: Изъ всѣхъ длинноголовыхъ болѣе половины средневысотныхъ; у этихъ сильно выдающійся и равномерно округленный затылокъ; меньшее половины число распадается поровну между маловысотными и большевысотными, первые имѣютъ выдающійся отвисло затылокъ, невысокій и значительно скошенный лобъ, почти незамѣтныя лобныя бугры и наиболѣе развитыя надбровныя возвышенія, а у послѣднихъ—затылокъ слабо выдается и равномерно же, но болѣе плоско округленъ; лобъ прямой и высокій, бугры его высту-

паютъ отчетливо, надбровныя дуги посредственны, надпереносье нѣсколько выше ихъ. Челюсти, — обѣ оказались у немногихъ, — болѣе значительно выдаются у средне- и маловысотныхъ; изъ нихъ у имѣющихъ сильно развитыя надбровныя дуги и болѣе скошенный лобъ прогнатизмъ значителенъ, — особенно выдается самое основаніе нижней челюсти. Тѣло нижней челюсти наиболѣе широкое, при небольшой толщинѣ, у большевысотныхъ.

в) *По затылочному очертанію*: Изъ длинноголовыхъ у большевысотныхъ преобладаетъ отчетливая крышевидность свода и одинаковая ширина между боковыми сторонами темянныхъ бугровъ и сосцевидныхъ отростковъ; у средневысотныхъ крышевидность выражается слабо, ширина черепа почти та же, что у первыхъ, а у маловысотныхъ рѣзкой приподнятости середины свода совсѣмъ нѣтъ, такъ что онъ является равномѣрно округленнымъ; ширина черепа въ основаніи нѣсколько уже, чѣмъ въ верхней части. Сводъ маловысотныхъ плоско округленъ, ширина въ основаніи значительно меньше предъидущей; сосцевидные отростки нѣсколько загибаются внутрь. У короткоголовыхъ крышевидность свода — рѣдкость; равномѣрное округленіе его имѣютъ черепа съ равномѣрно-же и широкоокругленнымъ затылкомъ, слабо выдающимся; а если затылокъ округленъ въ нижней половинѣ въ два плоскохолмія, сводъ плоскоокругленъ и представляетъ въ темянномъ швѣ, близъ соединенія его съ затылочнымъ — желобину; ширина одинакова какъ въ сосцевидныхъ отросткахъ, такъ и въ темянныхъ буграхъ.

г) *По лицевому очертанію*: Длинноголовые большевысотные и средневысотные длинносицы, изъ нихъ у первыхъ чаще лицо сходится клиномъ къ узкому, но не

острому подбородку, а у средневысотныхъ оно менѣе узко въ нижней части, хотя бы подбородокъ былъ такой же какъ у большевысотныхъ; у маловысотныхъ длинное лицо рѣже, — но когда оно встрѣчается, всегда узко въ нижней части. У имѣющихъ черепъ средній, ни особенно узкій, ни особенно широкій (нѣкоторые краніологи, не довольствуясь дѣленіемъ череповъ на длинно-головые и короткоголовые, устанавливаютъ дѣленія промежуточные; не особенно длинному черепу они даютъ названіе «субдолихоцефаль», не особенно короткому «суббрахицефаль», — а среднему между этими двумя «мезатицефаль» или «ортоцефаль»), лицо удлинено-четыреугольное, что зависитъ отъ особеннаго строенія нижней, широкой или узкой, безразлично, — челюсти, крылья которой расширяются къ заду, а основанія выворачиваются наружу; если приставить къ такому основанію отвѣсно ручку пера, то она дастъ прямые углы съ основаніемъ и при встрѣчѣ съ скуловою дугою. Длина и ширина основанія носового отверстія и направленіе носовой кости, или переносья, мало поддаются обобщенію и зависимости отъ вида череповъ; но имѣющихъ длинное отверстие значительно больше; въ направленіи же носовой кости — обратно: длинное, выходящее впередъ подъ болѣе острымъ угломъ къ своему основанію — рѣдко, а короткое, глядящее внизъ, отвислое на концѣ — чаще. Зубы въ преобладающемъ большинствѣ череповъ сидятъ плотно другъ къ другу и широко-длинны какъ въ верхней, такъ и въ нижней челюсти. Орбиты четырехугольно-округленныя и, подобно носовымъ отверстиямъ, не зависятъ отъ вида черепа; размѣры не одинаковы, но большія несравненно чаще, чѣмъ малыя. Глубина глазныхъ впа-

динъ, или глазиць, больше у длинноголовыхъ большевысотныхъ, чѣмъ у всѣхъ прочихъ.

Установивъ общіе признаки новгородскихъ и побережныхъ череповъ, точность которыхъ, конечно, только приблизительная, въ большей или меньшей мѣрѣ, пройдемъ съ ними по вышеописаннымъ мѣстностямъ раскопокъ, по порядку древности ихъ.

1) Черепа Славенскаго холма всѣ длинноголовы; большинство ихъ средневысотны; большевысотныхъ меньше; затылокъ округленно-выдающійся, носовыя отверстія болѣе длинны, переносье глядитъ внизъ, прогнатизмъ слабый; лица удлинено-узкія въ подбородкѣ (когда при черепѣ есть нижняя челюсть),—ширина переносья средняя, лобъ большею частію высокій; лобъ средней высоты—прямой, рѣдко скопелъ и узокъ; надбровницы развиты посредственно.

2) Черепа скудельни Божій Домъ также всѣ длинно-головы; большевысотныхъ, средневысотныхъ и маловысотныхъ поровну; всѣ они узколобы,—три же особенно узки; затылокъ выдающійся,—отвислъ только у одного изъ всѣхъ шестнадцати. Нижней челюсти нѣтъ ни у одного; носовое отверстие узко-длинное; переносье отвислое.

У четырехъ череповъ сильно развиты надбровныя возвышенія. Самый узколобый и косолобый изъ нихъ очень близокъ къ Неадертельскому, почитаемому антропологами за принадлежалцій вполне дикому человѣку.

3) Черепа Лазаревскаго холма всѣ длинноголовы, средневысотны,—четыреугольно длиннолицы,—затылокъ выдающійся и равномерно-округленный. Носовое отверстие среднее.

4) Черепа Петропавловскіе длинноголовы въ преобла-

дающемъ большинствѣ; почти половина съ отвислымъ остроокругленнымъ затылкомъ,—средневысотныхъ и маловысотныхъ поровну; большевысотныхъ два; прогнатичныхъ немного; длиннолицы; сколько узколицихъ въ концѣ, столько же и прямоугольно-четыреугольныхъ; орбиты глубоки; носовое отверстие удлиненное, переносье отвислое; короткоголовыхъ два, затылокъ у одного плоскій, а у другого раздѣляется на два плоскохолмія; оба взяты отъ костяковъ, нетронутыхъ позднѣйшими копателями могилъ (Костяки позднѣйшаго захороненія отличаются свѣтло-оранжевымъ цвѣтомъ, тогда какъ древніе землисто-темны).

5) Черепа Ильинскіе въ большинствѣ такіе же, какъ и Петропавловскіе; но четыре изъ нихъ, или изъ всѣхъ шестнадцати, узколобы, особенно длинноголовы и средневысотны; нижнихъ челюстей при нихъ нѣтъ,—взяты одиночно, на глубинѣ $2\frac{3}{4}$ аршинъ отъ поверхности и почти на аршинъ ниже цѣльнаго костяка, надъ ними лежавшаго; лицевыхъ костей нѣтъ. Этотъ костякъ по цвѣту костей очень стараго захороненія; голова тоже длинная, почти одинаковой ширины на протяженіи всего свода; лицевая сторона вполне развалилась, а отъ нижней челюсти осталась значительная часть; судя по ней, костякъ принадлежитъ дряхлому старику; лобъ сильно скопелъ; надбровницы высокія; между ними впадина.

6) Черепа Михалицко-Молотковскіе. Всѣ четыре длинно-головы, длиннолицы, узки къ подбородку, не прогнатичны; затылокъ у двухъ отвислый, у двухъ другихъ равномерно-плоскоокругленный. При послѣднемъ, взятомъ отъ цѣльнаго костяка свѣтло-оранжеваго цвѣта,

найлены вышеупомянутыя пуговицы; онъ не древняго захороненія.

7) Черепа Веселой Горки или Дмитровскіе. Всѣ три длинноголовы; одинъ съ лицевыми частями и нижнею челюстью. Этотъ длиннолицъ, большевысотенъ; лобъ высокій и узкій; лобные бугры хорошо развиты. Темянные бугры не выступаютъ, такъ что ширина свода одинакова во всѣхъ частяхъ, кромѣ узкаго лба и остроокругленнаго, выдающагося затылка. Нижняя челюсть не широка, но основаніе крыльевъ выворачивается наружу, отчего длинное лицо представляется прямоугольно-четыреугольнымъ. На всемъ черепѣ много прижизненныхъ впадинъ, причиненныхъ ударами тупымъ тяжелымъ орудіемъ. Подбородокъ суженно-тупой; орбиты плоскоокругленныя большія, глазницы глубоки. Цвѣтъ всѣхъ здѣшнихъ череповъ темно-бурый.

8) Черепа Андрее-Стратилатовскіе. Ближайшіе къ церкви—среднеголовы, большевысотны, большеорбитны, съ глубокими глазными впадинами и съ плоскоокругленнымъ затылкомъ. Челюсти широки, выворачивающіяся наружу въ основаніи; но лицо не длинное; подбородокъ тупой. Взятые изъ кучи отъ алтаря на востокъ—умѣренно-длинноголовы; лица у пяти изъ семи четвероугольно-прямоугольно-вытянутыя; нижнія челюсти широки, основанія крыльевъ выворачиваются наружу; надбровницы значительно развиты; надпереносье у двухъ впадиною, а у другихъ двухъ приподнятое; орбиты среднія, четырехугольно-округленныя, впадины глазничныя глубоки; прогнатизмъ слабый, носовое отверстіе у всѣхъ узкое и короткое, носовая кость приподнята и довольно длинна. Въ западной отъ церкви сторонѣ взято

одиночно лежавшими четыре черепа; они узкодлинные, затылокъ отвислый, лобъ скошенъ, лицевыхъ частей нѣтъ.

9) Черепа съ Дьячего Двора. Два изъ первыхъ восьми длинноголовы, большевысотны, узколобы и узколицы; орбиты умѣренны, четырехугольно-округленны; глазныя впадины глубоки; скулы узки; одинъ сильно прогнатиченъ, другой въ меньшей мѣрѣ; нижнія челюсти средне-широкія; носовыя отверстія средне-длинные, переносье плоско-отвислое; затылки равномерно округлены; оба въ заднемъ очертаніи представляютъ нѣсколько крышевидный сводъ. Зубы длинно-широкіе, особенно верхніе, объемъ череповъ средній. Изъ прочихъ шести четыре поддлинноголовы и два подкороткоголовы; всѣ большеголовы и большевысотны; у одного изъ первыхъ лобъ широкій и сильно скошенъ, надбровныя возвышенія весьма крупны; у всѣхъ первыхъ, т. е. у четырехъ, челюсти далеко выдвинуты впередъ и они больше ротые, нижнія челюсти широки; лица длинны, прямоугольно-четыреугольны; орбиты среднія, глазныя углубленія глубоки, зубы длинноширокія; затылокъ плоскоокругленъ; ширина лба незначительна; темянные и лобные бугры хорошо развиты; носовыя отверстія узкодлинные; у послѣднихъ двухъ изъ описанныхъ признаковъ повторяются всѣ, за исключеніемъ прогнатизма, выраженнаго слабо; затылокъ плоско-широкій и совсѣмъ невыдающійся; лица коротки; подбородокъ тупъ; объемъ всѣхъ этихъ шести череповъ болѣе средняго.

Въ прочихъ, найденныхъ на мѣстѣ Дьячьей Избы, разрушенной въ первой половинѣ XVI вѣка, три четверти короткоголовыхъ и притомъ малоголовыхъ, съ раздвоеннымъ болѣе или менѣе затылкомъ на два пло-

скохольмія; лобъ средневысокій, темянные и лобные бугры развиты, первые сильно; маловысотны, коротко-лицы; орбиты умѣренныя; носовыя отверстія средне-коротки, переносѣ направляется больше вверхъ; послѣднюю четверть всего числа этихъ череповъ составляютъ поддлинноголовые; объемъ черепа средній, сводъ его у большинства крышевиденъ; затылокъ плоскоокругленъ, въ трехъ случаяхъ отвислъ.

10) Черепа отъ Застѣночной Башни. Всѣ подкороткоголовые и большеголовы; лица средне-длинныя; лбы прямые; бугры лобные и темянные хорошо развиты; надбровія средней величины; орбиты четырехугольно-округленныя; прогнатизмъ слабъ; затылокъ плоско-округленъ, ближе къ широкому; сводъ въ темяни плоско выгнутъ; подбородокъ тупой.

11) Черепъ Холопяго Городка. Длинноголовый, узко-лобый, средневысотный; затылокъ значительно выдающийся и отвислъ; лобъ средне-высокій; бугры лобные и темянные выражены отчетливо; швы всѣ сросшены; верхнія части орбитъ слабо-дуговидны; объемъ черепа средній; на вѣсъ тяжелъ. Лицевыхъ костей нѣтъ; сводъ слабо-крышеобразенъ.

и 12) Черепъ Муравьинскій. Короткоголовый съ отвислымъ бугристымъ затылкомъ; швы открыты; лобъ средне-широкій, слабо приподнятый; въ темянныхъ буграхъ широкій; верхнія части орбитъ круто-дуговидны. Сводъ плоско округленъ въ темяни. Лицевыхъ костей нѣтъ. Объемъ окружности вверху нѣсколько больше малаго. Вѣсомъ легокъ. Кость достаточно дрябла; верхняя пленка лупится.

Внутри всѣхъ Новгородскихъ и побережныхъ череповъ

видна та же двуцвѣтная окраска, которая примѣчена въ Коломецкихъ. Здѣсь она объясняется высотой и продолжительностью стоянія разжиженнаго при трупномъ разложеніи вещества мозга, что видно всякій разъ изъ положенія черепа, не отдѣленнаго отъ костяка, встрѣчаемаго лежащимъ цѣльнымъ. При поднятіи такого черепа въ немъ оказывается перегной въ видѣ мелкаго, пыльнаго порошка, грязноземлистаго цвѣта, какъ бы отстой жидкости; по удаленіи этого перегноя, на занятомъ имъ пространствѣ внутри черепа остается красноватая окраска стѣнокъ до высоты поверхности перегноя.

Общій выводъ изъ вида описанныхъ Новгородскихъ и побережныхъ череповъ сводится къ слѣдующему: На мѣстахъ древнѣйшаго захороненія, на Словенскомъ холмѣ, въ скудельнѣ Божій Домъ и на холмѣ Лазаревскомъ, подавляющее до исключительности большинство составляютъ черепа затылочно-длинноголовые, узколобые и длиннотлицы; прогнатичность различна. Высота этихъ череповъ соответствуетъ почти поровну всѣмъ тремъ измѣреніямъ, такъ же какъ и объемъ ихъ; подъемъ лба или прямизна его относится къ скошенности какъ пять къ двумъ. Затѣмъ, чѣмъ позднѣе захороненіе, тѣмъ болѣе поддлинноголовости и большевысотности и тѣмъ менѣе прогнатичности; длина же лица почти не измѣняется. Сравнительная ничтожность короткоголовыхъ остается безъ колебаній какъ въ древнѣйшихъ, такъ и въ менѣе древнихъ усыпальницахъ. Этими послѣдними считаются Дмитровская, т. е. на Веселой Горкѣ, Андрее-Стратилатовская, кромѣ захороненій близъ церкви, и Михалицко-Молотковская; черепа же, взятые отъ цѣльныхъ костяковъ свѣтло-оранжеваго цвѣта слѣдуетъ отсюда

исключить; осторожность требует причислить къ менѣе древнимъ и побережные Холопяго Городка и Муравинскій. Черепа съ Дьячьего Двора и изъ-подъ Дьячьей Избы носятъ въ преобладающемъ большинствѣ признаки среднеголовыхъ, хотя съ наклономъ къ длинноголовости; длиннолицыхъ между ними всего два и прогнатичныхъ шесть. Захороненія въ этой мѣстности не древнѣе второй половины и даже третьей четверти XV вѣка. Наконецъ, въ Андрее-Стратилатовскихъ черепахъ, взятыхъ близъ церкви отъ цѣльныхъ костяковъ, въ двухъ черепахъ Молотковскихъ, отъ такихъ же цѣльныхъ, и въ шести, оказавшихся при костякахъ въ ящикахъ и колодахъ не вполне сгнившихъ, близъ Застѣночной Башни, длинноголовыхъ не встрѣчено ни одного, а преобладаютъ среднеголовые, тяготеющіе на половину къ длинноголовости и короткоголовости. Захороненія ихъ не позднѣе половины XVIII и не раньше половины же XVII вѣка.

Такой же общій выводъ изъ всѣхъ описанныхъ здѣсь череповъ и другихъ частей костяка оставляетъ, при бѣгломъ взглядѣ на нихъ, впечатлѣніе взаимнаго сходства между черепами Коломецкими, Юрьевского жальника, Новгородскими и побережными, въ отношеніи всѣхъ четырехъ очертаній, но по соразмѣрности, то есть, черепа Коломецкіе большевысотны только при сравненіи съ Коломецкими же, а не съ Новгородскими, и проч. Между частями костяка Коломецкаго и соответственными всѣхъ костяковъ жальника существенная разница: части послѣднихъ близки, по своему строенію, къ современнымъ намъ настолько же, насколько Коломецкіе далеки отъ жальниковскихъ.

Сравнительный очеркъ описанныхъ костей человѣка.

Ископаемыя кости человѣка каменнаго вѣка, открываемыя время отъ времени въ Европѣ и у насъ, въ Россіи, изучаются вездѣ внимательно. По большей части ихъ находятъ при такой обстановкѣ, которая не можетъ не возбуждать сомнѣній въ принадлежности этихъ костей именно каменному, а не болѣе позднему вѣку. Такого обширнаго, какъ на Коломцахъ, поселенія, и съ такими многочисленными, какъ здѣсь, бытовыми остатками насельниковъ Ильменско-Волховскаго побережья, не обнаружено, что уже высказано было, нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ, и нигдѣ совокупность этихъ остатковъ не говоритъ такъ внятно, какъ здѣсь, что открытое нами поселеніе относится именно къ каменному вѣку. Поэтому кости колочанъ заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія во всеоружіи знаній, совмѣщеніе которыхъ въ одномъ человѣкѣ невозможно.

Научныя изысканія не возбраняются или, по крайней мѣрѣ, не должны быть возбраняемы, какъ бы ни были они слабы и малоцѣнны, лишь бы они были вызваны любовью къ предмету и ведены по неложному пути. Ждать, когда присяжные ученые займутся Коломецкими костями человѣка, слишкомъ долго; многіе изъ нихъ знаютъ уже пятый годъ о нашей находкѣ, многіе видѣли эти кости въ обѣихъ столицахъ, но одинъ только П. Ф. Лесгафтъ со вниманіемъ, присущимъ человѣку науки, осмотрѣлъ ихъ.

Выходя из такихъ соображеній и полагая, что кости человѣка на выставкѣ, безъ объясненія ихъ, хотя бы слабо въ высшей степени, не дадутъ ровно ничего любознательному почитателю древностей, мы считаемъ возможнымъ представить здѣсь самый бѣглый сравнительный очеркъ ихъ: «Что нибудь лучше, чѣмъ ничего», говоритъ житейская мудрость.

Для сравненія череповъ и костей Коломецкихъ мы беремъ изъ западно-европейскихъ, признаваемые за относящіяся къ каменному вѣку, черепа древнѣйшей, такъ называемой Канштатской расы, и части костяковъ Кроманьонскихъ.

Коломецкіе черепа—второй и четвертый—въ общемъ очертаніи съ четырехъ сторонъ близки къ Канштатскимъ, но оба длиннѣе и уже ихъ, оба прогнатичнѣе; у второго, кромѣ того, лицо длиннѣе, подбородокъ тоньше, скулы уже и ниже опущены въ концахъ; орбиты глазъ большіе, а у четвертаго развиты сильнѣе темянные бугры и надбровныя возвышенія, лобъ болѣе скошенъ; у того и другого жевательныя приспособленія развиты слабо, черепные швы сложны, т. е. входящія зубцы длиннѣе и разнообразнѣе, особенно у четвертаго; гребни сводовъ отчетливѣе и крышевиднѣе, у четвертаго преимущественно.

Знаменитый Неандертальскій черепъ и близкіе къ нему Энгизскіе и Гибралтарскіе соотвѣтствуютъ Коломецкому четвертому по черепному своду, въ верхнемъ очертаніи, за исключеніемъ темянныхъ бугровъ, а въ боковомъ—затылка, котораго нѣтъ въ Неандертальскомъ; но Коломецкій крупнѣе и, по скошенности лба, широтѣ челюстей и прогнатизму, выглядит болѣе суровымъ.

Девятый Коломецкій, хотя и безъ лицевыхъ костей, представляетъ весьма много общаго съ принадлежащимъ Кроманьонскому старику: по высотѣ, по верхнему боковому и заднему очертанію свода и по изяществу и мозговой вмѣстимости лба, такого же широкаго и высокаго и съ такими же надбровными возвышеніями, какъ у Кроманьонскаго.

Третій не сравниваемъ, по его прижизненному искривленію, въ подробностяхъ, въ общемъ же онъ не представляетъ несходства съ Канштатскими, выдѣляясь изъ нихъ лишь болѣе сильнымъ развитіемъ прогнатизма, особенно въ верхней челюсти.

Шестой и седьмой соотвѣтствуютъ средневысотнымъ и маловысотнымъ изъ Канштатскихъ; у шестого лобъ очень узокъ, невысокъ и прямъ, а темянные бугры сильно развиты, но онъ принадлежитъ молодой особи, судя по зубамъ и тонкости черепной кости; при дальнѣйшемъ ростѣ этому черепу ничто не мѣшало быть точно такимъ же, какъ и седьмой, то есть вполне соотвѣтствовать Канштатскимъ.

Первый и восьмой Коломецкіе, одинъ съ лицевыми костями, а другой безъ нихъ—короткоголовы; объемъ и всѣ части перваго крупнѣе чѣмъ у восьмого. Для сравненія этихъ короткоголовыхъ нѣтъ такихъ же въ находкахъ Западной Европы каменнаго вѣка, за исключеніемъ открытыхъ въ песчаныхъ отложеніяхъ береговъ Рейна (Ляйэль) и подъ песчанымъ же наносомъ ручья Тенбера въ Швейцаріи (Морло); объ одномъ, рейнскомъ, извѣстно какъ о малоголовомъ. Въ находкахъ временъ переходныхъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому короткоголовые черепа открыты въ земляхъ Швейцаріи, Германіи, Да-

ни, Итали и др., но эти времена изслѣдуются въ краіологическомъ отношеніи не такъ усердно, какъ каменнаго вѣка, потому мы не можемъ остановиться ни на одной западно-европейской находкѣ для сравненія нашихъ короткоголовыхъ череповъ.

Пятый Коломецкій настолько неполонъ, что нельзя ручаться хотя бы за приблизительное сходство его, по склейкѣ и заполненію надостатковъ, съ тѣми очертаніями, какія представлялъ этотъ черепъ въ цѣльномъ видѣ.

Сравненіе частей Коломецкихъ костяковъ съ соответственными Канштатскими даетъ общее сходство: большеберцовыхъ по саблевидности или сплюснутости верхней трети въ поперечномъ разрѣзѣ; бедряныхъ по колонообразности и выгнутости и плечевыхъ по слабой скрученности—съ Кроманьонскими, но усматривается и различіе: на Коломецкихъ сплюснутая площадь *большеберцовой* и длиннѣе и шире, — колонообразность бедра меньше, — скрученность плечевой слабѣе вообще, а на нѣкоторыхъ она совсѣмъ незамѣтна; о площадяхъ вокругъ связочной ямки на шаровидной головкѣ бедра, повторяющихся на Коломецкихъ бедряныхъ костяхъ, мы свѣдѣній не имѣемъ, равно неизвѣстно, имѣется ли на Канштатскихъ бедряныхъ головкахъ такое или другое отклоненіе связочной ямки. На нѣкоторыхъ плечевыхъ Канштатскихъ имѣется прободеніе въ суставной площадкѣ нижней сочленовой головки; соответственныя Коломецкія не несутъ этого признака.

Всѣ найденные въ Россіи черепа и прочія кости челоука, относимыя къ остаткамъ насельниковъ каменнаго вѣка, раздѣлимъ на двѣ части, — однѣ не восходятъ за предѣлы временъ курганныхъ, другія были захоро-

нены въ отложеніяхъ, предшествовавшихъ вѣкамъ мегалитическихъ памятниковъ. Къ первой части мы отнесемъ находки кургановъ Приднѣпровья, изслѣдованныхъ профессоромъ Антоновичемъ и Самоквасовымъ, а ко второй — графа А. С. Уварова — Окской рѣчной области и профессора А. А. Иностранцева Волховско-Ладожскаго побережья.

Курганные черепа и кости каменнаго и позднѣйшихъ вѣковъ изслѣдованы профессоромъ А. П. Богдановымъ; Окскій черепъ изъ Волосовскаго холма — профессоромъ Тихомировымъ, черепа и кости Волховско-Ладожскаго побережья тѣми же гг. Богдановымъ и Тихомировымъ и самимъ А. А. Иностранцевымъ.

Труды всѣхъ поименованныхъ ученыхъ по занимающему насъ предмету изложены въ изданіяхъ Императорскаго Московскаго Общества Естествовѣдѣнія по поводу Антропологической выставки 1879 г. въ Москвѣ (Т. II), въ «Древностяхъ», издаваемыхъ повременно Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ и въ названной уже книгѣ о Ладожанинѣ каменнаго вѣка А. А. Иностранцева. Такимъ образомъ для нашего бѣлаго очерка достаточно сравнить Коломецкія кости только съ общими выводами, сдѣланными на основаніи измѣреній учеными, имена которыхъ общеизвѣстны.

Черепъ курганные каменнаго вѣка всѣ длинноголовы, длиннолицы, маловысотны и средневисотны, прогнатичны, косолобы, узколобы и небольшого объема, то есть близки къ семи Коломецкимъ какъ съ лицевыми костями, такъ и съ неимѣющими ихъ; отличіе же выражается въ курганныхъ слабымъ развитіемъ и даже отсутствіемъ темянныхъ и низкостью лобныхъ бугровъ.

Черепъ Волосовскій, короткоголовый, сходенъ съ первымъ Коломецкимъ; онъ такой же, какъ большинство курганныхъ инородческихъ сѣверовостока или Приуралья Россіи вѣковъ переходныхъ отъ каменнаго къ бронзовому. О принадлежности этого Окскаго-Волосовскаго черепа обитателю той мѣстности каменнаго вѣка высказывается многими сомнѣніе, что уже выше замѣчено.

Черепъ и кости Ладожанъ найдены на разныхъ высотахъ въ прослойкахъ намывного торфа, залегающихъ въ толщѣ слоистыхъ песковъ. Всѣ ли они одновременнаго захороненія и всѣ ли принадлежатъ мѣстнымъ насельникамъ каменнаго вѣка, а не болѣе позднихъ временъ, нельзя сказать по тѣмъ даннымъ, которыя изложены въ книгѣ А. А. Иностранцева. Но нѣкоторые изъ общаго числа двадцати взяты на одной глубинѣ и рядомъ съ костяными и каменными подѣлками, притомъ вблизи отъ теперешняго устья Волхова, въ намывномъ же торфѣ, подстилкою которому служить красноватая кирпичная глина, точно такая же, какая прикрывала Коломецкій жилой слой.

Въ числѣ череповъ Приладожья два съ лицевыми костями, хотя и поврежденными, и съ нижними челюстями. Сходны по верхнему очертанію съ девятымъ Коломецкимъ; они поддлинноголовы. Лица четырехугольно-прямоугольныя, похожія на лицо четвертаго нашего, но короче; рты широки, какъ и у четвертаго Коломецкаго; подбородки тупые и широко-округленные, шире всѣхъ Коломецкихъ; скулы тоже шире; затылокъ у обоихъ выдается слабо; округленъ плоско; лбы у обоихъ скошены; надбровныя дуги меньше развиты, чѣмъ у четвертаго Коломецкаго.

Въ числѣ другихъ два такіе же по верхнему очертанію, какъ курганные, принимаемые А. П. Богдановымъ за настоящихъ длинноголовыхъ — курганныхъ; у нихъ темянные бугры совсѣмъ не развиты; лбы болѣе прямые, чѣмъ скошены, затылки выдаются и нѣсколько отвислы. Между Коломецкими такихъ нѣтъ, но близкіе имѣются изъ усыпальницъ: Славенскаго холма и Веселой Горки. Поддлинноголовыхъ, безъ лицевыхъ костей, четыре; темянные бугры сильно развиты, отчего лбы широкіе сами по себѣ выглядятъ узкими; затылки пяти-угольно-округленные; всѣ средневисотны. По развитію темянныхъ бугровъ и по затылкамъ подходятъ къ шестому Коломецкому, принадлежалцему молодой особи, но въ общемъ короче и съ лбами значительно шире, чѣмъ у нашего.

Еще два, тоже безъ лицевыхъ костей, близки по своду сверху къ третьему Коломецкому, если только не принимать въ расчетъ его искривленія.

Остальные десять не измѣрены, намъ удавалось видѣть ихъ мимоходомъ; они въ обломкахъ, собрать и склеить которыя А. А. Иностранцевъ не признаетъ нужнымъ, полагая, что въ обломкахъ они полезнѣе для научныхъ цѣлей, чѣмъ въ склейкѣ.

Со всѣхъ Ладожскихъ череповъ, изученныхъ А. П. Богдановымъ, сдѣланы хорошіе рисунки, напечатанные и въ книгѣ о Ладожанахъ, и во второй части Геологіи А. А. Иностранцева; въ послѣдней не въ полномъ числѣ.

На одной высотѣ съ черепами, собранными близъ Волховскаго устья, найдены и другія части костяковъ, то цѣльныя, то въ обломкахъ большихъ и незначительныхъ. Въ одномъ случаѣ при черепѣ была половина костяка, а близъ кисти руки — сланцевая подѣлка.

Здѣсь оказались: сплюснутость большеберцовой, коллообразность бедра, отклоненіе назадъ ямки шаровидной головки бедра и небольшая скрученность плечевой, т. е. всѣ тѣ особенности, которыя повторяются въ костяхъ Канштатскомъ и Коломецкомъ.

По поводу отклоненія ямки на бедряной головкѣ профессоръ Тихоміровъ высказалъ объясненіе этой особенности изогнутостью туловища Ладожанина съ сильнымъ наклоненіемъ впередъ, такъ что руки висѣли и отдалялись отъ туловища.

Для сравненія череповъ Юрьевского жальника достаточно привести наблюденіе А. П. Богданова, что курганные черепа, находимые въ Россіи, Сѣверозападной и Югозападной, по преимуществу длинные съ длиннымъ же лицомъ.

Насколько изученъ весь курганный костякъ, установлены ли по отношенію къ нему особенности въ строеніи частей и какія именно, намъ это неизвѣстно. Наглядное же сравненіе Юрьевскихъ костяковъ съ древне-кладбищенскими указываетъ только на стройность этихъ костяковъ, на соразмѣрность частей и, если можно такъ выразиться, на изящество цѣлаго, указывающее на бдительное воспитаніе и вообще на вполне правильный ходъ роста людей, остовы которыхъ нами открыты, особенно перваго.

Въ сосѣднемъ съ Боровичскимъ уѣздомъ, гдѣ Юрьевскій жальникъ, Валдайскомъ, входившемъ значительною своею частію въ составъ Бѣжецкой пятины, было вскрыто нѣсколько жальниковъ Н. А. Волкенштейномъ; черепа населенія ихъ оказались всѣ короткоголовыми. Между тѣмъ въ устройствѣ могилъ много общаго съ Юрьев-

скими; гробовища дѣлались для каждаго покойника изъ камней; во всѣхъ были находимы обломки глиняныхъ сосудовъ; кремневыхъ же осколковъ, жженныхъ костей, угля и т. п. въ нихъ не было; подстилка изъ бѣлаго крупнаго песку и изъ слоя угля и золы тоже не встрѣчалась.

Нашими изслѣдователями вскрыто много такъ называемыхъ скифскихъ могилъ; черепа захороненныхъ въ нихъ покойниковъ всегда длинны между лбомъ и затылкомъ, т. е. долихоцефалы.

Захороненія, хотя бы и очень древнія, если раскопки извѣстной мѣстности ведутся неосторожно или невнимательно, безъ тщательнаго обзоренія всякаго предмета, попадающаго на глаза, и если поэтому не получается данныхъ къ заключенію объ обрядахъ при погребеніи покойника, — принято считать вообще древне-кладбищенскими.

Замѣтка эта имѣетъ значеніе для череповъ, выкопанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Новгорода. При всемъ вниманіи, намъ не удалось подмѣтить никакихъ особенностей при раскопкахъ на Славенскомъ холмѣ, въ скудельнѣ Божій Домъ, на Лазаревскомъ холмѣ и на Веселой Горкѣ. Хотя черепа, въ этихъ мѣстахъ взятые, имѣютъ многое, сами въ себѣ, за то, чтобы приписать захороненію ихъ глубокую долѣтописную древность, — но мы будемъ называть ихъ всетаки древне-кладбищенскими, по принятому, какъ сказано, порядку.

Взаимное сопоставленіе Новгородскихъ череповъ уже сдѣлано, для сравненія же ихъ съ заселяющими окрестныя усыпальницы и пятинныя, данныхъ весьма мало.

Во время приготовленій къ Московской Антропологи-

ческой выставкѣ 1879 г. были дѣлаемы раскопки въ городѣ, въ ближайшихъ окрестностяхъ и въ уѣздахъ. Тогда раскопано нѣсколько кургановъ и могильниковъ, о заселеніи которыхъ держится одно только преданіе, что тутъ похоронена Литва. Къ тому времени не было еще выработано для раскопокъ никакихъ правилъ, всякъ руководствовался своимъ вкусомъ и удобствами. Послѣдствіемъ такого способа веденія раскопокъ было накопленіе въ Москвѣ череповъ, годное лишь для распредѣленія ихъ по уѣздамъ, какъ древне-кладбищенскихъ.

Въ статьѣ А. П. Богданова «Древніе Новгородцы въ ихъ черепахъ», обработанныя данныя о насельникахъ Новгорода и двухъ его уѣздовъ, Новгородскаго и Старорусскаго, а также Валдайскихъ жальниковъ, привели изслѣдователя къ положеніямъ далеко невѣрнымъ. Въ этой статьѣ выведено, что въ Новгородѣ и его окрестностяхъ залегаютъ на древнихъ кладбищахъ черепа короткоголовые, такіе же и въ уѣздахъ Старорусскомъ и Валдайскомъ, — длинные же черепа поселены изрѣдка въ Тесовѣ, верстахъ въ 30 отъ Новгорода, и довольно густо въ области средняго теченія рѣки Луги, близъ Косицка и недалеко отъ Сабельскаго погоста; здѣсь, по берегамъ Луги, весьма много литовскихъ, по говору народному, могилъ. Въ Старорусскомъ уѣздѣ, въ побережьи Ильменя и Шелони, большой рѣки, въ него вливающейся, также много могильниковъ и кургановъ. Извѣстно, что въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ копались предъ Антропологическою выставкою, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь повторялись вооруженныя встрѣчи Новгородскихъ дружинъ съ Шведскими, Литовскими и Ливонскими. Погосты Налючи, Голино, Доворецъ, Саблѣ, т. е. Сибельскій и Тесовъ, не-

рѣдко встрѣчаются въ Новгородской лѣтописи какъ мѣста кровопролитныхъ битвъ, начиная съ XII вѣка и по XVI; они всѣ въ побережьяхъ Ильменя, Шелони, Луги и ихъ притоковъ. Такимъ образомъ неудивительно, что на Антропологическую выставку попали, подъ именемъ Новгородскихъ, черепа чухонъ, нѣмцевъ, поляковъ, шведовъ и другихъ иноземцевъ. А что въ упомянутыхъ могильникахъ захоронены не Новгородцы, а иноземцы, видно изъ того, что могильники эти всѣ въ одной, много въ двухъ верстахъ отъ погостовъ съ православными храмами, куда павшихъ Новгородцевъ неминуемо доставляли бы ихъ товарищи-дружинники. Кромѣ того въ побережьяхъ Ильменя и Шелони бывали жестокия битвы Новгородцевъ съ Москвитянами въ походы великаго князя Ивана III въ 1471 и 1478 годахъ. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго, что Старорусскіе курганы—это общія военныя могилы. По всѣмъ вообще лѣтописнымъ справкамъ мы считаемъ названную статью А. П. Богданова непрочно и ненадлежаще обоснованною и изъ данныхъ для сравненія собранныхъ нами въ Новгородѣ череповъ—исключимъ. Такимъ образомъ сравнивать наши черепа не съ чѣмъ, — приходится стало быть довольствоваться для этого черепами курганными и тѣми случайно найденными, которые хранятся въ частныхъ собраніяхъ, равно черепами другихъ, не Новгородскихъ мѣстностей, близкихъ къ Ильменской странѣ.

Изъ случайно найденныхъ намъ извѣстны: Тверскіе и Бѣжецкіе, а также собранные П. Ф. Лесафтомъ. Всѣ эти черепа древне-кладбищенскіе и одинаковы съ Ильинскими, Петропавловскими и съ тѣми изъ скудельни Божій Домъ, которые не вполне узки въ сводѣ сверху

и имѣють рѣзко выдающіеся темянные бугры и затылокъ. Извѣстны также, по статьямъ Антропологической выставки 1879 г., Бѣжецкіе черепа и Тверскіе тоже древнекладбищенскіе, хранящіеся въ Московскомъ Антропологическомъ музеѣ. Они собраны большею частію г. Европеусомъ. Всѣ эти черепа длинноголовы, въ большинствѣ узколобы и съ наклономъ къ длиннолицести. Бѣжецкіе черепа г. Европеуса относятся къ захороненію XI вѣка; прочіе къ болѣе позднимъ временамъ.

Въ Петергофскомъ уѣздѣ выкопаны г-жею Раевскою черепа отъ XV—XVI вѣка; они тоже длинноголовы (Антропологическая выставка, Т. II).

Въ Андрее-Стратилатовской усыпальницѣ черепа, выкопанные къ западу отъ церкви всѣ и нѣкоторые изъ кучи безпорядочнаго захороненія въ ямѣ на востокъ отъ нея, при поддлинноголовости имѣють удлинненно-четыреугольное лицо съ широкою нижнею челюстью, выворачивающеюся въ основаніи крыльевъ наружу. А. Н. Харузинъ нашель въ дольменахъ Крымскихъ, близъ Гурзуфа, нѣсколько череповъ, замѣчательно сходныхъ съ этими по лицевому очертанію во всѣхъ подробностяхъ; онъ относитъ ихъ, по обстановкѣ захороненія, къ VI—VII вѣкамъ по Р. X., а по черепнымъ признакамъ — къ готамъ.

Отмѣчено выше, что въ мѣстности, гдѣ стояла церковь Борисоглѣбская и гдѣ сохраняется еще Андрее-Стратилатовская, — могла жить та часть Новгородскихъ дружинъ, которая сторожила Дѣтинець. Небезызвѣстенъ обще-европейскій обычай первыхъ вѣковъ христіанства содержать наемныя дружины. Слѣды широкаго распространенія этого обычая въ Новгородѣ сказываются въ име-

нахъ улицы Людгощей и Людина конца, а также въ изображеніи на должностной печати этого конца, привѣщенной къ одной изъ грамотъ XV в., война въ полномъ вооруженіи тѣхъ временъ. Людинами назывались вообще воины, — солдатъ и теперь зовутъ въ военномъ сословіи людьми, говоря — беречь людей, послать людей; въ Эймундовой сагѣ такъ же зовутся заурядные ратники дружинъ, состоявшихъ на службѣ въ Новгородѣ при Ярославѣ I. — Всѣ вообще временно-проживавшіе въ Новгородѣ иноземцы, хотя бы и изъ областей княжеской Руси, назывались гостями. Небезосновательно поэтому считать, что упомянутыя улица и конецъ заимствовали себѣ имя отъ качества жителей, иноземныхъ гостей, воиновъ, людиновъ, людей. Въ древнія времена улицами назывались обширные участки, на которые дѣлились концы нашего города. На пространствѣ Людгощей улицы сооружены были рядомъ двѣ церкви во имя воителей Феодора Стратилата и Феодора Тирона, что имѣетъ связь съ военнымъ же населеніемъ этой мѣстности. Въ поздніе времена, въ XVI и въ XVII в. на Людгощей поселены были Московскія дружины.

Когда населеніе Новгорода разрослось, для людиновъ отведено было другое мѣсто, частію на полуденно-западной окраинѣ лѣвой, Неревской, стороны, частію за городомъ; вся эта мѣстность обратилась въ конецъ, съ именемъ Людина. Здѣсь сооружена была въ XII вѣкѣ церковь во имя Архистратига Михаила, воителя же, — какимъ-то Вой-гостемъ. При Власьевской, древнѣйшей церкви, въ Людиномъ концѣ былъ, въ XIII вѣкѣ, священникъ Германъ Вояга, почитаемый за писателя древнѣйшей изъ

нашихъ лѣтописей, пергамина или харатейной, называемой Синодальною-харатейною.

Всѣ приведенныя свѣдѣнія говорятъ, что въ Новгородѣ издавна, со временъ до начала нашихъ лѣтописей, были наемныя дружины изъ иноземцевъ.

Въ одномъ изъ временниковъ Новгородской семьи, обработанномъ Востоковымъ, отмѣчено, что въ VIII вѣкѣ по Р. Х. Новгородская дружина ходила съ княземъ Бравалиномъ войною на Сурожь, въ Крыму.

Нѣтъ, поэтому, ничего невѣроятнаго, если, сравнивая Андрее-Стратилатовскіе черепа съ Гурзуфскими г. Харузина, мы предположимъ въ нихъ дружинниковъ Бравалина, — будутъ ли то готы или другіе какіе иноземцы — безразлично, — умершихъ въ Крыму.

Способъ захороненія въ дольменахъ, т. е. въ гробовищахъ, выложенныхъ изъ большихъ плитъ четырехугольникомъ и прикрываемыхъ такою же плитою, извѣстенъ въ самомъ Новгородѣ, въ его окрестностяхъ и областяхъ: первые епископы святые Іоакимъ и Лука Жидята погребены были въ гробницахъ изъ плитъ; въ такой же почивали мощи св. Іоанна архіепископа (сказаніе лѣтописи объ открытіи ихъ); въ мраморномъ гробѣ похороненъ былъ св. князь Владиміръ Ярославичъ, строитель Софійскаго храма, — въ томъ же самомъ гробѣ положенъ былъ, очевидно послѣ перенесенія мощей св. Владиміра на другое мѣсто, св. князь Мстиславъ Ростиславовичъ Храбрый. У сѣверной стѣны Спасской церкви на Нередицкой горѣ до сихъ поръ остается въ землѣ такой же дольмень, какъ и Гурзуфскіе. Въ упомянутомъ Тѣсовѣ, у церкви св. Климента, найдено нѣсколько дольменовъ.

Есть дольмень на Михалицѣ, сряду подъ поломъ придѣльной церкви во имя св. Михаила Малеина.

Въ собраніи череповъ П. Ф. Лестафта имѣется: а) нѣсколько Шведскихъ, одинаковыхъ съ Новгородскими длинноголовыми; одинъ изъ нихъ, изъ могилы XVI вѣка, весьма близокъ, даже родственъ во всѣхъ подробностяхъ съ тѣмъ изъ восьми, захороненныхъ въ концѣ XV вѣка подъ Дьячею Избою, у котораго сильно скошенный лобъ и развитыя надбровницы; б) одинъ изъ Хозарскихъ могилъ и в) два Новогвинейскихъ изъ собранія покойнаго Миклухи-Маклая. Изъ собранія его же два черепа сохраняются у доктора С. В. Высекорскаго, обязательно принесившаго ихъ на выставку для сравненія съ нашими.

Замѣчательный строеніемъ и твердостью кости Хозарскій черепъ относится, видимо, къ захороненію глубокой древности; западные ученые говорятъ, что онъ принадлежитъ человѣку, жившему — по меньшей мѣрѣ въ Адамовы времена. По сильной скошенности лба, при его узкости, по развитію темянныхъ бугровъ и надбровныхъ возвышеній, а также по высотѣ и объему, этотъ черепъ близокъ къ четвертому Коломецкому. Нижней челюсти нѣтъ. Развитіе же бугровъ прикрѣпленія височныхъ двигательныхъ тканей выражено настолько рѣзко, что подобнаго нѣтъ ни на одномъ изъ собранныхъ нами и, сколько намъ извѣстно, ни на одномъ изъ обширнѣйшихъ собраній музея Московскаго общества естествовѣдѣнія.

Новогвинейскіе черепа принадлежатъ двумъ племенамъ: дикому, заселяющему внутреннія земли острова, и обитателямъ берега Миклухи-Маклая, мирнымъ, охотно принимающимъ обычаи и другія условія развитыхъ и образованныхъ народовъ.

Тщательное сравненіе череповъ г. Высекорскаго, неимѣющихъ, къ сожалѣнію, нижней челюсти, съ Коломецкими и Новгородскими дало слѣдующее: черепъ дикаго Новогвинейца сходенъ почти во всѣхъ подробностяхъ съ вторымъ Коломецкимъ, — одинъ только лобъ ниже нашего на три миллиметра: — черепъ же Новогвинейца берегового замѣчательно сходенъ съ тѣми изъ скудельни Божій Домъ, которые неособенно длинны и имѣютъ крутоокругленный и нѣсколько отвислый затылокъ; въ высотѣ лба та же разница, что и на первомъ. Подобныхъ этому и очень къ нему близкихъ много во всѣхъ усыпальницахъ Новгородскихъ; съ нимъ же сходенъ Муравьинскій въ тѣхъ частяхъ, которыя онъ имѣетъ.

О прочихъ частяхъ костяка насельниковъ Новгородскихъ усыпальницъ замѣтимъ только, что между ними нѣтъ ни одной, въ чемъ нибудь несходной съ древнекладбищенскими другихъ мѣстностей Россіи и Европы, за исключеніемъ Парижскаго кладбища Перъ-Лашезъ, на которомъ попадаются, хотя изрѣдка, сплюснутыя большеберцовыя кости.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Значеніе бытовыхъ остатковъ каменнаго вѣка для научныхъ изысканій.

Бытовые остатки всякіе, въ особенности же ископаемые, могутъ имѣть научное значеніе и служить надежнымъ основаніемъ для изысканій и выводовъ только при ихъ полнотѣ, несомнѣнной принадлежности изучаемой мѣстности и храненіи тамъ, гдѣ они собраны. Разбросанность же по разнымъ хранилищамъ, — ласкающій глазъ подборъ въ излюбленномъ собирателями порядкѣ постепенности хода и развитія человѣчества, почти всегда гадательномъ, — краткое, наконецъ, и не всегда точное означеніе въ описяхъ, если не всѣхъ, то весьма многихъ хранилищъ, мѣстности, таившей въ себѣ цѣлыя вѣка такой-то предметъ, и обстановки его захороненія — не только не полезны для всесторонняго изученія ископаемыхъ бытовыхъ остатковъ, а безусловно вредны, и вотъ почему. Во-первыхъ, чтобы ознакомиться со всѣми хранилищами древностей, задумавшій изученіе, напримеръ, каменнаго вѣка Средней Россіи долженъ убитъ много труда и времени сперва на разъѣзды по городамъ, въ хранилищахъ которыхъ разбросаны находки намѣчен-

наго для изученія края, присланные въ даръ хвастливыми собирателями, а затѣмъ уже принятыя за мѣстность находокъ; и во-вторыхъ, для ласкающаго глазъ подбора предметовъ находокъ и сами собиратели, и устроители и оберегатели хранилищъ заботятся, изъ-за прискорбнаго соперничества, — единственно объ изяществѣ выставляемыхъ предметовъ, отдавая на попеченіе сторожей грубые и неуклюжіе съ внѣшней стороны, какъ «мелочь» и «хламъ». Хорошо, если попадетъ сторожъ, любящій народную старину, онъ сбережетъ эту мелочь, этотъ хламъ, изъ чувства благоговѣйнаго уваженія къ человѣку глубокой древности, который, будучи вооруженъ только убогими осколками кости и камня, переносилъ тяготы, неизмѣримо большія, чѣмъ его, сторожевскія; подобный сторожъ будетъ для изслѣдователя, задававшагося всестороннимъ изученіемъ намѣченнаго края, благодарителемъ, — въ противномъ же случаѣ, придется или вовсе отказаться отъ исполненія задачи, убивъ даромъ трудъ и время на поиски, или дать дырявыя страницы въ изложеніи ея.

При такомъ взглядѣ на установившійся въ многихъ учрежденіяхъ способъ собиранія и храненія ископаемыхъ бытовыхъ остатковъ, мы считаемъ неотмолимымъ грѣхомъ противъ русской науки раздроблять цѣльность нашихъ находокъ размѣщеніемъ вторыхъ и третьихъ образцовъ одного и того же и на первый взглядъ одинаково обработаннаго орудія по различнымъ хранилищамъ; мы зорко блюдемъ всякій обломокъ кости, всякій черепокъ или острый осколокъ камня, какъ мѣстную драгоценность, тамъ — гдѣ они найдены. Вѣдь мы собираемъ бытовые остатки не для того только, чтобы собирать, а

для изученія ихъ, полнаго, всесторонняго. Великій Новгородъ, забытый, какъ будто онъ пасынокъ среди другихъ городовъ Россіи, заброшенный и въ конецъ захудалый, остается все-таки и навсегда останется Великимъ, какъ молчаливый, но богатѣйшій хранитель ископаемыхъ бытовыхъ остатковъ далекаго прошлаго устроителей нашей государственной жизни. Удастся ли намъ изучить все, что собрано, нѣтъ ли, это не даетъ права удалять собраніе изъ Новгорода, чего желаютъ многія учрежденія, дѣйствующія подъ святымъ знаменемъ науки и какъ будто для нея, и что высказываютъ нѣкоторые изъ посѣщающихъ нашу выставку. Многолѣтнія наблюденія надъ изысканіями о бытовыхъ остаткахъ все болѣе и болѣе убѣждаютъ насъ, что работаютъ въ этомъ направленіи и находятъ бытовые драгоценности не тѣ, у которыхъ подъ руками сборныя хранилища, а тѣ настоящіе почитатели старины, на глазахъ которыхъ скромныя, но дѣльныя, мѣстныя собранія; они, эти непросѣянные хранителями научныхъ по задачѣ учрежденій, собранія служатъ и всегда будутъ служить серединою тяготѣнія мысли для работника уѣзднаго или деревенскаго, полюбившаго старину честно, во имя ея воспитательнаго и успокоительнаго [воздѣйствія на удрученнаго невзгодами жизни мыслящаго человѣка. Не будь подобнаго собранія на глазахъ обездоленнаго труженика, придавленная мысль его не найдетъ утолка, гдѣ, какъ въ этомъ собраніи, все преподаетъ ему наглядно утѣшеніе въ одномъ только неустанномъ трудѣ, который необходимо преодолѣть силою воли и жгучей дѣятельности, чтобы достигнуть блага, какъ достигло его человѣчество въ постоянной борьбѣ за суще-

ствование, при всей скудости средств и способов, выразителями которых являются эти почтенные бытовые остатки вѣковѣчнаго бѣдняка-работника. Поучительнымъ примѣромъ именно такого обаятельно-успокоительнаго значенія мѣстныхъ бытовыхъ остатковъ служить недавно открытый въ Новгородѣ, благодаря просвѣщенно-настойчивому старанію А. Н. Мосолова, Музей древностей. Рабочій людъ валить туда въ праздникъ толпами, цѣлый день, пока не настанетъ часъ закрытія дверей этого хранилища; онъ осматриваетъ бытовые остатки своихъ предковъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, забывъ обычныя мѣста праздничнаго отдыха, пивную и кабакъ, забывъ и часъ своего скуднаго обѣда. А вѣдь жизнь рабочаго оборони Богъ какъ тяжела. Побывавъ въ музеѣ, онъ ищетъ книжку «про старину», ищетъ обломковъ этой старины, платитъ за нихъ пропойный свой грошъ и несетъ покупку въ даръ мѣстному собранію бытовыхъ остатковъ.

Для поддержанія такого вліянія даже на толпу рабочаго люда мѣстнаго собранія старины и для захоластныхъ отшельниковъ науки присяжные представители знаній и устроители щегольскихъ хранилищъ должны не только отказаться отъ разоренія мѣстныхъ, но и содѣйствовать ихъ преуспѣянію; имъ, присяжнымъ ученымъ, живетъ хорошо безъ пивныхъ и кабаковъ, этихъ язвъ народной нравственности,—для нихъ не бытовые остатки древности служатъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ, а другія блага, вещественныя и не вещественныя, чего не имѣетъ рабочій и развитой труженикъ и не добивается, къ тому же если присяжный ученый надумаетъ ознакомиться съ новыми находками той или другой

мѣстности, дорога туда раскинется для него широкою скатертью; онъ пріѣдетъ въ захоластѣе бариномъ, да по-барски же и ознакомится съ находками, чтобы затѣмъ дома, въ покоѣ, освѣтитъ ихъ высшими научными взглядами. Поѣздки даже десятка ученыхъ къ мѣстнымъ собраніямъ, хотя бы ежегодныя, какъ бы хорошо ни были оплачиваемы обществомъ, окупятся въ большія тысячи разъ плодами того благодѣтельнаго врачеванія народныхъ язвъ и того великаго обогащенія науки, каковыя даетъ и будетъ давать мѣстное собраніе бытовыхъ остатковъ.

Для освѣщенія новыхъ находокъ высшими взглядами вполне достаточно точныхъ снимковъ слепковъ, на изготовленіе которыхъ правительственныя и общественныя хранилища древностей имѣютъ достаточно средствъ.

Изъ множества нашихъ находокъ каменнаго вѣка, представлено вниманію читателей отечественныхъ древностей меньше половины,—только то, что удалось приготовить для выставки, не выключая ни «мелочей»—ни «хлама», являющихся, на нашъ взглядъ, свидѣтелями быта болѣе краснорѣчивыми, чѣмъ старательно-обработанныя подѣлки, повторяющіяся въ находкахъ всего земнаго шара и притомъ въ одинаковыхъ вездѣ подробностяхъ.

Для того, кому покажется много лишняго въ нашемъ собраніи, приведемъ простой примѣръ. Былъ ли бы правъ писатель, который, озаглавивъ трудъ свой—«Современный бытъ насельниковъ Россіи»—изложилъ бы для незнакомыхъ съ его предметомъ читателей бытовые усло-

вѣя однихъ только людей богатыхъ, живущихъ въ великолѣпныхъ дворцахъ, украшенныхъ мраморомъ и позолотою, съ драгоценными коврами, утварью изъ золота и серебра, катающихся на рѣзвыхъ лошадяхъ, одѣвающихъ въ бархатъ и шелкъ и проч., и проч., но не сказалъ бы ни слова о жалкихъ лачугахъ съ ихъ убогою обстановкою и объ образѣ жизни и трудахъ обывателей деревни, нерѣдко полуодѣтыхъ, полусогрѣтыхъ, полуголодныхъ? Конечно, нѣтъ; богатыхъ или только состоятельныхъ людей вездѣ немного, преобладающее население состоитъ изъ людей личнаго труда, тяжелаго, не дающаго часто не только довольства, но даже и необходимаго отдыха, особенно у насъ, при неблагопріятности почвенной и климатической. Неправъ будетъ и тотъ собиратель ископаемыхъ бытовыхъ остатковъ, который удовольствуется одними только хорошо обработанными находками, служившими орудіемъ для человѣка состоятельнаго: онъ лишитъ науку навсегда доказательствъ быта людей труда, вырабатывающихъ вѣками начала основъ народнаго благосостоянія.

Изложивъ посильныя объясненія выставленныхъ находокъ и прочихъ и высказавъ нашъ взглядъ на нихъ, какъ на свидѣтелей быта насельниковъ каменнаго вѣка, обитавшихъ въ странѣ, сдѣлавшейся впослѣдствіи колыбелью государственной жизни Россіи, сопоставимъ взаимно все вышеизложенное, дополнимъ свѣдѣніями, собранными по поводу находокъ и независимо отъ нихъ, и намѣтимъ нѣкоторыя черты значенія нашихъ бытовыхъ остатковъ для изысканій о заселеніи людьми

Европы вообще и о родоначаліи Славяно-руссовъ съ каменнаго вѣка.

Общія замѣчанія о научныхъ положеніяхъ, необходимыя для объясненія находокъ, уже приведены; снова обращаться къ нимъ мы, по возможности, воздержимся, — а подведемъ только къ высказаннымъ большинствомъ ученыхъ мнѣніямъ вновь открытыя данныя и взвѣсимъ доказательную силу ихъ, чтобы получить основанія къ выводамъ, хотя и предположительнымъ, сперва о первоначальникахъ Европы, степени ихъ развитія и образъ жизни, освѣщаемымъ совокупностью находокъ нашихъ и условій ихъ захороненія, среди старыхъ и новыхъ образованій въ порядкѣ построенія земной поверхности, а потомъ о путяхъ, ведущихъ къ изысканіямъ о нашемъ родоначаліи.

А) О первоначальникахъ Европы.

Сизая глина, составляющая тотъ слой, на который непосредственно легъ Коломецкій жилой перегной, есть отложеніе таявшаго ледника во время его отступленія. Слѣдовательно, Ильменско-Волховское побережье заселено людьми въ ледниковыя времена Европы.

Красноватая кирпичная глина, прикрывшая жилой перегной, отложилась водоемами, въ теченіе долгаго времени стоявшими въ странѣ Ильменской; это доказываетъ, что между ними и ледниковыми временами былъ такой же, удобный для обитанія людей въ нашей странѣ, межледниковый періодъ, какъ и въ остальной Европѣ.

Первоначальниками западной и полуденной Европы считаются длинноголовые, узколицые и прогнатичные

люди. Черепа Коломчанъ имѣютъ всѣ эти признаки; — значитъ наше побережье заняли тѣ же ледниковые перенасельники Европы, которые оставили свои кости въ западной и полуденной частяхъ ея.

Ледниковаго обитателя Европы представляютъ дикаремъ, неусвоившимъ ни семейнаго, ни общественнаго быта, жившимъ подобно звѣрю въ пещерахъ и норахъ. Ледниковый Ильменецъ сѣлъ на Коломцахъ обширною ордою и продолжалъ свое здѣсь пребываніе огромнымъ поселеніемъ, занимавшимъ около квадратной версты береговой площади до той поры, пока было возможно по естественнымъ условіямъ. При такомъ многочисленномъ, соотвѣтственно площади, населеніи, сидѣвшемъ на одномъ мѣстѣ продолжительное время, — давшее толпу жилого перегноя, при неимоверной сжатости его, въ два съ половиною аршина, — не могло не быть порядка; порядокъ же вырабатывается при жизни обществомъ, началомъ и побужденіемъ къ образованію котораго служить только семья. Безсильные малолѣтки-дѣти нуждаются въ присмотрѣ во время отлучекъ старшаго члена одного, или обоихъ, т. е. отца и матери, на промыселъ за питаньемъ, что неминуемо вызывало потребность въ посторонней для присмотра за малолѣтками помощи. Слѣдовательно, ледниковый Ильменецъ не былъ дикаремъ съ перваго появленія на Коломцахъ, а зналъ уже семью и общество, — въ каковомъ состояніи и продолжалъ свое здѣсь пребываніе.

Жизнь обществомъ растетъ и развивается при сознаниіи пользы и выгоды, даваемыхъ раздѣленіемъ труда; на Коломцахъ, въ подѣлкахъ человѣка, сказалось значительное разнообразіе въ этомъ отношеніи. Ближайшимъ

плодомъ раздѣленія труда является возвышающееся благосостояніе общества. Коломчане питались сытно и вкусно, что доказывается множествомъ сочленовыхъ головокъ травоядныхъ животныхъ и ничтожнымъ, сравнительно, количествомъ такихъ же остатковъ хищниковъ, за исключеніемъ медвѣдя, котораго и теперь ѣдятъ съ удовольствіемъ, а также множествомъ рыбъ; мясную и рыбную пищу они употребляли въ жареномъ видѣ, что вполне ясно изъ пригаровъ на черепкахъ глиняныхъ издѣлій. Слабое развитіе на черепѣ жевательныхъ приспособленій служить сильнымъ доказательствомъ въ пользу хорошаго питанья не сырымъ, требующимъ напряженія, и, вслѣдствіе того, большаго развитія этихъ жевательныхъ приспособленій. По особенной темнотѣ внутреннихъ стѣнокъ многихъ горшковъ слѣдуетъ заключить, что Коломчане употребляли и жидкую, вареную пищу. Питаніе вареною или только жареною пищею доказывается и множествомъ слабо обработанныхъ продолговатыхъ костяныхъ подѣлокъ съ острымъ концомъ и пригарными пятнами. вмѣстѣ съ симъ многочисленность подобныхъ подѣлокъ свидѣтельствуетъ, что ледниковые Ильменцы были уже брезгливы, что служить свидѣтельствомъ высокаго, сравнительно, подъема внутренняго, духовнаго уровня ихъ развитія.

Не одни только Коломцы были густо заселены сразу послѣ отступленія ледника: на Славенской сторонѣ Новгорода жилой перегной легъ непосредственно на такую же сизую глину, какъ и въ Коломцахъ, значитъ, и эта мѣстность была заселена одновременно.

По множеству высокихъ холмовъ вблизи Коломцовъ и по низменности площади, носящей это имя, нельзя

не допустить, что были заселены въ то же время и окрестные холмы, по крайней мѣрѣ тѣ, которые обрываются своими крутизнами надъ водою Волхова и Волховца, каковы холмы: Перыньскій, гдѣ въ X вѣкѣ стоялъ кумирь Перуна, Юрьевскій, гдѣ съ первой половины XI вѣка монастырь этого имени, Нередичкій—гдѣ единственная въ Россіи Спасская церковь съ нетронутымъ внутри настѣннымъ письмомъ конца XII вѣка, Городищенскій и др. Холмы эти, какъ береговые, удобны и для рыболовства, и для сношеній съ сосѣдями.

Обширность заселенія Ильменско-Волховскаго побережья, начиная съ Коломцовъ и, по крайней мѣрѣ, до мѣста Славенской стороны, ледниковыми европейцами, усвоившими себѣ общественную жизнь и раздѣленіе труда, не могла не вызвать въ коренныхъ залеганіяхъ горшечныхъ глинъ, по рѣкамъ Мстѣ, Полѣ, Ловати и ихъ притокамъ,—дающихъ въ обжигѣ такіе же цвѣта, что и на Коломецкихъ черепкахъ,—гончарнаго промысла. Площадь, охватываемая названными рѣками, обширна; гончары могли развить свое производство въ томъ только случаѣ, если плаванію ихъ съ обработанною изъ глины посудою по рѣкамъ не было препятствій со стороны мѣстнаго населенія побережій водяныхъ путей къ Коломцамъ и далѣе внизъ по Волхову. Но мы видѣли и на устьѣ Волхова, въ находкахъ Ладожскаго побережья и въ Прионежьи, доказательства плаванія гончаровъ и туда. Слѣдовательно, ледниковые европейцы, сидѣвшіе по странѣ Ильменской, охватываемой озерами Ладожскимъ и Онежскимъ и рѣками Волховомъ и Ловатью, были мирны и дружны между собою, если плоты, нагруженные посудою, свободно плавали по рѣкамъ всей этой пло-

щади, превышающей пространствомъ Швейцарію вдвое и почти равной Франціи. А изъ этого небезосновательно заключить, что племя, всю эту площадь заселявшее, было или союзно, или родственно, какъ поколѣніе одного родоначалія.

Ульеобразные горшки съ ячейчатымъ узоромъ, расположеннымъ по всей поверхности, сходно съ открытыми чашечками пчелиныхъ сотовъ, даютъ поводъ къ догадкѣ, что Коломчане знакомы были съ пчеловодствомъ.

Разнообразіе и многочисленность скребковъ, обширность размѣровъ въ сосудахъ, выдѣланныхъ изъ глины пополамъ съ толченою раковиною и слабо обожженныхъ, большія, залегающія среди перегноя почти всей площади Коломцовъ, кучи раковинныхъ обломковъ, говорятъ недвусмысленно о выдѣлкѣ Коломчанами кожъ вообще, а множество кучъ раковинъ и сосудовъ наталкиваютъ на заключеніе, что кожи выдѣлывались не на собственные только нужды, а и для обмѣна, хотя бы на гончарныя произведенія, или на кремневые гальки, на точильные песчаники, сланцы и проч.

Слѣдовательно, общественная жизнь ледниковыхъ Ильменцевъ выработала не только раздѣленіе труда, но и нѣкоторые промыслы, какъ гончарства, пчеловодства и скорняжества, и даже начало мѣновой торговли мѣхами и выдѣланными изъ шкуръ кожами; въ разнообразіи же и отчетливости нанесенія узоровъ на глиняной посудѣ, въ головкахъ птицы, похожей на мамонтову и челоуѣка, выражаются признаки стремленія къ художественному творчеству.

Въ числѣ горныхъ породъ, найденныхъ нами на Коломцахъ, преобладаетъ кремень каменноугольныхъ обра-

зованій; цвѣта его различны; больше всего такихъ, гальки которыхъ застилаютъ поля по рѣкѣ Граничной, въ Валдайскомъ и Осташковскомъ уѣздахъ. Видимо, Коломчане получали для своихъ издѣлій кремневая гальки оттуда; а это указаніе расширяетъ границы Ильменской страны далеко на сѣверо-востокъ, забѣгая въ Тверскіе предѣлы.

Объявились въ Коломцахъ породы: Печорско-Тиманская, — если черный плотный камень, изъ котораго выдѣланы нѣкоторые топорики-долота, есть доманикъ; — Сибирскія — абсестъ, яшма, роговикъ, слюда и сердоликъ, и Мало-Азіатская и Алтайская — Лидійскій камень. Эти породы встрѣчаются почти одиночно каждая; но красный янтарь, несомнѣнная родина котораго извѣстна до сихъ поръ только въ низовьи Енисея, очень обыкновененъ, его много въ Коломцахъ. Безъ участія человѣка отщепенцы Сибирско-Алтайскіе не могли появиться въ изучаемой нами мѣстности, — ни воду, ни птицъ, ни вѣтры никто не будетъ считать виновными въ перемѣщеніи сюда этихъ породъ, онѣ нужны только одному человѣку, значить, онъ ихъ и принесъ. Стало быть, ледниковые Ильменцы состояли въ сношеніяхъ, — частыхъ или рѣдкихъ — укажутъ будущіе изслѣдователи, — съ обитателями Печорскими и Сибирскими.

Это предположеніе покажется кому нибудь слишкомъ смѣлымъ; но о немъ стоить прежде нѣсколько подумать, а не пренебрегать имъ, поддаваясь первому впечатлѣнію и предвзятости. Вернемся къ нѣкоторымъ уже приведеннымъ мѣстами даннымъ, поднимающимъ высказываемое нами предположеніе.

Изъ девяти Коломецкихъ череповъ два короткоголовые, а изъ этихъ двухъ тотъ, у котораго сохранились

лицевыя кости, почти круглоголовый и не похожъ на другой. На подробности болѣе мелкія указывать воздержимся; черепъ много пострадалъ при переклейкѣ. Антропологи признаютъ подобные черепа принадлежащими Урало-Алтайцамъ. Правы ли они, нѣтъ ли — пусть судятъ хорошіе знатоки, но никто не будетъ спорить, что черепа Китайцевъ и племень съ ними сосѣднихъ, ископаемые и современные намъ, рѣзко отличаются отъ ископаемыхъ же европейскихъ, древнѣйшаго захороненія — всѣхъ, а болѣе поздняго и ближайшаго къ нашимъ временамъ — нѣкоторыхъ, преимущественно срединныхъ и полныхъ странъ, — Китайскіе вообще короткоголовы, а европейскіе длинноголовы.

Порядокъ захороненія, обнаруженный при извлеченіи изъ Коломецкаго перегоя нашего короткоголоваго и круглоголоваго черепа, есть круговой по отношенію къ расположенію кучками частей костяка его; такой же порядокъ повторялся еще четыре раза тутъ же, гдѣ взять этотъ черепъ, но части черепныхъ костей во всѣхъ четырехъ случаяхъ найдены въ такомъ незначительномъ количествѣ, что не даютъ представленія о видѣ цѣлаго. Прочіе черепа были захоронены, какъ мы видѣли, при другомъ порядкѣ: части костяка уложены четырехугольно въ основаніи кучею.

При разрѣшеніи возникшаго между Датскими учеными спора о томъ, круглоголовымъ или длинноголовымъ насельникамъ тамошнихъ тумулусовъ-кургановъ принадлежитъ изобрѣтеніе бронзы, установлено, что длинноголовые захоронены съ каменными только подѣлками въ длинно-четыреугольныхъ погребальныхъ сооруженіяхъ, а короткоголовые — съ бронзою въ круглыхъ тумулу-

сахъ. Замѣтимъ, что еще Ляйаль высказалъ мнѣніе о принесеніи въ Европу бронзовыхъ орудій азіятскими выходцами короткоголовыми.

Говоря о мегалитическихъ памятникахъ мы замѣтили, что нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются и въ Сибири; тамъ не мало похожихъ на кромлечи и менгиры, — чаще же повторяются камни стоймя и въ круговомъ порядкѣ расположенные, съ однимъ или двумя въ самой срединѣ, — и попадаютъ именно въ Алтайскихъ предѣлахъ.

Случайность ли всѣ эти особенности или свидѣтельство въ пользу нашего предположенія? Приведемъ еще одно обстоятельство изъ другой области изысканій по каменному вѣку.

Въ Алтайской странѣ, недалеко отъ Иркутска, найденъ предметъ, выдѣланный изъ оленьяго рога, совершенно своеобразный, похожій на большой гребень съ зубцами, разставленными широко; въ плотной части его сверлина; думаютъ, что это есть приспособленіе для сученія звѣриныхъ жилъ или тонкихъ ремней на тетиву для лука и на другія потребности. Въ датскихъ кѣккенмѣддингахъ нашли подѣлку точно такого же вида и изъ такого же вещества; нѣкоторая разница въ размѣрѣ и обработкѣ нижней не зубчатой и несущественной части.

Перечисленныхъ данныхъ достаточно, чтобы имѣть основанія къ заключенію, что обнаруженный въ Коломцахъ обрядъ круговаго захороненія остатковъ короткоголоваго человѣка, — круглыя погребальныя земляныя сооруженія въ Даніи надъ остовомъ такого же человѣка, круговое расположеніе стоячихъ камней въ Алтайской странѣ на могилахъ и принимаемая антропологами ко-

роткоголовость, близкая къ круглоголовости, за существенный признакъ Алтайцевъ, — съ достаточною внятностью свидѣлствуютъ, а гребневидныя Алтайская и Датская подѣлки — подтверждаютъ свидѣтельство, что ледниковый первоначальникъ Европы, занимавшій нынѣшнюю Ильменскую страну, имѣлъ сношенія съ обитателями отдаленныхъ Алтайскихъ предѣловъ.

Если же приведенныя данныя недостаточны, прибавимъ, что почтенный ученый французъ Катрфажъ видѣлъ въ Сибири колыбель всего человѣчества и отсюда выводилъ первоначальниковъ Европы, перевалившихъ, по его мнѣнію, за Уральскій хребетъ послѣ отступленія европейскаго ледника къ далекому полуночью. Но онъ и его послѣдователи, основываясь на ископаемыхъ бытовыхъ остаткахъ, собранныхъ въ Европѣ лѣтъ пятнадцать назадъ, вели Сибирскихъ выходцевъ по землямъ Россіи на западъ медленнымъ ходомъ, въ продолженіе котораго выходцы мало по малу совершенствовались, оставляя съ самой Сибири слѣды послѣдовательности своего развитія, сказавшіеся въ цѣломъ длинномъ рядѣ подѣлокъ сперва первобытно-грубыхъ, а затѣмъ постепенно улучшавшихся въ направленіи движенія къ предѣламъ Франціи, въ земляхъ которой залегаютъ уже свидѣтельства значительнаго духовнаго развитія этихъ выходцевъ въ рисункахъ по кости и сланцу и въ изваяніяхъ изъ рога. Съ тѣхъ поръ обнаружено многочисленными находками въ Россіи, а Ладожскими и Коломецкими въ особенности, что ледниковые Ильменцы-Коломчане стояли во многомъ, если не во всемъ, значительно выше своихъ современниковъ, жившихъ въ Западной Европѣ.

Дѣйствительно, въ Коломцахъ и на Волховскомъ устьи

Ладожскаго побережья собраны многочисленныя доказательства высокаго для ледниковаго и всего каменнаго вѣка совершенства не только въ обработкѣ подѣлокъ для хозяйства и для отхожаго промысла, но и въ украшеніяхъ, каковы: узоры на глиняныхъ сосудахъ, привѣски и изваянная изъ кости головка человѣка.

Мы видѣли, что эта головка представляетъ часть цѣлаго изваянія человѣка и что въ ушкѣ ея остался слѣдъ обычая Ильменцевъ носить при себѣ такія изображенія, — обычая, до сихъ поръ удержавшагося среди Алтайцевъ же.

Съ другой стороны, въ головкѣ сказывается отраженіе духовнаго міровоззрѣнія ледниковыхъ Ильменцевъ, высокаго и долговѣчнаго. Ваятель приложилъ много труда на изготовленіе подобія человѣка: — это, видимо, было дѣло важное, такъ что въ подобіи человѣка нельзя не усмотрѣть обоготворенія его или представленія самого божества въ человѣческомъ образѣ.

Если наша головка принадлежитъ изображенію божества, она громко говоритъ уже за такое благосостояніе ледниковыхъ Ильменцевъ, при которомъ они имѣли свободное отъ личнаго промысловаго труда время, необходимое для созерцательной дѣятельности ума, выразившейся не въ грубомъ боготвореніи предметовъ внѣшней природы, какъ, на примѣръ, у современныхъ намъ дикарей, въ видѣ почитанія озеръ, рѣкъ, камней, или животныхъ, или какихъ либо благодѣтельныхъ или враждебныхъ для человѣка явленій, — но въ высоко-созерцательномъ, представляющемъ вѣчный разумъ въ совершеннѣйшемъ изъ всѣхъ живыхъ существъ на землѣ образѣ человѣка. Неудивительно, поэтому, и небезосновательно будетъ видѣть и въ способахъ или въ порядкахъ захо-

роненія костей покойниковъ, и въ предоставленіи для погребенія ихъ тѣлъ внутри самихъ пережившихъ смерть своего родственника, т. е. видѣть установившуюся уже погребальную обрядность.

На высокое развитіе духовной природы Коломчанъ и на разнообразіе въ степеняхъ его указываютъ и черепа ихъ. По ученію анатомовъ, мозговая дѣятельность, а не разноплеменная помѣсь, оказываетъ существенное вліяніе на образованіе вида черепа. Въ семи длинноголовыхъ Коломецкихъ черепахъ нѣтъ и двухъ близкихъ взаимно если не во всѣхъ, то хотя-бы въ двухъ очертаніяхъ, однакожъ всѣ они длинноголовы; одинъ же, девятый, ничѣмъ не отличается отъ нынѣшнихъ поддлинноголовыхъ, съ широкимъ и высокимъ лбомъ, значитъ онъ принадлежитъ очень развитому Коломчанину.

Сводя всѣ отличительныя особенности нашихъ находокъ въ одно, получимъ слѣдующее заключеніе: Ледниковые европейцы, поселившіеся на Ильменско-Волховскомъ побережьи, достигли уже, еще до прибытія сюда, гдѣ нибудь въ другой мѣстности, развитія настолько высокаго, что ихъ поселеніе сдѣлалось сряду же серединою тяготѣнія для обитателей обширнаго пространства, принадлежавшаго къ Ильменю и къ рѣкамъ въ него впадающимъ, равно къ озерамъ Ладожскому и Онежскому съ водными областями рѣкъ, въ нихъ впадающихъ и изъ нихъ выходящихъ, и установило сношенія даже съ насельниками Урало-Алтайскихъ земель и Тиманско-Печерскаго края. Въ слѣдующей за симъ особой статьѣ мы увидимъ, гдѣ именно могли развиваться Коломчане до поселенія собственно на Ильменскомъ берегу.

Археологи-первобытники, принимающіе за основаніе

для опредѣленія древности каменнаго вѣка вообще въ Европѣ захороненіе, вмѣстѣ съ бытовыми остатками человѣка, костей мамонта и носорога, а по отношенію къ сѣверо-западу—заключеніе западныхъ геологовъ, что земля на сѣверо-востокъ отъ Балтійскаго побережья освободилась отъ сплошнаго ледниковаго покрова много позднѣе остальныхъ земель Европы, — скажутъ при отсутствіи въ нашей находкѣ костей первобытныхъ и ледниковыхъ великановъ, — что если Ильменско-Волховское побережье и было серединою тяготѣнія хотя-бы и для всего полуночья Европы, но не въ ледниковыя времена, а значительно позднѣе, во вторую или неолитическую половину каменнаго вѣка. Намъ приходилось уже выслушать именно это отъ одного почтеннаго западнаго ученаго на конгрессѣ въ Москвѣ.

Подобнымъ возраженіямъ мы противопоставимъ кости мамонта, найденныя хотя не въ Коломпахъ, — одну, кусокъ бивня, въ Новгородѣ, а другую, съ нижнею сочленовою головкою, въ области самаго нижняго теченія р. Невы, — но имѣющія ясные знаки, оставленные на обѣихъ рукою древняго человѣка, вооруженною несовершененно рѣзущими, рубящими и пилящими орудіями.

Первая, кусокъ бивня, могла попасть случайно и въ недавнее время; извѣстно, что въ Новгородѣ, въ числѣ единицъ цѣнностей была одна съ именемъ «зубъ»; она приводится въ лѣтописи между XIII и XVI вѣками какъ самая высокая, равносильная тремъ гривнамъ. Если принять за гривну XIII в. самую большую Новгородскую, — «зубъ» будетъ въ цѣнѣ стоимости около трехъ фунтовъ серебра; — вторая по порядку гривна отвѣчала приблизительно за 43—45 золотниковъ серебра,

третья — за 20, а послѣдняя почти за 15 золотниковъ. Которой бы изъ нихъ ни соотвѣтствовалъ зубъ, стоимость его значительна. Возможно, что были зубы разнаго качества, равные каждому тремъ гривнамъ; это видно, напримѣръ, изъ перечня подарковъ, поднесенныхъ великимъ князьямъ Ивану III и Ивану IV, въ числѣ которыхъ рядомъ съ золотою цѣпью, мискою изъ серебра и другими высокой стоимости предметами, упоминается и зубъ. Такимъ образомъ бивни мамонта были, по всей вѣроятности, привозимы издалека, изъ той страны Югры, о которой говорилъ преподобному Нестору Лѣтописцу Гюрята Роговичъ въ XI вѣкѣ. Могло быть, что найденный нами кусокъ бивня въ томъ самомъ видѣ, съ ясными знаками обработки каменнаго вѣка, вывезенъ въ Новгородъ изъ Сибири и, случайно попавши въ Волховъ, примыть въ послѣдствіи волною къ той высотѣ береговаго откоса, на которой пришлось налеганіе кирпичной глины на сизую. Поэтому мы, въ отвѣтъ на замѣчаніе западнаго археолога въ Москвѣ, и не сослались на новгородскую находку.

Вторая же кость, нижняя бедрачная головка мамонта, ни въ какомъ случаѣ не должна считаться занесенною въ Невскую долину, къ самому Финскому заливу, ни человѣкомъ позднихъ, уже лѣтописныхъ вѣковъ, ни водою. Хотя обстановка захороненія этой находки неизвѣстна съ точностью, но глубина ея залеганія отъ трехъ до четырехъ аршинъ отъ поверхности, а среда, — что видно изъ присохшихъ въ язвилахъ остатковъ, — сорная земля, такая же, какъ Коломецкій жилой перегной; Петербургъ основанъ всего меньше двухсотъ лѣтъ назадъ; мѣстность, гдѣ началась Николаевская желѣзная дорога,

представляло до первыхъ работъ по ея сооруженію, т. е. около 50-хъ годовъ, пустырь; — тамъ не могло нарости трехъ-аршинной толщи перегной въ 150 лѣтъ отъ основанія столицы. Будь эта кость выброшена изъ хранилища какого нибудь любителя древностей послѣ его смерти и свезена на пустырь, если тамъ была свалка мусора, она не осталась бы непримѣнною при расчисткѣ площади подъ желѣзную дорогу. Слѣдовательно присохшіе остатки перегной принадлежатъ именно той средѣ, въ которой кость была захоронена первоначально. Допустить, что она занесена водою издали, тоже нельзя: волна вымыла бы ее, не оставивъ перегной въ ссадинахъ.

Итакъ, бедрачная головка мамонта взята тамъ, гдѣ бросилъ ее ледниковый европеецъ, воспользовавшійся мозгомъ трубчатой части и недобравшійся, по непригодности орудій, до губчатого вещества; бросилъ какъ ненужную ему болѣе, или хранилъ въ своемъ шалашѣ на случай обработки изъ нея подѣлокъ; такого случая не представилось, хозяинъ покинулъ шалашъ, не взявъ съ собою кости, чтобы не обременять себя тяжестью, въ ожиданіи встрѣтить другую такую же, или и лучшую.

Кромѣ этихъ двухъ костей мы видѣли на Первомъ столѣ зубы двухъ мамонтовъ и кусокъ ребра этого же травояднаго. Болото, захоронившее зубы, древняго образованія; они могли попасть туда еще до появленія человека на Ильменско-Волховскомъ побережьи и пожалуй до ледника. Но кусокъ ребра найденъ въ сыпучемъ пескѣ, на холмѣ; песокъ всѣхъ холмовъ Тёсовской мѣстности сходенъ съ Алаунскимъ и, повидимому, одновременно съ нимъ отложенія, т. е. ледниковыхъ образований. Насколько онъ слоистъ на глубинѣ того холма,

мы не знаемъ, но въ береговыхъ отлѣтахъ рѣкъ Луги и Ордежи слоеватость песковъ встрѣчается часто; поэтому ребро могло быть занесено ледниковыми потоками, но не изъ такой дали, какъ Сибирское побережье Ледовитаго моря, богатое остатками мамонта; оно могло принадлежать и мамонту, здѣсь бродившему по отступленіи ледника.

Въ числѣ украшеній Коломчанъ или наконечниковъ костяныхъ подѣлокъ найдена и напита на одномъ изъ щитковъ съ звѣринными зубами головка, похожая на мамонтову, указывающая, что ледниковый Ильменець зналъ этого великана. Да иначе и быть не могло; ледникъ отступалъ въ направленіи на полночь; отъ нынѣшняго Финскаго залива онъ отошелъ позднѣе, хоть на годъ—на два, чѣмъ отъ Ильменя; чтобы пробраться къ самому устью Невы, мамонтъ неминуемо шелъ по Ильменской странѣ.

Современникъ мамонта, плосколобый быкъ, пережилъ его; но былъ ли этотъ родоначальникъ зубра такого могучаго роста во времена Юлія Цезаря и въ наши лѣтописныя, на какой указываетъ верхняя часть черепа, выкопанная на Славенскомъ холмѣ,—неизвѣстно. Знаки ударовъ и срѣзовъ, происшедшіе отъ пораженія быка въ лобъ орудіемъ съ рубчатой поверхностью и отъ снѣманія роговъ его, а равно и густой землисто-темный цвѣтъ кости снаружи и въ свѣжихъ изломахъ говорятъ за возможность захороненія этой находки въ каменный вѣкъ и за совмѣстное съ мамонтомъ проживание быка вблизи Ильменско-Волховскаго побережья.

Приведенными данными устраняется возраженіе противъ заселенія нашего побережья и восточнаго Балтій-

скаго человѣкомъ въ ледниковыя времена каменнаго вѣка.

Коломецкій жилой перегной прикрытъ мощнымъ пластомъ красноватой глины, достигающимъ толщи тамъ, гдѣ онъ не нарушенъ глинокопателями, до четырехъ аршинъ.

Появленіе подобной глины на современной поверхности земли зависитъ отъ двухъ причинъ: или она наносится, какъ и песокъ, вѣтрами съ высыхающихъ отмелей рѣкъ, или ее отмучиваютъ водоемы, вполнѣ отступающіе или высыхающіе. Глины, наносимыя вѣтрами, стелются въ Ильменской сторонѣ тонкими пластами, всегда сухими и рыхлыми, и почти всегда прослоиваются растительнымъ перегноемъ въ узенькихъ полоскахъ, или наносными чистыми песками съ такими же, въ свою очередь, прослоинами.

Какъ въ Коломцахъ, такъ равно по всему Ильменско-Волховскому побережью и вдали отъ него пласты наносимой вѣтрами или воздушной глины не превышаютъ, вмѣстѣ съ прослоями, 5—6 вершковъ и лежатъ, гдѣ земля не распахана, сряду подъ верхнимъ растительнымъ слоемъ. Вблизи рѣкъ и озеръ эти глины и слои песковъ подстилаются желтовато-грязною глиною, пластомъ не толще воздушной. Это, повидимому, одновременное отложеніе, такъ какъ въ немъ не встрѣчается ни растительныхъ, ни песчаныхъ прослоевъ. Наконецъ, подъ этимъ послѣднимъ пластомъ въ бережьяхъ и подъ воздушно-глинистымъ въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ, но равныхъ, лежитъ та красноватая кирпичная глина, которая покрыла жилой перегной Коломцовъ.

Въ недалекомъ же отсюда разстояніи, гдѣ нѣтъ жи-

лого перегнойа, кирпичная глина легла, какъ мы знаемъ, на сизую разныхъ видовъ. Насколько суха и рыхла глина воздушная, настолько же влажна и плотна красновато-кирпичная, и чѣмъ глубже, тѣмъ она плотнѣе. Мѣстами, въ окрестностяхъ Новгорода, примѣтна однородная слоистость этой глины. Какъ выше сказано, ни плотная, ни слоистая кирпичная глина не могла отложиться безъ участія воды и при томъ въ спокойномъ стояніи большихъ водоемовъ.

Мы сказали уже, что для Западной Европы, для Швеціи и Финляндіи—признана геологами наличность данныхъ, свидѣтельствующихъ о наступленіи, послѣ освобожденія названныхъ земель Европы отъ ледяного покрова, второго охлажденія и о межледниковыхъ вѣкахъ между обоими охлажденіями, теплыхъ до того, что въ Англии могъ жить бегемотъ.

Замѣчено также, что и въ Полтавской странѣ открыты признаки второго ея охлажденія, принесшаго на льдахъ такіе же валуны, какъ и Скандинаво-Русскій ледникъ.

Не второе ли охлажденіе дало водоемы, отложившіе красноватую кирпичную глину въ нашей мѣстности? Не было ли и для нея межледниковыхъ временъ?

Коломецкій жилой перегной отвѣчаетъ на оба эти вопроса утвердительно: мощный пластъ кирпичной глины, вполнѣ однородной и мѣстами слоистой, застилающей всѣ низины на огромномъ пространствѣ и вездѣ одинаково мощный, могъ отложиться только при одновременномъ стояніи водоемовъ на всемъ этомъ пространствѣ,—это отвѣтъ на первый вопросъ.

На второй вопросъ отвѣчаютъ позвонки огромныхъ рыбъ, преимущественно сомовъ, которыхъ Коломчане уби-

вали и ѣли. Быть можетъ, среди обломковъ звѣриныхъ сочленовыхъ головокъ, собранныхъ нами во множествѣ, найдутся такіе, которые принадлежатъ животнымъ, водящимся, какъ и огромные сомы, только въ теплыхъ странахъ.

Таково, въ краткомъ изложеніи, значеніе нашихъ находокъ для задачъ народовѣдѣнія и антропологии, по отношенію къ первоначальникамъ Европы и условіямъ ихъ жизни въ вѣка, наступившія послѣ освобожденія земли отъ ледяного покрова.

Б) О родоначаліи Славяно-Руссовъ.

Ничто такъ не подгоняетъ движенія мысли, ничто такъ не побуждаетъ ее къ неутомной дѣятельности, какъ бытовые остатки, извлекаемые изъ вѣдръ дорогой для нея земли.

Ильменско-Волховское побережье положило первый камень въ основу величественнаго сооруженія, незыблемо стоящаго вторую тысячу лѣтъ на той же основѣ; оно создало государственную жизнь нашего отечества. Поэтому-то—бытовые остатки его и земель, входившихъ въ составъ Велико-Новгородскаго державства съ незапамятныхъ временъ, и вызываютъ въ Русской мысли пытливость неудержимую, неустанную, идущую все дальше и дальше въ глубь вѣковъ недовѣдомыхъ.

О первоначальникахъ нашего побережья и о праотцахъ основателей государственной жизни Россіи давнымъ-давно забыли не только насельники этого же самаго побережья, но и вся огромная семья, народившаяся отъ праотцевъ-

Ильменцевъ, — забыли потому, что между предками и потомками даль неизмѣримая.

Открытое нами поселеніе въ Коломцахъ сокращаетъ эту даль настолько, что мы можемъ вслушаться въ говоръ бытовыхъ остатковъ, тамъ собранныхъ, хотя онъ не настолько еще внятень, чтобы мысль, при всей неутомной дѣятельности, при всей неустанной напряженности въ изысканіяхъ по этому говору, могла охватывать его всецѣло и успокоиться.

I. Черепа.

Черепъ Коломецкіе сказали уже намъ, что они принадлежатъ первоначальникамъ Европы; они указали на своихъ братьевъ, разсѣянно покоящихся во всѣхъ концахъ ея, и на своихъ потомковъ, заселяющихъ погребальныя сооруженія вѣковъ курганныхъ, пестряющихъ разнообразіемъ на земляхъ Россіи; но кто они, эти жители временъ ледниковыхъ, — припельцы ли изъ странъ библейскаго Эдема, или Сибиряки Катрфажа и его послѣдователей, или тѣ Арійцы, которые объявились въ своихъ священныхъ книгахъ, — повѣствующихъ, что они когда-то жили въ полночь Старога Свѣта, довольные и счастливые, но на землю ихъ духъ зла навелъ такую стужу, что нельзя было не покинуть исконныя жилища, «Айрьянентъ-Ваенго» (книга Вендидатъ-Сааде) и долго-долго странствовать, прежде чѣмъ поселиться на гостепримныхъ берегахъ Инда, — или, наконецъ, первоначальники Европы въ ней и народились по вѣчному закону Творца При-

роды, выводимому изъ наблюдений надъ ея явленіями великими естествовѣдами конца прошедшаго и всего нынѣшняго столѣтія? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ черепа Коломецкіе не даютъ отвѣтовъ; видимо, для нихъ чужды и Эдемъ, и Сибирь, и Арійцы, какъ имена ими несохраненныя, — они знаютъ только свою страну, по нашему говору—Ильменскую.

Отвѣты горныхъ породъ, издѣлій изъ нихъ и изъ кости, обломковъ раковинъ, черепковъ, глиняныхъ сосудовъ и проч., —мы знаемъ,—они тоже безмолвствуютъ по всѣмъ этимъ вопросамъ.

Упорное молчаніе нашихъ находокъ заставляетъ обратиться къ помощи современныхъ знаній, въ надеждѣ почерпнуть въ нихъ данныя для полученія отвѣта по занимающему насъ предмету.—Начнемъ съ знаній, стоящихъ къ нему ближе всѣхъ другихъ.

Антропологи учатъ, что черепа людей бываютъ двухъ видовъ: длинноголовые и короткоголовые, и что смѣшеніе паръ людей съ различными черепами даетъ потомство, отклоняющееся по строенію черепа отъ того, которое присуще его родоначальникамъ, отцу или матери. Если же при скрещиваніи половъ не допускалось смѣшеній, черепъ останется неизмѣняющимся въ существенныхъ частяхъ, длинный и короткій всегда будутъ такими же; внѣшнія, независимыя отъ наслѣдственности, вліянія продолжительнаго роста хотя и отразятся, но не на главныхъ частяхъ черепа, а лишь на второстепенныхъ и въ такой незначительной мѣрѣ, что никогда не измѣнятъ существа его. Установивъ такой взглядъ, антропологи, а за ними и народовѣды, считаютъ длинноголовыхъ и короткоголовыхъ за двѣ начальныя и

главныя породы людей, отводя каждой особую страну. Для смѣшаннаго же потомства они приняли подраздѣленіе череповъ, что уже отмѣчено.

Продолжительное скрещиваніе разночерепныхъ половъ привело, въ концѣ концовъ, къ тому, что современные насельники Европы, собственно полуденной, совершенно отклонились отъ своихъ длинноголовыхъ родоначальниковъ; черепа тѣхъ и другихъ уже нисколько несходны между собою. Славянъ западныхъ антропологи считаютъ короткоголовыми,—потому, конечно, что ими достаточно изучены одни только Балканскіе, Австрійскіе и Польскіе; о русскихъ же они судятъ по этимъ. Нашихъ сосѣдей, нынѣшнихъ обитателей Швеціи и Норвегіи, отчасти Даніи, вообще Скандинавіи, равно и выходцевъ ея—англичанъ признаютъ длинноголовыми и западные и наши антропологи. Финновъ же, лопарей, самоѣдовъ и другихъ инородцевъ, кочевниковъ, обитающихъ на полночной окраинѣ Россіи, и въ предѣлахъ западныхъ, т. е. европейскихъ отроговъ Уральскаго хребта, а также и осѣдлыхъ, придвинувшихся отъ Урала болѣе къ срединной части ея—короткоголовыми; лопари оказываются, по наблюденіямъ западныхъ и нашихъ антропологовъ, имѣющими самый короткій изъ череповъ племень всего земного шара, до нашего времени изученныхъ.

Черепы нынѣшнихъ инородцевъ Сибирскихъ, быстро вымирающихъ, изслѣдованы еще мало, а между изслѣдованными значительно преобладаютъ короткоголовые.

Древніе черепа найдены въ землѣ Мери, Веси, Болгаръ, Камско-Волжскихъ, а также въ разныхъ мѣстахъ полночно-восточной полосы Европейской Россіи и по

Сибири—Чудскіе, ближе къ востоку и къ Черному морю—Скиѣскіе.

Въ древнѣйшихъ Мерянскихъ могилахъ захоронены длинноголовые, а въ болѣе позднихъ вмѣстѣ съ такими оказываются и короткоголовые. Въ землѣ Веси найдены пока только короткоголовые; въ Чудскихъ городищахъ, могилахъ и копяхъ—тѣ и другіе; въ могилахъ же Скиѣскихъ—всегда длинные.

Взглядъ антропологовъ на другія, кромѣ черепа, части костяка уже приведенъ въ своемъ мѣстѣ.

Анатомы, если не всѣ, такъ многіе, признаютъ въ разнообразіи внѣшняго вида череповъ зависимость каждаго не отъ чистокровности породы, а отъ единоличной дѣятельности и внѣшнихъ условій. По ихъ ученію у длинноголовыхъ родителей могутъ вырасти дѣти короткоголовые и т. д.; наибольшее вліяніе на образованіе черепа оказываетъ дѣятельность мозговая, либо чувственная. Вмѣстѣлище той части мозга, которой свойственна умственная работа, есть лобная половина головы, а чувственной, животной, затылокъ. У человѣка недѣятельнаго въ умственномъ отношеніи лобъ низокъ, скопѣнъ, — а затылокъ выдается отвисло, и наоборотъ. Утробные—младенцы, еще нерожденные на свѣтъ естественнымъ путемъ, имѣютъ всѣ одинаковый видъ черепа, какимъ онъ остается и до извѣстнаго возраста жизни внѣ-утробной. Нѣкоторые изъ анатомовъ допускаютъ, однаке же, какъ и антропологи, два вида череповъ, длинный и короткий, соответствующіе двумъ породамъ людей.

Таковы общія положенія антропологовъ и анатомовъ, помогающія нашей задачѣ. Ни тѣ, ни другіе не дошли еще въ своихъ знаніяхъ до единомыслія, составляющаго

ихъ вѣнецъ и тотъ предѣлъ, который есть научная истина; и антропологи, и анатомы изучаютъ только почву, собираютъ данныя для разработки путей къ открытію истины. Пока она не открыта, пытлиности мысли просторъ. Поэтому, не довольствуясь современными знаніями о черепахъ, вернемся къ приведенному выше объясненію различія въ большеберцовыхъ и другихъ костяхъ европейцевъ каменнаго и послѣдующихъ вѣковъ. У первыхъ большеберцовые сплющены, а у прочихъ трехгранны; въ костяхъ же современныхъ европейцевъ, будетъ ли онъ длинноголовый, или короткоголовый, разницы въ этихъ костяхъ уже не встрѣчается. — Отчего это? Не оттого ли, что ледниковый и вообще каменнаго вѣка человѣкъ, охотясь за травоядными, для своего питанія, вынужденъ былъ ползти по густой и высокой травѣ, чтобы быть сколько можно долѣе незамѣченнымъ чуткимъ и трусливымъ животнымъ, тогда какъ современный европеецъ ходитъ отвѣсно къ почвѣ? Не отъ этой ли причины у человѣка каменнаго вѣка менѣе скручена плечевая кость, чѣмъ у современнаго намъ? Не отъ ползанія ли и ямка въ шаровидной головкѣ бедра отодвинута назадъ у человѣка того времени дальше, чѣмъ у насъ? Если на всѣ эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить утвердительно; тогда мнѣніе анатомовъ о силѣ внѣшняго вліянія на костяхъ и мозговой дѣятельности на лобную и затылочную части черепа отниметъ у антропологовъ нѣсколько предлагаемыхъ ими правилъ: они считаютъ, какъ мы высказали уже, саблевидность большеберцовой, слабую изогнутость плечевой и др. за признакъ древности человѣка—тогда какъ и нынѣшній ползающій охотникъ будетъ имѣть на этихъ костяхъ такой

же признакъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабится и взглядъ ихъ на видоизмѣненія черепа въ зависимости отъ смѣшенія только породъ. Внѣшнія условія жизни и мозговая дѣятельность дадутъ тѣ же явленія, какъ и помѣсь. Безспорнымъ же пока останется ученіе о раздѣленіи людей по строенію череповъ на два большихъ вида, длинно-головыхъ и короткоголовыхъ.

Въ Коломцахъ, стало быть, преобладаніе принадлежитъ первоначальникамъ Европы, длинноголовымъ, длиннолицымъ, имѣвшимъ разныя степени развитія, вызванныя мозговой дѣятельностью и внѣшними вліяніями.

Изъ четырехъ череповъ кургана Юрьевского жальника длинноголовыхъ три, — и тутъ, слѣдовательно, то же преобладаніе, хотя большеберцовыя кости уже не сабле-видны, а плечевыя достаточно скручены.

Въ Новгородскихъ и побережныхъ черепахъ на всѣхъ 160 приходится короткоголовыхъ меньше двадцати; болѣе половины этого числа взяты изъ подъ Дьячьей Избы и отъ полныхъ костяковъ позднѣйшаго захороненія. Изъ лѣтописныхъ показаній извѣстно, что въ теченіе послѣднихъ годовъ XV и первыхъ трехъ четвертей XVI вѣка изъ Новгорода выселены десятки тысячъ семей, на мѣсто которыхъ въ то же время прибыли и стали затѣмъ постоянно прибывать переселенцы Московскаго государства; между ними было много инородческаго происхожденія.

На большеберцевыхъ, плечевыхъ и бедражныхъ костяхъ Новгородцевъ нѣтъ признаковъ соотвѣтствующихъ Коломцамъ.

Такимъ образомъ, въ чертахъ Коломцевскихъ, курган-

ныхъ Юрьевского жальника и древнихъ Новгородскихъ усыпальницъ, въ томъ числѣ и побережныхъ, мы имѣемъ чистое длинноголовое племя, братски родственное и притомъ одинаковое—по соразмѣрности умственного и чувственного развитія, съ ничтожною подмѣсью къ нему короткоголоваго.

На Ильменско-Волховскомъ побережьи объявились въ первыя лѣтописныя наши времена Славяне; — слѣдовательно по говору череповъ, нами собранныхъ, *чистокровные потомки ледниковыхъ обитателей Приильменскихъ и остальныхъ частей Европы, гдѣ найдены такіе же какъ въ Коломцахъ черепа,—были устроители основъ Русской государственной жизни, Ильменскіе Славяне Новгородцы.*

Но этотъ выводъ, какъ ни успокоителенъ для мысли, не даетъ еще права прекратить дальнѣйшія изысканія; онъ вытекаетъ изъ сравненія только череповъ; между тѣмъ, ни антропологическія, ни анатомическія знанія не достигли единогласія, не добрались еще до истины. Хотя нашъ, наиболѣе потрудившійся, антропологъ А. П. Богдановъ, основываясь на 25-ти лѣтнихъ личныхъ наблюденіяхъ надъ черепами кургановъ и древнихъ усыпальницъ, пришелъ къ заключенію, что древнѣйшее племя средней Россіи было длинноголовое и длиннолицее; хотя другой ученый, А. А. Иностранцевъ, высказалъ о найденныхъ въ Ладожскомъ побережьи, длинноголовыхъ черепахъ, что они принадлежатъ тому родоначальному племени, которое дало въ позднихъ своихъ потомкахъ населеніе большинству нашихъ кургановъ, и наконецъ хотя черепа Новгородскіе и Коломцевскіе не уступаютъ ни по древности, ни по

длинноголовости и длиннوليцести курганнымъ и Ладожскимъ, но оба мнѣнія ученыхъ высказаны, во-1-хъ, о древнѣйшихъ насельникахъ срединной Россіи безъ прямого отождествленія ихъ съ позднѣйшими, временъ нашихъ лѣтописныхъ, разстояніе между которыми и курганными не опредѣлено, и, во-2-хъ, безъ справокъ съ данными другихъ, сверхъ черепныхъ, знаній, обнимаемыхъ областью народовѣдѣнія.

На послѣднемъ международномъ конгрессѣ доисторической археологіи и антропологіи въ Москвѣ, докладъ А. П. Богданова о древнѣйшихъ длинноголовыхъ и длиннوليцыхъ насельникахъ срединной Россіи, какъ предкахъ Славяноруссовъ или Великоруссовъ, вызвалъ горячіе споры, занявшіе три дня засѣданій. Существо высказанныхъ при этомъ возраженій сводится, главнѣйше, къ слѣдующему:

Однихъ краниологическихъ, т. е. выводимыхъ изъ изученія череповъ, данныхъ для убѣдительности заключенія о происхожденіи теперешняго населенія той или другой части Европы, отъ предковъ, — захороненныхъ въ погребальныхъ сооруженіяхъ и залегающихъ въ землѣ при самой древней обстановкѣ каменнаго вѣка, — хотя бы и близкихъ между собою, по виду череповъ, еще недостаточно; для такого заключенія нужно, чтобы черепныя указанія согласовались съ другими, каковы, напримѣръ, сравнительное языковѣдѣніе, вѣроученіе, крупныя черты нравовъ и обычаевъ, имена мѣстностей, исторія и проч. (мнѣніе профессоровъ: Рудольфа Вирхова, Кольмана и другихъ).

На основаніи двухъ нашихъ сообщеній объ описанныхъ находкахъ поставленъ былъ для рѣшенія Москов-

скаго конгресса вопросъ о доисторическихъ Новгородцахъ по раскопкамъ, и о томъ, гдѣ именно слѣдуетъ производить дальнѣйшія изысканія въ этомъ направленіи. Полагая, что ставимые международному конгрессу вопросы объявляются предварительно для того, чтобы вызвать въ работающихъ по нимъ подготовку, мы представили обширный сводъ данныхъ, собранныхъ по этому вопросу, — и провели, между прочимъ, нѣкоторыя, если не по всѣмъ, то по многимъ, на конгрессѣ высказаннымъ западными и нашими учеными, отраслямъ знаній, необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, для окончательнаго вывода о родоначаліи нынѣшнихъ насельниковъ Европы и Россіи.

Между тѣмъ по вопросу о Новгородцахъ на конгрессѣ не заводилось и рѣчи, хотя упомянутыя наши сообщенія были доложены (они напечатаны въ I томѣ предварительныхъ трудовъ конгресса, гдѣ сказано и объ обширной, названной сейчасъ сводомъ, запискѣ), такъ что нашъ сводъ данныхъ остается въ рукописи. Здѣсь приведемъ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ основу въ описанныхъ находкахъ.

II. Рѣчь.

Рѣчь человѣка — самый долговѣчный и самый дорогой изъ бытовыхъ его памятниковъ. Коренясь глубоко во внутренней природѣ, она постоянно растетъ и развивается въ зависимости отъ подъема духовнаго уровня и внѣшняго благосостоянія того племени, которое говоритъ изслѣдуемымъ языкомъ.

Мы упомянули уже мимоходомъ о значеніи нашего

языка для всей семьи языковъ европейскихъ. Сравнительные языковѣды, изучающіе болѣе ста лѣтъ говоръ европейцевъ и доискивающіеся корня его, пришли къ единоголосному почти заключенію, что прародителя этого говора слѣдуетъ искать не въ Азіи, не въ языкѣ священныхъ книгъ Арійцевъ, какъ до сихъ поръ думали, а въ полуночи той же Европы, и что родоначаліе или прародительство всѣхъ, за весьма немногими исключеніями, бытующихъ въ Европѣ говоровъ, по корнямъ словъ, означающихъ предметы, ихъ дѣйствіе и состояніе, и по производнымъ отъ нихъ, равно по приставкамъ въ началѣ и въ концѣ словъ, видоизмѣняющимъ смыслъ и значеніе (лексическій и грамматическій составъ языковъ),—принадлежитъ языку Славяно-Литовскому.

Принимая этотъ взглядъ за послѣдній выводъ науки, припомнимъ перечень словъ съ корнемъ «кол», и замѣтку нашу, что вездѣ, гдѣ оставили къ IX вѣку по Р. Х. Славяне слѣды своего сидѣнья въ Европѣ, они оставили и имена поселеній, производящіяся отъ этого же корня. Теперь, осмотрѣвъ и объяснивъ находки, сдѣлаемъ къ той замѣткѣ дополненіе:— гдѣ залегаютъ кости длинно-головыхъ первонасельниковъ Европы, тамъ живутъ до сихъ поръ имена населенныхъ мѣстъ съ корнемъ *кол*; гдѣ преобладаютъ короткоголовые черепа и обнажаются коренныя мѣсторожденія горныхъ породъ полуночья Европы и Азіи, Сибири, встрѣчаемыя въ Коломцахъ и въ Новгородѣ (асбестъ, янтарь, слюда и пр.), тамъ этотъ корень повторяется тоже въ именахъ поселеній, рѣкъ и ручьевъ. Явленіе любопытное и знаменательное.

Въ нашемъ перечнѣ приведены не всѣ слова съ кор-

немъ «кол»; въ рѣчи Финновъ и Эстовъ, этихъ неразгаданныхъ обитателей негостепріимныхъ окраинъ Европы, словами *колома*, *коломъ* означаетъ числительное *три*. Народовѣды замѣчаютъ, что въ небогатыхъ говорахъ слабо развитыхъ племенъ одно слово означаетъ часто два-три и болѣе предметовъ, имѣющихъ нѣкоторое соотношеніе между собою. Какъ по землямъ Финновъ и Эстовъ, такъ и по Россіи встрѣчаются одинаково часто и при одинаковыхъ условіяхъ трехсторонніе шалаши, сооружаемые изъ трехъ кольевъ, вбитыхъ въ землю такъ, что охватываемая нижними концами площадь даетъ очертаніе равносторонняго треугольника; верхніе концы скрещиваются взаимно въ одной точкѣ. Снаружи пространство между каждою парюю кольевъ забираютъ древесными вѣтвями или соломою и прикрываютъ глиною, землею, пескомъ,—что подъ руками; острый верхъ имѣетъ отдушину, а въ одной изъ трехъ сторонъ оставляются двери для входа, завѣшиваемыя плетенкою изъ прутьевъ или изъ осоки. Такіе шалаши дѣлаютъ деревенскіе, при полевыхъ воротахъ на проѣзжей дорогѣ, сторожа, лѣсники, рыбаки и другіе. Иногда, если шалашь на пригоркѣ, въ немъ дѣлается углубленіе. По берегамъ Ильменскихъ рѣкъ подобные шалаши устраиваются рыбаками, безъ отдушины, съ печью, оконцемъ и досчатою дверью; они такъ прочны и теплы, что рыбаки живутъ тутъ круглый годъ. Жилище челоуѣка — первый предметъ необходимости; переходъ отъ трехъ сторонъ шалаша въ небогатомъ говорѣ къ числительному *три* — ближайшій и понятный. Поэтому поводомъ къ изобрѣтенію числительнаго въ языкѣ Финновъ и Эстовъ послужилъ

коломъ—въ томъ же значеніи, какъ и въ русской рѣчи, т. е. дома, жилища человѣка.

У Сибирскихъ Остяковъ, живущихъ по Енисею и между нимъ и Обью, числительное три выражается словомъ *колимъ*.

Американскіе ученые языковѣды (по Мальтъ-Брюнну) нашли, что въ языкахъ великой Пермской семьи, или нашего полуночья Европы и Азіи, повторяются корни и цѣльные слова въ томъ же значеніи, какое имѣютъ они въ многочисленныхъ говорахъ исконныхъ насельниковъ полуночья же Новаго Свѣта. Тамъ мы знаемъ слова калли, колли, означающія жилище. Тамъ же у Чилийцевъ для числительнаго три—слова *кула*.

Въ заключеніи перечня словъ, созвучныхъ Коломцамъ, приведено предположеніе, что Греки и Римляне заимствовали въ свою рѣчь тѣ же и съ такимъ же, какъ наши, значеніемъ слова отъ первоначальниковъ Европы. Здѣсь добавимъ, что, по изысканіямъ американскихъ языковѣдовъ, въ языкахъ Пермской семьи и исконныхъ обитателей Америки нѣтъ ни одного корня, который указывалъ бы на сродство его съ корнями Греческими и Римскими, и давалъ бы производныя одинаковаго значенія. А какъ ни одинъ изъ европейскихъ языковъ не имѣетъ такого, какъ нашъ, множества производимыхъ отъ «кол» — и такого же опредѣленнаго означенія ими понятія о кругломъ и полномъ, — о жилищѣ и домѣ, западные языковѣды правы: прародитель всей семьи языковъ европейскихъ громко высказывается въ этомъ корнѣ, и слѣдовательно слово Коломцы, означающее маленькія хижины (Колибицы Пролога), соответствующія внѣшности большинства Русскихъ кургановъ, сооружавшихся

на подобіе жилищъ живыхъ людей,—мы имѣемъ право считать изобрѣтеніемъ первоначальниковъ Европы, занявшихъ Ильменско-Волховское побережье, то-есть родоначальниковъ устроителей основъ Русскаго государства.

Корень «кол» и производныя отъ него слова, въ томъ же какъ и наши значеніи, слышатся, какъ мы видѣли, въ азіатскомъ и американскомъ полуночьи. У Алеутовъ есть еще и другое слово, означающее—домъ, жилище, и нечуждое нашей рѣчи; эти обитатели западныхъ окраинъ Америки и ближайшихъ острововъ называютъ мѣстожительство человѣка словомъ «*уладокъ*».

На устьи Волхова, гдѣ обнаружены бытовые остатки, изслѣдованные А. А. Иностранцевымъ, въ перволѣтописныя наши времена существовало поселеніе съ именемъ Ладога. Оно теперь существуетъ, хотя перенесено на новое мѣсто при Петрѣ Великомъ, потому что уровень озера, въ которое впадаетъ Волховъ, называвшагося въ древности «*Нево*», понизился и устье Волхова удалилось отъ древняго верстъ на пятнадцать. Теперь старое поселеніе называется въ народѣ Старою Ладогою, а новое Новою,—самое же озеро Ладожскимъ.

Западные и наши ученые старались объяснить различными путями происхожденіе имени Ладога, то, въ зависимости отъ равнины или низины, среди которой образовалось это поселеніе—видѣли въ этомъ имени Литовскій корень «лат»—что соответствуетъ понятію широко-низкаго;—приписывали это имя богу веселія *Ладо*, то, наконецъ, довольствовались зауряднымъ пріемомъ, производя имя Ладоги отъ испорченнаго нами нѣмецкаго *Aldagen*. Дѣйствительно, подобная порча чужеземныхъ словъ встрѣчается въ каждомъ языкѣ,—то же повто-

руется и въ нашемъ; Стокгольмъ, на примѣръ, въ XVI и позднѣйшихъ вѣкахъ, называли Стекольномъ или Стекольными городами и проч.

Въ старинныхъ нашихъ письменныхъ памятникахъ нѣкоторыя слова, и теперь употребляемая въ томъ же значеніи, имѣютъ приставку звукового знака *у* въ началѣ, такъ: «Усрѣтеніе Господне, усерязь, укропнихъ» означающія Срѣтеніе, серьга, кропило, употребляемое при молебнахъ для spryskivaniya, т. е. окропленія святою водою.

Если прибавить къ имени Ладога эту же приставку, получится слово очень близкое къ Алеутскому «уладокъ», и означающее то, что улажено, устроено, сдѣлано.

Въ Русскомъ говорѣ держатся слова, происходящія отъ корня «лад» и имѣющія одинаковый съ приведенными смыслъ, на примѣръ: ладья, ладно, ладъ, — т. е. согласіе (ни складу ни ладу, говоритъ народъ) и проч., такъ что и производитъ имя Ладога отъ уладка—вообще небезосновательно.

Близъ Новгорода есть мѣстность Лядка, близко подходящая къ «уладку».

Корнесловіе—область широкая и темная,—въ ней заблудиться легче, чѣмъ во всякой другой, на пути нашихъ изысканій. Потому необходимо имѣть данныя, которыя могли бы служить звеньями, связующими нашу Ладогу съ Алеутскимъ уладкомъ; мы находимъ нѣкоторыя, такъ:

а) слюдяныя пластинки съ дырочками встрѣчаютъ только въ сосѣдней съ Алеутами землѣ Мексиканскихъ дикарей. У Чилийцевъ есть созвучное нашему коло слово,

повторяющееся у Остяковъ, Финновъ и Эстовъ въ объясненномъ значеніи;

б) лѣсные дикари Верхней Америки, Индѣйцы племенъ *Чипиуенъ* и *Книстено*, сохраняютъ, по свидѣтельству Мекензи, путешественника второй половины прошедшаго столѣтія, преданіе, что ихъ предки жили счастливо на Западъ отъ нынѣшней земли, но злой народъ принудилъ ихъ оставить древнія жилища; они долго скитались по непроходимымъ болотистымъ и снѣжнымъ пустынямъ и дошли до огромнаго мелководнаго озера, съ множествомъ острововъ; перебравшись черезъ него—вступили на твердую землю, двигаясь по которой дошли до такого мѣста, гдѣ вся поверхность была покрыта въ ростъ человѣка мѣдью, — тутъ они и поселились. Не трудно узнать въ далекомъ западѣ нашу Сибирь съ ея тундрами; въ большомъ озерѣ—Беринговъ проливъ, а въ землѣ, покрытой мѣдью, ту, посреди которой протекаетъ рѣка Мѣдная, гдѣ и живутъ Чипиуенъ и Книстено-Индѣйцы;

в) у тѣхъ же Индѣйцевъ держался въ Мекензіево время обычай хоронить своихъ покойниковъ въ каменныхъ могилахъ, поверхъ которыхъ ставился столбъ съ вырѣзаннымъ на немъ знакомъ племени; въ могилу клались свѣжія древесныя вѣтви. У Камчадаловъ, Чукчей и другихъ Сибирскихъ инородцевъ также хоронили въ каменныхъ могилахъ во времена Крашенинникова, ближайшія къ Мекензіевымъ, и также употребляли древесныя вѣтви;

г) у тѣхъ же Индѣйцевъ до сихъ поръ продолжается обычай продавать мѣха связками по сорока шкурокъ въ каждой;

д) въ знакъ печали объ умершемъ они же царапають и пачкають лица свои черной краской;

е) у близкихъ къ этимъ племенамъ Алеутовъ и у Сибирскихъ Камчадаловъ одинаковое преданіе, что они произошли отъ собаки-самки; и

ж) на скалистомъ берегу одной изъ Пермскихъ рѣкъ высѣчено изображеніе медвѣдя, обведенное кругомъ, а на одной изъ скалъ Верхней Америки, въ сторонѣ къ Берингову проливу, найдено то же изображеніе, но въ четырехугольникѣ. Американскіе лѣсные Индѣйцы и Сибирскіе Камчадалы чтутъ медвѣдя, какъ животное священное.

Этотъ перечень обычаевъ мы принимаемъ за звенья, связующія всѣхъ обитателей полуночья земного шара между собою въ большей или меньшей мѣрѣ и съ сельниками земель Велико-Новгородскаго державства, такъ:

Слюдная пластинка найдена въ Коломцахъ; мѣдъ издавна извѣстна была Сибирякамъ;—Чишлуень и Книстено-Индѣйцы, перебравшись въ Америку, уже знали ее; похоронные обычаи ихъ — одинъ извѣстенъ у насъ въ курганѣ Юрьевскаго жалника, другой — ставить столбъ съ надписью имени князя—знають Арабскіе писатели-путешественники по нашимъ землямъ, отчасти и начальная Русская лѣтопись; древесныя вѣтви на могилахъ встрѣчаются у Лутичей, сидѣвшихъ въ Балтійскомъ побережьи; тотъ же обычай держится и теперь въ намогильныхъ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ;—Славяне-дружинники Атиллы чернили себѣ лица и царапали ихъ въ знакъ скорби объ умершемъ вождѣ своемъ; — въ числѣ поносительныхъ словъ въ народѣ слышится «сукинъ-сынъ», въ которыхъ отражается давно забытое пренебре-

женіе нашего народа къ Камчатскимъ и другимъ племенамъ, считавшимъ своею родоначальницею собаку-самку; — остатки медвѣжьей лапы найдены въ Коломцахъ вмѣстѣ съ костями человѣка; въ древнѣйшихъ Морянскихъ могилахъ встрѣчались подобія медвѣжьихъ лапъ, вылѣпленныя изъ необожженной глины; — наконецъ, обычай вести счетъ мѣховыхъ цѣнностей «сороками, сорочками» бытовалъ въ Ильменскихъ земляхъ съ долѣтописныхъ вѣковъ, — онъ остается еще и теперь среди Сибирскихъ инородцевъ.

Дальнѣйшія изысканія могутъ открыть новыя данныя; приведенныя же указываютъ на возможность прародительства нашей Русской рѣчи не только для семьи европейскихъ языковъ, но и полночно-азиатскихъ, такъ называемой Пермской семьи.

Пути для изысканій въ этомъ направленіи уже подсказаны частію азиатскими горными народами, оказавшимися въ Коломцахъ, но они пролегають и въ другихъ областяхъ знаній. Намѣтимъ нѣкоторыя.

Красный янтарь найденъ, и притомъ только одного этого цвѣта, въ низовьи огромной Сибирской рѣки Енисея. Она беретъ начало въ Алтайскихъ отрогахъ, забѣгающихъ въ Китайскія владѣнія, и течетъ оттуда въ Сибирь двумя рукавами, называемыми каждый «Кемь». Въ Россіи, въ древнихъ областяхъ Велико-Новгородскаго державства, двѣ рѣки того же имени — Кемь, вливающіяся въ Ботническій заливъ, и Кемь — Бѣломорская; въ Бѣлое озеро впала рѣка Кема, — а въ Валдайскомъ уѣздѣ протекаетъ рѣчка Кемка.

Инородцы — Остяки, кочующіе по Енисею, имѣють числительное, вышеобъясненное «колимъ»: они называютъ

себя «Ари»; недалеко отъ Казани есть Арскій городокъ, славившійся нѣкогда обширнѣйшими сношеніями съ Срединною Азією и съ Индією; въ Обонежской Пятинѣ страны Ильменской течетъ рѣка *Ваена*. Припомнимъ «Айрьяненъ-Ваенго» санскритской книги Вендидатъ-Сааде, — и мнѣніе народовѣда Пѣше объ Арійцахъ, какъ туземныхъ европейцахъ; нѣтъ ли здѣсь тѣсной связи и не потому ли въ санскритѣ много, весьма много сходства съ Русскою рѣчью, что Арійцы переселились въ Азію, гонимые стужей, наведенною злымъ духомъ на коренную ихъ родину, изъ предѣловъ Ильменской страны, гдѣ рѣка Ваенга?

Въ числѣ Новгородскихъ пятинъ была Вотьская, гдѣ оставили слѣды обитатели ея древнѣйшихъ временъ каменнаго вѣка (кусокъ бедра мамонта). Въ европейскомъ Приуральи сидятъ теперь Вотяки; прежде, лѣтъ полтора или около того назадъ, они бродили по обѣ стороны Урала. Въ странѣ стараго сидѣнья или кочевки ихъ, въ азиатскомъ Приуральи, есть одинъ длинный и высокій отрогъ главнаго хребта, съ большимъ озеромъ на вершинѣ; отрогъ называется теперь Ильменскою горою, а озеро — Ильменскимъ. Встарину нашъ Ильмень назывался «Ильмеръ», а иногда — «Ильмаръ». Верховное божество Вотяковъ носитъ имя «Ильмеръ», «Ильмаръ» а иногда «Ильмуръ» — смотря по мѣстности, гдѣ живутъ его поклонники. Въ сидѣннѣ европейскаго Приуралья, въ землѣ Вотяковъ, рѣка притокъ Бѣлой называется Дѣма, а городъ Бѣлебеевъ. Въ землѣ Ильменской былъ Дѣманъ-городъ, — что теперь Демянскъ; — есть рѣчка Дѣмка и деревни Дѣмкины, есть и большое селеніе Бѣлебелка. Между современными Вотяками живетъ, по

свѣдѣніямъ казанскаго профессора Смирнова, преданіе, что предки ихъ поступали съ своими умершими такъ: родственникъ покойника убивалъ лучшую изъ домашней скотины, созывалъ родныхъ и друзей умершаго, жарилъ тѣло его въ перемежку съ мясомъ животныхъ и устраивалъ поминальное и погребальное пиршество, — гости и самъ онъ съѣдали такимъ образомъ тѣло покойника. Геродотъ дословно передаетъ о подобномъ же обычаѣ, существовавшемъ въ его время между Исседонами, жившими въ странѣ Скиевъ. Виленскій профессоръ Эйхвальдъ полагалъ (Библиотека для Чтенія начала 50-хъ годовъ), что Исседоны жили по рѣкѣ Иссети; — окончаніе «донъ» означаетъ жилище — городъ, какъ у древнихъ саксовъ и шведовъ — тунъ или тонъ (Сигтуна, Фолькетонъ и др.). Не этого ли обычая слѣды въ захороненіяхъ человѣческихъ костей обоихъ порядковъ на Коломцахъ?

У обитателей Вотьской пятины съ городомъ Кола — Финновъ и Лопарей, «Вѣчный Кузнецъ» ихъ Калевалы, называется «Ильмариненъ»; у Эстовъ есть Ильмаръ.

У Сибирскихъ чукчей и американскихъ индѣйцевъ ладья соотвѣтствуетъ гробу: въ ней хоронятъ умершаго и она служитъ ему въ загробной жизни для переправы на островъ блаженства. Арабскіе писатели-путешественники видѣли у Славянъ обычай сжигать богатаго покойника въ ладѣ.

Умершаго Вогула выносятъ изъ его жилища не дверью, а чрезъ особенный, на этотъ случай дѣлаемый, прорубъ. Великаго князя Владиміра святого вынесли по смерти изъ его терема чрезъ прорубъ. Въ Ильменскихъ земляхъ

существуетъ народная примѣта: прорубить въ домѣ новую дверь—къ покойнику.

У этихъ инородцевъ много сходства въ обычаяхъ съ Великороссійскими, что можно объяснить вліяніемъ недавняго сосѣдства; въ рѣчи ихъ, кромѣ слова колла, — есть и другія, очень близкія къ современному народному нашему говору, напримѣръ, въ печкѣ Вогульской хижины, одинаковой съ нашими черными, не имѣющими дымовыхъ трубъ, та часть, устье ея, или собственно верхняя половина его, называется «чоуль», — а эта же часть нашей печки—чело.

Камчадалы говорятъ, что творецъ ихъ земли «Тызыль-Кутху» выдумалъ и научилъ ихъ вязать рыболовныя сѣти изъ крапивы; у насъ извѣстны въ лѣтописи употребляемые Славянами «прѣ крапейные», т. е. паруса крапивные. На крапиву походить конопля, дающая пеньку; вѣроятно подъ крапивными здѣсь слѣдуетъ разумѣть пеньковые паруса.

Есть и еще не мало одинаковыхъ или сходныхъ обычаевъ и привычекъ среди насельниковъ полуночныхъ странъ Стараго Свѣта и Новаго и Россіи, сложившихся при сосѣдствѣ ихъ или въ зависимости отъ частыхъ сношеній. Общій сводъ тѣхъ и другихъ—задача трудная и обширная; но и отрывки приводятъ къ заключенію, что если между насельниками полуночныхъ странъ существовали сношенія или сосѣдство, они не могли не понимать взаимно другъ друга, что возможно только при сходствѣ рѣчи.

Итакъ, корень «кол» имѣлъ широкое примѣненіе на всемъ полуночьи Стараго и частію Новаго Свѣта, для составленія словъ, выражающихъ понятіе о человѣче-

скомъ жилищѣ. Сравнительное изученіе языковъ Пермской семьи, сколько намъ извѣстно, еще не начато въ Россіи, такъ что не откуда почерпнуть надежныхъ свѣдѣній о томъ, имѣлъ ли этотъ корень такое же множество словъ отъ него происходящихъ въ говорѣ насельниковъ всего полуночья Стараго Свѣта, какъ въ говорѣ русскій, — потому мы въ правѣ въ настоящее время, впредь до дальнѣйшей разработки этого предмета, основываться только на изысканіяхъ американскихъ ученыхъ и выразить догадку, что Русскій языкъ былъ праязыкомъ большинства нарѣчій Пермской семьи и дикарей американскихъ.

Обратимся теперь къ указаніямъ по тому же предмету нашего побережья и говора насельниковъ земель Велико-Новгородскаго державства, отражающагося въ нѣкоторыхъ именахъ населенныхъ мѣстъ и урочищъ, обычаяхъ и проч.

А) Славенская рѣлка.

Мѣстность, гдѣ выкопаны изъ глубины семисаженаго жилого перегноя причальные клинья (первый столъ) и гдѣ бурили артезіанскій колодець, возвышенна. Ближайшая къ берегу Волхова часть ея, тоже высокая, между нынѣшними улицами Нутною и Ново-Николаевскою, вдоль по Славной улицѣ, ближайшіе къ городу сельчане зовутъ «Релка» — релкою и релью въ Приильменьи считаютъ плоскіе, едва выходящіе изъ воды на рѣкѣ и на озерѣ пребрежные острова, намываемые, или нарываемые, весенними разливами и быстроною теченія; если позднѣйшія наносы затягиваютъ проливъ между такимъ островомъ и матерымъ берегомъ, то и образующаяся

этимъ путемъ береговая низменность называется тоже релью, релкою, а въ иныхъ мѣстахъ, по верховьямъ Пола и Ловати, лукою, если она получаетъ изогнутость къ водѣ, похожую на лукъ.

Въ Новгородской лѣтописи упоминается, въ первой половинѣ XVI вѣка, два раза «Рля въ Сливнѣ», очевидно тоже, что народъ зоветъ релкою. На изображеніи Новгорода, сохраняющемся въ Знаменскомъ соборѣ подъ образомъ Богоматери и относимомъ по многимъ изслѣдованіямъ къ самому концу XVII и даже къ первымъ годамъ XVIII вѣка, — а по нашимъ изысканіямъ писанномъ въ первой четверти XVI, — показана на мѣстѣ народной рѣлки роща.

Въ уставѣ Ярослава «о Мостѣхъ» названы «рилями» тѣ подводныя, съ поднимающеюся надъ уровнемъ Волхова поверхностью, мостовыя приспособленія, или устои, на которыхъ укрѣплялись рубленныя изъ бревень городни, т. е. надводныя мостовыя приспособленія; по нимъ шла уже самая мостовая настилка.

И такъ слова: релка, рель, риля, рля — произошли отъ корня «рыть». Причальные клинки вбиты были въ сизую глину; значитъ въ той мѣстности, гдѣ ихъ нашли, былъ водный протокъ. Выше сказано о выходѣ изъ-подъ красноватой кирпичной глины въ Волховскомъ береговомъ обнаженіи, между Славенскою стороною и Городищенскимъ холмомъ, двухъ грядъ ледниковаго щебня съ опоками. Если отсюда идти прямо на упомянутую церковь св. Ивана на Опокахъ, т. е. на тѣхъ же или на такихъ же грядахъ, — мѣстность находки причальныхъ клиньевъ придется между этими грядами, и Волховскимъ берегомъ. Сказано уже, что весною и

лѣтомъ направленіе вѣтровъ, дующихъ съ озера Ильменя, полуденно западное, прямо на Опоки; прибой волнъ къ грядѣ ихъ могъ образовать въ одно даже лѣто, — судя по нынѣшнимъ явленіямъ, — въ Волховѣ у берега съ опоками, островъ — рель. На 50 сажень отъ мѣста находки клиньевъ ближе къ Волховскому берегу четырехсаженная толща гнилого перегноя налегла, какъ мы сказали, на сизую супесь; цвѣтъ ея здѣсь блѣднѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ клинья, — слѣдовательно это та же глина, но прополосканная, то есть тутъ былъ ближайшій къ водѣ край рели. Непосредственное нанесеніе сорного перегноя прямо на супесь объясняется искусственнымъ возвышеніемъ низменнаго края рели уже въ то время, когда болѣе высокая площадь ея была заселена густо и дала для засыпки покатою готовый перегной.

Такимъ образомъ была когда-то рель на высокомъ въ настоящее время мѣстѣ находки клиньевъ и налеганія жилого перегноя прямо на свѣтло-сизую супесь.

Еслибы люди, впервые поселившіеся на этой рели, не говорили тою нашею рѣчью, которою Ильменцы обозначаютъ нарытый вешнею водою плоскій островъ и теперь, т. е. еслибы нынѣшніе Ильменцы-сельчане, — предковъ которыхъ не выселяли, какъ обитателей города, и не истребляли въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ, — не происходили отъ первоначальниковъ нашего побережья, ледниковыхъ европейцевъ, или еслибы эти послѣдніе говорили не нашею рѣчью, то какимъ путемъ дошла бы до насъ Славенская релка, представляющая возвышенность надъ рѣкою не меньше семи сажень?

Б) Гора, островъ, озеро, посидѣнье, слѣдъ.

Прикрывшая Коломецкѣй жилой перегной толща красноватой глины отложилась какъ здѣсь, такъ и вездѣ, гдѣ она встрѣчаются, при участіи водоемовъ, принудившихъ насельниковъ низменностей выбирать на горы и холмы. Высота стоянныя водоемовъ увеличивалась постепенно, что ясно выражено слоистостью глины и въ теченіе долгаго времени, на что указываетъ мощность и сжатость, особенно въ нижнихъ частяхъ, глинистой толщи вездѣ, гдѣ намъ доводилось наблюдать.

Выселившіеся изъ низинъ на холмы обитатели не оставались подолгу на невысокихъ и необширныхъ; постоянно поднимающаяся выше и выше вода неминуемо принуждала ихъ искать убѣжища на высокихъ и обширныхъ мѣстахъ; на холмы же и на горы выбирались, подобно людямъ, и животныя, служившія имъ пищею. Поселившіеся на обширномъ, хотя бы и высокомъ холмѣ, люди скоро уничтожали животныхъ, такъ что, независимо отъ подступавшей воды и голодъ заставлялъ искать мѣсть болѣе обширныхъ и лѣсныхъ, чтобы не погибнуть ни отъ воды, ни отъ голода.

По поводу водоемовъ умѣстно сдѣлать небольшой перерывъ въ соображеніяхъ, имѣющихъ направленіе въ область изысканій о нашей рѣчѣ, и вернуться на нѣкоторое время назадъ, къ вопросу о прирученіи животныхъ.

Изъ указаній Ладожскаго побережья мы знаемъ, что холмы болѣе четырехъ сажень высоты надъ нынѣшнимъ уровнемъ Усть-Волховской воды не имѣютъ отложеній красноватой кирпичной глины, открывая на вершинахъ

обнаженія ледниковыхъ осадковъ; это говоритъ, что водоемы выше четырехъ сажень не поднимались. Холмовъ такой высоты много по Ильменско-Волховскому побережью. Какъ человекъ, такъ и животныя, пережившіе здѣсь зиму и не перебравшіеся на болѣе высокіе и болѣе обширныя, поневолѣ должны были оставаться тутъ и лѣто. Въ обломкахъ сочленовыхъ головокъ преобладаютъ кости животныхъ, въ которыхъ очевидно не было въ Приильменьи недостатка до водоемовъ. Во время же водоемовъ человекъ, обладавшій уже достаточною наблюдательностью, что показали Коломецкія находки, — не могъ не замѣтить способа воспитанія млекопитающими своихъ телятъ, тѣмъ болѣе, что оно соотвѣтствуетъ и воспитанію грудныхъ дѣтей женщиною. Семейная жизнь была уже между Коломчанами достаточно развита. Если во время водоемовъ погибала или умирала мать грудного ребенка, — какъ продолжать его воспитаніе? Проживавшія тутъ же корова съ теленкомъ, коза съ козленкомъ и другія животныя могли быть кормилицами малютокъ; поймать живую одну изъ жвачныхъ самокъ при необширности холма, гдѣ они проживали, не представляло особенной трудности: западня, подобная нынѣшней волчьей ямѣ, скоро могла доставить кормилицу. На готовомъ кормѣ и въ покоѣ жвачное легко привыкаетъ къ человеку и къ неволѣ.

Такимъ образомъ прирученіе животныхъ могло начаться, въ нашей, по крайней мѣрѣ мѣстности, во время водоемовъ и съ жвачныхъ.

Собака же, въ лицѣ ея родоначальницы — лисицы, этой плутоватой и неисправимой воровки, сама пристала къ жилью человека во время тѣхъ же водоемовъ: выловивъ и поѣвъ на холмѣ подильныхъ для нея звѣрковъ, ли-

сица бродила около жилья, чтобы поживиться хотя мясными отбросами. Примѣтить особенную чуткость и лай сосѣдки было легко, — оставалось человѣку только изловить лисицу живою и держать ее нѣкоторое время на привязи, не отказывая въ подачкахъ.

Въ Приладожьи бытовые остатки человѣка найдены поверхъ красноватой кирпичной глины; тамъ оказались два черепа, принадлежащіе, по изслѣдованію Д. Н. Анучина, московскаго профессора, двумъ видамъ собаки. Въ Даніи также найдены въ кучахъ отбросовъ собачьи черепа. Палеонтологи не открыли еще разныхъ отличій животныхъ первыхъ временъ прирученнаго состоянія, чтобы по нимъ безошибочно опредѣлять принадлежность костей именно имъ, а не дикимъ. Хотя такія отличія и устанавливаются для собакъ и ихъ родоначальниковъ, лисицы и волка, но еще не настолько обоснованно и прочно, чтобы исключали возможность ошибокъ, — такъ что въ настоящее время палеонтологи еще въ потемкахъ, затрудняющихъ распознаваніе животныхъ прирученныхъ и дикихъ и не имѣющихъ данныхъ, которыя дѣлали бы излишнимъ наше по этому предмету предположеніе.

Засимъ будемъ продолжать изложеніе изысканій о нашей русской рѣчи. По Россіи, а особенно въ Ильменскихъ земляхъ, разсѣяно много поселеній, называемыхъ горами и островами, хотя въ большинствѣ ихъ не примѣтно ни горъ, ни острововъ. Въ самомъ Новгородѣ, на равнинѣ, въ древнемъ Людиномъ концѣ, переименованномъ впослѣдствіи въ Горончарскій или Гончарскій, на Неревской сторонѣ, есть обширное огородное мѣсто, называемое въ лѣтописи и теперь «Митрополичь Островъ». У Дѣтинца, между нимъ и Волховскимъ берегомъ мѣст-

ность, населенная служителями архіерейскаго дома, называется «Островки» — или «Островокъ владычень».

Въ писцовыхъ книгахъ XV—XVI вѣка Обонежской пятины поселенія называются также Островами и Горами, но чаще *озерами, посидѣньями и слѣдами*, съ присоединеніемъ имени личнаго, почти всегда звучащаго не нашею рѣчью (Неволинъ «О пятинахъ»).

На Тиманѣ, въ Печорскомъ краѣ и въ Приуральи подобныхъ названій не встрѣчается, хотя они соотвѣтствовали бы кочевому образу жизни тамошнихъ обитателей. Ближайшимъ объясненіемъ такого явленія представляется, на нашъ взглядъ, первоначальное образованіе поселеній и происхожденіе необыкновенныхъ наименованій ихъ тѣми водоемами, которые принуждали людей переходить съ холма на холмъ, съ горы на гору.

Слѣдовательно—Славенская релка указала, что ледниковые первоначальники Ильменско-Волховскаго побережья говорили нашею рѣчью, а горы, острова, посидѣнья и слѣды свидѣтельствуютъ, что люди, переживавшіе время водоемовъ, говорили тою же рѣчью; гдѣ, какъ на Тиманѣ и на Уралѣ, не было водоемовъ, или не было вовсе поселеній, тамъ нѣтъ и соотвѣтственныхъ нашимъ наименованій жилыхъ мѣстъ.

Западные ученые языковѣды признаютъ проязыкомъ Европы не одинъ только Славянскій, но Славяно-Литовскій. Чтобы уяснить, что такое Литва и почему языкъ Литовскій близокъ къ нашему, обратимся къ допросу бытовыхъ остатковъ Ильменской страны наземныхъ, то есть находящихся на поверхности земли.

В) Гора Нередица.

Сказано, что изъ гряды холмовъ, охватывающихъ правую, Славенскую половину Новгорода, ближайшіе къ правому берегу Волхова Городищенскій и Нередицкій, или гора Нередица. Сказано также, что если старый городъ, вмѣсто котораго устроился Новгородъ, назывался Славенскомъ и былъ въ сторонѣ отъ нынѣшняго, онъ могъ быть на холмахъ Городищенскомъ и Нередицкомъ. Между названными холмами идетъ протокъ Волхова, выходящій изъ него сряду за Городищенскимъ на полдень и впадающій въ протокъ Жилотуга — Ловошню. Между обоими половинами Новгорода протекаетъ Волховъ. Значитъ, когда предполагаемый Славенскъ перешелъ съ Городищенскаго холма и Нередицы внизъ по Волхову на ближайшіе, болѣе обширные холмы, онъ сохранилъ то же имя, въ Славнѣ, въ Славенскомъ холмѣ и въ Славенской сторонѣ, для правой половины, и въ Неревской сторонѣ — лѣвой. Имена Славно и Славенскъ чисто русскія, но Нередица и Неревская сторона звучатъ въ первой половинѣ слова не нашимъ говоромъ.

Изъ озера Чудскаго, или Пейпуса, выпла рѣка Нарова; въ упомянутой книгѣ «Большой Чертежъ» она названа Нерова. На Неревской сторонѣ существуютъ до сихъ поръ улицы съ древнѣйшими именами: Чудинцева, Прусская и Людгоща, передѣланная въ Легощюю.

О происхожденіи имени Неревской стороны писали: Кіевскій митрополитъ Евгеній Болоховитинъ, Карамзинъ и архимандритъ, впослѣдствіи епископъ, Макарій, изучавшій Новгородскія церковныя древности. Первые двое

объясняютъ это имя заимствованіемъ отъ рѣки Неровы, а послѣдній ставитъ его, сверхъ того, въ причинную связь съ горою Нередицею, полагая, однако же, что эту послѣднюю, какъ стоящую не въ ряду улицъ Новгорода, слѣдуетъ называть Нерядицею. Производство отъ Неровы, хотя и оправдывающееся улицею Чудинцевою, т. е. населенною Чудью, сидѣвшюю около плеса озера Пейпуса, названнаго по этому озеромъ Чудскимъ, нельзя считать удовлетворительнымъ: имя рѣки Неровы столько же чуждо нашей рѣчи, какъ и Нередицы.

Корень Нередицы, Неревской стороны и Неровы слышится въ многихъ названіяхъ селеній и рѣкъ полночной восточной части Россіи Европейской и Сибири, начиная отъ земли Мери и даже въ полуденной Азіи, такъ:

Въ полуденной Азіи, гдѣ сидѣли Арійцы, оставившіе священныя книги санскритскаго языка, есть рѣка Неръ-Будда.

Въ Сибири: въ Алтайскихъ горахъ, городъ Нерчинскъ; въ Тобольской землѣ — рѣка и селеніе Нерда: Остяцкіе улусы Неримово и Нероховскій; въ Азіатской половинѣ Пермской земли — Неромъ-карра, — гора, на которой стоитъ Верхотурье.

Въ Европейской Россіи: въ Большеземельной тундрѣ Мезенскаго уѣзда, рѣка Нерица; въ землѣ Мери, озеро Неро, три рѣки Нерли, деревня Нередищи, село Инеры и городъ Нерехта.

Въ языкѣ Зырянъ слова *Нуро*, *Нюре* и *Нуро* означаютъ мокрую, заболотившуюся мѣстность.

Въ Тихвинскомъ уѣздѣ селенія Нюрево и Нурговичи; въ Крестецкомъ — пустошь Нурцы на рѣкѣ Холовѣ; въ Демянскомъ и Новгородскомъ, деревни: Неро-

новъ-боръ, Нерово и Нороново и пустошь Нерониха, рядомъ съ нашими Коломцами. Въ Польшѣ есть большая страна, называемая Нурскою.

Изъ возвышенности, на которой стоитъ Верхотурье, называемой Неромъ-карра, вытекають—ручей Кольскій, цѣлебный, обратившійся въ рѣку Коло, и рѣчка Неромка; въ Алтайскихъ горахъ, гдѣ Нерчинскъ—городъ Колывань, въ Польшѣ—городъ Коло.

Имена селеній и урочищъ долговѣчны, если, разумѣется, новые находники не передѣлають ихъ, подобно, на примѣръ, нѣмцамъ, измѣнившимъ чисто Славянскія названія жилыхъ мѣстъ по своему говору до неузнаваемости. Происхожденіе именъ обиталищъ людей совпадаетъ съ перевозаселеніемъ человѣкомъ той или другой мѣстности и вызывается необходимостью для сношеній обитателей ея. Такія прозванія звучатъ именами личными, и, если поселки сосредоточены въ землѣ одноплеменниковъ, соотвѣтствующими племенному говору,—въ противномъ случаѣ—личными же, но другого говора, принадлежащаго новымъ находникамъ, селящимся среди исконныхъ обитателей края. Въ Россіи все Русское,—потому къ поселкамъ коренныхъ обитателей съ именами личными, или предметными не прибавляють родового ихъ имени, а говорятъ: Васильевщина, Петровско, Неурожайка, Каменецъ и проч., если же среди Русскаго населенія сидятъ иноплеменники, имена ихъ поселковъ звучатъ ихъ говоромъ, неудобозапоминаемымъ Русскими, называемыми подобные поселки деревнями—Чухонскою, Татарскою, Нѣмецкою и проч., или, если поселки иноплеменниковъ входятъ, какъ составныя части, въ Русскія, съ Русскимъ именемъ, на примѣръ, деревня Голо-

духа,—собственное имя остается и за частію поселка съ обитателями иноплеменными, но называется *Нѣмецкая Голодуха* и т. д.

Поэтому разбросанныя по землямъ Велико-Новгородскаго державства селенія и урочища съ корнемъ «Нер», говорятъ, что они основаны иноплеменными или хотя и одноплеменными, но иноземельными выходцами. Предположимъ, что выходцы болотной страны, говорившіе рѣчью, въ которой мокрыя земли назывались по-зырянски, носили имя Нюрянъ или Нерянъ, въ такомъ случаѣ поселки съ корнемъ «Нер» будутъ принадлежать имъ.

Геродотъ, жившій за четыре столѣтія до Р. Х., даетъ намъ свѣдѣнія о древнѣйшихъ насельникахъ нынѣшней Россіи, называя ихъ Скиѣами и не-Скиѣами.

Кто такіе Скиѣы—еще не выяснено. Нѣкоторые изслѣдователи, начиная съ Байера, т. е. съ половины прошлаго столѣтія, полагають, что Скиѣы это Чудь, доказывая свое положеніе звуковыми особенностями Греческаго языка сравнительно съ Русскимъ, сказывающимися въ обиліи у насъ и отсутствіи у Грековъ шипящихъ звуковъ, для выраженія которыхъ на письмѣ у Грековъ вовсе нѣтъ соотвѣтственныхъ знаковъ. Извѣстный славистъ Шафарикъ писалъ, что ближайшимъ, подходящимъ къ нашему *ч* сочетаніемъ греческихъ знаковъ письменности будутъ *ск*. Наши старые письменные памятники слово Чудь изображаютъ чрезъ *ю*, *Чюдъ*; это *ю* соотвѣтствуетъ греческому знаку «юpsilon» греческое *ө* произносится то какъ русское *ф*, то какъ *т*. Но звукъ *т* въ нѣкоторыхъ нашихъ словахъ не отличаетъ даже и русскій малограмотный человѣкъ отъ *д*, на примѣръ: лодка, дудка, будка, шутка и проч. Греку, поэтому,

простительно смѣшать *d* съ *m*. Такимъ образомъ въ Геродотовомъ *Σκόθης* читаютъ Чюди, или Чудь.

Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, при перечисленіи разныхъ народовъ, населявшихъ въ древности Россію, и имѣвшихъ каждый *свою власть*, между прочимъ сказано: «а Чюдь—Новгородци свою».

Въ числѣ не-Скиевъ Геродотъ называетъ Невровъ; если читать имя ихъ по Эразмову произношенію, оно будетъ звучать нѣсколько иначе Нейрои, что близко къ Нюри зырянъ. Невровъ Геродотъ селить, примѣрно, въ Пинѣ, въ мѣстности болотистой, и сказываетъ, что за вѣкъ до Даріева похода, т. е. около 600 лѣтъ до Р. Х. Нейрои должны были покинуть свою страну и поселиться въ землѣ Будиновъ, такъ какъ появилось въ прежней ихъ оубдлости множество змѣй. Въ землѣ Будиновъ, по Геродоту, было большое озеро, окруженное лѣсами и поросшее въ берегахъ тростникомъ; въ лѣсахъ и водахъ водились: боберъ, выдра, лось и другія животныя;—былъ тамъ и большой деревянный городъ, обнесенный деревянною же стѣною—Гелонъ, основанный греческими выходцами, Милетцами.

Страбонъ, писавшій около Р. Х., знаетъ *Невриевъ* въ Галліи, какою она была въ его время; Аммианъ Марцеллинъ, писатель IV вѣка по Р. Х., селить Невріевъ тамъ, гдѣ Оковскій или Волоковскій лѣсъ начальной нашей лѣтописи.

Во второмъ Переяславскомъ лѣтописцѣ упоминается, въ томъ же какъ и въ приведенномъ Архангелогородскомъ мѣстѣ, «Нерома, сирѣчь, Жмудь»; тутъ же объясняется, что Литва исконные данники и конокормцы Руси.

Тамъ, гдѣ Оковскій лѣсъ и отъ него къ западу—на полдень, въ Россіи и въ восточной части нынѣшней Пруссіи, а также къ западу и къ полночи сидѣли, въ предлѣтописные наши вѣка, Кривичи, другіе Славяне и Чудь. Всѣ они состояли подъ главенствомъ верховнаго жреца Криве-Криветто и исповѣдывали вѣру по одному изъ толковъ Буддійской (Чертковъ, Петрушевскій—Берлинскій профессоръ и др.).

Въ средне-лѣтописные же наши вѣка тамъ сидѣли: Литва, Жмудь, Чудь и др. мелкія племена, а также и по восточному побережью Балтійскаго моря.

Слѣдовательно, имя Нейроевъ или Невровъ Геродота, Невріевъ Страбона и Аммиана Марцеллина, какъ народа, или племени—исчезло еще въ до лѣтописныя наши времена, оставивъ только слѣды въ перечисленныхъ названіяхъ селеній и урочищъ и въ памяти составителя Переяславскаго лѣтописца.

Безслѣдно же исчезъ и народъ Меря, въ землѣ котораго такъ много остатковъ Нейроевъ, Невровъ, или Невріевъ, въ именахъ селеній и рѣкъ, что самое имя *Меря*, *Меряне* можно предполагать происшедшимъ отъ нихъ въ позднѣйшей передѣлкѣ.

Геродотову Гелонъ и озеро въ землѣ его Будиновъ видятъ Шафарикъ и его послѣдователи въ Ильменской странѣ, въ нашемъ Ильмени и въ Новгородѣ.

Наши по этому послѣднему предмету изысканія вносятъ поправку въ мнѣніе Шафарика. Незнакомый съ мѣстными подробностями ученый славистъ-иноземецъ не останавливался на нихъ; для насъ же это обязательно.

Изъ того же Оковского лѣса вышла и впала въ Иль-

мень рѣка Шелонь; на берегу ея у самаго устья лежитъ селеніе, погостъ Голино. По мнѣнію покойнаго профессора К. А. Неволіна, возникновеніе погостовъ, называемыхъ не по имени храмовъ ихъ, относится ко временамъ до крещенія Руси, значитъ Голино — поселокъ древній, имѣвшій, по самому названію погостомъ, особо выдающееся значеніе среди мѣстнаго населенія. Недалеко отъ Голина упомянутыя Коростыня и Выбитъ. Добавимъ сказанное о Выбити, какъ предполагаемой родинѣ св. Ольги, что по Якимовой лѣтописи равноапостольная княгиня приходилась правнукою Гостомысла, или того вождя Новгородцевъ, которому принадлежитъ мысль объ основаніи нашей государственной жизни, и что въ Болгаріи есть мѣстечко Выбутъ, послужившее для нѣкоторыхъ нашихъ писателей поводомъ считать св. Ольгу Болгаркою.

Упомянуто уже, что преобладающее весною и лѣтомъ направленіе вѣтра въ Ильменско-Волковскомъ побережьи полуденно-западное. Во всей Ильменской странѣ, у Ладжанъ и Онежанъ, или, по Новгородскому произношенію, Онижанъ, а также у Поморовъ и по берегу Ледовитаго моря, вѣтеръ полуденно-западный, дующій отъ Устья Шелони на Коломцы, Городище, Нередицу и Новгородъ, называется *Шолонникъ*.

По отсутствію въ Греческомъ языкѣ знаковъ, соответствующихъ нашимъ шипящимъ, Греки должны замѣнять ихъ ближайшими, соответствующими нашимъ гортаннымъ, въ которыя переходятъ шипящія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ: Геродотова Гелонъ лежала на устьи р. Шелони, начальный звукъ имени которой грекъ могъ изобразить знаками Γ или Χ. Она была тамъ именно, гдѣ

древній погостъ Голино. Основаніе ея Милетскими выходцами относится къ тѣмъ временамъ, когда наше побережье было заселено густо и славилось своими промыслами, вызвавшими сношенія съ Ильменцами отдаленныхъ народовъ и въ числѣ ихъ Милетскихъ Грековъ. Гелонцы пріучили нашихъ бережанъ къ ихъ привознымъ лакомствамъ настолько, что Ильменцы съ особеннымъ оживленіемъ ждали прибытія судовъ Гелонцевъ съ попутнымъ отъ устья Шелони вѣтромъ, прозваннымъ ими по этой причинѣ Шелонникомъ.

Вводя эту поправку въ высказанное Шафарикомъ мнѣніе и видя въ числѣ Коломецкихъ сочленовыхъ головокъ принадлежащія всѣмъ тѣмъ животнымъ, которыя водились, по словамъ Геродота въ землѣ Будиновъ, мы находимъ, во-первыхъ, что Гелонъ лежала на устьи Шелони, среди владѣній богатыхъ Ильменцевъ, потомки которыхъ, сдѣлавшись крупными собственниками земель, густо заселенныхъ, стояли во главѣ управленія страной и прозывались старѣйпинами или князьями, — изъ нихъ одинъ, олицетворенный какъ Гостомысль, далъ своимъ согражданамъ совѣтъ призвать его сосѣдей по землямъ, съ ихъ дружинами, для порядка и охраны всей страны; во-вторыхъ, что еще за 600 лѣтъ до Р. Х. земли Ильменцевъ охватывали и ту часть Славянскихъ лѣтописныхъ предѣловъ, гдѣ Оковскій лѣсъ, т. е. откуда берутъ начало рѣки: Волга, Днѣпръ, Западная Двина, Ловать и Шелонь, и въ-третьихъ, — что Геродотовы Будины, въ землю которыхъ переселились его Невры, были Ильменцы.

Объ имени «Будины» нами сдѣланы самостоятельныя изысканія, которыя приведемъ ниже.

По таковымъ основаніямъ имена Нередицы и Неревского конца представляются отголоскомъ соединенія на Ильменско-Волховскомъ побережьи коренныхъ первоначальниковъ его съ позднѣйшими находниками-союзниками Неврами.

Относительно тождества Невровъ съ Литовцами говорятъ Шафарикъ и другіе; тоже подтверждается соседствомъ Невривъ Амміана Марцеллина съ предѣлами Литовскаго княжества въ долѣтописные и въ первоѣтописные вѣка Литвы и Руси и многочисленностью въ этомъ княжествѣ Русскаго населенія.

Но вопросъ о прародительствѣ Славяно-Литовскаго языка для Европы не исчерпанъ; мы видѣли слѣды Невровъ по всему пути отъ Ильменско-Волховскаго побережья въ Сибирь и въ Нер-буддѣ—въ Индіи, и нашли нѣсколько другихъ данныхъ для изысканій.

За руководящія нити нами принято озеро Неро, зырянское Нюре и проч.

Долго держалось, да и теперь еще покинуто не всеми, ученіе о просвѣтительствѣ первоначальниковъ Европы азіатскими выходцами, Арійцами, принесшими съ собою золото, серебро, бронзу, скотоводство и хлѣбопашество. По этому ученію, было не менѣе трехъ большихъ выходовъ Арійцевъ въ нашу часть свѣта; первый положилъ основаніе Греціи и Риму, второй далъ племя Кимвротевтонское, а послѣдній Славяно-Литовское. Вводятъ ихъ въ Европу двумя и даже тремя путями: чрезъ Малую Азію, чрезъ Кавказскій перешеекъ и по степямъ надъ-Каспійскимъ.

Считаясь съ этимъ ученіемъ и съ новѣйшими взглядами народовѣдовъ и сравнительныхъ языковѣдовъ, при-

ходится примкнуть къ послѣднимъ относительно Славянъ полуночья Европы, оставивъ Литовцевъ подъ сомнѣніемъ, навѣянными вѣками водоемовъ, давшихъ кирпичную глину, и сказаніями древнихъ писателей о Неврахъ.

Какимъ промежуткомъ удалены отъ нашего времени водоемы? Если мнѣніе Фрааса (приведено выше) о томъ, когда бродили по Европѣ мамонтъ и носорогъ, близко къ истинѣ, въ этомъ случаѣ и искомый промежутокъ не будетъ неизмѣримо великъ, тѣмъ болѣе, что воздушные налеты, лежащіе поверхъ кирпичной глины въ землѣ Ильменской, собственно тамъ, гдѣ весенніе разливы не отлагаютъ наплывовъ, подобныхъ Коломецкимъ и всего Ильменско-Волховскаго побережья, весьма незначительны, не болѣе трехъ—четырехъ вершковъ вмѣстѣ съ послѣднимъ къ дневной поверхности растительнымъ слоемъ.

Насколько продолжительно было время отъ начала воздушныхъ явленій, давшихъ обильные дождевые и снѣговые осадки, переполнившіе рѣки, озера и низины и давшіе водоемы, говоритъ мощность пласта кирпичной глины, сильно уплотненнаго; но при допросѣ пласта нельзя упустить изъ виду построеніе верхняго слоя Алаунской возвышенности, богатаго илоподобною пылью, равно возвышенностей Псковско-Эстляндской и Оковскаго лѣса, столько же богатыхъ этою пылью. Озеро Ильмень представляется обширною котловиною среди названныхъ возвышенностей. Воды времени обильныхъ осадковъ, скатываясь въ нашу котловину и въ прочія низины, промывали богатые иломъ пески и являлись въ котловину и низины мутными, что много способствовало быстрому утолщенію пласта кирпичной глины. Стало бытъ нѣтъ основаній отводить большіе вѣка для водоемовъ.

Толща жилого перегноя Коломцовъ, въ среднемъ, при неимовѣрной плотности, выражена въ два съ половиною аршина. Она нарощена не однимъ только неряществомъ хижинъ, неимѣвшихъ нынѣшней половой настилки, — отбросы питанья и всякій соръ затаптывались въ перегной въ самой хижинѣ; — одну пятую всей толщи дали кучи раковинъ, служившихъ для выдѣлки шкуръ. Исключивъ изъ общей толщи восемь вершковъ раковины, получимъ для жилого перегноя, въ тѣсномъ смыслѣ, два аршина. Разрыхливъ перегной до той плотности, какую онъ имѣлъ бы независимо отъ давленія кирпичной глины и воды, получимъ отъ четырехъ до шести аршинъ.

Для опредѣленія по толщѣ отложеній, составляющихъ послѣдній рядъ въ построеніи земной коры къ ея поверхности, времени въ круглыхъ тысячахъ лѣтъ, предлагаются археологами различные способы. Лучшимъ считается выведенный Швейцарскимъ ученымъ Морло изъ находокъ при разрѣзѣ отложеній, наносимыхъ ручьемъ Тенберъ. Здѣсь, на извѣстной глубинѣ отъ поверхности, ученый наблюдатель нашелъ римскую монету, время изданія которой поддается точному опредѣленію. На дальнѣйшей глубинѣ оказались послѣдовательно остатки бронзоваго и каменнаго вѣка, наконецъ, костякъ круглоголоваго человѣка. Отлагая разстояние между дневной поверхностью и римскою монетою на дальнѣйшемъ до костяка, Морло вывелъ промежутокъ между нашимъ временемъ и свайными постройками Швейцарскихъ озеръ отъ семи до десяти тысячелѣтій.

Для жилого перегноя подъ нынѣшними постройками Новгорода на Славенской сторонѣ мы имѣемъ толщю въ одной мѣстности до семи, и въ другой, ближайшей къ

Волховскому берегу, гдѣ Рѣлка, до четырехъ сажень; а для подобнаго приведенному выраженія ея въ числахъ можетъ служить Софійскій храмъ, сооруженный въ половинѣ XI вѣка. Нынѣшній полъ его поднять на одинъ аршинъ съ четвертью выше первоначальнаго, на что указываютъ не вполнѣ заложенные современныя построенію храма дверныя впадины и пещера, въ которой почиваютъ подъ спудомъ мощи св. Григорія Архіепископа, половины XII в., и надъ ними каменный голубецъ (надгробный памятникъ), сооруженный сряду послѣ погребенія святителя.

Если въ теченіе восьми съ половиною столѣтій засореніе площади, на которой стоитъ Софійскій храмъ, дало слишкомъ аршинъ (полъ храма поднимался нѣсколько разъ, чтобы устранить стокъ на него внѣшней воды площади, по мѣрѣ ея утолщенія отъ скопленія перегноя), то на 21 аршинъ для образованія перегноя надъ причальными клиньями получимъ 16-ть тысячелѣтій, а на 12-ть во дворѣ Г. М. Смѣтанина девять съ половиною. Необходимо при этомъ принимать въ расчетъ какъ уплотненіе нижнихъ слоевъ на счетъ тяжести верхнихъ, такъ и разницу въ опрятности мѣстности около Софійскаго храма и по Михайловкѣ, гдѣ въ лѣтописныя времена былъ Нѣмецкій дворъ, наблюдавшій, по цѣли своего существованія, за чистотою внутренней площади и горѣвшей всего одинъ разъ.

Жилой перегной Славенскаго конца легъ на отложенія таявшаго ледника, такъ что мнѣніе Фрааса соотвѣтствуетъ вычисленіямъ Морло и нашему, конечно, далеко не точному, но и не произвольному настолько, чтобы на немъ не останавливаться.

Прикладывая полученную такимъ способомъ мѣрку къ толщѣ разрыхленнаго перегноя Коломцовъ—въ шесть даже аршинъ, будемъ имѣть для разстоянія между отступленіемъ ледника и начетомъ водоемовъ около пяти тысячелѣтій.

Время переселенія Геродотовыхъ Невровъ въ страну Будиновъ удалено отъ насъ на двѣ съ половиною тысячи лѣтъ. Гелонъ тогда не только была, но потомки основателей ея уже освоились на новомъ мѣстѣ, забывъ страну своихъ предковъ, пробравшихся въ землю Будиновъ потому, что находили выгоднымъ вести съ ними торговлю, и даже языкъ своей коренной родины. Стало быть отъ исчезновенія водоемовъ до прибытія Милетцевъ въ нашу страну прошло значительное время, тѣмъ болѣе, что Геродотъ засталъ Скиѳію и сосѣднія съ нею земли уже въ желѣзномъ вѣкѣ развитія человечества. Отсчитывая на время отъ исчезновенія водоемовъ до поселенія Невровъ въ землѣ Будиновъ, примѣрно, одну, двѣ, три тысячи лѣтъ, получилъ съ того времени до нашего отъ трехъ до пяти съ половиною тысячъ; да съ освобожденія Ильменско-Волховскаго побережья отъ ледника до водоемовъ, по толщѣ Коломецкаго перегноя, прошло до пяти тысячелѣтій (6 арш. \times 850),— всего отъ восьми до десяти слишкомъ тысячелѣтій, — исключая вовсе времена стоянія водоемовъ, съ перваго заселенія Коломцовъ и Славенскаго конца. Если на водоемы дать только 500 лѣтъ, получимъ совпаденія времени основанія первыхъ поселковъ въ нашей странѣ, близкое съ мамонтовымъ и носороговымъ временемъ Фрааса и недалекое отъ Швейцарскихъ свайныхъ построекъ Морло.

Не были ли Литовцы дѣйствительно тѣми азіатскими выходцами, которые появились въ Европѣ въ третій и послѣдній разъ? Если они и всѣ Невры вообще одно и то же, тогда сомнительно, чтобы и всѣ они сидѣли въ Пинской низменности, пока змѣи не заставили удалиться оттуда. Поселенія и урочища, соотвѣтствующія имени Невровъ, разсѣяны по пути изъ Ильменской страны, черезъ Уралъ, къ Алтаю. Если бы Невры-Арійцы третьяго выхода шли изъ Азіи въ Европу путями, назначаемыми вообще для Арійцевъ, они оставили бы на которомъ нибудь слѣды въ именахъ поселковъ своихъ среди тѣхъ европейцевъ, въ земляхъ которыхъ приходилось проживать. Однако-жъ ни на Кавказѣ, ни надъ Каспиемъ ихъ нѣтъ.

Но не были ли они обитателями страны Ильменской до водоемовъ,—и, застигнутые ими, тогда стали выселяться, двигаясь въ полуночно-восточномъ направленіи, чтобы уйти изъ предѣловъ распространенія водоемовъ; на этомъ пути они могли добраться до земли народа, на языкѣ котораго Нюре, Нуро, Нуро — означаетъ болото, сырую низину; тутъ эти Ильменскіе выходцы могли получить имя болотниковъ Нюровъ, Нюрянъ, Нейроевъ или Невровъ и съ нимъ двигаться далѣе, постепенно, къ Уралу и къ Алтаю. Отсюда, по размноженіи, часть ихъ спустилась, вѣроятно, въ срединную Азію, а затѣмъ къ Инду, гдѣ и осѣла надолго. Другая же часть, остававшаяся въ Урало-Алтайской странѣ, по минованіи водоемовъ, пошла, вынуждаемая тѣснотою, отсюда опять въ свою прежнюю страну и расселилась среди родственныхъ Ильменцевъ, пережившихъ водоемы по холмамъ на исконныхъ земляхъ своихъ, и прозвав-

шихъ поселки и урочища тѣмъ именемъ пришельцевъ, которое дано было имъ гдѣ либо въ Приуральи или въ Азійи. Эти недолговременные отлучники не забыли ни своей рѣчи, ни доводоемыхъ обычаевъ, что способствовало быстрому смѣшенію ихъ съ коренными Ильменцами, въ странѣ которыхъ, въ той половинѣ что на полночь — къ востоку отъ Ильменя, не осталось почти селеній и урочищъ съ корнемъ *нер*.

Та же часть Невровъ, которая осѣла въ Индіи, тамъ и развивалась, будучи сосредоточена первое время въ одной мѣстности, а затѣмъ помѣшалась съ туземцами и расселилась по землямъ ихъ. Принявъ въ свою рѣчь и усвоивъ много заимствованій изъ говоровъ коренныхъ туземцевъ, эта вѣтвь Невровъ могла, много вѣковъ спустя, побуждаемая тоже тѣсною, откочевать частію, болѣе или менѣе обширною, въ Европу путями, которыми ведутъ сюда Арійцевъ, или однимъ изъ нихъ, или какимъ либо инымъ. Пробывъ внѣ родины своихъ отдаленныхъ предковъ отъ начала нашихъ водоемовъ до 6-ти—7-ми столѣтій предъ Р. Х., Невры второй части или второй вѣтви отличались во времена Геродотовы стъ Скиеовъ-Чуди и отъ прочихъ не-Скиеовъ настолько, что Грекъ-писатель выдѣлилъ ихъ въ особый народъ. Отсутствие поселковъ съ корнемъ *нер* въ названіяхъ видимо имѣетъ причину. Или эта вѣтвь пробралась въ Европу небольшими кучками и кочевала во время пути по пустырямъ, подобно цыганамъ, разсѣянно, — или Европейцы-туземцы знали послѣднихъ азіатскихъ выходцевъ не какъ Невровъ, а подъ другимъ именемъ, — положимъ Будовъ, какъ переселенцевъ изъ области рѣки Неръ-Будды. Въ нынѣшнихъ Австрійскихъ земляхъ суще-

ствуютъ Буда-Пештъ, Офенъ-Будда; есть Будиссинъ. Есть тамъ и упомянутая Коломея.

Поселившись въ землѣ Ильменской, первоначально тамъ, гдѣ Оковский лѣсъ, а затѣмъ и въ полуденно-западномъ побережьи озера, гдѣ Шелонъ и Голино, и къ западу отъ нея, Геродотовы Невры оставили нѣсколько поселковъ съ именами, звучащими говоромъ, несвойственнымъ Русскому, но близкимъ къ Литовскому, на примѣръ: Свинордъ, Свинрой, Разбеликъ, Кчера, Кшева, Редбужъ и др.

Впослѣдствіи эти Невры расселились по близости къ землямъ стародавнихъ обитателей и по Балтійскому поморью; скоро появились среди Тевтоновъ, Чуди и другихъ, отъ смѣшенія съ которыми произошла и Жмудь, но не могли не тяготѣть къ срединѣ Славянства полночья, къ Новгороду, уже знаменитому и въ Западной Европѣ по своей торговлѣ, гдѣ занимали особыя улицы, Прусскую, Чудинцеву и Людгощу, послѣднюю какъ наемные дружинники. Отъ Невровъ же временъ Геродотовыхъ могла получить и гора, что рядомъ съ Городищемъ, имя Нередицы, свидѣтельствующая, что главное поселеніе Ильменско-Волховскихъ бережанъ было, или могло быть, до Р. Х. не на мѣстѣ нынѣшняго Новгорода, что согласно съ Софійскою лѣтописью о Славенскѣ. Когда главное поселеніе спустилось внизъ по Волхову, Невры или обитатели Нередицы, сѣли на лѣвомъ берегу и дали этой половинѣ новаго города имя Неревской.

Но ничто не помѣшаетъ возникновенію имени Нередицы, при появленіи на нашемъ побережьи, вскорѣ послѣ водоемовъ, порвой вѣтви Невровъ, Сибирской, от-

крывшей широкую дорогу переселенію въ полуночно-западную Европу для Урало-Алтайцевъ, съ которыми они успѣли сблизиться за время пребыванія своего въ ихъ землѣ. А такъ какъ лучшія земли были тогда заняты прямыми, чистокровными потомками ледниковыхъ Ильменцевъ, то этимъ Урало-Алтайцамъ пришлось двинуться на окраины, къ морскимъ берегамъ, или остановиться въ дальнѣйшемъ передвиженіи въ европейскомъ Приуральи, гдѣ ихъ застала начальная Русская лѣтопись и гдѣ они живутъ и теперь второе тысячелѣтіе.

Такимъ образомъ объясняется короткоголовость племенъ, сидящихъ въ побережьи Ледовитаго и Бѣлаго морей, съ одной стороны, въ восточномъ побережьи Балтійскаго моря и въ Приуральскихъ земляхъ, съ другой.

И такъ, если въ Литовскомъ говорѣ болѣе корней санскрита, чѣмъ въ нашемъ, то это потому, что Литовцы—Невры долго оставались въ земляхъ азіатскихъ и приняли въ свою рѣчь, съ свойственною народному говору переработкою, часть предметныхъ словъ и понятій отъ туземцевъ, вмѣстѣ, конечно, съ нѣкоторою долею ихъ нравовъ и обычаевъ.

Водоемы же могли выселить и коренныхъ ледниковыхъ Ильменцевъ изъ области рѣки Ваенги въ Азію, тѣмъ же путемъ какъ и Невровъ обѣихъ вѣтвей, въ Урало-Алтайскіе предѣлы (Арьи Енисейскіе и Арскій городокъ). По минованіи времени водоемовъ, или еще въ продолженіе ихъ, и эти люди могли частію спуститься въ срединную Азію, а частію остаться въ побережьяхъ Енисея, или, пробираясь на стародавнюю родину, дойти до области Камско-Волжской и осѣсть тамъ, гдѣ Арскій городокъ. Ученіе объ Арійцахъ выводитъ ихъ въ сре-

динную Азію изъ Урало-Алтайскихъ предѣловъ, затѣмъ застаеъ на равнинахъ Памирскаго нагорья какъ одно цѣлое; отсюда ведетъ ихъ далѣе уже раздѣлившимися на двѣ вѣтви—западную, двигавшуюся по направленію къ Каспію и къ Малой Азіи, и полуденно-восточную—къ Индо-Китайской сторонѣ.

III. Вѣра.

Созерцательная дѣятельность духовной природы проявляется въ существѣ, одаренномъ разумомъ, уже тогда, когда оно достигаетъ нѣкоторой доли независимости отъ тѣхъ враждебныхъ явленій внѣшней природы, его окружающей, которыя удалось поборотъ соединенными силами ума и опыта, и когда для него возможенъ покой, чтобы углубиться въ самого себя и доискиваться причинъ, вызывающихъ борьбу за существованіе и условій достигаемаго чрезъ нее блага,—то-есть тогда, когда это существо является среди природы вполне человѣкомъ.

Такія причины и условія человѣкъ находитъ прежде всего въ своей внѣшней и внутренней природѣ; одолевая кровожаднаго и могучаго хищника, ближайшаго врага своего, умомъ и опытомъ, онъ не можетъ не остановиться на этихъ двигателяхъ къ благу, какъ на единственномъ прирожденномъ превосходствѣ человѣка надъ прочими насельниками земли и воды; но въ то же время не можетъ не примѣтить, что умъ и опытъ не ограждаютъ его отъ нѣкоторыхъ явленій, нисходящихъ на землю

сь недосыгаемой для ума и опыта высоты, — этихъ благодѣтельныхъ и разрушительныхъ силъ неба. Однимъ изъ первыхъ плодовъ міросозерцанія является сознание, что умъ и опытъ одолеваютъ такія только преграды на пути ко благу, борьба съ которыми для человѣка возможна, и что поэтому на небѣ должны быть умъ и опытъ болѣе совершенны, чѣмъ вложенные въ него, и что отъ нихъ только человѣкъ и получаетъ свои внутреннія духовныя силы.

Слѣдовательно, высшій небесный разумъ, господствующій надъ землею и недосыгаемый для духовной природы человѣка — это заглавное звено вѣрованій всѣхъ вѣковъ, племенъ и народовъ — имя ему Богъ.

Чѣмъ долѣе человѣкъ остается среди противоположныхъ явленій природы, чѣмъ труднѣе борьба его за существованіе, тѣмъ отвлеченнѣе и шире представленіе о верховномъ разумѣ — являющемся всеобъемлющимъ, все наполняющимъ.

Каково было вѣрованіе Ильменцевъ въ далекія до-лѣтописныя времена, неизвѣстно; въ перво-лѣтописныя же Славянскій міръ отличался своимъ духовнымъ міровоззрѣніемъ отъ другихъ народовъ Европы настолько, что изслѣдователи его, съ покойнымъ профессоромъ Касторскимъ во главѣ, устанавливаютъ въ вѣрованіи нашихъ далекихъ предковъ отсутствіе какихъ либо важныхъ заимствованій отъ современныхъ и сосѣднихъ съ ними иноплеменныхъ народовъ. Касторскій, обобщая основы вѣрованій всего Славянскаго міра, пришелъ, еще въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, — когда народовѣдѣніе, какъ предметъ всесторонняго изученія, и не нарождалось, — изъ нихъ только къ заключенію, что Славяне не

какое либо племя, пришедшее въ Европу извнѣ, въ поздніе сравнительно вѣка, а коренное, самобытное, искони туземное. — Значитъ основы Славянскаго вѣроученія выработаны нашими отдаленными праотцами и принадлежать всецѣло однимъ только имъ.

Геродотъ вводитъ Невровъ, за 600 лѣтъ до Р. Х., въ землю Будиновъ. Объяснители и истолкователи сказаній его видятъ въ Будицахъ Тацитовыхъ Венедовъ, то есть Славянъ. Въ окончательномъ выводѣ это вѣрно, пути же, которыми шли изслѣдователи, не исключаютъ направленія изысканій въ другую сторону.

Съ незапамятныхъ вѣковъ возникло въ Азіи и широко распространено до сихъ поръ вѣрованіе въ Чистый Верховный Разумъ, означаемый словомъ Будда, т. е. просвѣтленный.

Около Геродотовыхъ временъ народился въ Индѣйскихъ предѣлахъ обновитель Буддизма, царевичъ Ситгарта, сразу вовлекшій въ свой толкъ миллионы людей. Послѣдователи его не могли быть неизвѣстны просвѣщеннымъ Грекамъ. Земля, въ которую переселились Невры, не держалась ли Буддійскаго вѣроученія и не ея ли насельниковъ Геродотъ называетъ Будицами?

Сибирскія горныя породы и короткоголовый Урало-Алтайскій черепъ, найденные въ Коломцахъ, подсказываютъ внятно о сношеніяхъ Ильменско-Волховскихъ побережанъ каменнаго вѣка съ полуночною Азією; на то же указываетъ и общность приведенныхъ выше обычаевъ Славянъ, Сибиряковъ и даже американцевъ; способъ пошенія современными намъ буддійцами на шеѣ изваяній идоловъ намекаетъ, хотя и издавека, что и Коломчане поступали такъ же въ каменный вѣкъ; отщепенецъ

мало-азиатскихъ горныхъ породъ ладійскій пробирный камень ведетъ насъ къ знакомству ледниковыхъ Ильменцевъ съ землею развитія западной вѣтви Арійцевъ въ далекія отъ ледниковыхъ, позднія времена; все это даетъ основаніе къ заключенію о болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи Ильменцевъ съ Азіатами съ самыхъ ледниковыхъ временъ. Почему бы это общеніе не могло вызвать единства вѣрованій. Буддизмъ — это первосозданное челоѳчествомъ ученіе о Чистомъ Разумѣ, какъ о небесной премудрости. Вѣра нашихъ предковъ самобытна какъ первосозданная ими самими.

Въ Новгородскомъ Софійскомъ храмѣ сохраняется древнее Изображеніе Божіей премудрости, вполнѣ своеобразное; оно, къ сожалѣнію, закрыто въ подробностяхъ серебряною ризою, — но точно воспроизведено въ трудѣ протоіерея Соколова — «Описаній Софійскаго собора». Почтенный отецъ видѣлъ образъ безъ ризы. Заимствуемъ изъ книги его подробное описаніе Софіи.

«Въ срединѣ крылатый Ангелъ, лицомъ, одеждою и крыльями огненнаго вида: въ царскомъ вѣнцѣ съ крестикомъ на верху и въ царской одеждѣ (далматикѣ), перехваченной лентою какъ у діакона (орарь); конецъ ея, выходя изъ-подъ правой руки, перегнуть черезъ лѣвую. Ангелъ сидитъ на четыреножномъ, съ подушкою огненнаго цвѣта, золотомъ престолѣ, подпертомъ семью столбами; вѣнецъ, края одежды и ленты обнзаны жемчутомъ; въ правой рукѣ жезлъ съ лучезарнымъ крестомъ на верху, а въ лѣвой прислоненный къ груди, свернутый въ трубку, свитокъ. Около Ангела и престола въ кругу, голубое звѣздное небо, съ лучами по краямъ. Подъ огневидными ногами его круглое темное

облако, въ видѣ подушки. Около головы знакъ святости, кругъ. По сторонамъ Ангела въ предстояніи: справа — Божія Матерь въ красной одеждѣ, держащая обѣими руками круглый образъ лучезарнаго Спасителя на голубомъ полѣ; правая рука Спасителя благословляетъ, а лѣвая держитъ свернутый же свитокъ. Слѣва — Предтеча во власяницѣ; верхняя одежда перекинута черезъ лѣвое плечо; правая рука пригнута къ груди, а въ лѣвой — опущенной внизъ, развернувшійся свитокъ съ словами: Се Агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра. Богоматерь и Предтеча стоятъ на золотообрѣзныхъ книгахъ. Надъ головою огневиднаго Ангела, въ небольшомъ огненномъ кругу, Спаситель, отъ головы Его идутъ на обѣ стороны золотыя полосы на подобіе радуги. Выше этой полосы *опять звѣздное голубое небо*, тоже въ видѣ радуги. На небѣ, надъ головою Спасителя, четвероножный золотой престолъ, на которомъ распушенъ свитокъ огненнаго же вида, а поверхъ его согнутая книга. По обѣ стороны престола по три крылатыхъ Ангела, къ нему склонившихся».

Первоначальное написаніе этого образа относятъ къ XI в., и не въ Византіи, а въ самомъ Новгородѣ, гдѣ было учреждено особое для церковно-художественныхъ цѣлей училище въ томъ же вѣкѣ.

Описанное сочиненіе изображенія Божіей Премудрости нисколько не сходно съ Константинопольскимъ, древнѣйшимъ спискомъ котораго сохраняется въ Кіевскомъ Софійскомъ храмѣ, сооруженномъ нѣсколько лѣтъ раньше Новгородскаго. На Кіевскомъ образѣ написана, подъ сѣнію, утвержденною на семи столбахъ, въ сіяніи, Божія Матерь съ распростертыми руками, стоящею на сер-

повидной лунѣ, покоящейся на облакѣ, подѣ которымъ возвышеніе съ семью ступенями. На одеждѣ Богоматери, у груди, сидящій Спаситель, правою рукою благословляющій, а въ лѣвой имѣющій державу. По верхней части сѣни Греческая надпись, соотвѣтствующая изреченію «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь». Надъ сѣнію, вверху, Богъ Отецъ, въ лучахъ, благословляющій; пониже его, въ свѣтозарныхъ лучахъ, Духъ Святой; по обѣ стороны Бога Отца, надъ сѣнію же, семь крылатыхъ ангеловъ. На ступеняхъ, что подѣ изображеніемъ Богоматери, размѣщены протцы и пророки.

Выше отмѣчено, что празднованіе Божіей Премудрости отправляется въ Новгородѣ въ день Успенія Богоматери, а въ Кіевѣ въ день Рождества Ея.

Чѣмъ объяснить такую громадную разницу въ изображеніи Божіей Премудрости у новокрещенныхъ Славянъ Ильменскихъ и Днѣпровскихъ? Ни у Грековъ, ни у Балканскихъ Славянъ, принявшихъ святое крещеніе раньше Руси и давшихъ ей своихъ первоучителей Евангелія, нѣтъ ничего похожаго въ изображеніи той же Премудрости на Новгородское, представляющееся поэтому вполне самобытнымъ...

Что могло вызвать такое самобытіе въ представленіи высокой отвлеченности изъ области міровоззрѣнія духовнаго? Если не было какой либо особенно важной причины, — не все ли равно изображать Божію Премудрость такъ, какъ изображаютъ народы, къ вѣрѣ которыхъ присоединились Новгородцы?

Съ первыхъ годовъ по крещеніи и до самого присоединенія къ Московскому державству, страна Ильмен-

ская находилась подѣ верховнымъ главенствомъ Божіей Премудрости. Установленіе такого главенства не могло состояться разомъ, не могло быть и въ зависимости отъ св. крещенія, туго прививавшагося въ нашей странѣ; оно могло получить живучесть какъ учрежденіе древнее, какъ наслѣдіе предковъ, съ которымъ народъ издавна сроднился и безъ котораго не представлялъ себѣ прочности своей общественной жизни, ни даже самой возможности ея. Стало-быть, главенство Божіей Премудрости надъ Ильменскою страной сложилось въ народномъ представленіи и установилось за долго до крещенія.

Памятники языческаго быта нашей страны, письменные и вещественные, истреблены первоучителями христіанства, какъ созданіе «поганскихъ рукъ». Курганная обстановка погребенія говоритъ только, что наши далекіе предки вѣровали въ загробную жизнь умершихъ. Народный говоръ сохранилъ сравнительно весьма мало отголосковъ до-христіанскаго быта, однако-жъ уцѣлѣвшіе принадлежатъ почти исключительно этому же вѣрованію. Да оно и понятно: христіанство проповѣдуетъ то же.

Съ долѣтописныхъ временъ Ильменскіе Славяне вѣро-терпимы; памятухи Кирилловскаго письма свидѣлствуютъ, хотя косвенно, что въ Новгородѣ были христіанскіе храмы, возникшіе до начала ихъ; по крещеніи остались неприкосновенными божницы и ропаты. — Сохранившійся до нашихъ временъ отрывокъ древняго списка обычнаго права въ Новгородѣ, такъ называемая Русская Правда, въ кратчайшемъ изложеніи, свидѣлствуетъ о равноправности гражданъ независимо отъ ихъ вѣры: кровная месть и воздаяніе за всякія обиды предоставлены всѣмъ безъ различія.

Изъ какихъ подробностей состояло наше языческое ученіе о загробной жизни—вообще установить нельзя; нѣкоторыя же изъ нихъ уловимы: пережившіе умершихъ содѣйствуютъ душамъ ихъ въ достиженіи вѣчнаго блаженства добрыми дѣлами и молитвами на землѣ.

Не наслѣдіе ли буддизма въ Новгородскомъ изображеніи Премудрости Божіей. Въ праздникѣ мертвыхъ ясна уступка христіанскихъ вѣроучителей язычеству, какъ непротиворѣчащемъ въ сущности и Евангельскому завѣту. Заглянемъ въ священныя книги буддійцевъ.

Всякое вѣроученіе терпимо и безразлично для строгаго буддиста. Душа человѣка бессмертна. Она стремится къ освобожденію отъ сковывающаго ее вещества, т. е. тѣла, и всякихъ вещественныхъ воздѣйствій въ постоянномъ и неуклонномъ приближеніи къ просвѣтлѣнію. Все живущее на землѣ движется и существуетъ по волѣ души, ищущей просвѣтлѣнія и гнѣздящейся въ живущемъ.

Просвѣтлѣніе души происходитъ медленно, сперва на землѣ, а затѣмъ на небѣ, куда она восходитъ и гдѣ поднимается выше и выше, по мѣрѣ приобрѣтенія независимости отъ вещества.

Съ незапамятныхъ временъ Буддійская вѣра раздѣлилась на двѣ главныя вѣтви, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои развѣтвленія. Главныя—восточная и западная.

Вообще же все ученіе Буддизма основано на началахъ духа и вещества, выражающихся, по ученію восточной вѣтви, въ свѣтѣ и тьмѣ. Сами въ себѣ духъ и вещество,—говорятъ Иранцы,—совершенно противоположны другъ другу; никогда духъ не можетъ быть составною частью вещества, ни вещество частію духа. Но пока духъ не достигъ свободы, онъ остается неразлучнымъ спутни-

комъ вещества и въ союзѣ съ нимъ образуетъ вселенную.

Надъ высокими Будда-Дянами, или постепенно поднимающимися небесами, въ которыя имѣетъ доступъ одинъ только свободный отъ вещества духъ, находится еще одна Дяна (небо),—это страна свѣта. Тамъ духъ, еще не свободный и не получившій возможности подниматься выше, пребываетъ совмѣстно съ тончайшимъ веществомъ—свѣтомъ.

Слово «Будда», выражающее Верховный просвѣтленный Разумъ, небесную мудрость и пр., принимается въ двоякомъ смыслѣ: въ отвлеченномъ подъ нимъ разумѣютъ божество, которое, будучи Верховнымъ, первоначальнымъ Разумомъ, существуетъ только въ самомъ себѣ, внѣ всего творящаго и сотвореннаго;—въ относительномъ смыслѣ оно изображаетъ тотъ же первоначальный Разумъ, но уже не отдѣльно, а въ откровеніи, какъ божество, дѣйствующее въ самомъ твореніи къ спасенію заключенныхъ въ немъ душъ.

Будда выражаетъ собою все высшее совершенство, поэтому нельзя быть нѣсколькимъ Буддамъ. Въ отвлеченномъ смыслѣ Будда именно есть безусловное единство, средоточіе всего духовнаго; но въ откровеніи онъ можетъ являться неоднократно и въ разныхъ видахъ, потому что его проявленія и дѣйствія зависятъ уже отъ времени и другихъ условій; сверхъ того Будда въ откровеніи можетъ быть двоякій: Будда въ небесномъ и Будда въ земномъ откровеніи. Все это, вмѣстѣ взятое, рождаетъ тройственность верховнаго разума, которую буддисты называютъ тремя видами, или тремя природами Будды: 1) Будда въ откровеніи посредствомъ земного воплощенія,

какъ наставникъ и избавитель духовнаго начала отъ оковъ земнаго вещества во всѣхъ его видахъ; 2) Будда въ откровеніи небснаго блаженства, и 3) Будда сосредоточенный въ самомъ себѣ, внѣ всякаго дѣятельнаго отношенія къ міру и ко всему, въ немъ содержащемуся. Послѣдняя природа Будды, какъ духовное состояніе, превѣчна и неизмѣнна, въ противоположность состоянію созданной природы, которая непрерывно мѣняетъ свой видъ и можетъ почестъся только мнимымъ бытіемъ, или мечтою.

Мануши-Будда — это первое, древнѣйшее отраженіе въ Небѣ Верховнаго Разума вселенной. Послѣ отхода его—пять Буддъ составляютъ отраженіе этого Мануши въ Небѣ; четыре изъ нихъ являлись и на землю какъ охранители его ученія; имена каждаго извѣстны Буддѣйскимъ мудрецамъ; пятый ожидается. Имя его тоже извѣстно. Всѣхъ Буддъ явится до разрушенія видимой вселенной,— послѣдовательно, тысяча.

Ближайшими ко временамъ, захватываемымъ памятниками письменности, толкователями Буддѣйской вѣры почитаются:—Конфуцій на востокѣ Азіи, Зердустъ, или Зороастръ въ срединѣ ея, въ Иранѣ, и упомянутый Ситхарта — въ Индіи. Конфуцій и Ситхарта не внесли въ основу вѣры какихъ либо новыхъ, кромѣ приведенныхъ, ученій,—а Зороастръ вводитъ въ міръ два, вѣчно враждующихъ между собою начала—свѣта и тьмы.

Замѣчательны и для нашего предмета особенно важны сказанія о Ситхартѣ. Буддѣйскіе писатели говорятъ: Будда сошелъ съ небснаго своего престола на землю и помѣстился въ утробѣ жены Сутаданна, царя страны Магады, лежащей на полночь отъ Индостана; царь этотъ былъ потомокъ Сакійя, знаменитѣйшаго изъ брахмановъ—духов-

ныхъ владыкъ. Царица зачала безъ плотскаго соитія съ мужемъ и черезъ девять мѣсяцевъ родила безболѣзненно сына, прозваннаго пророками и мудрецами съ первыхъ же дней появленія его на свѣтъ — «Devata Deva», т. е. святымъ изъ святыхъ, или священнымъ изъ священныхъ.

Въ немногихъ и самыхъ общихъ, приведенныхъ нами чертахъ, ученіе буддѣйское не противорѣчитъ существу христіанскаго настолько, чтобы Новгородскіе первоучители воспротивились совмѣщенію въ изображеніи Божіей Премудрости основъ обоихъ ученій, тѣмъ болѣе, что и откровеніе апостола Іоанна Богослова (Апокал. I. 13, 14 и 15) даетъ право на это. Если установленіемъ освященія праздника мертвыхъ св. отцы достигли полнаго и почти повсемѣстнаго забвенія христіанами грубыхъ языческихъ «бѣснованій» — то отчего бы владыкамъ Новгородскимъ не желать допустить въ изображеніи буддѣйскаго Верховнаго Разума такихъ подробностей, которыми затмевалось языческое вѣрованіе и на его мѣстѣ появилась христіанская—Божія Премудрость, сказавшаяся въ воплощеніи сына Божія, въ Успеніи Богоматери и во всѣхъ тѣхъ явленіяхъ, которыя возстановлены въ описанныхъ подробностяхъ Софіи Новгородской.

Двѣ дяны выражены въ сводахъ неба съ звѣздами,— въ нижней—Верховный Разумъ—огневидный крылатый небожитель—не только чуждый земнаго вещества, но и истребляющій всякое вещество силою огня; въ верхней— тотъ же Разумъ, но еще скованный веществомъ,— онъ сказывается въ древнемъ свиткѣ и въ Новозавѣтной книгѣ—въ Евангеліи.

Допустимъ, какъ предположеніе, имѣющее нѣкоторую долю вѣроятности, что Новгородское изображеніе Премуд-

рости Божіей представляет соединеніе буддизма съ христіанствомъ. Чтобы признать въ Геродотовыхъ Будинахъ на этомъ только предположеніи Ильменцевъ-Буддйцевъ— одного его мало. Поищемъ другихъ данныхъ.

Пять Буддъ, сходявшихъ или сходящихъ на землю съ небесной высоты послѣ Мануши-Будды — это охранители его ученія, имена ихъ извѣстны; пятый еще не проявилъ себя осязательно, но состоитъ стражемъ ученія Мануши. Ильменская страна дѣлилась съ долѣтописныхъ временъ на пять областей, называвшихся пятинами, а Новгородъ на пять концовъ. Пятины были далеко неравномѣрны, однако же ихъ ни уменьшали, ни увеличивали. Концы города тоже неравномѣрны. Къ XIV и XV вв. нѣкоторые такъ разрослись въ пространствѣ, что вышли изъ окоповъ вала на «заполя»; народная жизнь подраздѣляла нѣкоторые на два и болѣе, такъ: Людикъ вмѣщалъ въ себѣ другой конецъ, Гончарскій, Неревскій же— два другихъ— Неревскій Загородскій и Неревскій Петровскій, — Плотенскій тоже два, — Плотенскій Никольскій и Плотенскій Антоновскій; но въ жалованныхъ грамотахъ, въ договорахъ и вообще въ государственныхъ бумагахъ всегда было только пять концовъ. Не посвящены ли были каждая пятина и конецъ одному изъ пяти Буддъ, охранявшихъ на землѣ Ильменской ученіе Мануши-Будды до св. крещенія?

Въ живой рѣчи Ильменцевъ стараго времени и нынѣшней Русской слышатся имена предметовъ съ корнемъ *буд*, ихъ качествъ и дѣйствій, такъ: по обнаруженіи насильственной смерти князя Андрея Боголюбскаго, игумень Арсеній говорилъ: Долго ли сему князю лежати? (на огородѣ, на мѣстѣ убійства). Отомкните божницу,

да отпою надъ нимъ, вложимъ и въ *буду*, либо си въ гробъ»; обще-извѣстныя *будить* съ производными *будка*, *Будитино* — село св. княгини Ольги, Днѣпровскій порогъ *Буддйскій* (по объясненію П. Н. Языкова), Будыни — деревня въ области рѣки Луги, города *Буда-Офень*, Буда-Пештъ въ Австріи, *Будиссинъ* — въ Германіи, равно Неръ-Будда въ Индіи и проч. Если вдуматься въ значеніе этихъ словъ, можно найти въ каждомъ отношеніе къ буддизму, прямое или косвенное. Буда, какъ мѣсто для тѣла умершаго, есть предѣлъ, за которымъ душа вступаетъ на путь просвѣтленія; будить — возбуждать отдыхающаго къ дѣятельности для достиженія просвѣтленія; будки—сторожевыя постройки, предназначенныя для наблюденія за неусыпнымъ, въ смыслѣ не лѣниваго, бдѣніемъ въ достиженіи просвѣтленія тѣхъ, для которыхъ она назначена; село св. Ольги, Будитино, могло быть названо этимъ именемъ по отличію вѣрованій его первообитателей, пришедшихъ съ равнопостольною княгинею изъ буддйской Ильменской страны, — если родина ея была въ Выбити, — отъ вѣрованія насельниковъ страны Днѣпровской. Деревня Будыни лежитъ верстахъ въ 60 отъ Ильменя, въ той именно сторонѣ, гдѣ много селеній съ именами, звучащими говоромъ Литовскимъ. Австрійскіе и Нѣмецкіе города Буда-Офень, Буда-Пештъ и Будиссинъ расположены въ земляхъ, гдѣ были, въ долѣтописныя времена, обособившіяся вѣтви Славянскаго корня и черезъ которыя могли проходить Невры старой вѣтви. Неръ-Будда течетъ по той странѣ, въ которую спустилась съ Памирскаго нагорья восточная вѣтвь Арійцевъ или Нев-

ровъ, оставившихъ слѣдъ свой въ Нерчинскѣ и въ Неромъ-карра.

Въ земляхъ собственно Ильменскихъ, лежащихъ во всѣ стороны отъ Коломцовъ, за исключеніемъ западно-полночной, гдѣ Будыни, нѣтъ селеній и урочищъ, съ корнемъ *буд*;—объясняется это отсутствіе тѣмъ же, какъ сказано выше, т. е. тутъ было все буддійское. Въ другихъ же земляхъ, не слѣдовавшихъ ученію Будды, или отъ него отступавшихся, хотя съ преобладающимъ населеніемъ Славянскаго корня, отдѣльные поселки сохранили наименованіе по древнему вѣрованію. То же можно сказать и о Неръ-Буддѣ. Тѣ Урало-Алтайскіе выходцы Иранскаго нагорья, которые приняли толкованіе Зердушта-Зороастра, здѣсь преобладали; державшіеся же толка Ситхарты сидѣли въ области рѣки, названной по ихъ происхожденію и вѣроученію Неръ-Будды. Откочевавъ отсюда обратно въ свое Айрьяненъ-Ваенго раньше Невровъ Зороастровыхъ, они пронесли вѣроученіе толка Ситхарты чрезъ срединную Азію въ Алтайскіе предѣлы и далѣе въ страну Ильменскую. Другая вѣтвь занесла его, чрезъ нынѣшнія австрійскія земли въ Пину, оставивъ по дорогѣ названныя имена поселковъ.

Огромную занимательность для изысканій въ этомъ направленіи представляетъ изображеніе на Новгородскихъ единицахъ цѣнности изъ серебра и самый видъ крупныхъ. Между изслѣдователями знаковъ цѣнности или единицъ—нумизматами—существуетъ мнѣніе, что изобрѣтеніе ихъ принадлежитъ потомкамъ Урало-Алтайскихъ выходцевъ, называемыхъ Туранцами, и что, занимая Малую Азію (Арійцы западной вѣтви), они придумали накладывать, вѣсковъ за семь до Р. Х., клейма на сере-

бряные слитки въ видѣ брусковъ. Такіе бруски, но безъ клеймъ, находятъ въ Сибири; по виду и по вѣсу они тождественны съ Новгородскими, но не походятъ на Кіевскіе. Насельники Сибири—исконные рудокопы; не мудрено, что малоазійскіе родичи ихъ вынесли приписываемое имъ изобрѣтеніе изъ своей далекой родины. Припомнимъ разсказъ Гюраты Роговича о Югрѣ «людейхъ, заклепанныхъ» Александромъ Македонскимъ и выпрашивающихъ желѣза. Эти удаленные отъ общенія съ другими людьми отверженцы, въ XII в., сто лѣтъ спустя послѣ описанія ихъ собесѣдникомъ преподобнаго Нестора Лѣтописца, со словъ «отрока», ходившаго за данью въ Югру, говорятъ Новгородскому сборщику дани, являвшемуся къ нимъ съ ратью,—«копимъ соболи и серебро». Стало быть серебряные слитки-бруски были у дикой Югры въ употребленіи, какъ обыкновенныя единицы цѣнности, не смотря на уединенное проживаніе въ суровой странѣ. Добываніе серебра и обращеніе его въ слитки было, такимъ образомъ, для Югры наслѣдіемъ праотцевъ глубокой древности.

На такъ называемыхъ «Новгородкахъ», т. е. мелкихъ размѣнныхъ единицахъ, всегда, и на слиткахъ-брускахъ въ рѣдкихъ случаяхъ повторяются:—на одной сторонѣ надпись «Великаго Новгорода», а на другой изображеніе двухъ челоуѣкъ, то обоихъ стоящихъ, то одного, что слѣва, сидящаго, а другого стоящаго. Челоуѣкъ слѣва имѣетъ на головѣ: то подобіе царскаго вѣнца, то шапки Китайско-Монгольскихъ вельможъ, то сіяніе въ три снопа лучей, какое окружаетъ голову, напри- мѣръ Перуна на рисункахъ археологовъ-художниковъ (подобное сіяніе вокругъ головы бронзоваго Перуна на

памятникъ Тысячелѣтія Россіи); этотъ человекъ всегда одѣтъ,—если стоитъ—въ короткій, до колѣнъ, кафтанъ, если сидитъ—въ широкое и длинное до полу платье, со складками; въ правой рукѣ его то плеть (очень рѣдко) на длинной рукояти, прислоненная къ правому же плечу,—самая плеть въ этомъ случаѣ виситъ отвѣсно позади спины, то палица, то мечь (не часто);—лѣвая рука или протянута къ противостоящему, или направлена къ собственному рту, какъ бы подносящею чашу съ питьемъ (намъ довелось встрѣтить такой образецъ одинъ только разъ, въ собраніи графа И. И. Толстого). Изрѣдка у сидящаго подъ ногами скамейка. Человекъ справа—всегда голый, въ согнутомъ нѣсколько положеніи, какъ бы просящій чего-то;—около затылка его головы нѣсколько точекъ, пять-шесть, дугою, выгнутою отъ затылка; иногда обѣ руки его протянуты къ противостоящему или сидящему, иногда въ нихъ какой нибудь предметъ: либо кружокъ, либо подобіе грушевиднаго щита, узкимъ краемъ внизъ, съ точкою посрединѣ, или связки чего либо, похожаго на бублики, или на сушеные грибы. Между колѣнами обоихъ чаще всего четырехконечный, равнокрылый крестъ, поставленный то на одно крыло, т. е. прямой, то на два,—косой; иногда крестъ имѣетъ удлиненное книзу крыло и походитъ на мечъ;—иногда два кружка, одинъ надъ другимъ,—иногда подобіе лиліи, или церковнаго звуковаго знака *пси*. По сторонамъ того и другого, или одного котораго нибудь,—тоже знаки: кружки, точки, по три и по пяти, расположенные точно такъ же, какъ укладываютъ пшеничные ядра,—крестики прямые и косые, звуковые знаки *н.*, *к.* и проч. Почти всегда имѣются знаки и надъ го-

ловами,—чаще другихъ *с.* и *н.*; первый, если онъ походитъ на луну, приходится ближе къ головѣ голаго.

Точно такое же изображеніе видѣлъ извѣстный нумизматъ Я. Я. Рейхель на Богемскомъ серебряномъ знакѣ цѣнности XII вѣка; оно изрѣдка повторяется и на нѣкоторыхъ Русскихъ, временъ Удѣловъ.

Раньше всѣхъ описалъ наше изображеніе митрополитъ Евгеній, по двумъ образцамъ, хранившимся въ его время на «полатяхъ» (это хоры) Новгородскаго Софійскаго храма. По первому образцу онъ видитъ въ одѣтомъ человекѣ князя, а въ голомъ—Новгородскаго ратника въ шлемѣ (это точки около затылка и луновидное с надъ головою), подносящаго ему даръ, или дань; а по второму—въ голомъ—Новгородца, присягающаго князю съ колѣнопреклоненіемъ.

Въ такомъ же смыслѣ даютъ объясненія Карамзинъ и послѣдующіе знатоки древности, отбросивъ только Евгеніева ратника. Послѣдній изслѣдователь, графъ И. И. Толстой, пошелъ дальше всѣхъ; онъ видитъ въ сидящемъ исключительно великаго князя Ивана III, а въ голомъ олицетвореніе самобытнаго Новгорода, смиренно преклоняющагося и подносящаго князю дары и дань.

Наши нумизматы относятъ изданіе въ Новгородѣ собственныхъ единицъ цѣнности къ 1410 г., подъ которыми въ лѣтописи отмѣчено: «сковаша деньги серебряны Новгородѣ, а Артугы попродаша Нѣмцемъ». Они единогласно рѣшили, что до этого времени Новгородцы пользовались чужеземными знаками.

Оба мнѣнія изслѣдователей неудовлетворительны: первое, какъ вовсе необоснованное, а второе, какъ несоотвѣт-

ствующее значенію древнихъ записей, помятухъ, изъ которыхъ составлена вся Русская лѣтопись.

Время ученаго митрополита Евгенія и надѣленнаго замѣчательными дарованіями Карамзина было переходнымъ отъ рабскаго благоговѣйнаго почитанія лѣтописи нашей, навѣяннаго знаменитымъ Шлецеромъ, къ полному отрицанію доказательнаго значенія ея. И митрополитъ Евгеній, и Карамзинъ, безспорно, свѣтила науки,—но своего времени. Теперь рабское почитаніе лѣтописи отклонено, на нее смотрятъ не какъ на священную книгу, недопускающую возраженій и сомнѣній, а какъ на трудъ добросовѣстныхъ, но мало свѣдущихъ людей своего времени, не чуждыхъ заблужденій и ошибокъ; такъ же смотрятъ и на тѣ клочки пергамента или бумаги, на тѣ «ветшаныя книги», изъ которыхъ трудолюбивые и богобоязненные иноки и вообще церковники дѣлали выборку и сводили, погодно, въ общую книгу. Въ нихъ, въ этихъ листкахъ, отражается всегда личное направленіе и вкусъ современника и составителя записи; что по его понятію и лично для него стоитъ памяти, онъ записывалъ, а что обыкновенно, что повторяется ежедневно, или очень часто, того онъ и не отмѣчалъ.

Выходя изъ такого взгляда на составныя части лѣтописи, остановимся сперва на первоначальномъ изданіи Новгородцами единицъ цѣнности, а затѣмъ скажемъ и объ изображеніи на нихъ.

Общимъ именемъ для всѣхъ единицъ цѣнностей было: въ древнѣйшемъ спискѣ кратчайшей Русской Правды *скотъ*, и въ болѣе позднихъ *куна*. Въ своемъ мѣстѣ мы дадимъ объясненія происхожденія этихъ обоихъ именъ. Со временъ татарщины въ Руси Княжеской куна посте-

пенно уступала *деньгъ*, заимствованной отъ татарина. Къ XV в., усиліями Руси Княжеской татаръ сломили,—а деньга, какъ серебряная единица, получила повсемѣстное хожденіе и была уравнена въ вѣсѣ. Новгородская область уцѣлѣла отъ татарщины, но, какъ отторгнутая ею отъ исконныхъ и непосредственныхъ сношеній съ Азією, сблизилась съ Западомъ Европы, для которой она была, до татарщины, только посредницею въ торговлѣ азіатской. Какъ у Новгорода, такъ и у Балтійскихъ бережанъ куна оставалась именемъ для мелкихъ серебряныхъ единицъ; оно извѣстно и у англичанъ стараго времени въ этомъ же значеніи.

Когда Русь Княжеская одолѣла татарина, Новгородъ опять направился къ Азіи и повелъ правильныя торговыя сношенія съ землями Русскихъ удѣльныхъ державцевъ, для чего ему необходимо было уравнять и свои единицы цѣнностей такъ, чтобы онѣ были удобны и для западной Европы и внутри Россіи. Такъ появилась— вмѣсто куны—деньга. Для наблюдателя, слѣдившаго за теченіемъ внутренней жизни Новгорода, это событіе представилось немаловажнымъ и онъ занесъ его въ свою памятуху подъ 1410 годомъ.

Куна, какъ нарицательное для серебряныхъ единицъ, упоминается во всѣхъ письменныхъ памятникахъ XII в. Вѣсѣ ея измѣнялся въ зависимости отъ крупной единицы—гривны, получившей свое имя, какъ увидимъ, отъ Азіи. Если «Клеменныя сѣни» Устава Ярослава о мостахъ, учреждены были для наложенія клеймъ (см. выше), то куны, какъ мелкія размѣнныя или «довѣсныя» единицы, существовали въ XI вѣкѣ; но они обязательно были въ началѣ XII, когда издана была кня-

земь Всеволодомъ Мстиславичемъ жалованная грамота Предтеченской церкви на Опокахъ и «Уставъ Торговый», опредѣляющій порядокъ взвѣшиванія крупныхъ серебряныхъ единицъ и довѣсковъ.

Графъ Ив. Ив. Толстой поддерживаетъ свое мнѣніе удостовѣреніемъ, что для признанія наличности въ Новгородѣ собственныхъ мелкихъ единицъ до XV вѣка нѣтъ вещественныхъ доказательствъ, между тѣмъ самъ же даетъ вѣсовой перечень Новгородокъ, начинающійся 2¹/₂ долями и постепенно увеличивающійся на полдоли до 27 этихъ долей въ одной. Въ трудѣ Шуберта, извѣстнаго нумизмата второй половины текущаго столѣтія, приводятся Новгородки вѣсомъ въ полторы доли, а въ нашемъ собраніи имѣется одна въ половину доли. На всѣхъ же, за исключеніемъ самыхъ мелкихъ, Новгородкахъ повторяется одинаковое изображеніе и одна и та же надпись, что исключаетъ всякое сомнѣніе въ принадлежности ихъ именно Новгороду.

Года четыре назадъ нашли на Ситецкой горѣ, сосѣдней Передницѣ, кладъ куфическихъ серебряныхъ единицъ, цѣльныхъ и въ обломкахъ; въ наше собраніе поступило изъ этой находки одна цѣльная и 75 обломковъ; первая издана въ XI вѣкѣ. Въ обломкахъ повторяются всѣ, приведенные въ упомянутомъ перечнѣ, довѣски, начиная съ 1¹/₂ долей. Когда былъ захороненъ этотъ кладъ, мы не знаемъ, — но не раньше XI в., — значитъ довѣски существовали до князя Всеволода Мстиславича.

Обломки, подобные Ситецкимъ, находятъ на всемъ водномъ пути между Ильменскою страной и Булгаромъ Камскимъ; очевидно, обычай цѣнить серебро по вѣсу уста-

новился въ торговыхъ сношеніяхъ Ильменцевъ съ азіатами съ древнѣйшихъ, долѣтописныхъ временъ.

Перейдемъ къ изображенію. Видѣть въ увѣнчанномъ челоуѣкѣ князя, а въ голомъ олицетвореніе самобытнаго Новгорода, нѣтъ никакихъ основаній. Еслибы это было такъ, — къ чему тогда гордая надпись «Великаго Новгорода»? Еслибы это было такъ — кого же представляетъ изображеніе на Саксонской единицѣ Рейхеля? — Графъ Ив. Ив. Толстой узнаетъ въ увѣнчанномъ великаго князя Ивана III. Еслибы это было такъ, неужели ученый дьякъ великаго князя Степанъ Бородатый, сопровождавшій своего государя въ походъ 1477—1478 гг. для того, чтобы представлять ему стародавнія вины господина государя Великаго Новгорода предъ Княжескою Русью и передъ нимъ самимъ, и крѣпко ухватившійся за то, что два посланца назвали, будто бы, великаго князя отъ лица всего Новгорода, осподаремъ его, — упустилъ бы такое важное обстоятельство, какъ это изображеніе? Не благосклонные къ Новгороду лѣтописные сборники, напримѣръ, Псковская первая лѣтопись, Русскій и Софійскій (Строева) временники и другіе, приводящіе дословно всѣ рѣчи Новгородскихъ пословъ, князя и бояръ его, во время переговоровъ, не обмолвились ни полусловомъ объ изображеніи, — значить о немъ и не упоминалось, какъ о предметѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ признаніемъ Новгородцами великаго князя Московскаго своимъ государемъ.

Стало быть слѣва не князь, а справа не приниженный Новгородъ, а кто либо другіе.

Въ «Gorlaei Dactyliotheca», на рисункахъ 326 и 327, воспроизведено, снятое съ обѣихъ сторонъ круглой плитки

магнитнаго, предпочтительно Уральскаго, камня, величиною въ мѣдный пятакъ, — слѣдующее изображеніе: — на лицевой сторонѣ два человѣка, — оба стоятъ; и въ общемъ, и въ подробностяхъ они замѣчательно сходны съ изображеніемъ Новгородокъ. На томъ, что слѣва, такая же короткая одежда; въ правой рукѣ плеть, точно такъ же приложенная къ плечу; вокругъ головы лучи. Человѣкъ слѣва похожъ на женщину; нижняя половина тѣла, до колѣнъ, обернута плотно какъ бы звѣриною шкурою; ноги и верхняя половина голы; надъ головою подобіе полумѣсяца; звѣздъ или точекъ позади затылка нѣтъ, но ясно видны длинные, нѣсколько волнистые волосы, опускающіяся на спину. Этотъ человѣкъ протянулъ обѣ руки къ противостоящему, лѣвая рука котораго тоже вытянута къ рукамъ перваго. На лѣвой сторонѣ двѣ строки одинаковыхъ письменъ, расположенныхъ, — на одной въ порядкѣ отъ лѣвой руки къ правой, а на другой — въ обратномъ. Письмена близко подходят по начертанію cadaго изъ звуковыхъ знаковъ къ нашей Кириллицѣ.

Объяснитель и истолкователь древнихъ надписей, Тадеушъ Воланскій, читаетъ обѣ строки, въ указанномъ порядкѣ, такъ: «Я есмь ночь, очуни еѣ». Слова эти онъ приписываетъ женщинѣ, полагая въ ней олицетвореніе ночи, а въ стоящемъ съ сіяніемъ около головы — солнце, готовое къ восходу.

Не слѣдуетъ ли видѣть въ изображеніи правой стороны Новгородокъ, какъ и на описанной магнитной плиткѣ, олицетворенія началъ свѣта и тьмы, т. е. добра и зла, ведущихъ постоянную, по ученію Зороастра, борьбу на землѣ? Вѣдь древніе народы любили изображать на сво-

ихъ единицахъ цѣнности, золотыхъ и серебряныхъ, предметы богопочитанія и олицетворенія вѣрованій. Если не на всѣхъ Новгородкахъ повторяется совершенно одинаковое въ мелкихъ подробностяхъ изображеніе, — причина понятна: время отъ времени, съ принятіемъ христіанства, первоначальная основная мысль, его вызвавшая, затерялась какъ преданіе, — новыя клейма дляковки Новгородокъ вводили и новыя измѣненія, прибавки, что и теперь продолжается; — сравнивъ изображеніе орла, на примѣръ, на рубляхъ временъ Петра Великаго съ нынѣшнимъ, увидимъ огромную разницу.

Мы знаемъ, что въ землѣ Невріевъ Амміана Марцеллина сидѣли въ первые наши лѣтописные вѣка Кривичи, исповѣдывавшіе то же вѣроученіе, что и Литовцы: наследственная власть верховнаго жреца тѣхъ и другихъ, какъ и современная папская, простиралась на всю Литовскую и Польскую, не исключая восточной Пруссіи, страну (Шафарикъ и другіе); извѣстно, что въ Богеміи и въ восточной же Пруссіи сидѣли, въ Тацитово время, Венеды, племя отличное отъ его же Германцевъ. Если слѣдуетъ считать доказаннымъ буддизмъ подвластныхъ Криве-Криветтообитателей обширной страны Литовцевъ, — мы найдемъ и въ Богемской единицѣ Рейхеля отраженіе тѣхъ же Зороастровыхъ началъ.

Упомянуто уже о священномъ знакѣ Буддійцевъ, имя которому «сварга». Въ вѣрованіяхъ языческихъ славянъ солнце называется «сварожичъ»; огонь есть истребитель всего нечистаго, всего недобраго для человѣка, — онъ есть величайшій благодѣтель, ниспосланный небомъ на землю, чтобы согрѣвать ее, освѣщать и способствовать всему на ней живущему, освобождая отъ стужи, наводимой на

природу, по учению Арийцевъ, злымъ духомъ. Словами огонь, — «сварогъ» и солнце — сварожичь, сынъ его — выражалось начало свѣта, а холодъ и мракъ, имъ уничтожаемые, начало тьмы. Такимъ образомъ язычники Славяне были не только знакомы съ буддизмомъ, но, въ сварожичь, приняли и усвоили себѣ олицетвореніе начала свѣта, равносильнаго добру, благу, источникомъ котораго и вмѣстилищемъ является Верховный Разумъ, понятіе же о немъ соотвѣтствуетъ христіанскому учению о Божіей Премудрости, до главенства которой надъ природою додумались Ильменцы, считая всѣ земли страны своей достояніемъ Св. Софіи (Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями Руси постоянно встрѣчается условіе о дозволеніи боярамъ, приходящимъ съ ними, покупать земельные участки въ Новгородскихъ владѣніяхъ, но если князья и ихъ бояре удаляются изъ страны, они не могутъ оставаться собственниками ея, а должны взять съ продавцовъ свои куны, — а земля Св. Софіи). — Замѣтимъ, что Перунъ предполагается замѣствованнымъ тоже изъ Индіи.

Современныхъ Славянъ и Литовцевъ нѣкоторые народовѣды считаютъ послѣдними выходцами изъ Азіи. Относительно Литовцевъ и Славянъ полуденной Европы, до сихъ поръ знакомыхъ Западу болѣе чѣмъ Великорусы, мнѣніе ихъ можетъ быть и основательно. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ умѣстна догадка, что послѣдніе азіатскіе выходцы занесли въ страну Ильменскую какъ Зороастрово ученіе, такъ равно серебряныя единицы цѣнности и изображеніе на нихъ.

А если Зороастрово или иного толка буддійское ученіе было не чуждо Славянству, намогильный камень Юрьев-

скаго жальника, крестики на плиткѣ и на черепкѣ, тамъ же найденныхъ и оказавшійся на одномъ обломкѣ сосуда Коломецкаго, могутъ быть приняты за сваргу. — Такое же значеніе позволительно придавать и нѣкоторымъ грубо обработаннымъ крестамъ, взятымъ съ жальника, тѣмъ болѣе, что нами собрано въ Новгородѣ до 50-ти каменныхъ же намогильныхъ крестовъ, несомнѣнно христіанскихъ, между которыми нѣтъ ни одного похожаго на памятники жальника.

Итакъ, въ связи съ приведенными данными, Новгородское изображеніе Премудрости Божіей представляетъ немаловажное основаніе для дальнѣйшихъ изысканій о буддизмѣ насельниковъ страны Ильменской, зародившемся на нашемъ побережьи издавна и развивавшемся самостоятельно до той высокой степени, которая сказалась въ установленіи верховнаго главенства надъ страной Чистаго Разума, соотвѣтствующаго понятію о Божіей Премудрости.

Быть можетъ и головка челоуѣка, изваянная изъ кости, вызвана олицетвореніемъ Чистаго Разума въ образѣ разумнаго существа, и притомъ вполне соотвѣтствующая узкому и длинному лицу череповъ Коломецкихъ Курганныхъ и Новгородскихъ, — и длинному же носу большинства всѣхъ вообще череповъ Курганныхъ, собранныхъ по Ильменской странѣ.

Замѣчательно, что на древнѣйшихъ изображеніяхъ Святыхъ Новгородскаго письма, сохраняющихся еще въ нашихъ церквахъ и частію изданныхъ Прохоровымъ въ его Христіанскихъ Древностяхъ, всѣ они представлены длиннолицыми, узколицыми, съ непомѣрно большими носами, висящими въ направленіи къ подбородку. Въ

современномъ говорѣ Ильменскихъ бережанъ слышится особое для такого носа выраженіе «покляпистый, покляпый». Это выраженіе встрѣчается и въ «подлинникахъ», т. е. въ рукописныхъ книгахъ объ изображеніи святыхъ, достаточно распространенныхъ и имѣющихъ, повидимому, Новгородское происхожденіе: если святой изображается съ узкимъ и длиннымъ лицомъ, — о носѣ говорится «покляпъ».

Наши бережане называютъ кляпомъ деревянную распорку, вставлявшуюся, въ видѣ наказанія или пытки, между широко раздвинутыми челюстями.

Буддизму не противорѣчитъ и извѣстіе Византійскихъ писателей VIII и VII вѣка, что Славяне язычники вѣрують въ единого Бога, Творца вселенной, и въ безсмертіе души. Но неизвѣстно, обнимають ли ихъ свѣдѣнія и Славянъ Ильменскихъ или ограничиваются только Балканскими — сосѣдними.

Въ Камско-Печорскомъ краѣ, то есть въ Пермской странѣ, или въ древней Біарміи, имѣется слѣдъ буддизма, оставленный и тамъ; страна эта лежала на пути къ Югрѣ и составляла исконную область Велико-Новгородскаго державства (Перемь, Печора, Югра — договорныхъ грамотъ).

На скалистыхъ берегахъ рѣки Колвы много городищъ, считаемыхъ за остатки осѣдлости древней Чюди (Чудьковъ). Одно изъ нихъ, приходящееся въ Чердынскомъ уѣздѣ, называется «Городище Девье», или «на Девьей Горѣ». Въ наше время обращается между тамошними Русскими насельниками преданіе, что на этой горѣ жила Дѣва, управлявшая Чудскимъ народомъ; она была одарена замѣчательнымъ умомъ и миролюбива; въ хорошіе

дни Дѣва поднималась на вершину горы и сучила шелкъ; когда веретено опрастывалось, она бросала его на «Бобыльскій камень», лежащій на противоположномъ берегу Колвы. Доискиваться въ преданіяхъ источника, — дѣло трудное и часто бесполезное, по зыбкости почвы на пути поисковъ; иногда, однако же, удается подходить близко къ источнику.

Колва и Неромъ-карра съ Кольскимъ ручьемъ и рѣками — Кольскою и Неромкою, — лежатъ въ одной странѣ. По свѣдѣніямъ Сибирской лѣтописи, составленной изъ замѣтокъ Русскаго Путешественника XVI в. Годунова (напечатана въ продолженіи «Вивліоэики»), въ отдаленнѣйшія времена, опредѣляемые тысячелѣтіями, въ Сибири и по Ураль-камню сидѣли Китайцы, — но когда появился хвойный лѣсъ, и земля «стала рогатою», Китайцы ушли въ глубь Азіи, а на ихъ осѣдлости появилась Чудь. Это свѣдѣніе принадлежитъ тоже къ области преданія, но хвойный лѣсъ, до сихъ поръ застилающій Пермско-Сибирскую страну, указываетъ на измѣнившіяся на памяти преданія климатическія условія мѣстности.

Девами называются у Буддійцевъ вообще и у Иранцевъ, существа, наполняющія невидимый міръ и влияющія на судьбы человѣчества. Тутовое дерево, питающее шелковичнаго червяка, теперь не растетъ въ Пермской землѣ; Китайцы же вѣковѣчные шелководы. Опроставшееся веретено, бросаемое Чудскою Дѣвою на Бобыльскій камень намекаетъ на полученіе шелка съ другого берега Колвы, изъ древней Китайской земли. Не Девы ли Буддійцевъ — управляли судьбами людей, жившихъ на западъ отъ Колвы и, какъ существа благодѣтельные, доставляли имъ шелкъ для торговыхъ сношеній съ бо-

лѣе западными обитателями Европы? Позднѣйшіе насельники Пермскаго края, забывъ вовсе о «Девахъ» буддѣйскихъ, олицетворили непонятный для нихъ говоръ туземцевъ въ Дѣвѣ, Чудской царицѣ. Колва, Неромъ-карра, Неромка и Кольскій ручей представляются связью Славянъ съ буддѣйскими Девами (Ситхарта—devata deva).

Само собою разумѣется, что одно приводимое нами объясненіе Девяго Городища, есть не что иное какъ отдаленное предположеніе; но мы даемъ его потому, что на скалистыхъ берегахъ Колвы, Печоры, Камы, Енисея и другихъ Пермско-Сибирскихъ рѣкъ самые высокіе утесы хранятъ надписи, извѣстныя на мѣстѣ, какъ и самые утесы, подъ именемъ писаницъ, писаныхъ камней. Нѣкоторые наблюдатели находятъ въ очертаніяхъ отдѣльныхъ знаковъ ихъ близкое сходство съ Кирилицею. На описанной плиткѣ съ изображеніемъ олицетворенія свѣта и тьмы знаки тоже Кирилицы. Вопросъ о происхожденіи нашей звуковицы еще не рѣшенъ; изображена-ли она св. Кирилломъ или только дополнена заимствованіями изъ Греческой либо другой какой нибудь, — древнѣе или новѣе ея глаголица, — какое отношеніе къ той и другой имѣютъ письма св. Стефана, просвѣтителя Пермской страны, — нѣтъ ли въ этихъ послѣднихъ сходства съ знаками писаницъ—все это вопросы, отъ выясненія которыхъ слѣдуетъ ждать новаго свѣта на неразгаданную даль вѣковъ, пережитыхъ нашими предками, и на движеніе буддизма въ Европу и по землямъ ея.

Нѣкоторыя писаницы, какъ Енисейская, имѣютъ нѣсколько различныхъ способовъ выраженія мысли условными знаками, — тутъ, на Енисейской, есть и картин-

ный, похожій на гіероглифы египетскіе, и на письма Сибирскихъ Чукчей и дикарей верхней Америки, и близкій къ Пермскимъ писанымъ камнямъ, и съ отвѣсными рядами знаковъ, употребляемыми Калмыками. Изученіе Енисейской писаницы можетъ привести къ такому же блестящему успѣху, какой имѣли Розетскій камень Буссара и тройственныя Персепольскія надписи Карстена Нибура.

Плитка съ изображеніемъ свѣта и тьмы имѣетъ родиную, по самому веществу (магнитный желѣзнякъ) ту же Пермско-Сибирскую страну; имя валуну, отщепенцу далекихъ горъ, камень — не чуждо имени рѣки Камы, большая часть береговъ которой построена природою изъ твердыхъ горныхъ породъ, родственныхъ валунамъ. Съ отдаленныхъ ледниковыхъ временъ каменнаго вѣка наша страна знакома съ ваяніемъ; вышуклое изображеніе на камнѣ называется «камея». Конечно, корнесловіе и созвучіе — путеводители ненадежныя, но въ сообществѣ съ другими—они могутъ оказать иной разъ немаловажную помощь: красный янтарь, на примѣръ, перешедшій съ низовья Енисея на Ильменско-Волховское побережье и захоронившійся въ изобиліи въ жиломъ перегноѣ Коломцевъ, одинъ говоритъ не много, но вмѣстѣ съ камнями, аріями, абсестомъ, яшмою, слюдою, преданіемъ Вотяковъ о трупосъѣданіи родственниковъ — онъ получаетъ видное мѣсто въ рядахъ доказательствъ общенія ледниковыхъ насельниковъ нашего побережья съ обитателями Пермско-Сибирскихъ странъ.

Такимъ образомъ все сказанное о буддизмѣ не дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеній, что насельники страны Ильменской имѣли вѣроученіе или чисто буддѣйское, или

близкое къ нему, по Зороастрову толку, и что въ Будидахъ Геродотовыхъ возможно видѣть Ильменцевъ, Скиоовъ или не-Скиоовъ, сидѣвшихъ за много вѣковъ до Р. Х. тамъ же, гдѣ застала Славянъ Приильменскихъ начальная Русская лѣтопись.

IV. ЛѢТОПИСЬ.

Лѣтопись мы понимаемъ въ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ всѣ свидѣтельства письменныхъ памятниковъ, отечественныхъ и иноземныхъ.

Собственно Новгородская лѣтопись въ тѣсномъ смыслѣ сохранилась до нашихъ временъ далеко не вполнѣ. Древнѣйшій списокъ Германа Вояты, такъ называемая харатейная лѣтопись, начинается 1017 годомъ, насмѣшливою рѣчью воеводы Святополка, обращенною къ дружинѣ Ярославовой—«а вы плотницы суши, а приставимъ вы хоромовъ рубити...» Другой, Академическій, напечатанный во II продолженіи Вивліюэики, пошелъ со слова Древлянъ, отвѣчавшихъ изъ колодца, куда они были брошены по повелѣнію княгини Ольги, мстившей смерть своего мужа, на вопросъ ея, хороша ли вамъ честь,—(хуже) Игоревѣ смерти. Была сдѣлана въ послѣднее время попытка возстановить недостающее въ общемъ видѣ, но, разумѣется, бесполезно. Оба эти списка составляютъ первую Новгородскую лѣтопись. Вторая и третья лѣтописи выбраны изъ сборниковъ болѣе позднихъ; четвертая—это повтореніе Академической. Начало для всѣхъ трехъ

взято изъ сборниковъ другихъ мѣстностей,—почти одинаковыхъ съ Лаврентьевскою лѣтописи.

Такимъ образомъ Новгородская лѣтопись, признаваемая достовѣрною, не даетъ ничего о насельникахъ Ильменско-Волховскаго побережья до X вѣка.

Позднѣйшіе сборники, возникшіе не раньше XVI вѣка, начинаютъ заселеніе нашего побережья за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х., правнуками Іафета, предводителями большой орды, братьями Славеномъ и Русомъ, положившими, будто бы, основаніе Славенску и Русѣ.

Ученіе о заселеніи всего земного шара послѣ Ноева потопа, согласное съ библейскимъ сказаніемъ, могло бы быть принято по отношенію къ Европѣ за соответственное геологическимъ изысканіямъ о ледниковыхъ вѣкахъ ея, но краткое изложеніе въ священныхъ книгахъ и непродолжительность потопа не даютъ на то права.

Чистый ли вымыселъ досужихъ книжниковъ братья Славень и Русь, или преданіе, пострадавшее въ подробностяхъ отъ времени—окончательно рѣшить будущее. Въ числѣ сборниковъ, начинающихся повѣстью объ этихъ братьяхъ, есть одинъ, которымъ руководствовались многіе наши ученые до Карамзина. Ломоносовъ—назвалъ его древнимъ лѣтописцемъ. Здѣсь приводятся такія подробности о расселеніи Ильменцевъ послѣ Славена и Русса, совокупность которыхъ изобличаетъ огромную начитанность сочинителя, если сборникъ есть вымыселъ въ сказаніяхъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Россіи, а не преданіе. Тутъ приписывается Ильменцамъ удивительная предприимчивость: они ходятъ въ Сибирь и даже въ Америку,—въ предѣлы Иерусалимскіе и Египетскіе, вездѣ и все завоевываютъ силою воли и оружія.

Въ XVIII в. жилъ въ Петербургѣ ученый Датчанинъ Селлій, принявшій православіе и монашество. Въ оставшихся послѣ его смерти бумагахъ оказалось много лѣтописныхъ отрывковъ и полныхъ сборниковъ. Если этотъ Древній Лѣтописецъ принадлежитъ ему, какъ ученый трудъ, предпринятый для сведенія въ стройное изложеніе отрывочныхъ сказаній Скандинавскихъ сагъ и Исландскихъ былинъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему отечеству, — въ такомъ случаѣ къ нему не слѣдуетъ относиться, какъ къ труду добросовѣстному, хотя и небезгрѣшному, пренебрежительно, — тѣмъ болѣе, что дѣянія, приписываемыя имъ полночнымъ Славянамъ, оправдываются новыми изысканіями о Скиѣхъ, родство которыхъ съ Славянами уже выясняется; Скиѣы бывали и въ Малой Азіи, и въ Египтѣ; они заселяли Сибирь, которая представляется даже колыбелью ихъ; они и Чюдъ, какъ мимоходомъ замѣчаю, могутъ оказаться вполнѣ тождественными. На принадлежность Древняго Лѣтописца Селлію указываетъ мѣсто, отведенное ему, подъ именемъ подробной Исторіи, въ «Вивліоѣикѣ» Новикова.

Въ этомъ древнемъ Лѣтописцѣ приводится сказаніе о сынѣ Славена, Волховѣ, чародѣѣ-бѣсоугодникѣ, построившемъ себѣ городокъ на мѣстѣ Перунова капища, вполнѣ тождественнаго, и залегавшемъ путь изъ Ильмена въ Славенскъ; онъ превращался въ крокодила, жилъ въ водѣ, потоплялъ ладьи пловцовъ, ему не покорявшихся, и пожиралъ ихъ. Довелось ему какъ-то неугодить бѣсамъ. «Истинно извѣстно», — написано въ сборникѣ, — «о семъ окаянномъ чародѣѣ, яко злѣ избоиенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣцѣ (Мутной, — не названной Волховомъ), и мечтаніемъ бѣсовскимъ окаян-

ное тѣло его несомо бысть по оной рѣцѣ и свержено на брегъ противъ его города, и со многими плачемъ отъ невѣглась (язычниковъ) погребенъ бысть окаянный съ великою тризною поганскою въ могилу, яко же обычай есть поганымъ; а по трехъ днехъ окаяннаго того тризница просѣдся могила и пожре мертвое его тѣло коркодилово, аже и по нынѣ, — яко же повѣдаютъ, — знакъ ямы тоя неисполнися».

Коломцы приходятся какъ разъ на другомъ берегу Волхова, на версту выше Юрьева монастыря, противъ Скита (въ древнемъ монастырѣ Перынскомъ, гдѣ на мѣстѣ идола Перуна сряду же послѣ сверженія его была сооружена церковь Рождества Богоматери). На разстояніи отъ Коломцовъ не болѣе полуверсты внизъ по Волхову есть озерко, сажень въ 30 длины и до 15-ти ширины, очень глубокое; отъ Волховскаго берега оно не далѣе 50 сажень; весною заливадается; но какъ бы ни было сухо лѣто — не пересыхаетъ, имѣя уровень значительно выше Волховскаго; вода чиста, пріятна на вкусъ и совершенно безвредна; чай же, на ней заваренный, даетъ чернильный настой; — на днѣ озерка много водорослей-кувшинчиковъ, насыщающихъ, вѣроятно, воду дубильнымъ растворомъ. Въ народѣ это озерко слыветъ *худымъ*; вечеромъ, лѣтомъ ли, или подъ осень, — запоздалые косцы ни за-что не пойдутъ мимо него, хоть бы пришлось дать кругу версты двѣ. Надъ озеркомъ замѣчательно отчетливое эхо.

На Коломцахъ обнаружены слѣды трупосѣданія; поселеніе тамъ могло быть сторожевымъ для водоплаванія. Не смутный ли отголосокъ далекаго прошлаго отражается въ приведенномъ сказаніи? Не сторожевое-ли значеніе

Коломцевъ слышится въ залеганіи воднаго пути изъ Ильменя въ Волховъ и обратно и не обычая ли ледниковыхъ Ильменцевъ съѣдать тѣла своихъ умершихъ родственниковъ обязано происхожденіемъ сказаніе о лотомъ чародѣѣ-крокодилѣ, пожиравшемъ не покоряющихся ему? Съ которой поры и отчего озерко слыветь *худымъ*, установить невозможно, — въ связи съ отголоскомъ о трупосъѣданіи и о сторожевомъ поселкѣ, оно могло создаться приведенную повѣсть. Такъ или иначе, но въ этой повѣсти нельзя не признавать говора народа, искони здѣсь живущаго, съ тѣхъ вѣковъ, когда условія жизни давали для него поводъ.

При обзорѣ гончарныхъ остатковъ мы останавливались на ульеобразныхъ сосудахъ, узоръ которыхъ подходит къ пчелинымъ сотамъ. Извѣстно съ X вѣка, — изъ словъ, приписываемыхъ начальною лѣтописью князю Святославу Игоревичу, полюбившему Болгарію и долго тамъ жившему, что воскъ въ его время былъ выгоднымъ предметомъ торговли Руси съ сосѣдними народами; извѣстно свидѣтельство Гваньини, путешественника XII в., что тогда Новгородъ снабжалъ воскомъ всю Европу; извѣстно, наконецъ, что меды составляли любимый напитокъ нашихъ предковъ издавна, какъ до знакомства съ винограднымъ чужеземнымъ виномъ, такъ и одновременно съ потребленіемъ его. Для народа же и теперь медъ въ разныхъ видахъ любимое лакомство. Значить пчеловодство перешло, или могло перейти, къ потомкамъ Коломчанъ отъ ихъ ледниковыхъ предковъ, какъ наследственный промыселъ.

Перволѣтописныя времена застали уже въ Новгородѣ, на Славенской сторонѣ, обширную мѣстность, заселенную

вощниками (Уставъ Ярослава о Мостахъ), — прилегавшую къ «Великому Ряду» или къ главному мѣсту торга. Едва ли, поэтому, можно сомнѣваться, что и пчеловодство составляло одно изъ главныхъ средствъ къ обогащенію страны, если такое видное мѣсто занимали вощники. Иноземцамъ, Готландцамъ и Тевтонамъ, отведены были для ихъ дворовъ участки, отстоявшіе отъ вощниковъ и отъ Великаго Ряда много дальше, хотя эти торговые гости высоко поднимали уровень благосостоянія Новгорода. Въ цвѣтуція времена торговли въ Новгородѣ близость къ Великому Ряду цѣнилась такъ же высоко, какъ и теперь въ важнѣйшихъ городахъ.

При объясненіи скребковъ высказано предположеніе, что они нужны были Коломчанамъ не для отдиранія шкуры звѣря отъ мяса и мяса отъ костей, а для выдѣлки кожъ.

Изъ словъ, приписываемыхъ начальною лѣтописью тому же князю Святославу, ясно, что скоро, т. е. шкуры, какъ и воскъ, была однимъ изъ предметовъ торговли Руси и источникомъ обогащенія. То же говорятъ и азіатскіе писатели-путешественники; на примѣръ, Ибнъ-Фоцланъ и Ибнъ-Даста. Думать, что Святославъ разумѣлъ земли Днѣпровскія, а не Ильменскія, которыхъ онъ могъ вовсе не знать, проводя большую часть своей боевой жизни въ полуденной Руси и за Дунаемъ, мало оснований: Святославъ слишкомъ хорошо зналъ нашу страну, какъ родину его матери и какъ мѣсто гибели его отца. Вспомнимъ показаніе начальной лѣтописи о Новгородскомъ посольствѣ, требовавшемъ отъ Святослава князя, подъ угрозой найти себѣ иного. Святославъ сказалъ: хорошо, еслибы кто пошелъ къ вамъ.

Въ этомъ отвѣтѣ слышится близкое знакомство съ своеправіемъ Новгородцевъ и свѣжее воспоминаніе о расправѣ Древлянъ съ Игоремъ, слышится то, что могъ знать мѣстный землевладѣлецъ изъ наблюденій надъ своими сосѣдями. Вызвался идти въ Новгородъ Владиміръ, котораго, какъ сына рабыни, не любили другіе братья и который въ молодости отличался разгуломъ и удалствомъ, такими именно качествами, какія присущи были богатымъ и вліятельнымъ Новгородцамъ того времени.

Показаніе Ибнъ-Даста ближе и опредѣленнѣе Святославовой скоры; этотъ писатель наблюдалъ торговлю Славянъ и Руси въ Булгарѣ Камскомъ, сосѣднемъ съ Ильменскими землями; онъ свидѣтельствуетъ о давнишнихъ сношеніяхъ ихъ, непосредственныхъ и чрезъ Булгаръ, съ срединною Азією, гдѣ существовали особые переводчики для переговоровъ объ условіяхъ торговли, главнымъ предметомъ которой были мѣха. О томъ же говорятъ и многіе другіе азіатскіе писатели. Вещественнымъ, вполне подтверждающимъ эти сказанія и то, что они относятся къ Ильменской, а не къ другой какой либо землѣ, служатъ куфическія и Персидскія, болѣе древнія, единицы цѣнности, находимыя одиночно и скученно въ кладахъ, по берегамъ Мсты, соединяющей Ильмень съ Волгою и Камою.

Ближайшимъ и, кажется, вполне исчерпывающимъ вопросомъ, о мѣховой торговлѣ является небольшая запись конца XV в. объ именахъ и достоинствахъ единицъ цѣнности, обращающихся въ Ильменской странѣ,—это «Паметъ какъ торговали Новгородцы до-селѣ»—т. е. до 1492 года. Здѣсь перечислены всѣ единицы и сравнено

достоинство ихъ съ серебряными гривнами и деньгами. Д. И. Прозоровскій, изслѣдователь мѣръ и вѣсовъ въ Россіи, подводитъ всѣ единицы «Памети» къ вѣсу серебра въ древнихъ «почкахъ» и нашихъ доляхъ золотника.

Кромѣ единицъ серебряныхъ въ Памети перечислены слѣдующія: ногата, мордка, четверецца, рѣзань, куна, лбець и бѣла, или векша.

Многіе ученые изслѣдователи старались объяснить происхожденіе перечисленныхъ именъ; многихъ путало старинное мнѣніе о заимствованіи ихъ отъ западныхъ сосѣдей, Скандинавовъ и Нѣмцевъ, у которыхъ имѣются близкія къ нашимъ имена единицъ цѣнностей,—но обстоятельныхъ, хорошо обоснованныхъ объясненій они не дали.

Попытаемся примѣнить Коломецкіе скребки и скору къ именамъ «Памети».

Въ числѣ сочленовыхъ головокъ и зубовъ животныхъ, собранныхъ нами на Коломцахъ, много принадлежащихъ костякамъ лося, быка, медвѣдя, бобра, меньше волка, куницы, лисицы и другихъ пушныхъ звѣрей. Изъ геологическихъ изысканій извѣстно, что въ западной и полуденно-западной Европѣ наступило послѣ межледниковаго тепла второе охлажденіе, хотя и не такое суровое, какъ въ вѣка ледниковые. Оно было, въ Швеціи, Даніи и Финляндіи; по Коломецкимъ находкамъ оно было и въ Ильменской странѣ, а по изысканіямъ профессора Теофилактова—и въ землѣ Полтавской. Холодъ неминуемо вызвалъ спросъ на теплую одежду.

Вездѣ ли въ Европѣ было такое же обиліе пушного звѣря, какъ у насъ,—не дознано. Можно, однако же, ду-

мать, что въ странахъ гористыхъ быкъ, лось и олень водились меньше, чѣмъ въ ровныхъ; а если межледниковое время тянулось долго и было настолько теплое, что въ Великобритани водился бегемотъ, а въ полуденно-западной Европѣ бродили левъ, тигръ и безшерстные толстокожіе слонъ и носорогъ, отличные отъ Сибирскихъ своихъ сродниковъ,—мы въ правѣ заключить, что лося, оленя и густошерстныхъ звѣрей тамъ или вообще не было, или они встрѣчались очень рѣдко.

Въ Ладожскомъ побережьи, гдѣ бытовые остатки человѣка оказались захороненными въ намывномъ торфѣ, поверхъ тонкаго слоя красноватой кирпичной, однородной съ Коломецкою, глины, найдены всѣ животныя нашего побережья. Затонули ли они во время явленія, отложившаго большія толщи песковъ, прикрывшія бытовые остатки и кости животныхъ,—принесены ли послѣднія водою изъ другихъ мѣстностей—во всякомъ случаѣ они доказываютъ, что крупный и мелкій звѣрь, покрытый густою шерстью, изобиловалъ въ нашей странѣ, какъ во время пребыванія Ильменцевъ на Коломцахъ, до водоемовъ второго охлажденія, такъ и при началѣ этого охлажденія, давшемъ на Ладожскомъ побережьи еще незначительный слой кирпичной глины.

Слѣдовательно скребки Коломчанъ обрабатывали шкуры не для своихъ только нуждъ, но для сосѣдей, нуждавшихся въ теплой одеждѣ.

Сношенія разнородныхъ сосѣднихъ племенъ, начались, какъ говорятъ знатоки, мѣною естественныхъ произведений своихъ странъ. Наши бережане могли имѣть въ мѣхахъ изобиліе, вызвавшее мѣну съ обитателями мѣстностей, гдѣ звѣря было меньше.

Для одежды неприхотливаго человѣка отдаленной древности самымъ дорогимъ былъ тотъ мѣхъ, который теплѣе и прочнѣе въ носкѣ, то-есть шкура крупнаго животнаго, съ башкою и ногами, чтобы приходилось какъ можно меньше швовъ. Наши Самоѣды и Сибиряки-побережане Ледовитаго моря дѣлаютъ себѣ одежду и теперь изъ цѣльной, съ ногами и башкою, шкуры оленя или лося, смотря по росту и состоянію.

Шкура большого животнаго съ ногами и башкою, какъ самая дорогая для одежды, будетъ вполне соответствовать *ногати* «Памети».

Не всякую шкуру удастся снять такъ, чтобы уцѣлѣли ноги, — равно шкура ногъ не всякаго звѣря одинаково удобна для полной и плотной одежды, — наконецъ, каждый человѣкъ дѣлаетъ одежду болѣе соответствующую постояннымъ занятіямъ его дома и внѣ дома. Звѣролову, напримѣръ, уходящему далеко и надолго, нужно имѣть кромѣ платья нижняго еще и верхнее, на случай непогоды и стужи, на подобіе современныхъ плащей съ колпакомъ для головы.

Шкура звѣря средней величины, съ одною только башкою, пригодная чтобы укутаться въ ней въ непогоду, или на ночь, въ лѣсу, менѣе цѣнна, чѣмъ ногати; это будетъ *мордка*.

Для работъ дома, гончару или древодѣлу, или швещу—необходима свобода движенія руками и ногами; ему нѣтъ надобности покрывать голову и заботиться, чтобы одежда не имѣла продушинъ, доступныхъ для вѣтра и стужи внѣ дома; онъ удовольствуется двумя небольшими шкурами, не особенно пушными и теплыми, чтобы сдѣлать изъ нихъ родъ мѣшка съ прорѣхами для рукъ и

головы. Для этой надобности отъ шкуры отдѣляютъ ноги и башку, то есть шкуру четвертують, оставляя башку и ноги на другое дѣло. Изъ недавняго, сравнительно, прошлаго извѣстна смертная казнь четвертованіемъ: осужденному палачъ отрубалъ послѣдовательно, одна за другою, ноги, руки и голову.

Шкура безъ ногъ и башки, некрупная и недающая большого тепла, годна на короткое платье — безрукавку ремесленника — и дешевле мордки; это *четверецца*.

Обрѣзки шкуры съ ногъ животнаго годны на обувь. Сибиряки временъ Крашенинникова дѣлали себѣ обувь обыкновенно изъ шкуры съ ногъ лося.

Такіе обрѣзки, хотя невысокой цѣнности по своей теплотворности, необходимы по холодному времени; спросъ на нихъ былъ, вѣроятно значителенъ; имя имъ *ртзань*.

Шкура съ головы, башка, отрѣзалась для четвереццы отъ небольшого звѣря. На лѣтнее время, для предохраненія отъ жгучихъ лучей солнца, или отъ ударовъ крупнаго града, человѣку нужно было прикрывать свою голову, хотя бы самую верхнюю часть ея. Такою покрывкою служила башка четвереццы, хотя небольшая, но хорошо прикрывавшая лобъ. Она мало трепалась отъ носки, такъ что спросъ на башку не могъ быть такимъ же значительнымъ, какъ на другія шкуры; невысока поэтому была и цѣна единицы, которой въ «Памети» 1492 года имя *лбець*.

Эти пять единицъ соотвѣтствуютъ предметамъ первой необходимости древняго человѣка. Къ нимъ «Паметь» присоединяетъ еще двѣ, куну и бѣлу или векшу. Въ самыхъ древнихъ письменныхъ памятникахъ векша называется *веверицею*.

Академикъ Кругъ, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей Русскихъ единицъ цѣнностей, основываясь на томъ, что иногда въ памятникахъ встрѣчается въ опредѣленіи пошрины или подати выраженіе «по бѣлой веверицѣ» — видитъ въ этой незначительной единицѣ цѣнности шкурку горностая. Можно, конечно, видѣть въ ней и зайца-бѣляка, или кролика, — послѣднихъ даже вѣроятнѣе; — шкурка горностая всегда цѣнилась высоко; пышная одежда царей и вельможъ издавна украшалась бѣлымъ мѣхомъ этого маленькаго звѣрка.

Въ новгородскихъ памятникахъ, болѣе позднихъ, приблизительно не старѣе второй половины четырнадцатаго вѣка, «веверицы» уже нѣтъ. Не слышно и въ народной нашей рѣчи названія этимъ именемъ горностая. Поэтому вопросъ о веверицѣ представляется еще открытымъ и не исключаетъ надобности въ изысканіяхъ о ней.

Принимая за основаніе соотвѣтствіе цѣнъ шкурныхъ единицъ потребностямъ древняго человѣка, мы остановимся на ремешкахъ изъ кожъ безъ шерсти, или по нынѣшнему, — сыромятныхъ. Въ нихъ человѣкъ имѣлъ не малую нужду: для шиванія одежды изъ шкуръ, для прикрѣпленія наконечниковъ къ древку, для рыбной ловли, для пояса и проч. и проч. Въ древнихъ памятникахъ встрѣчается слово «вервь», равносильное нашей «веревкѣ». Веверица не то же ли что *вервица*, веревочка?

Мы видѣли въ Коломецкихъ находкахъ немаловажныя указанія на раздѣленіе труда вообще и на промыслы — гончарный, скорняжій и пчеловодный; могъ быть тамъ и швейный промыселъ. При изготовленіи одежды для дома и на лѣтнее время изъ бѣлой сыромятной кожи не обходилось безъ обрѣзковъ; они-то и шли на ремешки

разной длины и ширины, применительно къ потребностямъ въ хозяйствѣ.

Куница и бѣлка—звѣрки маленькіе, но шкурки ихъ прочны, пушны и легки. Для взрослыхъ рабочихъ людей они не годны, а для дѣтскаго платья удобны.

Такъ объясняя имена Новгородскихъ единицъ цѣнности, мы относимъ первоначальное установленіе ихъ къ первымъ временамъ заселенія Ильменско-Волховскаго побережья ледниковыми европейцами. Долговѣчность этихъ именъ и вразумительность ихъ для насъ, Русскихъ, громко и внятно говоритъ за то, что рѣчь первоначальниковъ Европы, давшихъ эти имена, также вразумительна для насъ; стало быть, единицы Новгородскихъ цѣнностей, вышедшія изъ употребленія, а можетъ быть и запрещенныя Московскимъ державствомъ, уничтожавшимъ самобытіе страны Ильменской,—только въ концѣ XV в. составляютъ твердое звено въ длинной цѣпи вѣковъ и поколѣній, преемственно продолжавшихъ одни свое теченіе, а другіе пребываніе и развитіе на Ильменско-Волховскомъ побережьи со времени отступленія отсюда Скандинаво-Русскаго ледника.

Неудивительно, поэтому, что сходно съ нашими звучать имена нѣкоторыхъ единицъ въ рѣчи народовъ, чуждыхъ Ильменцамъ въ настоящее время, но бывшихъ въ вѣка давно забытые не только близкими сосѣдями, но, вѣроятно, и членами одной огромной семьи ледниковыхъ первоначальниковъ Европы, поглощенными позднѣйшими выходцами Азіи.

Въ «Памети» названы, кромѣ шкурныхъ, и серебряныя единицы: «гривна—сребра рубль, новая гривна и деньга». Выше сказано, что въ кратчайшемъ спискѣ

Русской Правды и въ другихъ упоминаются въ числѣ единицъ цѣнности—скоть и куна. Тамъ, а также и въ «Словѣ о полку Игоревѣ» повторяются изъ шкурныхъ «Памети» ногата, рѣзань, куна, бѣла и векша, а изъ серебряныхъ гривна. Умолчаніе о прочихъ шкурныхъ указываетъ, что въ тѣ времена, къ которымъ относится установленіе судебныхъ обычаевъ, отражающихся въ Русской Правдѣ и обнимающихъ область уголовныхъ правонарушеній, оплачиваемыхъ кровною местию и единицами цѣнности,—въ числѣ ходячихъ единицъ ихъ не было. Скоть соответствуетъ римскому «resunia».

Если судебные обычаи Русской Правды установились въ далекіе долѣтописные вѣка, что весьма вѣроятно по предоставленію кровной мести за убійство,—въ тѣ вѣка не обращались уже въ нашей странѣ шкуры, какъ единицы,—оставалось одно только имя ихъ, переведенное уже на вѣсъ серебра; притомъ не каждому имени единицы шкурной соответствовала особая серебряная, что говоритъ за большую давность тѣхъ временъ, когда былъ спросъ на шкуры для одежды.

Мы упомянули, что серебряныя единицы принесены въ Ильменскую страну изъ Азіи и высказали предположеніе, что Невры Геродотовы, или другой вѣтви, болѣе ранней, могли быть тѣми азіатами, отъ которыхъ наши предки заимствовали изображеніе Новгородокъ. Теперь выскажемся объ имени, вѣсѣ серебряной крупной единицы и нарицательномъ «куна» дожившемъ, въ значеніи мелкой размѣнной, почти до XVIII вѣка,—насколько это представляется полезнымъ для изысканій о нашемъ родоначаліи и первобытіи.

Нумизматы почти единогласно утверждаютъ, что се-

ребряныя и золотыя единицы принесены нашими предками въ Русь долѣтописную изъ Византіи непосредственно, или чрезъ Греческія черноморскія поселенія, съ которыми имѣли сношенія Славяне Днѣпровскіе и Дунайскіе. Однимъ изъ крупныхъ основаній этого положенія они признаютъ вѣсь гривны, соотвѣтствующій Греческимъ литрамъ и количественное тожество въ исчисленіи пени за уголовныя правонарушенія по Русской Правдѣ и по договорамъ Олега и Игоря съ Греками,—на гривны и на литры. Не входя въ изысканія о прочности основанія нумизматовъ, насколько она согласна съ ближайшею по времени къ Русской Правдѣ гривною Новгородскою и съ дѣлениями и подраздѣленіями ея, отражающимися въ счетѣ ногать, мордкъ, четверецъ и прочихъ единицъ шкурныхъ именъ, составлявшихъ гривну того или другого вѣса, мы остановимся на происхожденіи названія «гривна» и различныхъ вѣсовыхъ достоинствъ ея.

Нумизматы неодинаково объясняютъ происхожденіе названія гривны: одни видятъ его въ соотвѣтствіи вѣса серебра гривны съ цѣнностью коня, другіе переносятъ имя конской гривы на шею человѣка, на которой наши предки носили золотыя и серебряныя обручи, называемыя археологами тоже гривнами и проч.

Относительно значенія гривны въ позднее, хотя и долѣтописное время, равно какъ и заимствованія единицы цѣнности отъ Грековъ Славянами Днѣпровско-Дунайскими того же времени нѣтъ надобности возражать, довольно ограничиться одними только вопросами: что раньше вошло въ Русскую рѣчь, грива-ли коня, или гривна, какъ шейное украшеніе,—и не раньше ли того

и другого пришла къ намъ гривна, какъ серебряная единица цѣнности, подѣлившаяся своимъ именемъ и съ шейнымъ украшеніемъ и съ гривною коня?

Наши изысканія даютъ, кажется, почву къ рѣшенію этихъ вопросовъ по крайней мѣрѣ для страны Ильменской.

Упомянутый азіатскій писатель - путешественникъ, арабъ Ибнъ-Даста, сказывая о Руси, приходящей въ Булгарь по торговлѣ, главнѣйшій предметъ которой составляютъ мѣха пушныхъ звѣрей, которыми кишатъ лѣса этой Руси, замѣчаетъ, что она ввела въ Срединной Азіи мѣховую одежду въ употребленіе, распространившееся настолько, что каждый мало-мальски зажиточный багдадецъ (житель срединнаго по торговлѣ и развитію города Багдада и его округа) считаетъ стыдомъ не имѣть если не куньей шубы, то хотя бы шапки. Путешественникъ-очевидецъ говоритъ далѣе: въ Булгарѣ азіатскіе купцы платятъ русскимъ за каждую кунью шкурку *два съ половиною диргема* (Ибнъ-Даста, по объясненію профессора Хвольсона).

Наши предки вели счетъ мѣховъ связками однородныхъ по сорока шкурокъ; счетъ этотъ, какъ сказано, долго держался на полночной окраинѣ Европейской Россіи, а среди Сибирскихъ инородцевъ и лѣсныхъ Индѣйцевъ верхней Америки остается еще и теперь. Не ошибочно будетъ, поэтому, заключить, что Русскіе купцы, торговавшіе мѣхами съ азіатскими въ Булгарѣ, имѣли тотъ же счетъ, *сороками* для шкурокъ болѣе крупныхъ и *сорочками*—для мелкихъ. Слѣдовательно, азіатскіе купцы платили за сорочекъ куньихъ шкурокъ сто диргемовъ.

Диргемами называютъ и тѣ кувфическія единицы, ко-

торыхъ много по берегамъ Волги и Мсты, и кладъ которыхъ найденъ близъ Новгорода на Ситецкой горѣ.

Вѣсь диргемовъ не одинаковъ и колеблется, въ среднемъ, между 65-ю и 80-ю долями современнаго Русскаго золотника; въ нашемъ собраніи одинъ, собственно Персидскій Хозроя II, вытянулъ болѣе 80-ти долей, а другіе, Мединетскій, т. е. Багдадскій и Бухарскій — 66 долей.

На языкѣ нынѣшнихъ Казанскихъ татаръ числу десять и производнымъ отъ него въ десяткахъ соотвѣтствуетъ слово *джиргемъ*. Въ Польской рѣчи наша гривна пишется «грживна». Русская рѣчь не любитъ шипящеплюющихся сочетаній звуковъ, потому въ словѣ гривна *ж* выброшено.

Въ жизни всякаго дѣятельнаго народа, обыкновенно повторяются наплывъ и убыль единицъ цѣнности, въ зависимости отъ колебаній въ естественныхъ произведеніяхъ страны. Дѣятельность и предприимчивость Ильменцевъ удивительна, такъ что разнообразіе вѣса серебряныхъ единицъ одного и того же наименованія въ теченіе незначительныхъ промежутковъ времени — явленіе обыкновенное, оно не должно смущать изслѣдователя и требуетъ лишь осторожности въ установленіи причинъ, вызвавшихъ колебанія въ ту или въ другую сторону, къ повышенію или пониженію вѣса.

Въ Новгородскихъ письменныхъ памятникахъ между XII и XV вв. встрѣчается четыре гривны: «старая и новая, ветхихъ кунъ и новыхъ кунъ». Вѣсь всѣхъ ихъ различенъ. Самою крупною считаютъ вѣсящую около фунта, — а самую малую мы опредѣляемъ въ $8\frac{1}{2}$ золотниковъ приблизительно.

Если перевести сорочекъ кунныхъ шкурокъ на вѣсь

ста диргемовъ 80-ти-дольныхъ, получимъ 83 золотника 32 доли. Въ нумизматическихъ собраніяхъ правительственныхъ и частныхъ много Новгородскихъ серебряныхъ слитковъ, называемыхъ обыкновенно гривнами, а въ Новгородѣ «рубками»; преобладающій вѣсь огромнаго большинства ихъ даетъ въ среднемъ половину приведеннаго, около 42 золотниковъ. Въ нашемъ собраніи шесть «рубковъ», того же вѣса каждый, и два, съ ясными знаками отруба на одномъ концѣ, равняющихся половинѣ его, т. е. около 22 золотниковъ.

Въ сороковыхъ годахъ былъ найденъ въ низовьи Волги, на развалинахъ Сарая, серебряный слитокъ, равняющійся вѣсу ста 80-ти-дольныхъ диргемовъ. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ его только-что учрежденному тогда Нумизматическому Обществу, изъ котораго образовалось нынѣшнее Императорское Русское Археологическое; но рѣдкій слитокъ куда-то исчезъ, оставивъ однако, слѣдъ: мѣсто находки и имя лица, его откопавшаго, неизвѣстно только кто и куда спровадилъ дорогой образецъ большой древней гривны нашей.

Вотъ тѣ данныя, основываясь на которыхъ, будетъ излишнимъ прибѣгать къ гривѣ коня и къ шейнымъ обручамъ для отысканія причины, давшей имя крупной серебряной единицѣ цѣнности.

Эти же данныя объясняютъ, почему такъ долговѣчна была «куна» изъ всѣхъ шкурныхъ единицъ «Памети» 1492 года: шкурки этого звѣрка принесли въ страну Ильменскую крупную серебряную единицу, мелкими кусочками которой мѣховые торговцы платили звѣроловамъ на мѣстѣ; эти-то кусочки, какъ выразители стои-

мости куньей шкурки, и названы «кунами», сдѣлавшись въ послѣдствіи размѣнными.

Различные мѣха: собольи, куньи, лисьи, бѣличьи и проч. различно и оплачивались, что вызвало и различнаго вѣса гривны съ самыхъ первыхъ временъ занесенія серебряныхъ брусковъ въ нашу страну.

Какъ далеко отъ начальной Русской лѣтописи то время, когда впервые принесено серебро въ Ильменскую страну и когда появилась гривна, мы можемъ представить только косвенныя доказательства.

Если Ибнъ-Даста, жившій въ IX—X вѣкѣ, говоритъ объ укоренившейся въ Багдадахъ мѣховой роскоши къ его времени, стало быть русскіе торговцы давно познакомили азіатовъ съ произведеніями своей страны; также давно Ильменцы внесли и серебряную гривну.

На полуночныхъ окраинахъ Европейской Россіи кочевники и теперь еще ведутъ счетъ мѣховъ сороками, между тѣмъ прошло уже болѣе тысячи лѣтъ съ основанія на Ильменско-Волховскомъ побережьи нашей государственной жизни. Городъ Коло и Поморье упоминаются въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ, сохранившихся до насъ только отъ половины XIII в., но во всѣхъ 18-ти перечисляются однѣ и тѣ же волости Новгородскія;—онѣ же, конечно, значились и въ грамотахъ погибшихъ. Счетъ сороками начался тамъ, вѣроятно, одновременно съ возникновеніемъ Колы, поселенія Ильменцевъ. Въ Уставной грамотѣ князя Новгородскаго Святослава Ольговича о пожертвованіи въ домъ Св. Софіи части своихъ доходовъ, изданной въ 1115 году, количество сборовъ по полночной окраинѣ Ильменской страны опредѣляется какъ сороками, такъ и гривнами,

и притомъ не Новгородскими только, но и Волжскими. Стало быть серебряныя единицы проникли уже далеко на полночь. Слѣдуетъ замѣтить, что въ одной мѣстности взимается гривна, а въ другой сорочекъ, что указываетъ на одинаковое достоинство обѣихъ единицъ. Въ той же грамотѣ сказывается, что нѣкто «Доможиричъ изъ Онѣга» выдаетъ «гривны новыхъ кунъ»—то есть изданныя въ Онежской землѣ и, вѣроятно, изъ мѣстнаго серебра, которое добывалось тамъ даже во времена Петра Великаго. Уставъ говоритъ не о новыхъ гривнахъ, а о гривнахъ новыхъ кунъ, то есть о новыхъ размѣнныхъ единицахъ, худшаго, быть можетъ, чѣмъ прежнее серебро. Это послѣднее обстоятельство находитъ подтвержденіе въ пробахъ серебра Новгородомъ собранія графа И. И. Толстого, предѣлы которыхъ приходятся между 94 и 78 долями чистаго серебра на золотникъ.

Такимъ образомъ должно было пройти большому времени, чтобы вытѣснить мѣховыя цѣнности серебромъ. Для этого нужно приурочить всѣ первые предметы быта къ единицамъ опредѣленнаго вѣса. Чтобы сталъ дѣлать звѣроловъ хотя бы съ самыми крупными кусками серебра, еслибы не имѣлъ для нихъ сбыта за хлѣбъ, за одежду, за оружіе и проч. Сибирскіе полудикіе инородцы и кочевники Мезенскіе и теперь еще принимаютъ въ уплату за свои мѣха съ большею радостью порохъ, ружье, хлѣбъ и, къ глубокому сожалѣнію, водку, чѣмъ рубли серебряныя и бумажныя, за неимѣніемъ для нихъ безобиднаго сбыта.

И такъ гривна является звеномъ, связующимъ насельниковъ страны Ильменской съ племенемъ курганнымъ, въ могилахъ котораго покоятся диргемы, продолжаю-

щихъ сношенія съ Азією въ вѣка, далеко опередившіе начальную Русскую лѣтопись, — и внесшихъ въ нашу рѣчь имя серебряной единицы цѣнности, обще-употребительное и общепонятное народу Русскому за все время его письменности.

Въ Русской Правдѣ встрѣчаются два неразгаданныхъ имени, несомнѣнно личныхъ, — это «Колбягъ» и «Смердъ»; послѣднее повторяется и въ лѣтописи, и въ памятникахъ позднихъ сравнительно съ кратчайшимъ спискомъ сборника судебныхъ обычаевъ.

Исслѣдователи предметовъ, туго поддающихся объясненію, прибѣгаютъ очень часто къ избитому приему — находить въ словѣ, его означающемъ, описку или порчу невѣжественнымъ переписчикомъ.

Къ слову Колбягъ этотъ приемъ можетъ быть примѣненъ безнаказанно: оно встрѣчается всего одинъ разъ и тѣмъ представляетъ обширное поле для толкованій. Воздержимся отъ изложенія предлагаемыхъ учеными объясненій этого имени и прямо приступимъ къ дѣлу.

Корень, составляющій первую половину разсматриваемаго слова, мы видѣли въ Коломахъ, Коломцахъ и проч. Вторая половина слышится весьма часто среди Ильменскихъ бережанъ, а также въ уѣздахъ Боровичскомъ, Устюжскомъ, Тихвинскомъ и Валдайскомъ; быть можетъ она слышится и въ другихъ мѣстахъ, но мы тамъ не имѣли наблюденій. — Наши Ильменцы говорятъ вмѣсто — *бтги*, *бтги*. При такомъ сочетаніи обѣихъ половинокъ слова можно бы узнать въ Колбягѣ бѣглеца изъ своего дома, бродягу бездомнаго. Но Русская Правда ставитъ его на ряду съ гражданами, ничѣмъ не опроченными, назначая за голову Колбяга одинаковую съ

прочими высшую пеню въ 40 гривенъ, по одному списку, и въ 80 — по другому.

Въ Писцовой Книгѣ Обонежской пятины, нагорной половины, начала XVI в. описываются селенія «въ Колбегахъ»; теперь существуетъ въ Тихвинскомъ уѣздѣ Колбежскій погостъ.

Одна наличность этихъ именъ не позволяетъ на нихъ только и остановиться; о судьбѣ поселковъ «Колбежскаго погоста» не имѣется въ другихъ, кромѣ Писцовой Книги, никакихъ свѣдѣній, что говорить о заурядномъ значеніи ихъ въ пятинѣ, не заслуживающемъ того отличія, которое Русская Правда присвоила Колбягу.

Изысканія ученыхъ антропологовъ — народовѣдовъ объ инородцахъ Приуралья приводятъ ихъ къ заключенію, что когда-то, во времена незапамятно давнія, орды короткоголовыхъ Урало-Алтайцевъ хлынули въ предѣлы полуночно-восточной Россіи большою волною; остановленные же въ дальнѣйшемъ движеніи отъ Камы до Оки и вверхъ по Волгѣ, они, частію, тутъ и осѣли, частію же побрели къ тундрѣ и къ Ледовитому побережью. Въ настоящее время короткоголовое племя этихъ находниковъ занимаетъ осѣдло и кочевьями площадь, охватывающую, дугою съ полночно-восточной стороны, земли Велико-Новгородскаго державства отъ Мезенской губы и до Камско-Волжской рѣчной области включительно, если не причислять къ этой же волнѣ Лопарей и Финновъ, представляющихся болѣе ранними выходцами изъ тѣхъ же Урало-Алтайскихъ предѣловъ.

Нагорная половина пятины Обонежской съ Колбегами и часть Бѣжецкой заходятъ въ земли Веси и Мери перво-лѣтописныхъ годовъ. Раскопки Мерянскихъ могилъ

указали, что уже сказано, на залеганіе въ древнѣйшихъ усыпальницахъ съ каменными орудіями насельниковъ длинноголовыхъ, тогда какъ въ могилахъ болѣе позднихъ, относящихся, судя по серебрянымъ единицамъ цѣнности куфическимъ, Византійскимъ первыхъ пяти—семи вѣковъ по Р. Х. и даже Нѣмецкимъ XII вѣка, къ концу желѣзнаго вѣка. Вѣроятно, поэтому, что нѣкоторая часть послѣдней долѣтописной волны Урало-Алтайцевъ засѣла въ сосѣднихъ съ Ильменскою странюю земляхъ Мери и Веси.

Чтобы удержать отъ дальнѣйшаго наступательнаго движенія, или угнать назадъ нежеланныхъ находниковъ, вовсе Ильменцамъ неизвѣстныхъ, они должны были принять мѣры предосторожности на восточной границѣ земли своей, учредивъ, на примѣръ, дружины сторожевыхъ бѣгуновъ-наѣздниковъ, которые жили въ удобовозводимыхъ или переносныхъ, маленькихъ шалашахъ—«коло». Народъ могъ прозвать передвижные ихъ поселки Колбями, по мѣстному говору, перешедшему затѣмъ и въ общую рѣчь. Убійство этихъ стражниковъ не могло быть не приравнено, по размѣру пени за голову, къ возмездію за насильственное лишеніе жизни почетныхъ служилыхъ людей.

Предлагаемое объясненіе вводитъ Ильменцевъ въ тѣ долѣтописные вѣка, которые сопровождали выходъ короткоголовыхъ Урало-Алтайцевъ въ полуночно-восточную часть нынѣшней Россіи, и потомки которыхъ, подъ именемъ Чувашей, Черемисовъ, Мордвы, Тетярей и другихъ, смѣшались съ ближайшими коренными насельниками, попортивъ чистоту крови ихъ.

Еще болѣе загадочными являются Смерды, хотя они

оставили болѣе, чѣмъ Колбяти, слѣдовъ для изысканій. Изъ Русской Правды видно, что это было какое-то сословіе, имѣвшее своего тиуна, сборщика ли податей или иное должностное лицо. Въ нынѣшнихъ Новгородскихъ и Псковскихъ уѣздахъ имѣются селенія «Смердыни» и рѣка «Смердомля».

Въ церковно-Славянскомъ языкѣ встрѣчаются выраженія «смердить» (слова сестры Лазаря, обращенныя ко Христу, когда Спаситель направился къ могилѣ своего любимца), «песъ смердящій»—и другія. Пробовали объяснить нашихъ Смердовъ нечистоплотностью ихъ; но причемъ тогда былъ-бы «тиунъ смердій»?

При обширной торговлѣ Ильменцевъ мѣхами и кожами могли быть цѣлыя поселки скорняковъ и кожевенниковъ. А этотъ промыселъ и теперь сопровождается смрадомъ, не смотря на изобрѣтеніе и открытіе многихъ жидкихъ и твердыхъ веществъ, уничтожающихъ зловоніе. По городамъ и теперь не дозволяется учрежденіе кожевенныхъ заводовъ. Между тѣмъ такой неблаговоный промыселъ давалъ большія прибыли производителямъ и выгоды государству; его нужно было поощрять. Возможно, что поселки скорняковъ заводились, чтобы не заражать воздухъ, въ мѣстахъ пустынныхъ, удобныхъ для хищническихъ набѣговъ и требовавшихъ усиленной охраны, государственные расходы на которую пополнялись сборомъ съ кожевенниковъ, какъ съ отдѣльнаго сословія, для котораго была учреждена и особая должность «тиуна смердыаго».

Кожевенный промыселъ возникъ, какъ мы видѣли, еще въ каменный вѣкъ; переживъ всѣ послѣдующіе вѣка и лѣтописные, онъ является, независимо отъ письменныхъ

указаній, свидѣтелемъ незапамятнаго существованія своего среди нашего народа, въ Смердахъ, въ Смердынѣ и въ рѣкѣ Смердомлѣ продолжающагося и теперь.

Мы указали достаточно основаній къ сужденію о сношеніяхъ Ильменско-Волховскихъ бережанъ съ Азією, но не привели ни одного, чтобы не считать ихъ чуждыми и Запада Европы.

Отъ временъ ледниковыхъ и озерныхъ, кромѣ болѣе чѣмъ сомнительнаго янтаря и сходства головного убора изваянія челоуѣка съ шапочкою Датскаго тумулуса, и то уже бронзоваго вѣка, мы не имѣемъ ничего для знакомства Ильменцевъ ледниковыхъ съ Западомъ Европы. Причинъ отсутствія указаній въ этомъ направленіи можно привести двѣ: непривѣтливость и пустынность полуденно-восточнаго бережья Балтійскаго моря, непроходимость верхняго теченія и середины Днѣпра и Западной Двины—одна; а другая—заселеніе этихъ мѣстностей,—послѣ того какъ они сдѣлались, путемъ естественныхъ явленій, удобными для обитанія людей,—тѣми же Ильменскими бережанами съ полуденно-западной стороны озера, гдѣ Руса, Коростыля и Голино,—продолжавшими на новомъ мѣстѣ жить при той же какъ и въ Приильменьи обстановкѣ, съ тѣми же нравами и обычаями, до тѣхъ поръ, пока не прибыли туда же новые насельники, сперва Невры полуденно-восточной вѣтви или Литовцы, а затѣмъ Тевтоны, съ одной стороны, и Готы—съ другой.

Со времени послѣднихъ находниковъ, превосходившихъ численностью Ильменскихъ выходцевъ, началось стѣсненіе ихъ Тевтонами и Готами, вызвавшее переселеніе на старожитную осѣдность. Это было въ IV и послѣдующихъ вѣкахъ по Р. Х.

Въ говорѣ нынѣшнихъ бережанъ полуденно-западной стороны Балтійскаго моря слышатся и до сихъ поръ остатки рѣчи Ильменцевъ (Куницынъ приводитъ длинный рядъ словъ, однозначущихъ и созвучныхъ съ Русскими).

Особое гоненіе вынесли Балтійскіе бережане отъ Германарика. Часть ихъ, Эстіяне (ничего общаго неимѣющіе съ нынѣшними Эстами), выселилась въ Ильменскую страну и осѣла въ болотистой мѣстности, на полночь отъ нашего озера, по нижнему теченію рѣки Ниши, между нею и Мстою. Тутъ до сихъ поръ существуетъ большое селеніе «Эстьяны». Другая часть, повидимому, болѣе обширная, перебралась тоже въ Ильменскую страну, много дальше Эстьянъ, и заняла мѣстность также въ полночномъ къ востоку направленіи отъ озера. Эти переселенцы, Балтійскіе Поморяне или Померяне, слышатся въ Мерянахъ.

Исслѣдователь быта Мерянъ по курганнымъ раскопкамъ, гр. А. С. Уваровъ, и другіе, изучившіе курганные остатки той же земли, пришли въ нѣкоторое недоумѣніе по поводу совмѣстнаго расположенія кургановъ съ длинноголовымъ и короткоголовымъ населеніемъ, съ сожигальнымъ и погребальнымъ обрядомъ и почти при одинаковой обстановкѣ захороненія. Недоумѣніе усилилось еще болѣе при изысканіяхъ о дальнѣйшей судьбѣ Мерянъ курганныхъ. Они какъ будто всѣ разомъ вымерли, исчезнувъ съ лица земли безслѣдно. Чтобы уяснить такое странное, на первый взглядъ, явленіе, изслѣдователи заключили, что все Мерянское племя поглотили Новгородцы, выселявшіеся послѣдовательно въ землю его большими ордами, — такъ что отъ этого племени, зани-

мавшего огромную площадь по обѣимъ сторонамъ области средняго теченія Волги и нижняго Оки (въ земляхъ Вологодской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Вятской) не сохранилось ничего, кромѣ Курганной обстановки и за исключеніемъ названій жилыхъ мѣстъ и урочищъ съ корнемъ *Мер* и *Нер*, о которомъ уже сказано.

Въ Вотьской пятинѣ есть большое село Померанье, въ области рѣкъ Тигоды и Тосны. Первою можно плыть въ Волховъ нижняго теченія, а второю, чрезъ ея притоки и заливаемыя весною старицы—въ Ладожское озеро, въ Неву и Лугу. Въ Мерянскихъ могилахъ встрѣчаются, какъ мы замѣтили, единицы цѣнности Нѣмецкія даже XII в., куфическія и Греческія отъ VI и XIII вв. Въ Мерянской землѣ сидѣли Невры древней Сибирской вѣтви. Въ Балтійскомъ поморьи полуденной и полуденно-восточной стороны жили Невры другой вѣтви, позднѣйшей (Нурская страна Шафарика), или Литовцы власти верховнаго жреца Криве-Криветто. Все это, вмѣстѣ взятое говоритъ, что Невры обѣихъ вѣтвей, Померяне Балтійскіе, основатели Померанья Тигодскаго, Меря начальной нашей лѣтописи — вѣтви одного корня, потомки одного родоначалія, говорившіе одною рѣчью и державшіе одинаковые обычаи, а корень этотъ—ледниковые Европейцы Ильменско-Волховскаго побережья. Оттого Меряне скоро и слились съ Новгородцами, помимо поглощенія племени слабаго болѣе сильнымъ, оттого исчезли и Невры Сибирскіе, оттого и языкъ Славяно-Литовскій представляется прародителемъ семьи Европейскихъ языковъ.

Потомки Мерянь, выходцевъ Прибалтійскихъ, уже слившіеся съ Ильменцами-Новгородцами, продолжали

сношенія и съ оставшимися въ Прусской Помераніи своими родичами, на что указываютъ Нѣмецкія единицы цѣнности, по примѣру Ильменцевъ-Новгородцевъ, узнавшихъ Балтійское Поморье отъ выходцевъ-побережанъ полуденно-западной стороны Ильменя, прозванныхъ Русами по старому поселку ихъ на берегахъ рѣки Полисти—Русь.

Они же, эти Ильменскіе выходцы—Померяне, были, повидимому и тѣми Варягами (не ихъ ли именемъ звать рѣка Веряжа, пробѣгающая недалеко отъ Новгорода, съ западно-полуденной стороны и вливающаяся въ Ильмень?) которые казачничали, то-есть, не имѣя прочной осѣдлости, нанимались на службу къ богатымъ землевладѣльцамъ и державцамъ для работъ, требующихъ молодецкой отваги и удалства, особенно нужныхъ, по тогдашнимъ понятіямъ о доблестяхъ, во внезапныхъ набѣгахъ для хищническаго обогащенія.

Многіе изслѣдователи видятъ еще и теперь въ Варягахъ какое-то особое, чуждое для насъ, племя. Однако же ни наземные, — кромѣ Новгородской Веряжи и Балтійскаго моря, называемаго Варяжскимъ, — ни ископаемые памятники не даютъ, ни въ черепахъ, ни въ погребальной обстановкѣ, ровно ничего, указывающаго на какія либо племенные особенности Варяговъ. Что такое Варяжскій черепъ, что такое Варяжская могила, что такое наконецъ языкъ Варяговъ, — никто не можетъ толкомъ объяснить, потому что ни того, ни другого, ни третьяго нѣтъ и не было въ Россіи; причина всему этому одна: Варяги тѣ же Ильменцы, жившіе впоследствии около Балтійскаго моря.

Новгородская лѣтопись имѣетъ не мало отмѣтокъ о томъ,

какъ «ходили люди молодые» или «молодцы» туда-то и туда-то,—и все водяными путями, возвращаясь домой съ богатою добычею. Если грабительство и хищничество ихъ вызывало ропотъ удѣльныхъ князей, подданныхъ которыхъ «молодцы» разоряли, — лѣтописецъ отмѣчалъ, что «молодцы ходили безъ Новгородскаго слова»; а если грабежъ не вызывалъ ропота и этой прибавки не заносилось въ памятуху,—значить Новгородскіе молодцы ходили съ вѣдома Вѣча, т. е. высшей государственной власти. Вотъ и Варяги!

Профессоръ А. П. Богдановъ высказалъ въ одномъ изъ трудовъ своихъ, что Варяги—это *Воряги*,—т. е. завзятые воры.

Говорятъ, будто наши первоклассные князья были чужеземцы-Варяги. Между тѣмъ ни въ домашній жизни, ни въ обрядахъ похоронныхъ—языческихъ, не видно ничего не Русскаго: они и ихъ бояре рядились, какъ состоятельные азіатскіе богданцы, зимою и лѣтомъ въ широкія дорогія шубы и шапки, сидѣли, какъ азіаты же, на коврѣ и проч. (Въ Лавр. лѣт. подъ 1100 годомъ записана рѣчь Владиміра Мономаха, обращенная къ Давиду Игоревичу, большому смутьяну;—«се еси пришелъ и сидишь съ братьею своею на одномъ коврѣ» и т. д.).

Скандинавскіе саги и лѣтописцы приводятъ много случаевъ то сближеній, то разрывовъ съ нашими Ильменскими державцами князей и королей ихъ, съ отдаленныхъ временъ. Они сказываютъ, напимѣръ, о княженіи въ Новгородѣ, по избранію гражданъ, Ивора. На Славенской сторонѣ, въ Славенскомъ концѣ, была съ до-лѣтописныхъ временъ Иворова улица. Въ предѣлахъ ея находился, по нашимъ изысканіямъ, Посадничій дво-

рецъ, остатки котораго еще сохраняются, благодаря просвѣщенному вниманію къ старинѣ собственника, А. В. Ильчина, владѣющаго значительною частью мѣста этого дворца и его окрестностей.

Если черепъ свидѣтель родства, сближеніе Скандинавовъ съ Новгородцами естественно—Ильменскіе Славяне и Скандинавы длинноголовы.

О значеніи сагъ и былинъ для нашего далекаго прошлаго мы уже говорили.

Единственнымъ памятникомъ, повѣствующимъ ясно и рѣшительно о близости сношеній Ильменцевъ съ Балтійскими побережанами всякихъ наименованій за многіе столѣтія до начала Русской лѣтописи, служатъ «Скры Новгородскія», названныя такъ не самими Ильменцами, а обитателями Любека, знаменитаго въ древности обширностью торговыхъ сношеній. *Скры*—это написанныя на пергаментѣ правила для Любчанъ, проживавшихъ въ Новгородѣ по торговымъ дѣламъ. Ученый изслѣдователь древнихъ законовъ Нѣмецкихъ, Шведскихъ, Норвежскихъ и Датскихъ, Сарторіусъ, находитъ, что языкъ, на которомъ написаны Скры Новгородскія, древнѣе языка всѣхъ самыхъ древнихъ Любскихъ законовъ. Что за слово *Скра*—еще необъяснено, между тѣмъ въ немъ слышится Коломецкій скребокъ и Новгородская *скора*—шкура. Значить Скра—названіе вещества, на которомъ написаны Любскія правила, т. е. пергамента.

Издавна установилось положеніе, что пергаментъ—изобрѣтеніе Греческое и, какъ единственное вещество, наиболѣе удобное для писанья, цѣнилось очень дорого, пока не придумали замѣнить его болѣе дешевымъ, бумагою, впервые сдѣланною въ Китаѣ. Скры Новгородскія и

древнѣйшій промыселъ кожевенный, осязательно выразившійся въ Коломецкихъ находкахъ, могутъ быть хорошими свидѣтелями снабженія Ильменцами Западной Европы не только воскомъ на богослуженныя и домашныя нужды, но и веществомъ для писанія богослуженныхъ и всякихъ другихъ книгъ. Если Любчане называли это вещество скрою, чисто Славянскимъ словомъ, значитъ оно было въ числѣ предметовъ торговли и общеизвѣстно подъ этимъ именемъ.

Одновременно ли съ движеніемъ Ильменцевъ-побережанъ полуденно-западной стороны къ Балтійскому морю, раньше ли или позже первоначальники нашей страны направилась на полдень, по Ловати и далѣе, переваливъ за Оковскій лѣсъ, по Днѣпру? Въ долѣтописныя времена тамъ сидѣли Древяне и Сѣверяне. Главные города въ землѣ ихъ — Новградъ-Волынскій, Новградъ-Сѣверскій и Деревская пятинка Ильменской земли свидѣтельствуютъ, что Поднѣпровье средняго и ниже средняго теченія заселено именно Ильменцами. Когда же на нашемъ побережьи объявился Новгородъ, и тамъ возникли названные города, ему соименные. Въ отличіе отъ вновь возникшихъ и какъ важнѣйшій и старѣйшій, нашъ городъ получилъ прозваніе Великаго въ долѣтописныя же времена.

Если сказаніе о путешествіи апостола Андрея Первозваннаго не вымыселъ, Кіева еще не существовало въ первые годы по Р. Х. Сказаніе объ Аскольдѣ и Дирѣ, хотя и не получило еще достовѣрности бытовой истины, но тѣмъ не менѣе наименованіе первозаимщиковъ горъ Кіевскихъ Полянами ведетъ за ними, т. е. за Аскольдомъ, Диромъ и Полянами въ страну равнинъ, къ

Западной Двинѣ, къ Нѣману и Вислѣ, гдѣ сидѣли Невры-Литовцы уже въ сообществѣ съ Ильменцами-Русами.

Въ древнихъ спискахъ Новгородской лѣтописи и въ грамотѣ князя Мстислава Владиміровича, данной Юрьеву монастырю не позднѣе 1125 г., извѣстны Русская дорога и Русь какъ земля Кіевская; выраженіе «ходить въ Русь» значитъ ходить въ Кіевскіе предѣлы; Русская дорога вела, по западно-полуденному побережью Ильменя, къ Русѣ и къ Кіеву.

Намѣченный начальною лѣтописью и Византійскими писателями болѣе ранняго времени путь «изъ Варягъ въ Греки» лежалъ черезъ Новгородъ, Ильменемъ, Ловатью, волокомъ (т. е. горою, а не водою) до Днѣпра и Днѣпромъ; Гелонъ Геродотова могла ознакомить съ нимъ нашихъ бережанъ раньше чѣмъ за 500 лѣтъ до Р. Х., что указываетъ на вѣроятность занятія земель Сѣверянской и Деревской, или Древянской — даже около этого времени. Увлекаемые соблазномъ диковинокъ, доставлявшихся Гелонцами, Милетскими выходцами, «молодцы» Ильменскіе и сами хаживали, конечно, «въ Греки», помимо Гелонцевъ, и, облюбовавъ мѣста, ближайшія къ Греціи, основались въ Поднѣпровьи. Горы Кіевскія приходятся посрединѣ между Сѣверянской и Древянской осѣдлостями; почему Ильменцы не заняли и ихъ, по неудобству ли мѣстности, какъ гористой, или потому, что она открыта для внезапныхъ нападеній бродившихъ по близости хищныхъ кочевниковъ, — объяснять дальнѣйшія изысканія, хотя можно предположить и теперь, что ближайшею причиною было заселеніе уже ея

тѣми Неврами, которыхъ змѣи принудили перебраться въ страну Будиновъ.

Мы видимъ въ привезенныхъ показаніяхъ слѣды движенія Славянъ къ Кіеву отъ Ильмена, — между тѣмъ начальная лѣтопись ведетъ Славянъ на Днѣпръ и къ Ильмену съ Дуная—какъ разъ въ обратномъ порядкѣ.

Коломецкія находки устраняють это противорѣчіе и ставятъ проникновеніе его въ начальную лѣтопись въ зависимость отъ времени ея зарожденія и качества лица, сохранившаго намъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

Преподобный Несторъ, отецъ начальной Русской лѣтописи, былъ начитанъ Греческихъ книгъ. Греки знали сперва однихъ только Славянъ Дунайскихъ, съ Днѣпровскими же и другими внутренней Европы они ознакомились позднѣе, и едва ли раньше Атиллы и Готовъ. И Несторъ, и продолжатель его Лаврентій были Кіево-Печерскіе иноки, проникнутые духомъ православія, разсадникомъ котораго для Руси послужили Греція и Болгарія Дунайская. Подчиняясь этимъ двумъ двигателямъ, Греческой учености и Греко-Болгарскому православію, отецъ Русской лѣтописи не могъ видѣть родины Славянъ не тамъ, гдѣ она была по сказаніямъ Греческихъ православныхъ писателей, т. е. внѣ Дунайскихъ предѣловъ, и искать прародителя ихъ внѣ Ноева семейства, въ лицѣ Гафета.

Коломецкія находки выдвинули изъ-подъ мощнаго пласта озерныхъ образованій многочисленное поселеніе ледниковыхъ Европейцевъ съ несомнѣнными свидѣтельствами высокаго ихъ развитія, занявшихъ огромную площадь, едва только очищенную отступавшимъ ледникомъ и годною для обитанія людей. Откуда пришли

эти первоначальники нашего побережья, и гдѣ они развивались до появленія здѣсь? Геологія и народовѣдѣніе отвѣчаютъ на оба вопроса согласно: первоначальники Ильменско-Волховскаго побережья пришли сюда изъ срединной Россіи, изъ той черноземной полосы ея, на поверхности которой великій Скандинаво-Русскій ледникъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своего пребыванія и которая была, поэтому, возможна для обитанія людей и развитія ихъ въ продолженіе всего ряда вѣковъ ледниковыхъ. Отсюда разошлось длинноголовое челоуѣчество по всѣмъ землямъ Европы, гдѣ оно находило средства и способы къ дальнѣйшему своему росту и гдѣ оставило свои кости.

И такъ, въ лѣтописи нашей слышатся, хотя глухіе, отдаленные и маловнятные, но все-таки уловимые отклики говора череповъ и бытовыхъ остатковъ ископаемыхъ и наземныхъ; смыслъ ихъ тотъ же, что въ рѣчи, обычаяхъ и вѣрованіи: *населенники Ильменско-Волховскаго побережья и земель Велико-Новгородскаго державства неотлучно сидѣли, съ ледниковыхъ временъ до лѣтописныхъ, и до сихъ поръ сидятъ, на старожитныхъ мѣстахъ своихъ отдаленныхъ праотцевъ. Самое же побережье является колыбелью Великорусскаго народа и средоточіемъ духовнаго развитія и благосостоянія для населенія полуночья не только Европы, но и Азии въ продолженіе каменнаго вѣка.*

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
64	29	асбестъ	абсестъ.
89	24	раскапываль	раскалываль
90	12	труда	круга.
97	28	когтевому	погтевому
162	10	Верстахъ въ 60	Верстахъ въ 35.
187	14	Словенскомъ	Славенскомъ
225	1	за 15	за 9
233	9	западныхъ	западные.
244	7	Укропникъ	Укропникъ.
250	9	та часть	часть.
253	7	гнилого	жилого
269	24	горѣвшей	горѣвшій.
270	4	начетомъ	началомъ
273	9	Разбеликъ	Радбеликъ.
278	1	Ладійскій	Лидійскій.
—	10	премудрости Вѣра.	премудрости. Вѣра
280	1	подъ которымъ	надъ которымъ
303	24	съ камнями	съ каеями
332	14	первоклассные	перволѣтописные.
334	21	ему соименные. Въ	ему соименные, въ